

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 4

(655)

ПОЛКОВОДЦЫ
И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Сборник

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

63.3(2)722.78
П 51

Составитель —
кандидат исторических наук,
полковник А. Н. ҚИСЕЛЕВ

Научный редактор —
кандидат исторических наук,
полковник в отставке В. Е. БЫСТРОВ

МИХАИЛ КАТУКОВ
КИРИЛЛ МЕРЕЦКОВ
ИВАН ПЕРЕСЫПКИН
КОНСТАНТИН ВЕРШИНИН
СЕРГЕЙ БИРЮЗОВ
ВЛАДИМИР ТРИБУЦ

П 4702010200—150 153—85
078(02)—85

© Издательство «Молодая гвардия», 1985 г.

Маршал бронетанковых войск Михаил КАТУКОВ

...Октябрь 1941 года. Танковые и механизированные армады гитлеровского генерала Гудериана стремительно продвигались к Москве. 3 октября один из самых боеспособных его корпусов — 24-й моторизованный — с ходу ворвался в Орел. Войска Брянского фронта, прикрывавшие здесь дальние подступы к советской столице, были расчленены превосходящими силами противника. Гитлеровское командование ликовало. И было отчего: путь на Москву в первых числах октября, по сути, был свободен.

Ставка Верховного Главнокомандования принимала энергичные меры, чтобы закрыть образовавшуюся брешь. В район вражеского прорыва перебрасывались войска. На месте их предполагалось объединить в 1-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко.

В состав корпуса была включена дислоцировавшаяся под Москвой в районе станции Кубинка 4-я танковая бригада. Поднятая 2 октября еще до рассвета по боевой тревоге, она немедленно стала грузиться в эшелоны. А ее командир полковник Катукوف был вызван к телефону начальником главного автобронетанкового управления Наркомата обороны генерал-лейтенантом танковых войск Я. Н. Федоренко,

— Торопитесь, товарищ Катукوف, — ответил на приветствие, быстро заговорил Федоренко. — Задание сверхответственное и решено там. — Федоренко выделил слово «там», дав понять, что решение послать 4-ю танковую бригаду под Орел принято в самых высоких инстанциях военного руководства. — Главное: закрыть Гудериану дорогу на Тулу.

— Слушаюсь, Яков Николаевич! Сделаю все возможное.

— Мало! Там требуется невозможное... У Гудериана танков махина, а у вас — кот наплакал. В корпусе Лелюшенко, кроме вашей бригады, пока танковых соединений нет. Да и на место вы придете первыми.

С Федоренко Катукوف был знаком и даже дружен по совместной довоенной службе, Заняв ответственный пост

в армии, Федоренко с бывшими сослуживцами-товарищами обращался по-прежнему приветливо и заботливо. Но забота его была особой. Своим товарищам он поручал самые трудные дела, помогал им, но и требовал с них строже, чем с других.

Чуть начало светать, когда бригада была уже погружена в эшелоны. Ехали быстро, без остановок. Катукوف решил отдохнуть. Но вздремнуть не удалось. Мысли и воспоминания, набегаая друг на друга, разгоняли сон. Что ж, может быть, человек так и устроен, может быть, ему нужно подводить итоги какого-то этапа в своей жизни, прежде чем вступить в другой. В военной судьбе Катукова как раз наметилась такая грань, и потребность осмыслить недавнее прошлое прочно овладела им.

В войну Катукوف вступил командиром 20-й танковой дивизии, входившей в состав 9-го механизированного корпуса генерал-майора К. К. Рокоссовского. Дивизия находилась в стадии переформирования и далеко еще не была укомплектована людьми и техникой. Танки КВ и Т-34 еще не поступили: имелось лишь 33 устаревших танка БТ-2 и БТ-3. Артиллерийский полк получил только гаубицы, мотострелковый полк оказался вообще без артиллерии, понтонный батальон — без понтонов. Батальон связи располагал лишь учебной аппаратурой.

Сам Катукوف в первый день войны находился в Киевском окружном военном госпитале, где перенес тяжелую операцию: шов еще не совсем зарубцевался, температура доходила до 38°. С трудом уговорив врачей о выписке, он на попутных машинах уже 23 июня добрался до дивизии, вышедшей навстречу вражеским войскам, рвавшимся к Новоград-Волыньскому. На следующий день, 24 июня, у местечка Клевань дивизия атаковала моторизованные части 13-й танковой дивизии противника.

Первый бой запоминается навсегда, во всех подробностях. Но сейчас подробности мешали Катукوفу. Он еще и еще раз обдумывал приемы, которые помогли ему тогда нанести довольно ощутимый урон противнику. Прежде всего танковые засады. Посредством их уязвимые во всех отношениях БТ-2 и БТ-3 вывели из строя немало немецких танков. Правда, в этом бою дивизия потеряла все танки. Но за каждый из них противник расплачивался несколькими своими. В последующих боях хорошо показала себя и другая хитрость — «кочующие» орудия. Артиллерийские батареи меняли позиции днем и ночью — у про-

тивника складывалось впечатление, будто он имеет дело с крупными артиллерийскими силами.

Вспомнилась и еще одна хитрость. Катукоев уже за- был, кто именно ее предложил. Дело в том, что пехота противника с первых дней войны стала бояться танков Т-34. Но в дивизии, как и во многих других танковых соединениях, их не было. Как-то Катукоев подошел к группе командиров, о чем-то оживленно споривших.

— А что? Сделать макеты. А где-нибудь рядом поста- вить настоящие орудия, — сказал кто-то из командиров.

— Фрицы увидят — сразу драцу! — язвил другой командир.

— А что? — не сдавался первый. — Пехота наверня- ка испугается.

— М-да. Голь на выдумки хитра, — заметил кто-то из собравшихся.

Увидев Катукоева, командиры вытянулись.

— Вольно! — скомандовал Катукоев. — «Голь на вы- думки хитра», — повторил он. — А ведь это про умных людей поговорка. Мысль о макетах — дело стоящее. Об- мозгуем.

И обмозговали. Обшили фанерой «под Т-34» несколько вышедших из строя транспортных машин, приделали к ним деревянные стволы и выкрасили все это в защит- ный цвет. Замаскированные в кустарниках и на опуш- ках леса, но так, чтоб противник мог обнаружить их, эти пугала выглядели как затаившиеся в засаде подлин- ные тридцатьчетверки. Рядом вели огонь по противнику и «кочевали» настоящие пушки. И действительно, такие ложные засады производили сильное впечатление на вра- жескую пехоту. В районах этих засад она не лезла на- пролом. Позже, когда противник захватывал такие «тан- ки», фашистские газеты немало потешались над «русской фанерной техникой». Но смеется тот, кто смеется послед- ним: войны дивизии Катукоева не раз были свидетеля- ми того, как пехота противника оторопело останавли- валась, заметив «засады» «тридцатьчетверок», или как фашистская авиация остервенело бомбила эти «заса- ды». Хорошо зарекомендовали себя и ложные укрепления.

В разгар боев Катукоев неожиданно получил приказ: сдать дивизию заместителю и отбыть в Москву в распо- ряжение Я. Н. Федоренко.

Яков Николаевич встретил приветливо, но сразу при- казным тоном объявил:

— Вот что, товарищ Катукоев, вы назначены коман- диром 4-й танковой бригады.

— Бригады? — с недоумением спросил Катукоев.

— Успокойтесь, воевали вы хорошо. К ордену Крас- ного Знамени представлены. Поэтому и бригаду даем. — Федоренко встал, молча прошелся по кабинету, вздохнул и наконец объяснил: — Механизированные корпуса и танковые дивизии расформируются. Техники не хва- тает. Промышленность-то: половина на колесах, половина перестраивается. Решено создать танковые соединения меньших масштабов — бригады. Отберем в них все луч- шее, что есть: людей и преимущественно новую технику... Ваша бригада формируется под Сталинградом. Готовьте ее так, чтобы она ни в чем немецкой танковой дивизии не уступала.

Командный состав бригады был подобран до приезда Катукоева. Комиссаром был назначен полковой комиссар М. Ф. Бойко, начальником штаба — подполковник П. В. Кульвинский, начальником политотдела — старший батальонный комиссар И. Г. Деревянкин, начальником оперативного отдела капитан М. Т. Никитин, помощником по технической части капитан П. Г. Дынер. Говорят: пер- вое впечатление — всегда и последнее. Так это или не так, но и при первом знакомстве и особенно впослед- ствии Катукоев был очень доволен своими помощниками.

Незадолго до приезда Катукоева в лагерь танкистов под Сталинградом прибыла комиссия из Москвы для отбора в бригаду наиболее опытных механиков-водителей, ба- шенных стрелков, командиров и политработников. Катукоев и Бойко включились в работу комиссии, стремясь отобрать лучших из лучших. А выбирать приходилось действительно из лучших. Бригада комплектовалась из личного состава выведенной с фронта 15-й танковой ди- визии. Комиссия и командование бригады получили огромное количество заявлений, в которых танкисты кля- лись сражаться за Родину до последнего дыхания. Каж- дый входивший в кабинет, где работала комиссия, про- сил, требовал, старался как можно убедительнее дока- зать, что его обязательно нужно зачислить в бригаду. И как трудно было отказывать кому-либо из них! Все эти люди рвались на святое дело и, главное, знали, что их ожидает: каждый уже побывал в боях с фашистами. А отказывать приходилось. Желающих было больше, чем требовалось для укомплектования бригады.

— Ах, какой народ! — радовался Катукоев, когда бы-

ло закончено формирование бригады. — И дело свое знают, и с боевым опытом! А коммунистов и комсомольцев сколько!

Вскоре бригада стала получать технику. Первый батальон вооружался танками Т-34. Изготавливались они тут же, на Сталинградском тракторном заводе. План перевыполнялся, рабочие трудились по-фронтовому. Но Катукоев торопил, чтобы иметь больше времени для боевой учебы. Выход нашел Дынер. Однажды он пришел к Катукоеву с предложением:

— Полагаю, что заместители командиров подразделений по технической части, механики-водители и вся рота технического обеспечения должны непосредственно работать на заводе.

— А ведь идея! — обрадовался Катукоев. — И дело пойдет быстрее, а сборка — замечательная школа для изучения материальной части новых танков.

Уже на следующий день выделенные Дынером танкисты вместе с рабочими собирали на заводе детали и агрегаты новой машины. Вскоре они, как выразился Дынер, «знали ее нутро до последнего винтика».

Одновременно была развернута боевая учеба. С самого начала она была настолько приближена к условиям войны, что отличалась от нее разве только отсутствием потерь. Занятия длились по четырнадцать часов в сутки. Катукоев был неистощим на разработку комбинаций, ставивших бойцов и командиров в наиболее сложные, максимально приближенные к боевой обстановке условия. Уже после боев под Клеванью он тщательно обдумывал оправдавшие себя тогда приемы действий танковых подразделений в условиях превосходства противника в танках и авиации. Он отобрал из них наиболее типичные, соединил их в единую принципиальную схему. Основные ее положения обсудил на совещании командования бригады. И был рад, получив дельные предложения от своих помощников.

Суть разработанной Катукоевым схемы лучше изложить его словами:

«Мотострелки располагаются в обороне, предварительно отрыв настоящие окопы и ложные. В ложных ставятся макеты пушек и пулеметов. Часть этих окопов занимают небольшие группы бойцов с настоящими пулеметами. На их долю выпадает роль «актеров», инспирирующих передний край. Сзади, на небольшом расстоянии, идут настоящие окопы, а дальше, на танкоопасных на-

правлениях, ставятся танки — иногда взвод, иногда просто одна машина. Для маскировки танки используют местные укрытия: кустарники, деревья, скирды хлеба, стога сена, обратные скаты высот. Каждый экипаж готовит себе не одну позицию, а две-три, которые можно менять незаметно для противника. Экипажи заранее определяют ориентиры и расстояния до них. С пехотой, артиллерией, саперами заблаговременно организуется взаимодействие и устанавливается связь или по радио, или специальными сигналами, или посыльными. Все танковые экипажи должны находиться в поле зрения друг друга, готовые прийти на помощь соседу.

Противник начинает наземную и воздушную разведку. Засады не обнаруживают себя. Противник боем прощупывает передний край. В действие вступают «актеры» в ложных позициях. Танки молчат.

Авиация врага начинает бомбить ложные окопы. «Актеры» незаметно отступают ходами сообщения. И наконец, противник пускает танки в сопровождении пехоты. Наступают самые критические минуты боя.

Стрелки, артиллеристы, минометчики расстреливают пехоту противника. Засады молчат. И только тогда, когда вражеские машины подходят на 200—300 метров, засады выходят на огневую позицию и открывают огонь по атакующим в упор, наверняка. В то же время экипажи засад не выпускают из поля зрения соседей и бьют в борта прорвавшиеся танки противника. Получается косо-прицельный, перекрестный, губительный огонь.

Командир засады выходит на огневую позицию только в случае крайней необходимости. Откуда-нибудь из окопчика или из-за кустарника следит он за полем боя, намечает цели, определяет прицел и лишь после этого садится в танк, и машина выскакивает, чтобы открыть огонь. Прицел поставлен, пушка приблизительно наведена на цель. Сделав три-четыре выстрела, танк задним ходом отползает в укрытие. Долго стоять на позиции нельзя: экипаж станет жертвой прицельного огня.

Из укрытия командиры снова ведут наблюдение и снова выскакивают на позицию, но теперь уже на другую. Так повторяется несколько раз».

После обсуждения этой схемы с командованием бригады Катукоев провел совещание с командирами подразделений. Каждому из них уже пришлось иметь дело с противником, значительно превосходящим в танках и авиации. Поэтому схема Катукоева оказалась всем близкой и

понятной. Она и была положена в основу боевой подготовки бригады.

И теперь Катукоев с удовлетворением вспоминал, как инициативно командиры подразделений вели занятия по этой схеме и, подобно ему самому, изоощрялись в выборе таких ситуаций, которые требовали от экипажей сметки, быстроты реакции, великолепной выучки.

Катукоев неуклонно усложнял задачи боевой учебы.

— Важно уметь действовать не только бригадой в целом. Каждое подразделение, каждый отдельный танк нужно готовить к автономным действиям в отрыве от главных сил, — структурировал Катукоев командиров и тут же предлагал приемы, один сложнее другого, для обучения таким автономным действиям.

Тщательно отработывались различные варианты связи и разведки — им Катукоев придавал исключительно большое значение.

Вспомнилось и другое: «крушение инструкций», как шутил Бойко. Однажды на совещании комсостава зашла речь (в который уже раз!) об отсутствии тягачей для вытаскивания с поля боя поврежденных танков.

Дынер встал и коротко доложил:

— Не дают и в ближайшее время не обещают.

— Вы что-то не договариваете. — Катукоев уловил в голосе Дынера интригующую нотку: так он всегда говорил, когда находил какое-то интересное решение.

— Тридцатьчетверки и КВ могут в случае необходимости заменить тягачи... Проверяли, несколько раз проверяли. Тянут, хорошо тянут.

— Это против инструкции, — с сомнением заговорил Кульвинский.

— А... — Катукоев махнул рукой. — Завтра же проведем всесторонние испытания.

Испытания еще раз показали, что тридцатьчетверки и КВ прекрасно справлялись с задачей тягачей.

Той же инструкцией запрещалось десантировать на тридцатьчетверках и других танках пехоту. Между тем война показала высокую эффективность непосредственно и одновременного взаимодействия танков и пехоты.

— А что, если нам попробовать вот так десантировать пехоту, — предложил Катукоев Бойко, наблюдавшему вместе с ним за возвращавшимся с занятий танком, облепленным сверху пехотинцами.

— Еще раз сокрушим инструкцию, — засмеялся тот. — Я тоже думаю, что десанты на танках возможны.

И вновь занятия усложнились, дополненные отработкой действий танковых десантов. И не было случая, чтобы тридцатьчетверки и КВ, даже на сильно пересеченной местности, не выдерживали дополнительной нагрузки.

23 сентября пришел приказ: срочно погрузить бригаду в эшелоны и прибыть в район Кубинки. И вот она снова в пути.

Катукоев встал, подошел к окну, рассматривая проносившийся мимо однообразный пейзаж. Воспоминания как бы разом отхлынули, на смену им пришло другое: теперь Катукоев мысленно производил смотр своим силам. Что он имеет? Танковый полк — 49 боевых машин, мотострелковый батальон, зенитно-артиллерийский дивизион — 16 орудий, транспортная и ремонтная роты, другие вспомогательные подразделения. «Маловат кулак, — вздохнул он и тут же озорно отметил: — Мал, да удал!» И в самом деле, техника в бригаде в основном была новой — танки Т-34. Бригада представляла собой сплоченный боевой коллектив, состояла из хорошо подготовленных, имевших боевой опыт бойцов и командиров. В экипажах каждый в случае надобности мог заменить другого. Подразделения были обучены различным видам взаимодействия. А моральный дух личного состава! Кулак действительно получился удалым.

До предела занятый подготовкой бригады к предстоящим боям, Катукоев внутренне готовил к ним и самого себя. Все это хорошо: и новая техника, и квалифицированный личный состав, и все то, что дает бригаде боевая учеба. Это, конечно, принесет свои плоды. Но что должен сделать он, Катукоев, чтобы умножить эти плоды? Память постоянно сверлили слова Федоренко: «Готовьте бригаду так, чтобы она ни в чем немецкой танковой дивизии не уступала». Что ж, пожалуй, это достигнуто. 4-я танковая бригада, Катукоев был уверен в этом, способна потягаться с немецкой танковой дивизией. Но в этом ли дело? Техника внесла много нового в военное искусство. И не все, далеко не все возможности использования техники поняты — война ведь, по сути, только началась.

Сейчас эти мысли вновь овладели его сознанием. Вспомнился недавний разговор с Бойко и Кульвинским. Недовольный медлительностью действий некоторых подразделений на прошедших занятиях, Катукоев придирчиво разобрал допущенные ошибки на совещании командиров подразделений.

— Не перехватил ли ты, Михаил Ефимович? — обратился Бойко к Катухову, когда тот отпустил командиров. — В целом-то подразделения действовали неплохо. Если будут так воевать с немцами...

— Немцы нам не пример, — ответил Катухов. — Пока я не видел, чему можно у них поучиться, во всяком случае, в нашем, тактическом масштабе. Ну прут. При таком превосходстве — это дело нехитрое. А где искусство?

— Ну это ты... Твои же слова: «Нельзя недооценивать врага», — возразил Бойко.

— А я и не недооцениваю. Я считаю, что ни мы, ни немцы еще не поняли до конца возможности новой техники, танков в частности. Пока я вижу одно: немецкое командование поняло значение в современной войне массированного применения танков.

— С нашей помощью, — включился в разговор Кульвинский. — Теория массированного применения танков еще задолго до войны выдвинута и обоснована советскими военными теоретиками.

— Выучили на свою голову, — зло буркнул Катухов. — Только недоучились они. Вот будет у нас много машин, тогда посмотрим, что это такое — массированное применение танков!

— Вернись на землю! — засмеялся Бойко.

— А я на земле. Потому и заглядываю в будущее. Сейчас же... Сейчас мы уже можем успешно использовать танки и в обороне, даже при том, что у нас их намного меньше, чем у немцев. Танки! Да они такое могут! Что такое война танков? Это прежде всего искусное использование маневра, скоростей, молниеносные решения и изощренная хитрость. Это главное и в наступлении, и в обороне, при превосходстве в танках, и когда их мало — тут это даже важнее. Все дело в том, кто практически лучше это освоит — мы или противник. Поэтому я сегодня, как ты сказал, и перехватил.

Засиделись за полночь. Катухов тогда, что говорится, разошелся — говорил о вымученном, тщательно взвешенном долгими раздумьями, не раз проверенном на учениях — о непрерывной разведке, взаимодействии танков с пехотой и артиллерией, различных приемах танковых засад — обо всем, что его собеседники давно знали от него самого и чему вместе с ним учили бригаду. Они понимали, что Катухов, как это бывает с людьми, долго сосредоточенными на какой-либо идее, говорил больше са-

мому себе. Но и они увлеклись — идеи Катухова в процессе боевой учебы бригады стали их собственными.

— Плохо, очень плохо, что это у нас не получилось в масштабе всей войны, но формулу я считаю правильной. Воевать надо малой кровью, — убежденно говорил Катухов. — И сейчас от этой формулы не нужно отказываться. Во всяком случае, наша бригада должна воевать именно так.

Вспоминая сейчас этот разговор, Катухов почувствовал себя неловко. «Занесло меня тогда, — досадовал он. — Может быть, уже завтра за все эти слова придется ответ перед своей совестью держать, доказывать на деле свою правоту». Но в правоте своей Катухов был уверен и досадовал потому, что, как ему казалось, говорил тогда несколько выпрепне, а этого он терпеть не мог. «Расхвстался, едучи на рать», — мысленно ворчал он на себя.

В купе вошел Бойко,

— Отоспался, Михаил Ефимович? Подъезжаем к Мценску.

— Вижу, — ответил Катухов, кивнув на окно, за которым проливали пепелища с обугленными трубами, воронки на улицах маленького городка. — Все. Отсюда своим ходом.

Собравшись в штабном автобусе, Катухов, Кульвинский и Никитин начали обсуждать план разведки. В это время в автобус вошел приземистый человек в красноармейской плащ-палатке и каске. Это был генерал-майор Лелюшенко. Тут же провели короткое совещание.

— До вас в город вошел батальон курсантов Тульского оружейно-технического училища. На сегодня ваша бригада и этот батальон — все наши наличные силы, — информировал Лелюшенко. — Другие части и соединения корпуса на подходе. У вас, товарищ Катухов, есть сообщения?

— Разведка, разумеется, в первую очередь разведка.

Утром 4 октября Катухов направил в сторону Орла две группы танков с десантами по роте мотопехоты. Одной из них командовал капитан Гусев, другой — старший лейтенант Бурда. Сам Катухов вместе с Никитиным выехал вслед за разведкой для изучения местности. Примеряясь к разным рубежам, они наконец выбрали наиболее удобный для обороны — в пяти километрах от Орла по северному берегу реки Оптуха, неподалеку от села Ивановского.

К вечеру к рубежу подтянулись все части бригады и

сразу же приступили к оборудованию позиций. В ночной темноте рыли траншеи глубокого профиля, ложные окопы, ранним утром расставили танковые засады и артиллерию. Соседей справа и слева бригада не имела. Поэтому Катукон организовал тщательную разведку, приказал выдвинуть на фланги танковые засады. Он поспевал всюду и каждый раз убеждался, что все делается быстро, сноровисто и как надо: засады имели по две-три хорошо замаскированные позиции, артиллерия — продуманные пути для маневрирования. Словом, учеба в лагере под Сталинградом давала свои плоды.

Вскоре стали поступать сведения от капитана Гусева. Он поставил танки в засаду вдоль шоссе на выходе из Орла. Ночью послышался лязг гусениц и шум моторов. Вышедшая из-за туч луна осветила шоссе: по нему быстро двигалось десять танков. «Разведка!» — решил Гусев и приказал открыть огонь. Постоянно меняя позиции, экипажи Гусева уничтожили четыре вражеских танка. Остальные поспешно вернулись назад.

Катукон был недоволен действиями разведчиков. Конкретных данных капитан Гусев не добыл, с группой Бурды вообще связи не было. Но кое-что все же прояснилось. Во-первых, подтвердилось, что в Орле сосредоточены крупные силы противника. Во-вторых, противник выслал разведку. Значит, задерживаться в Орле не намерен.

И действительно, всю ночь на 5 октября вражеские разведывательные группы пытались прощупать оборону бригады. Часам к десяти утра, когда кончился дождь и небо прояснилось, загрохотала артиллерия противника, в небе появились его бомбардировщики. Немало авиабомб и снарядов упало на ложные позиции. И вообще, сказались правильное устройство укрытий и тщательная маскировка: сколько-нибудь существенного ущерба от артиллерийской и авиационной подготовки противника бригада не понесла.

Вскоре перед позициями мотострелкового батальона появились танки противника, за ними густой россыпью двигалась мотопехота. Катукон с Кульвинским были в это время на переднем крае мотострелков. Кульвинский насчитал около 40 одних лишь танков и, пожалуй, столько же, если не больше, бронемашин и бронетранспортеров.

Пригнувшись, они побежали в КП, но, очевидно, немецкие артиллеристы заметили их: снаряды стали рваться все ближе. Рядом тянули кабель двое связистов.

— Ложись! — крикнул Катукон и бросился в обочину. Он увидел, как оба связиста упали, скошенные разорвавшимися рядом снарядами.

— Кульвинский!

— Тут я. Жив.

— Быстро кустами на КП!

С командного пункта поле боя просматривалось хорошо: вражеские танки ворвались на позиции мотострелкового батальона. Как бились мотострелки, было видно по нескольким горевшим немецким танкам. Отдав по радио приказ ввести в бой танковые засады, Катукон прильнул к биноклю и увидел, как почти одновременно из-за пригорка выскочило несколько тридцатьчетверок. Почти каждый их выстрел поражал вражеский танк. Юркие, стремительные, они выскакивали из-за сараев, кустарников, стогов сена, делали по нескольку выстрелов и исчезали. Тут же они появлялись вновь, но уже с других позиций. Строй вражеских танков смешался, некоторые из них горели густыми черными кострами. Цепи фашистских автоматчиков залегали, поднимались и вновь залегали, прижимаемые пулеметным огнем.

Три часа длилась эта первая атака противника. Затем последовало еще несколько атак. Враг предпринимал отчаянные усилия, чтобы смять оборону бригады. Вечером, когда была отбита последняя атака, штаб бригады подвел итоги: мотострелковый батальон понес существенные потери. Ущерб противника был значительно большим — он потерял 18 танков, 8 орудий и несколько сот солдат и офицеров. Главное же состояло в том, что врагу не удалось прорвать оборону бригады. И все же Катукон принял решение: сменить рубеж обороны, причем быстро и скрытно.

— Завтра противник будет искать новое место для прорыва. Нужно обмануть его, — объяснил он на совещании командования бригады.

В ночь на 6 октября бригада отошла в район Нарышкино — Первый Воин, оседлав шоссе Орел — Мценск. Катукон провел инструктаж командиров подразделений и приказал, чтобы к раннему утру позиции были готовы.

Отпустив командиров, он повернулся к Бойко:

— Люди вымотаны. Но черт его знает, когда Гудериан начнет. Подготовим оборону — тогда, может быть, выкроится часок-другой для отдыха. Направь работников политотдела в подразделения... Пусть разъяснят задачу.

За окном вдруг послышался нарастающий шум движущихся танков и почти сразу умолк. В избу стремительно вошел старший лейтенант Бурда.

— Вольно, вольно, — остановил его Катукон. — Сразу докладывайте. Впрочем, нет. Почему не отвечали на наши запросы?

— Радия вышла из строя.

— Ясно. Теперь все по порядку.

36 часов группа Бурды находилась в тылу врага, уничтожила 10 средних и легких танков, 2 тягача с противотанковыми орудиями, 5 автомашин с пехотой и около сотни вражеских солдат и офицеров.

— Вот и материал для бесед в подразделениях, — сказал Катукон, обратившись к Бойко. — Распорядись, пожалуйста.

Особую ценность представляли доставленные группой Бурды трофейные документы и пленные. Выяснилось, что вдоль шоссе Орел — Мценск противник намерен двинуть огромную армаду танков, артиллерии и мотопехоты: 24-й моторизованный корпус в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий. Кроме того, в тыл формирующемуся 1-му гвардейскому корпусу двигалась еще одна танковая дивизия. Все эти войска по замыслам немецкого командования должны были через Мценск прорваться к Туле и выйти к Москве с южного направления.

Не успели подвести итоги разведки Бурды, как явился посыльный от Лелюшенко и доложил, что в распоряжение Катукон поступает дивизион противотанковой артиллерии. Это оказалось очень кстати.

План обороны нового рубежа Катукон со штабом разработал заранее, и сейчас подразделения расставлялись по своим местам. Новые позиции были очень удобны для обороны: высоты, откуда хорошо просматривалась местность, небольшие рожи, кустарники, стога сена давали возможность замаскировать танковые засады и орудия. Теперь Катукон внес коррективы в расстановку сил: увеличил разведку флангов, в помощь мотострелковому батальону, оседлавшему шоссе, направил танки Бурды — они стали шестью засадами на позициях мотострелков, определил позиции для прибывающих подразделений дивизиона противотанковой артиллерии.

Ранним утром командование бригады собралось на КП комбрига. И почти сразу же начали поступать донесения о движении со стороны Орла крупных сил про-

тивника. Забравшись на большое дерево, командир 2-го танкового батальона капитан Рафтопуло докладывал о виденном в бинокль:

— Около ста танков, противотанковая артиллерия, много мотопехоты, автоматчики на мотоциклах...

Приблизившись, танки противника открыли ураганный огонь по позициям мотострелкового батальона и противотанкового дивизиона. Ответным огнем некоторые вражеские машины были подожжены, но остальные упорно двигались вперед. Вскоре они ворвались в расположение мотострелков и начали утюжить их окопы.

В тяжелом положении оказалась минометная рота. На помощь ей из засады выскочила тридцатьчетверка под командованием лейтенанта Кукарина. Она подлетела почти вплотную к вражеским танкам, когда снаряд пробил ей гусеницу. Но экипаж не растерялся. Командир танка и радист стали подавать снаряды, а башенный стрелок Любушкин сполна проявил свое мастерство: три выстрела — и три вражеских танка объялись пламенем. Еще выстрел — и снова прямое попадание. Выскочивший из четвертого танка экипаж противника Любушкин расстрелял осколочным снарядом. Но тут вражеский снаряд попал в правый бок тридцатьчетверки и разорвался внутри ее. Едкий дым наполнил машину. «Снаряд!» — потребовал Любушкин и подбил еще один танк. Всего в этом бою Любушкин уничтожил девять танков противника.

Между тем положение мотострелкового батальона становилось все более тяжелым. Катукон направил на помощь ему четыре танка под командованием старшего лейтенанта Лавриненко. И снова началось то, что так тщательно отработывалось на учениях. Тридцатьчетверки выскочили из засад и открыли огонь по танкам противника. Со своего КП Катукон видел, как вспыхнули несколько вражеских машин. Другие в замешательстве стали пятиться. Тридцатьчетверки внезапно исчезли и через минуту вынырнули из другого укрытия. Ряд прицельных выстрелов — и вновь загорелись несколько вражеских машин. Такими вот стремительными, внезапными атаками танки Лавриненко уничтожили 15 танков противника. В конце концов прорыв был ликвидирован.

Меньшими, но все же внушительными силами противник пытался прорваться и в других местах обороны бригады. И каждый раз танковые засады, умелые дей-

ствия мотострелков и артиллеристов срывали эти попытки.

Бригада больших потерь не понесла. Но люди предельно устали. И вдруг донесение: справа от шоссе Орел — Мценск сосредоточилось до 200 танков и большое количество мотопехоты противника.

— Вдвое больше, чем утром! — воскликнул Бойко.

— Да-а... — задумался Катукوف. — Что ж, будем колдовать, а ты с работниками политотдела срочно в подразделение. И прошу: разъясни политработникам, чтобы говорили людям все, как есть. Ничто не действует так пагубно на бойцов, как сладенькая полуправда... А люди? Наши люди поймут.

«Колдовать! — мысленно передразнил себя Катукوف. — А что можно наколдовать?» И все же штаб заработал всюю: переставлялись некоторые танковые и артиллерийские засады, проверялась связь, усиливалась разведка флангов.

День клонился к концу, а артиллерия противника усилила огонь.

— Неужели под ночь начнут? Это что-то новое для немцев, — хмурился Кульвинский, обеспокоенный тем, что еще не все позиции готовы к бою.

В это время на КП вошел рослый артиллерист.

— Капитан Чумак, командир дивизиона гвардейских минометов, — представился он. — Приказано подбросить на вашем участке огоньку.

О «катюшах» Катукوف, конечно, слышал, но видеть их ему не пришлось. И теперь он с разочарованием смотрел на установки: обычные грузовики с рядами поднятых вверх стальных рельсов — не вязалось это с рассказами об огромной разрушительной силе нового оружия. А тут еще Чумак вконец испортил впечатление.

— Мне приказано дать один залп, — сказал он. Но, очевидно, поняв состояние комбрига, усмехнувшись, заверил: — Не волнуйтесь. И этого хватит. Вот увидите, как «играет» «катюша», тогда поймете, что это такое.

Чумак нанес на свою карту район сосредоточения противника и обратился к Катукову:

— Надо предупредить людей на передовой. Грохот будет ужасный. Как бы это не вызвало паники.

Кульвинский направил в окопы посыльных. Чумак вывел установки на позицию и подал команду. Ослепительные всполохи пламени ярко осветили вечернее небо,

раздался пронзительный свист, затем разразился страшный грохот, от которого задрожала земля.

Лощина была объята пламенем, оно ширилось и скоро превратилось в огромное море огня. Снизу доносились взрывы — рвались машины с боеприпасами. Катукوف видел в бинокль, что многие машины, которые прямо не были задеты залпом, в беспорядке уходят. «Одного залпа маловато, — решил он. — Видимо, с боеприпасами для нового оружия еще туго».

— Через час можете посмотреть все на месте, — отвечая на рукопожатия, сказал Чумак. — А мне, товарищ полковник, нужно немедленно уводить установки. Так по инструкции.

Когда пламя над лощиной стало гаснуть, туда была послана разведка. Залп «катюш» оказался точным: десятки дымившихся танков, тягачей, автомашин, мотоциклов, множество трупов — в темноте все точно подсчитать было трудно.

Поздно ночью штаб подвел итоги дня. Двенадцать часов почти непрерывно продолжался бой. Все атаки противника были отбиты. Он потерял 43 танка, 16 противотанковых орудий, до 500 солдат и офицеров. В бригаде было повреждено шесть танков, причем четыре из них были вскоре отремонтированы. Серьезно пострадал мотострелковый батальон. Он был отведен во второй эшелон бригады.

Танковый таран Гудериана явно дробился, ослабевал, но все же намного превосходил в силах 4-ю танковую бригаду. И снова Катукوف решил, что оставаться на прежних позициях бригада не могла: противник теперь уже знал местность, и повторять на ней прежние приемы танковых засад было нельзя — эффект их резко снизился бы. В ночь на 7 октября бригада отошла на новый рубеж: Ильково — Головлево — Шеино.

Утром на КП Катукова приехал Лелюшенко. Он сказал, что разговаривал по ВЧ со Сталиным и тот высоко оценил действия бригады. Что и говорить: похвала Верховного Главнокомандующего обрадовала Катукова. Но она ко многому обязывала. И был миг, когда он с пробежавшим по спине холодком подумал: «Может быть, до сих пор просто везло?»

Лелюшенко привез и еще одну радостную весть: бригаде придавался полк пограничников под командованием полковника Пияшева. На подходе было также пополнение для мотострелкового батальона бригады. Кату-

ков еще раз обдумал план расположения своих сил, укрепил многие участки за счет пограничников, расширил разведку, особенно на флангах.

Видимо, предшествовавшие три дня боев и особенно удар «катюш» произвели сильное впечатление на противника: 7 и 8 октября он особой активности не проявлял, лишь мелкими разведывательными группами пытался прощупать оборону бригады. Катюков приказал оказывать этим группам решительное сопротивление, но так, чтобы не обнаруживать расположение подразделений. Как и раньше, он имел целью ввести противника в заблуждение относительно противостоящих ему советских войск, заставить его нервничать. Нужны были также «языки». В этом деле прекрасно проявили себя пограничники. Ночью небольшими группами они пробирались к вражескому расположению, пускали в ход гранаты или кинжалы, захватывали пленных.

Замысел Катюкова удавался. Пленные показывали, что командование противника считает, будто оно имеет дело с крупной танковой группировкой советских войск.

9 октября противник начал решительное наступление. С полсотни пикировщиков, включив сирены, с душераздирающим воем обрушивались на окопы, буквально засыпая их бомбами. Так было не раз и не два: четверть часа длилась вражеская авиационная подготовка. Но «обрабатывали» фашистские стервятники ложные окопы и траншеи.

Затем двинулись танки — около ста машин и мотопехота. Катюков быстро разгадал маневр противника: обойти позиции бригады с флангов и нанести главный удар слева через Шеино на Мценск. Танковые и артиллерийские засады сдерживали продвижение противника. Повсеместно возникали ожесточенные бои. Враг нес огромные потери. И все же его танки прорвались к Шеину. Здесь они натолкнулись на роту танков БТ-7 лейтенанта Самохина. Часть танков лейтенант зарыл в землю — их задача состояла в том, чтобы прицельно вести артиллерийский огонь по вражеским машинам. Полтора часа длилась танковая дуэль, один за другим вспыхивали танки противника. Однако, не считаясь с потерями, враг продолжал атаковать Шеино. На помощь Самохину Катюков направил три танка. Их атака оказалась столь неожиданной для противника и стремительной, что вражеские танки не успели даже развернуть орудия. Прямыми прицельными выстрелами сразу же было подожжено

11 немецких танков, остальные покинули поле боя и скрылись в лесу.

Атаки врага отбивались всюду, с большими для него потерями. Однако в 22 часа Катюков получил приказ Лелюшенко отойти на новый рубеж, так как противник сумел прорваться на другом участке обороны корпуса и ему грозило окружение.

Новый рубеж, по сути, — окраина Мценска. С утра 10 октября противник начал атаки на передний край обороны бригады, но на этот раз как-то необычно: вяло, без серьезного напора. И это при многократном превосходстве! Катюков сразу понял, что эти атаки — отвлекающие, а главный удар готовится где-то в другом месте, не на участке, оборонявшемся бригадой.

И действительно, скрывая бригаду по фронту, противник ворвался в Мценск с восточного направления. К Катюкову непрерывно шли доклады — один тревожнее другого. По каждому из них давались конкретные ответы. Общий же их смысл сводился к одному: действовать так, чтобы противник не смел и предположить, будто советские войска собираются отойти.

— Активными действиями нужно так запутать противника, чтобы с наступлением темноты оторваться от него, отойти организованно, — разъяснил Катюков свой замысел Бойко и Кульвинскому. — Нам пока везет. Гудериан, по всему видно, продолжает считать, что имеет дело с крупными танковыми силами.

В городе не было сколько-нибудь четкой линии обороны. И тут с особой силой проявилась тактика танковых засад, боевая и психологическая подготовка бойцов и командиров к ведению самостоятельных боевых действий мелкими подразделениями.

Напор противника неуклонно наращивался. К середине дня противник подтянул крупные артиллерийские силы, начавшие массированный обстрел моста через реку Зуша. Вырваться через него теперь уже было нельзя. Бригада и приданные ей части оказались в окружении.

Оставался узкий железнодорожный мост. Но пройдут ли по нему машины? Уже сгустились сумерки, когда поланый на разведку заместитель политрука Завалишин доложил, что он на своей тридцатьчетверке прошел по мосту. Но радость тут же сменилась тревогой. Завалишин видел на противоположном берегу движение войск. Чьих — он не разобрал. С его танка соскочила гусени-

ца, и он бегом вернулся обратно, чтобы доложить о том, что успел разведать.

В тех конкретных условиях нельзя было исключать и возможность переправы противника на другой берег Зуши. Наконец выяснилось, что на другом берегу занимают оборону советские войска.

Вскоре началось то, что потом в бригаде называли переходом через «чертов мост». Убедившись, что части и подразделения стягиваются к мосту в установленном порядке, Катукон собрал штабных работников и приказал:

— Независимо от званий и должностей в колонну по два — становись! Приготовить гранаты!

До моста было относительно большое расстояние. И штабная колонна должна была быть готовой принять бой. Катукон разъяснил, что на работников штаба возлагается поддержание порядка на переправе.

Сразу начались неурядицы. Доски настила выдерживали орудия и автомашины, но расползались. Артиллерийские битюги проваливались в щели, ломали ноги, падали; образовывались заторы. Лошадей приходилось пристреливать и сбрасывать в реку. В щелях застревали колеса орудий и автомашин, бойцы и работники штаба тащили их на руках. И все же переправа шла.

Вдруг дождь неожиданно прекратился. Тучи быстро расползлись, и полная луна ярко осветила местность. Противник сразу же обнаружил переправу и открыл по мосту артиллерийский огонь. Снаряды рвались все ближе. Вскоре к артиллерийскому огню прибавился автоматный: вражеские автоматчики засели в станционных помещениях.

Решение пришло почти мгновенно. Катукон приказал командиру стоявшего рядом танка сержанту Капотову скрытно прорваться к вокзалу, выбить оттуда автоматчиков и поджечь несколько деревянных зданий.

Вскоре автоматные очереди прекратились, а затем у вокзала вспыхнул пожар. Положение сразу изменилось. Слепленные пламенем, вражеские артиллеристы уже не могли вести прицельный огонь. Переправа пошла полным ходом. Танки подходили к мосту, продолжая отстреливаться от наседавшего противника. Многие тащили на прицепе подбитые боевые машины или грузовики: Катукон приказал ничего годного врагу не оставлять.

С первыми машинами переправились на другой берег Катукон и Бойко. Насквозь промокшие и продрогшие, они только сейчас почувствовали, какого нервного на-

пряжения стояла им переправа бригады. После войны Катукон отметил в своих мемуарах: «Тем, кому удалось остаться в живых, переправа через железнодорожный мост, наверно, запомнилась навсегда. Недаром танкисты прозвали этот мост «чертовым».

На правом берегу Зуши заняла оборону 13-я армия. Подходили и другие соединения. Фронт, преградивший путь врагу к Москве, начал стабилизироваться. 4-я танковая бригада была отведена во второй эшелон 50-й армии.

Утром 12 октября Катукон вызвал к телефону Федоренко.

— Ну, спасибо! — радостно заговорил он, ответив на приветствие. — Вы хоть толком знаете, с какими силами противника дрались?

— Знаю.

— Видимо, не все. Лучшие свои соединения Гудериан против вашей бригады бросил. Тут у нас один из большого начальства сказал, что у вас полководческий зуб прорезался... Если бы даже несколько танковых дивизий так потрепали группу Гудериана, то и это было бы большим успехом. А тут бригада!

Федоренко говорил дольше обычного, что-то, видимо, хотел сказать конкретное, но так и не сказал.

Вечером смысл недомолвок Федоренко прояснился. Радио передало Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями начальствующего и рядового состава танковых войск Красной Армии». Диктор перечислил фамилии 32 воинов 4-й танковой бригады. Катукон и Бойко были награждены орденами Ленина. Затем был объявлен отдельный Указ о присвоении звания Героя Советского Союза сержанту Ивану Тимофеевичу Любушкину. Награжденных поздравляли, качали. Смущенный Любушкин краснел и растерянно повторял:

— Почему мне одному, все воевали...

Да, воины 4-й танковой бригады имели все основания для ликования. Прибыли они на Орловское направление, когда врагу удалось прорвать оборону советских войск. Танковые соединения Гудериана двигались тогда по 80—90 километров в день. Бригада сбила этот темп до 7 километров. А ведь противник все время имел многократное превосходство, в отдельные дни в десять и более раз. Каждый километр продвижения давался противнику ценой огромных потерь. Впоследствии Гудериан признал

в своих мемуарах, что из-за тяжелых потерь «исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех». И в этом немалая заслуга воинов 4-й танковой бригады.

Бои под Орлом и Мценском с особой силой выявили незаурядные командирские способности Катукова. Да, прав был тот большой начальник, о котором говорил Федоренко, отметивший, что у Катукова «прорезался полководческий зуб». Удачно это выражение или нет, но смысл его, безусловно, правилен.

16 октября Катукова вызвали в штаб 50-й армии. «С Вами будет говорить по ВЧ Верховный Главнокомандующий», — объявили ему. Поздоровавшись, Сталин спросил о боеспособности бригады. К этому вопросу Катуков был, разумеется, готов и, как-то сразу успокоившись, кратко доложил о главном: бригада готова к новым боям. Верховный Главнокомандующий, видимо, довольный ответом, приказал как можно быстрее прибыть бригаде в район Кубинки.

...Волоколамское направление! Как часто упоминалось оно в сводках Совинформбюро во время битвы под Москвой! Именно на Волоколамском направлении противнику удалось вбить наиболее острый клин в оборону советских войск и выйти на ближние подступы к Москве. Здесь стала насмерть стяжавшая себе вскоре легендарную славу 16-я армия под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. В ее состав была включена и 4-я танковая бригада.

6 ноября к КП Катукова подъехала легковая машина в сопровождении броневика. Из машины вышел Рокоссовский.

— Вольно! — остановил он кинувшегося навстречу Катукова и обнял его. — Здорово, Катуков! Давненько не виделись, ну пойдем к тебе, расскажешь, что ты там натворил с Гудерианом.

За импровизированным ужином Катуков рассказал о бригаде, о том, как она готовится к боям и как воевала. Рокоссовский обрисовал обстановку в районе 16-й армии.

— Превосходство противника, особенно в танках, многократное. Тут как раз будет очень полезен твой опыт боев под Орлом... Попробуй обобщить, — предложил Рокоссовский, — в виде памятки или инструкции, что ли.

— У меня есть кое-что. Начал еще в Сталинграде. — Катуков вынул из походного сейфа папку и передал ее Рокоссовскому.

— «Инструкция танкистам по борьбе с танками, артиллерией и пехотой противника», — прочитал Рокоссовский и стал бегло просматривать брошюру. — Интересно... Как раз то... Тут и танковые засады, атаки на максимальной скорости... Интересно, очень интересно... Очень правильно о разведке: в подвижных формах боя она должна простираться на десятки километров...

Разговор с Рокоссовским приятно взволновал Катукова. Перелистывая только что одобренную Рокоссовским инструкцию, Катуков почувствовал облегчение. «Какой из меня теоретик!» — бывало, сомневался он, работая над инструкцией. В то же время он чувствовал потребность обобщать боевой опыт, извлекать из него наиболее эффективное, имеющее перспективу. Оценка Рокоссовского укрепила эту потребность.

Радовали и интерес, с каким расспрашивал Рокоссовский о боях бригады под Орлом, и высокая оценка его, Катукова, решений и действий в этих боях. Это ощущение ничего общего не имело с чувством удовлетворенного тщеславия. Катуков всегда был далек и от тщеславия, и от благодушной удовлетворенности достигнутым. Все было проще: мнение столь талантливого военачальника подтверждало, что он, Катуков, стоит на правильном пути в своих исканиях. Это и радовало.

Уезжая, Рокоссовский сказал:

— Ближайшая твоя задача — удар по Скирманово. Главное мы сейчас обговорили. Приказ получишь позже.

Ближайшая задача была не из легких. Плацдарм с населенными пунктами Скирманово, Козлово, Марьино клином врезался в полосу обороны 16-й армии. Здесь была сосредоточена 2-я немецкая танковая дивизия, подтягивались другие силы. Разведкой было установлено, что противник намеревается нанести удар с этого плацдарма с тем, чтобы окружить и уничтожить 16-ю армию. Срезать образовавшийся клин и тем самым сорвать замысел противника — такую задачу поставил Рокоссовский перед 4-й танковой бригадой и другими расположенными здесь соединениями.

Вскоре пришел приказ, согласно которому части 16-й армии утром 12 ноября должны были начать бои за овладение более удобным рубежом обороны, в том числе и указанным плацдармом.

Днем 11 ноября Катуков и Кульвинский приехали к начальнику штаба армии генерал-майору С. М. Мали-

нину для согласования вопросов взаимодействия в предстоящих боях.

— Дела потом, — загадочно улыбаясь, сказал Калинин. — Вы, я вижу, ничего не знаете?.. Ну тогда читайте. — Калинин протянул Катуюкову «Правду».

На первой полосе газеты было опубликовано постановление СНК СССР от 10 ноября 1941 года о присвоении Катуюкову звания генерал-майора танковых войск.

— Вот так, уже день в генералах ходите. Поздравляю!

В это время в дверях появился Рокоссовский.

— Поздравили? — спросил он. — Но это еще не все. Вот, читай.

Это был документ, который нужно привести здесь полностью.

«ВСЕМ ФРОНТАМ, АРМИЯМ, ТАНКОВЫМ ДИВИЗИЯМ И БРИГАДАМ.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР

11 ноября 1941 г. № 337 г. Москва

О переименовании 4-й танковой бригады
в 1-ю гвардейскую танковую бригаду

4-я танковая бригада отважными и умелыми боевыми действиями с 4.10 по 11.10, несмотря на значительное численное превосходство противника, нанесла ему тяжелые потери и выполнила поставленные перед бригадой задачи прикрытия сосредоточения наших войск.

Две фашистские танковые дивизии и одна мотодивизия были остановлены и понесли огромные потери от славных бойцов и командиров 4-й танковой бригады.

В результате ожесточенных боев бригады с 3-й и 4-й танковыми дивизиями и мотодивизией противника фашисты потеряли 133 танка, 49 орудий, 8 самолетов, 15 тягачей с боеприпасами, до полка пехоты, 6 минометов и другие средства вооружения. Потери 4-й танковой бригады исчислялись единицами.

Отличные действия бригады и ее успех объясняются тем, что:

1. Бригадой велась непрерывная боевая разведка.

2. Осуществлялось полное взаимодействие танков с мотопехотой и артиллерией.

3. Правильно были применены и использованы танки, сочетая засады с действиями ударной группы.

4. Личный состав действовал храбро и слаженно.

Боевые действия 4-й танковой бригады должны служить примером для частей Красной Армии в освободительной войне с фашистскими захватчиками.

Приказы в аю:

1. За отважные и умелые боевые действия 4-ю танковую бригаду именовать: «1-я гвардейская танковая бригада».

2. Командиру 1-й гвардейской танковой бригады генерал-майору Катуюкову представить к правительственной награде наиболее отличившихся бойцов и командиров.

3. Начальнику ГАБТУ и Начальнику ГАУ пополнить 1-ю гвардейскую танковую бригаду материальной частью боевых машин и вооружением до полного штата.

Народный комиссар обороны Союза ССР

И. Сталин

Начальник Генерального штаба Красной Армии
Маршал Советского Союза

Б. Шапошников».

И снова поздравления, объятия, рукопожатия. Но на войне на радость времени отведено мало.

— В танковых войсках ваша бригада первой удостоена такой чести, — сказал Рокоссовский. — По такому случаю ей надо бы дать дня два на отдых... Но увы! Завтра ваша бригада должна на деле показать, что такое танкисты-гвардейцы.

И все-таки праздник в бригаде был. В подразделениях прошли короткие митинги. «Оправдать высокую честь!», «Бить врага по-гвардейски!» — говорили выступавшие на митингах бойцы и командиры.

С утра следующего дня бригада вступила в бой. Двенадцать часов она штурмовала Скирманово. С утра 13 ноября вела непрерывный 38-часовой бой за Козлово. Враг ожесточенно сопротивлялся, однако вынужден был отойти. По-гвардейски дралась бригада в период ноябрьского «генерального», «решительного» наступления противника на Москву. Приходилось отступать. С болью

в сердце бойцы и командиры оставляли позади километровые столбы с цифрами 60, 55, 53... Москва была рядом, совсем за спиной.

Отмечая участие в этих боях гвардейцев-танкистов Маршал Советского Союза Г. К. Жуков после войны писал: «С беспримерной храбростью действовала переданная в состав 16-й армии 1-я гвардейская танковая бригада. В октябре эта бригада (тогда 4-я танковая) героически сражалась под Орлом и Мценском... Теперь, в ноябре, защищая подступы к Москве, гвардейцы-танкисты новыми подвигами еще выше подняли свою славную репутацию»

В ходе ноябрьских боев еще глубже проявился командирский талант Катукова. В быстро менявшейся обстановке, в условиях постоянного превосходства противника в живой силе и боевой технике он неизменно находил наиболее эффективные тактические приемы, новые варианты своих излюбленных танковых засад. И здесь, как месяцем раньше под Орлом, Катуков неизменно строил свои решения, исходя из принципа: нанести как можно больший ущерб противнику и максимально сохранить силы бригады. И он каждый раз добивался этого.

За две недели вражеского наступления бригада уничтожила 106 танков, 16 тяжелых и 37 протivotанковых орудий, 16 минометов, 3 минометные батареи, 8 тягачей, 55 автомобилей, 51 мотоцикл, до трех полков пехоты противника, разбила 13 дзотов и 27 пулеметных гнезд. Все это в несколько раз превышало численность и вооружение бригады. За это время в бригаде вышло из строя 33 танка — в три раза меньше, чем потерял противник. Фактически же бригада лишилась всего 7 танков, а 26 поврежденных машин благодаря стараниям Дынера были отремонтированы и возвращены в строй действующих.

Наконец пришло долгожданное: Красная Армия погнала фашистских захватчиков от стен советской столицы. 1-я гвардейская танковая бригада действовала в боевых порядках пехоты, стремительными атаками расчищала ей путь, обходила противника с флангов и с тыла, из засад совершала ошеломляющие налеты на отступающего врага.

Приподнятое настроение, в котором постоянно пребывал Катуков в эти дни, имело и сугубо личные причины. Он уже несколько лет был одинок: жена умерла до войны, детей не было. И вот как-то сразу приворожила его старшина медицинской службы Катя — так по имени ее звали в части, где она служила. Как бы тяжело ни скла-

дывалась обстановка, Катуков находил «причины» для посещения этой части. Вскоре Катуков и Екатерина Сергеевна поженились. Но оставить службу или быть при Катукове только женой Екатерина Сергеевна наотрез отказалась. Так до конца войны она и провела, хоть и рядом с мужем, но старшиной медицинской службы. Катуков гордился этим ее решением, хотя и тревожился. За отличия в боях Екатерина Сергеевна была награждена орденом Красной Звезды и боевыми медалями.

В середине апреля 1942 года Катуков получил приказ о переброске бригады в Москву на переформирование. Он и Бойко были отозваны в распоряжение Главного автобронетанкового управления.

Федоренко встретил Катукова и Бойко приветливо, угостил их чаем с бутербродами.

— У меня для вас приятная новость, — сказал он. — Вы, Катуков, назначены командиром 1-го танкового корпуса, вы, Бойко, — комиссаром. Чувствуете, друзья, что это значит?.. Теперь нам по плечу формирование крупных танковых соединений! Заводы наши набирают мощности.

Федоренко сообщил, что в состав корпуса войдут три танковые бригады — всего около 250 танков, мотострелковая бригада, дивизион реактивных минометов, разведывательный батальон и различные тыловые подразделения. Катуков и Бойко чувствовали себя ошеломленными. О таких масштабах в то время можно было только мечтать.

— Ну как? Силища? — довольный произведенным эффектом, спросил Федоренко. — Так-то вот... И первый корпус — вам! Что ж, заслужили. Обрадую и другим: 1-я гвардейская бригада войдет в состав корпуса... Теперь давайте подумаем о кадрах. Начальником штаба корпуса мы рекомендуем полковника Кравченко.

Начальником политотдела корпуса Катуков и Бойко предложили назначить Дервянко, заместителем командира по технической части — Дынера, начальником оперативного отдела — Никитина.

Разговор получился долгим. Катуков и раньше и потом, будучи командармом, внимательно изучал подчиненных, не забывал отметить отличившихся, смело продвигал по службе достойных. Большое внимание в расстановке кадров он уделял тому, что сейчас называют психологической совместимостью. И теперь Катуков с жаром разъяснял, почему он выдвигает того или иного коман-

дира и почему в заместители к этому командиру следует назначать именно того, кого он рекомендует, а не другого, не менее достойного.

Через несколько дней Катукон был вызван к заместителю Председателя СНК и наркому танковой промышленности В. А. Малышеву. Его интересовали недостатки танков. «Говорите все, о каждой мелочи», — попросил Вячеслав Александрович.

«Мелочи» были. На практике же они порой оборачивались далеко не мелочами. Например, какво было десантникам балансировать на мчащемся танке? Или другое. Кто-то придумал ставить на командирских машинах внешне отличающиеся антенны, и вражеская артиллерия сосредоточивала огонь на этих машинах. Катукон впоследствии с удовлетворением отмечал, как оперативно были реализованы его предложения: поступавшие на фронт танки имели одинаковые антенны, поручни, чтобы держаться десантникам, и другие усовершенствования.

В Москве комплектовались штаб и некоторые службы корпуса. Основная же работа по его формированию велась в Липецке, куда вскоре и прибыли Катукон и Бойко.

Все части корпуса были полностью укомплектованы. И не успели еще просохнуть дороги от весенней распутицы, как поступил приказ о направлении его на Брянский фронт.

Три с лишним месяца корпус провел в боях — наступательных, а чаще оборонительных. Катукон был недоволен ни теми, ни другими. Что, собственно, изменилось? Танков стало больше, появились крупные танковые соединения, а использовались они по-старому — отдельными частями, без должной поддержки авиацией и артиллерией.

Нет, не так, совсем не так представлял себе Катукон боевое применение крупных танковых сил. Видимо, и в Ставке Верховного Главнокомандования были недовольны тем, как использовались танковые войска на Брянском фронте. После войны Катукон натолкнулся на адресованный командованию фронта документ, подписанный начальником Генштаба А. М. Василевским. В нем говорилось: «Некоторые из танковых корпусов перестали быть танковыми и перешли на методы боевых действий пехоты. Примеры: Катукон (1-й тк) вместо быстрого уничтожения пехоты противника в течение суток занимался окружением двух полков, и вы, по-видимому, это поощ-

ряете...» Позже в своих мемуарах Катукон писал: «Этот документ объясняет многое из ситуации тех дней. Разумеется, 1-й танковый корпус окружал два полка пехоты не по своей инициативе, а по приказу сверху. Но дело не только в этом. Из этого документа следует более важный вывод: танковые корпуса вводились в бой разрозненно, каждому из них ставились узкие, ограниченные задачи. А ведь можно было сосредоточить их в мощный кулак и, усилив средствами воздушной и наземной поддержки, нанести гитлеровцам действительно разящий удар во фланг».

В середине августа корпус был выведен в резерв Ставки Верховного Главнокомандования, а вскоре Катукон был вызван в Москву на прием к Сталину.

Разговор Сталин начал с конкретных, но прямо не относившихся к деятельности Катуконва вопросов. Отвечая на них, Катукон почувствовал себя неловко, видя, что Сталину не нравятся его критические замечания о танках KB и Т-70. И все же, преодолевая смятение, он упорно возражал:

— Нет, Иосиф Виссарионович, в бою они показали себя неважно. Спросите любого танкиста — каждый предпочтет тридцатьчетверку.

Катукон видел недовольное выражение глаз Сталина, но изложил свои взгляды до конца, показал, в чем конкретно заключаются недостатки танков KB и Т-70. Может быть, упорство молодого генерала привлекло Сталина. Он перевел разговор на другие темы. Катукон так и не мог понять, зачем его вызвал Сталин, но чувствовал, что тот исподволь прощупывает его, взвешивает, чего он стоит. И вдруг Сталин, прервав свои вопросы, сказал, что создаются механизированные корпуса, более сильные, чем танковые, и он, Катукон, назначается командиром 3-го механизированного корпуса.

У Катуконва, что говорится, отлегло от сердца: значит, его служба оценена неплохо. Но было очень жаль — Катукон сразу это почувствовал — расставаться с боевыми друзьями, с соединениями, вместе с которыми он прошел тяжелый боевой путь. И Катукон, как он выразился в своих мемуарах, «взмолился»:

«— Товарищ Сталин, не так просто подготовить, научить войска. Большое для боя дело, когда тебя люди хорошо знают и ты их знаешь. В составе 1-го танкового корпуса находится 1-я гвардейская бригада, с бой-

пами которой меня связывают узы самой крепкой дружбы. Разве легко с ней расстаться!»

По просьбе Катюкова Сталин приказал включить в состав 3-го механизированного корпуса соединения из 1-го танкового: 1-ю гвардейскую и 49-ю танковые бригады, 1-ю мотострелковую бригаду, перевести в корпус помощником командира по технической части Дынера и начальником оперативного отдела Никитина.

От Верховного Главнокомандующего Катюков сразу же направился к Федоренко. Он рассказал ему во всех подробностях о разговоре со Сталиным, ответил на вопросы и, поощряемый одобрительными репликами Федоренко, как говорится, излил душу, высказал все, что он передумал, командуя танковым корпусом.

— Танков стало намного больше. Вроде бы количество должно перейти в качество, — горячился Катюков. — Появились танковые, а теперь вот и механизированные корпуса. Это же увесистые кулаки! А у нас что? Не кулаки, а растопыренные пальцы! Ни разу не было нанесено по противнику массированного удара крупными танковыми силами! А взаимодействие?

— Правильно! — охладил Катюкова Федоренко. — Правильно мыслите. И не вы один.

— Так в чем же дело?

— В опыте. Тут что-то вроде болезни роста. Не все из общевойскового командования смогли правильно понять, как нужно использовать крупные танковые силы, организовывать их взаимодействие с другими родами войск. Сейчас по этому поводу готовим проект приказа наркома. Скоро получите.

И действительно, 16 октября 1942 года был издан специальный приказ народного комиссара обороны, в котором были вскрыты недостатки в боевом использовании танковых сил.

В приказе подробно излагались все основные вопросы тактики и организации действий танковых частей и соединений, определялись принципы и порядок их взаимодействия с пехотой, артиллерией и авиацией. Много внимания в нем было уделено танковым и механизированным корпусам. Они объявлялись средством армейского и фронтового командования для действий на главном направлении в качестве эшелонов развития успеха. Распыление их сил, выделение им самостоятельных участков обороны воспрещалось. Позже Катюков писал: «Этот приказ сыграл большую роль в дальнейшей судьбе танковых войск. Он,

по существу, стал важнейшей теоретической основой их боевого применения».

Ничто так быстро и прочно не определяет отношения людей, как война. Но она же и неумолимая разлучница. В 1-м танковом корпусе остался Бойко. И, как ни тяжело это было, Катюков понимал: там Бойко, как «старожил», нужнее. Комиссаром 3-го мехкорпуса был назначен опытный политработник, бригадный комиссар Н. К. Попель. Войну он начал комиссаром той самой 15-й танковой дивизии, из бойцов и командиров которой была сформирована 4-я танковая бригада. Видно, потому, что вновь встретился со многими своими боевыми соратниками, а еще более потому, что был он, как говорят, теперь, человеком коммуникабельным, Николай Кириллович быстро нашел подходящее ему место в боевом коллективе, проникся его нуждами и заботами.

Катюков, ободренный приказом наркома обороны от 16 октября 1942 года и укрепившийся в правоте своих взглядов, многое пересматривал в те дни. В его, если так можно выразиться, «творческой лаборатории» кипела напряженная работа, и он все четче и яснее представлял себе подлинные возможности крупномасштабных действий танковых сил.

— Твои мысли — это нечто вроде сосредоточения сил, — сказал как-то Попель, с которым Катюков нередко делился своим соображениями. — Массированное применение танковых войск для нас дело новое. И тут без работы собственных мозговых извилин никак не обойтись. Придет время — многое реализуешь.

Но были и думы другого рода — личные. Волновало здоровье отца. Писали, что тоскует Ефим Елифанович, беспокоится: удастся ли свидеться с сыном?

— Сколько раз уже был рядом, а к отцу никак не вырвался! — подсадовал как-то Катюков Попелю, получив еще одно письмо от отца.

— Да, — раздумчиво ответил тот. — Не очень-то мы часто видим родителей. Да ведь жизнь-то наша...

Вспомнив, видимо, и свои личные горести, Попель неожиданно рассказал свою биографию.

— Моя жизнь вроде бы тоже ничем не примечательна. А времени всегда в обрез, всегда все личное на потом откладываю, — вздохнул Катюков.

«Ничем не примечательная» жизнь Михаила Ефимовича в действительности была весьма примечательной для людей его поколения и судьбы.

Родился Михаил Ефимович в селе Большое Уварово под Коломной 17 сентября 1900 года в семье крестьянина-бедняка. Клочок плохой земли — песок да суглинок — семью прокормить не мог. Отец, как и многие односельчане, часто уходил на заработки в Петербург, где промышлял разной работой. Возвращался усталый, приносил мало — едва удавалось кое-как сводить концы с концами. Но леденцы для сына никогда не забывал, по-мужски скупно ласкал его. И нелегко ему, наверное, было написать жене из Петербурга, что пора и 12-летнего Михаила к делу приставить, что нашел он для него кое-что стоящее.

Роняя слезы, мать уложила в корзинку из ивовых прутьев кое-какое бельишко и нехитрую деревенскую снедь. С ней и отправился Михаил к отцу в Петербург на заработки. «Стоящим» делом оказалась работа «мальчиком» в молочном магазине. Пять лет мыл бутылки, драил дверные ручки, протирал кафельные полы, разносил заказчикам молоко.

Жизнь в столичном городе учила многому. Разница между богатыми и бедными здесь была еще более разительной, чем у них в селе. Да и бедные в городе были совсем иными — они не хотели мириться со своей обездоленностью.

Огромное впечатление на Михаила произвела Февральская революция. Митинги, демонстрации — многого он тогда наслушался, да и понимать кое-что стал. Видел, как огромные толпы народа спешили к Финляндскому вокзалу встречать Ленина. А когда чуть позже он услышал, что Ленин — немецкий шпион, в смятении пришел к отцу. «За народ он, за фабричных да за нас — лапотников, — разъяснил Ефим Епифанович. — Ты хозяев-то не слушай, они свою линию гнут. К фабричным больше присматривайся. Они покрепче нас, деревенской голытьбы, и за себя всем миром стоят».

В дни Октябрьской революции 17-летний Михаил вместе с красногвардейцами участвовал в разгроме юнкеров, засевших в гостинице «Севастополь». Потом вернулся в родное село — из «мальчиков» вырос и по возрасту и по сознанию. Твердо решил горой стоять за новую власть, за Советы. Как? Этого он еще не знал. Но жизнь сама определяла пути его поколения. Шла гражданская война. В 1919 году Михаил добровольцем вступил в Красную Армию, воевал против белополяков, банд Булак-Булаховича, Савинкова и других врагов Советской власти.

Тяжело было, а все же полюбилась Катуюкову военная

служба. Стать красным командиром — эта мечта все больше овладевала им. Видимо, взводный, с которым Михаил не раз делился своими думами, доложил о его стремлении по начальству. Однажды он объявил Катуюкову:

— Поедешь в Могилев на командирские курсы. Вроде бы по всем статьям подходишь: и в службе справен, и мозговит.

Учились, не выпуская из рук винтовок. Нередко, поднятые по тревоге, курсанты посылались в отдаленные районы Могилевщины, где еще бродили и терроризировали население бандитские шайки.

1 марта 1922 года на Могилевских курсах состоялся выпуск молодых краскомов. Катуюков был направлен взводным командиром в 27-ю Омскую стрелковую дивизию, входившую в состав Западного военного округа.

Командовал войсками округа М. Н. Тухачевский. И это сказывалось на всем. В боевую подготовку войск Тухачевский настойчиво внедрял все новое, передовое. В Доме Красной Армии в Смоленске зимой 1923/24 года он еженедельно читал для комначсостава лекции по истории военного искусства. Катуюкову повезло: в эту зиму 27-я Омская дивизия стояла в Смоленске, и он не пропустил ни одной лекции Тухачевского.

В лекциях восхищало, заставляло думать многое — и содержание и советы. Катуюков для себя вынес из этих советов, как он справедливо решил, главное: военные знания командира должны быть выше его служебного положения и постоянно пополняться, впрочем, не только военные, но и общеобразовательные. Знания же — это только инструмент для мышления. Нужно научиться мыслить самостоятельно, опираясь на знания. От природы наделенный любознательным, аналитическим умом, он превратил самообразование в постоянную норму своей жизни.

Глубокий след в сознании молодого краскома оставили посещение лагеря дивизии М. В. Фрунзе, его выступление на митинге красноармейцев и беседа с командным и политическим составом. Навсегда запомнились встречи с С. С. Вострецовым, М. И. Фабрициусом. Общение с людьми незаурядными, даже кратковременное, всегда обогащает. А Катуюкову, что говорить, всегда везло на такое общение. Позже на его командирское формирование большое влияние оказала служба в соединениях, которыми руководили К. К. Рокоссовский и другие, в дальнейшем выдающиеся военачальники. Нет, он не стремил-

ся подражать им, но его недюжинные способности, весь его духовный мир получали от таких общений своеобразные мощные импульсы для дальнейшего развития.

Осенью 1926 года Катуков был направлен учиться на курсы «Выстрел». Многие командиры, ставшие в Великую Отечественную войну крупными военачальниками, в двадцатые и тридцатые годы учились в этом прославленном военно-учебном заведении.

Созданные в ноябре 1918 года по указанию В. И. Ленина на базе Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы старой русской армии, курсы «Выстрел» сыграли выдающуюся роль в подготовке командного состава советских войск. Большинство преподавателей Ораниенбаумской школы добровольно перешло на сторону Советской власти и сумело передать курсам богатый опыт и положительные традиции военно-учебного заведения, которое в старой армии считалось лучшим в стрелковой подготовке офицерских кадров.

На курсах велась широкая теоретическая и конструкторская работа. При них были созданы уставная подкомиссия и стрелковый комитет, разрабатывавшие вопросы теории стрелкового дела и тактики боевых действий общевойсковых подразделений. Под руководством первого начальника курсов Н. М. Филатова выдающиеся конструкторы В. А. Дегтярев, В. Ф. Токарев, В. Г. Федоров и другие работали над созданием новых систем автоматического стрелкового оружия. Слушатели «Выстрела» были первыми, кто в процессе учебы практически ознакомился с образцами этого оружия, осваивал рекомендации уставной подкомиссии и стрелкового комитета.

В первое десятилетие на курсах обучались неповторимые в своем роде слушатели. Далекое не каждый из них имел сколько-нибудь основательную общеобразовательную подготовку, в лучшем случае она ограничивалась четырехклассной церковноприходской школой. У них был другой «образовательный ценз»: еще очень молодые, они уже прошли трудовую трудовую школу, имели осознанную активную жизненную позицию, а главное — боевой опыт.

Скидок на недостаток знаний не делалось. Строго учили тому, что нужно было знать и уметь. Впрочем, слово «строго» в данном случае следует понимать в смысле глубины, прочности знаний. Самим слушателям строгость была не нужна: они учились с той же страстной, неукротимой волей, с какой сражались на фронтах гражданской войны.

В то время, когда Катуков прибыл на курсы, они занимались уже переподготовкой командных кадров и назывались «Стрелково-тактическими курсами усовершенствования командного состава РККА». Программа обучения была значительно сложнее, чем раньше. И хотя курсы располагались рядом со столицей, в городе Солнечногорске, побывать в Москве Катукову удалось считанные разы: все время и силы уходили на учебу.

Природные способности и неимоверный труд сделали свое дело: в дивизию Катуков вернулся значительно обогащенным знаниями. Тут же он был назначен командиром полковой школы младших командиров и оставался на этой должности почти шесть лет. Для самого Катукова эти годы тоже были своеобразной школой. Они позволили ему еще более глубоко понять роль младших командиров в войсках. Позже, занимая высокие командные должности, он постоянно обращал внимание на работу подчиненных командиров по подбору и воспитанию сержантского состава, всегда подчеркивая: «Каковы старшины и сержанты — таковы и солдаты».

В 27-й дивизии было немало способных, талантливых командиров. Дивизионом в артиллерийском полку командовал Н. Н. Воронов — будущий Главный маршал артиллерии. Его сменил В. А. Пеньковский — впоследствии генерал армии. С Валентином Антоновичем Катуков сошелся ближе, так как не раз действовал с ним вместе на маневрах и учениях. Пеньковский выходил в поле со своим дивизионом, а Катуков — с полковой школой, игравшей в таких случаях за стрелковый батальон. Вместе они отработывали вопросы взаимодействия, искали и находили способы и методы, обеспечивавшие наиболее эффективное сочетание огня и маневра, тесную связь пехоты и артиллерии на всех этапах боя.

В начале 1931 года Катукова назначили начальником штаба 80-го стрелкового полка той же дивизии. И вскоре произошел решающий поворот, определивший всю дальнейшую судьбу Муханла Ефимовича. В апреле 1932 года полк передислоцировали из Витебска в Борисов. И вдруг неожиданно-негадано пришел приказ: переформировать полк в 5-ю отдельную легкотанковую бригаду. Весь командный состав полка послали на шестимесячные автобронетанковые курсы. А Катукову пришлось остаться: он замещал командира полка. Вместе с хозяйственниками, младшими командирами и красноармейцами он занимался оборудованием городка для будущего танкового

соединения. Вскоре стали прибывать технические специалисты, а затем и боевые машины. С помощью специалистов Катюков, сколько позволяло время, осваивал танки. Порой было грустно: товарищи учатся новому делу, а вот хозяйственником стал. А что дальше?

Осенью вернулся с курсов командный состав. Катюков, что говорится, чувствовал себя не в своей тарелке. Специальную переподготовку он не прошел, а к новому делу тянуло неудержимо. Ему был предоставлен выбор: принять стрелковый полк или остаться в штабе бригады начальником разведывательного отдела. Согласился с последним — все же ближе к новому делу.

Бригада формировалась почти полгода. За это время Катюков изучил танки БТ и Т-26, с помощью специалистов прошел первоначальную практическую школу танкиста и вскоре уже уверенно водил боевые машины, стрелял из танковой пушки.

В 1932 году Катюков был принят в члены Коммунистической партии. Взволнованный этим событием, он всю ночь обдумывал свою дальнейшую жизнь. А на следующий день пришел к командиру бригады, попросил его послать учиться в Академию механизации и моторизации РККА.

— В академию пойдете. Только не сейчас. — Комбриг одобрительно взглянул на Катюкова. — Попробуйте себя сначала на настоящем деле, покомандуйте учебным танковым батальоном. Верю — справитесь.

Командуя учебным танковым батальоном, Катюков готовил наводчиков, механиков-водителей, других специалистов. И сам готовился — хорошо освоил каждую специальность танкиста. Затем комбриг поставил его временно начальником артиллерии бригады — помогал ему прийти в академию, как он выразился, не с пустыми руками, а с некоторым опытом.

Осенью 1934 года поступил приказ, которым Катюков был назначен начальником оперативного отдела 134-й танковой бригады, дислоцировавшейся в Киеве. Этим же приказом ему предписывалось передать временно должность заместителю, а самому прибыть в Москву на Академические курсы тактико-технического усовершенствования при Академии механизации и моторизации РККА.

Год пробыл Катюков на курсах. Изучал материальную часть танков, радиосвязь, тактику бронетанковых и механизированных войск. Слушатели порой дни и ночи проводили на полигоне и танкодроме.

В бригаде пришлось снова на ходу учиться осваивать обязанности начальника оперативного отдела. Командовал 134-й бригадой энергичный, широко эрудированный командир-танкист С. И. Богданов — впоследствии маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза. Он построил боевую подготовку так, что каждый день учебы, каждое командно-штабное занятие обязательно отличались от предшествовавших, были сложнее их. Катюков и сам впоследствии именно так строил боевую учебу в соединениях, которыми командовал.

В 1937 году Катюков был назначен начальником штаба 45-го танкового корпуса. За плечами у него был уже почти семилетний опыт штабной службы. Так что новые обязанности освоил быстро, но тянуло в строй. Хотелось поработать самостоятельно — Катюков чувствовал, что созрел для этого. Командир корпуса Н. Д. Веденеев, человек опытный, волевой и вместе с тем душевный, внял неоднократно просьбам Катюкова о переводе на строевую должность. Михаил Ефимович был назначен командиром 34-й танковой бригады — той самой, где служил начальником оперативного отдела после окончания академических курсов. В годы Великой Отечественной войны Катюков не раз слышал о Н. Д. Веденееве, ставшем командиром танкового корпуса 2-й гвардейской армии, Героем Советского Союза.

В сентябре 1939 года вместе с бригадой Катюков участвовал в освободительном походе советских войск, взявших под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Пришлось встретиться с частями вермахта. Правда, инцидента не произошло. Гитлеровцы быстро ретировались за установленную демаркационную линию. «Надолго ли?» — подумал Катюков. Время было тревожное, и такие вопросы задавал себе, видимо, не он один.

В 1940 году Катюков неожиданно был вызван в Москву. Побывал в Наркомате обороны, затем в ЦК ВКП(б) — там ему предложили принять 20-ю танковую дивизию. С ней он и вступил в Великую Отечественную войну...

В начале 1943 года Катюков получил приказ: срочно явиться к Верховному Главнокомандующему. Как-либо понятных для себя причин столь неожиданного вызова и его срочности Катюков найти не мог, и это настраивало на тревожный лад. На ум приходили рассказы и о крутости Верховного.

Летел на У-2, с интересом рассматривая проносившие-

ся внизу пейзажи. «Мессер!» — вдруг раздался в наушниках голос пилота. Самолет сразу нырнул вниз, затем летчик стал кидать машину из стороны в сторону. «Мессер» несколько раз мелькнул сверху, видимо, стреляя. Выручило искусство пилота. Маневрируя на малой высоте, прячась в складках местности, он оторвался от «мессера» и посадил самолет на окраине Торжка.

Дальнейший полет до Москвы прошел без происшествий. Но времени для приведения себя в порядок не было, и Катукон явился в Кремль как был — в солдатской гимнастерке, в ватных брюках и валенках. Поскребишев, видимо, объяснил Сталину причину походного одеяния Катукон. И когда он вошел в кабинет Верховного Главнокомандующего, то тот лишь слегка улыбнулся. В кабинете были А. С. Щербаков, Н. Я. Федоренко, С. К. Тимошенко и еще несколько генералов.

О том, что произошло дальше, Катукон в своих мемуарах описал так:

«Поздоровавшись, Верховный неожиданно спросил:

— Как, товарищ Катукон, справитесь, если мы вас поставим командовать танковой армией?

Я опешил, но молчать в его кабинете долго не полагалось. Поблагодарил за доверие и ответил, что надеюсь справиться.

— Вот почитайте, — сказал Сталин и, взяв со стола два документа, протянул их мне.

Первый документ — постановление Государственного Комитета Обороны от 4 января 1943 года. В нем говорилось о формировании 1-й танковой армии и о том, что меня назначают командовать ее войсками. Из второго я узнал, что мне присвоено звание генерал-лейтенанта танковых войск».

Тут же было решено назначить членом Военного совета армии Н. К. Попова. Когда Сталин отпустил Катукон, Федоренко увез его к себе в Наркомат обороны.

Для того времени создание танковых армий было делом новым, выдающимся. Один состав будущей армии поражал своей грандиозностью: 3-й механизированный корпус, 6-й танковый корпус, четыре отдельных танковых полка и отдельная танковая дивизия, шесть лыжно-стрелковых бригад, две воздушно-десантные дивизии, два гаубичных полка, два полка реактивной артиллерии, два минометных полка, авиационный полк, артиллерийская противотанковая истребительная бригада, инженерно-саперная бригада, разведывательный армейский полк, зе-

нитная артиллерийская дивизия, два мотоинженерных батальона, полк связи, множество различных тыловых частей и учреждений. Словом, как выразился Катукон, «машина немалая».

— Вот так, командарм! Справитесь? — спросил Федоренко, закончив перечисление состава будущей 1-й танковой армии.

— Обязан.

— Разумеется... Вот как после Сталинградской битвы дела наши пошли! Стратегическая инициатива теперь у нас... Противник, конечно, попытается отнять ее, но и мы теперь не те. Готовьте скорее вашу армию. Наступило время крупномасштабного применения танковых сил.

Федоренко сообщил, что штаб 1-й танковой армии будет создаваться на базе 29-й общевойсковой армии. Заметив мелькнувшее на лице Катукон недовольствие, он разъяснил, что, конечно, нужно учитывать и специфику танковых войск; но создаются и другие танковые армии, поэтому командиров-танкистов соответствующих рангов может просто не хватить — не брать же их из только что сформированных или формируемых танковых корпусов. Возможно, в этом был свой резон, и Катукон спорить не стал. Однако, воспользовавшись зашедшим разговором о кадрах, он попросил назначить своим помощником по технической части П. Г. Дынера.

Ночь Катукон провел почти без сна. Мысли, вызванные новым назначением, будоражили сознание. Конечно, оказанное доверие радовало. Но Катукон ясно видел всю сложность и ответственность своих новых обязанностей. Ведь, по сути, его командирская деятельность приобретала качественно новое содержание. И это не только сложнейшая работа по руководству множеством звеньев огромного объединения танковых войск. Это новая, более высокая ступень искусства боевого применения танковых сил. Теперь ему предстояло решать прежде всего задачи оперативного масштаба, ясно представлять роль и место танковой армии в операциях оперативно-стратегического и стратегического значения. В такого рода операциях танковые армии составляли основную ударную силу сухопутных войск и применялись преимущественно на главных направлениях для нанесения противнику мощных и глубоких ударов. Все это, разумеется, Катукон знал, но, потеряв надежду побороть бессонницу, все же думал об этом и о том, что и ему самому нужно сформироваться как командарму.

На следующий день самолетом Катукоев вернулся «домой» — в штаб 3-го механизированного корпуса. На «раскачку» времени не было. Формирование армии было приказано завершить к 17 февраля в ближайших тылах Северо-Западного фронта.

Дело это оказалось невероятно мучительным — другие слова подобрать трудно. Бушевала метель, дороги были покрыты огромными сугробами и оказались абсолютно непроходимыми для колесных машин. Пришлось использовать в качестве тягачей и снегоочистителей танки. Прибывший на место представитель бронетанкового управления категорически запретил это как противоречащее инструкции. Потребовалось распоряжение Г. К. Жукова, чтобы отменить запрет. И все же части и соединения по снежному бездорожью двигались крайне медленно.

Ко всему этому выявилась другая беда: в районе формирования не было ни горючего, ни боеприпасов, ни продовольствия. Ближайшая же база снабжения находилась в 250 километрах. К ней вели лишь проселочные дороги, тоже занесенные снежными сугробами. Пришлось и тут для расчистки дорог пустить в дело танки.

— Не знаю, как мы будем воевать, но формирование армии я всю жизнь буду помнить, — досадовал Катукоев в разговоре с Попелем. — Метель вот только и вырывает.

— Метель? — изумился Попель. — Она же главная наша мучительница.

— И спасительница. Представь, как выглядела бы сверху местность, если бы следы прохождения войск сразу не замечались и авиация противника могла бы действовать.

— Да. Живая карта для бомбежек, — встревожился Попель.

— Все возможное для ускорения движения войск к местам сосредоточения и маскировки этих мест делается, — продолжал Катукоев. — Но нужно... невозможное, что ли... Сосредоточь, Николай Кириллович, всю партию работу на этом. Много пота потребует, зато не будет крови. Метель — штука коварная. Вдруг прекратится, а там, глядишь, и небо прояснится. Тогда жди бомбежек.

С Попелем Катукоев сошелся быстро и высоко ценил его умение работать с людьми, способность находить действенные способы мобилизации войск на решение слож-

ных конкретных задач. Как и всегда, огромную помощь в эти дни оказывал Катукоеву Дынер. До войны инженер одного из киевских предприятий, Павел Георгиевич оказался весьма незаурядным военным инженером-организатором. Вместе с Катукоевым, будучи его неизменным помощником по технической части, он всегда быстро осваивал новый объем деятельности.

Оба они — Попель и Дынер, каждый на своем месте, — проделали огромную работу в период формирования армии, взяли на себя решение многих организационных и хозяйственных вопросов, дав Катукоеву возможность более обстоятельно заниматься знакомством с командными кадрами и прибывающими войсками.

Включенные в состав армии соединения и их командование производили отрядное впечатление. За 3-й механизированный корпус Катукоев был спокоен. Тем более что назначенного вместо него командиром этого корпуса генерал-майором танковых войск С. М. Кривошеина он знал и ранее, часто встречался с ним по служебным делам. До войны Кривошеин командовал механизированным корпусом, а в начале ее принял участие в первых боях с фашистскими захватчиками. С августа 1941 года он был начальником управления боевой подготовки бронетанковых и механизированных войск Красной Армии.

Мощным соединением был 6-й танковый корпус. Он уже имел некоторый боевой опыт: участвовал в летне-осенних боях в составе войск Западного фронта. Командовал корпусом генерал-майор танковых войск А. Л. Гетман. После окончания в 1937 году Военной академии механизации и моторизации РККА А. Л. Гетман служил в танковых войсках, в должности командира танковой дивизии участвовал в битве за Москву.

3-й механизированный и 6-й танковый корпуса составляли главную ударную силу 1-й танковой армии, и оба они возглавлялись грамотными, с боевым опытом, решительными, волевыми генералами-танкистами. С удовлетворением знакомился Катукоев с командным и политическим составом отдельных частей, прибывавших в армию.

Правда, первоначально не все ладилось в управленческом аппарате армии. Некоторым ее работникам так и не удалось перестроиться, понять специфику танковых войск. И это все больше тревожило Катукоева.

Вскоре поступил приказ, согласно которому 1-й танковой армии предстояло стать главной ударной силой во фронтовой наступательной операции, имевшей целью раз-

громить 16-ю немецкую армию и полностью ликвидировать блокаду Ленинграда. И сразу началась невероятная по напряженности работа: завершалось формирование армии, усилилась боевая учеба в войсках, а штаб и все службы сосредоточились над составлением расчетов и других документов, необходимых для разработки плана будущей операции. Тут-то и сказалась некомпетентность некоторых работников штаба армии в танковых делах. Катукров срочно отозвал из 3-го механизированного корпуса на должность начальника оперативного отдела армии своего старого боевого соратника Никитина. Неувязок стало меньше. Но нужны были кардинальные меры. И Катукров обратился к приехавшему для ознакомления с ходом подготовки операции Г. К. Жукову с просьбой заменить начальника штаба армии. Он порекомендовал на эту должность начальника штаба 22-й армии генерал-майора М. А. Шалина, которого хорошо знал и был уверен, что он быстро освоит специфику танковых войск.

Г. К. Жуков тут же дал указание произвести замену: через несколько часов Шалин, прилетевший самолетом, доложил Катукрову о своей готовности приступить к работе. Человек дела, энергичный и решительный, Шалин быстро вник в замысел предстоящей операции. Все планы, приказы, расчеты были сделаны быстро и как надо.

Несколько раньше на должность заместителя командующего войсками армии прибыл генерал-майор Е. В. Баранович. За плечами у него был богатейший боевой опыт трех войн — русско-японской, первой мировой и гражданской. Человек немолодой, Ефим Викентьевич с завидной энергией увлекся разработкой плана операции, оказывал Катукрову весьма ощутимую помощь в подготовке войск армии.

За управленческий аппарат армии Катукров был теперь спокоен: он быстро превращался в слаженный, четкий, инициативно работающий коллектив. Таким же оказался и коллектив политотдела армии во главе с начальником генерал-майором А. Г. Журавлевым. Вообще кадры руководящих политработников в армии, по выражению Попеля, были «что надо».

Завершив формирование, армия прошла по бездорожью до 90 километров и расположилась в исходном районе для наступления. И вдруг неожиданно наступившая здесь ранняя весна спутала все планы советского командования. Снег бурно таял: по полям и оврагам раз-

лилась вода — пущенные для пробы несколько танков погрузились в нее по самые башни.

Вскоре пришла директива, извещавшая, что намеченная операция отменяется. Вместе с директивой поступил приказ: войскам 1-й танковой армии без воздушного десанта, лыжно-стрелковых и некоторых других соединений и частей срочно погрузиться в эшелоны для переброски в другое место. Куда — в приказе не говорилось.

Подготовка к этой несостоявшейся операции имела большое значение для становления 1-й танковой армии. В процессе ее выявлялись и устранялись недостатки, проверялась слаженность в работе всех звеньев ее управления, раскрывались способности командно-политического состава, боеготовность соединений. Этот процесс многое дал и Катукрову. Теперь он в какой-то мере знал армию и сам обрел некоторый практический опыт как командарм.

...Курская дуга. Сюда — в состав войск Воронежского фронта — задолго до начала грандиозной битвы и была переброшена 1-я танковая армия. Расположенная во втором эшелоне на Обояньском направлении, она должна была прочно прикрывать дорогу Белгород — Курск и быть готовой к нанесению контрударов с целью разгрома прорывающихся группировок противника. Первый эшелон занимала 6-я гвардейская армия.

К местам расположения войска армии прибыли скрытно от противника. Тщательная маскировка соблюдалась и на рубеже развертывания армии. Танки, орудия, автомашины были поставлены впритык к местным строениям. Вражеские авиаразведчики обнаружить их не могли. Сразу же были развернуты инженерные работы. По всему 60-километровому фронту сооружались траншеи, ходы сообщения, капониры, дзоты, блиндажи, различные искусственные препятствия. На наиболее вероятных направлениях вражеского наступления были открыты не только настоящие, но и ложные окопы. Позже к Катукрову попала трофейная карта. На ней были нанесены ложные позиции 1-й танковой армии.

Противник активности не проявлял — готовился к «внезапному» удару, давно уже известному советскому командованию. И Катукров стремился всесторонне, с максимальной пользой использовать паузу. Тщательно были разработаны вопросы взаимодействия танковых соединений с пехотой, артиллерией и авиацией. Возможные варианты действий войск при нанесении контрударов были

разыграны с командирами и штабами корпусов и бригад путем командно-штабных учений и игр.

Вместе с Шалиным и Никитиным Катукоев не раз обсуждал разные варианты возможных действий противника. И многое, очень многое им удалось предусмотреть, в том числе и главное: если противник прорвет оборону общевойсковых армий, то вместо контрудара 1-й танковой армии предстояло выполнить роль бронированного щита на направлении главного удара вражеских войск. Напряженная боевая и политическая подготовка велась в войсках. В соединения и части были направлены многие генералы и офицеры управления армии.

— Нужно, чтобы и взаимодействие, и все остальное было отработано во всех звеньях — до подразделений, — отсутствовал их Катукоев. — В подразделениях же по-суворовски: «Каждый солдат должен знать свой маневр». А это боевая учеба и конкретная политработа.

Сам Катукоев вместе с Попелем тоже много времени проводили в войсках. Они побывали в бригадах, полках и батальонах, проверили их основные и запасные участки обороны.

Катукоев всегда находил время для бесед с личным составом и делал это искусно: говорил о стойкости, воинском мастерстве и тут же поучительную притчу вставлял или под общий хохот острую шутку. Сам садился в танк и показывал воинам, как совершать тот или иной маневр, как вести огонь с различных положений и дистанций.

Большое внимание в боевой подготовке уделялось разъяснению способов борьбы с танками «тигр». Все подразделения были обеспечены изданной управлением командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии памяткой, в которой имелись снимки этого нового немецкого танка, указывались его тактико-технические данные и уязвимые места, описывались способы уничтожения его на поле боя. Памятка тщательно изучалась, ее рекомендации использовались на практических занятиях.

Специальные занятия проводились с молодыми воинами, в том числе и обкатка: через окопы с бойцами пропускались танки. Вновь призванные воины убеждались, что танк не так страшен, если окопы хорошо оборудованы, а их защитники умеют владеть оружием.

К концу мая основные задачи боевой подготовки войск были выполнены. Катукоев поставил задачу: углуб-

лять навыки и знания, овладеть смежными специальностями с тем, чтобы в танковых экипажах, орудийных, минометных и пулеметных расчетах выработать полную взаимозаменяемость.

Между тем Ставка Верховного Главнокомандования принимала меры по усилению 1-й танковой армии войсками. В середине мая в нее были включены и вскоре прибыли на места зенитно-артиллерийская дивизия, два авиаполка связи, автотранспортный полк, девять госпиталей и некоторые другие части и специальные подразделения.

В «блиндажных дебатах», как выразился Катукоев, возникла идея усилить армию за счет ее собственных возможностей: создать на базе отдельной танковой бригады и четырех отдельных танковых полков еще один танковый корпус. Бригада эта и полки были предназначены для действий в боевых порядках воздушно-десантных и лыжно-стрелковых соединений, включенных в состав армии, когда она готовилась к ликвидации блокады Ленинграда. Теперь же в армии этих соединений не было. Предназначенные же для них танковые части оказались прямо подчиненными командованию армии. В боевых условиях это лишь затруднило бы руководство их действиями.

Обсудили все в деталях и обратились с предложением в штаб Воронежского фронта, затем к Г. К. Жукову. В конце концов дело дошло до Сталина — создание таких крупных формирований, как танковый корпус, являлось прерогативой Верховного Главнокомандующего. Сталин одобрил предложение. На другой день пришла директива о создании 31-го танкового корпуса. К сожалению, к началу боевых действий корпус полностью не был сформирован: не прибыли мотострелковая бригада и артиллерия. И все же, как показали дальнейшие события, новый корпус решал задачи, которые были не под силу отдельной танковой бригаде и отдельным танковым полкам.

К началу Курской битвы 1-я танковая армия представляла собой сплоченное, обученное, хорошо вооруженное войсковое объединение. Оно опиралось на мощную систему инженерных сооружений и было способно к активным оборонительным и наступательным действиям.

Советское командование знало о сроке начала наступления противника: 3—6 июля. В ночь на 5 июля Катукоев решил выспаться. То же самое он посоветовал сделать Шалину и Никитину. Но уснуть в ожидании такого со-

бытия не удалось. Думать же в полусне — дело никчемное. Катукое оделся и около трех часов пришел в штаб. Там оказались Шалин и Никитин.

— Полуночищаете?

— Как и вы, — рассмеялся Никитин.

Шалин доложил различные сведения, подтверждавшие, что противник с часу на час должен начать наступление.

В основном направление главного удара противника было известно — в полосе обороны 6-й гвардейской армии. Об этом своевременно предупредил штаб фронта. А это означало, что, как и предполагал Катукое, 1-й танковой армии предстояло быть бронированным щитом на направлении главного удара вражеских войск.

После войны Катукое прочитал в опубликованных секретных документах гитлеровского командования:

«...Группа армий «Юг» сосредоточенными силами наносит удар с рубежа Белгород — Томаровка, прорывает фронт на рубеже Прилепы — Обоянь, соединяется у Курска и восточнее его с наступающей группой армий «Центр».

Таким образом, замысел противника в основном был разгадан советским командованием. По решению командующего Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутина рано утром на изготовившиеся к наступлению вражеские войска обрушился мощный авиационный и артиллерийский удар. Он ослабил наступательные возможности противника. Но уже в семь утра из штаба фронта сообщили о переходе вражеских войск в наступление. Основной удар противника обрушился на позиции 67-й и 52-й гвардейских стрелковых дивизий, которым были приданы артиллерийские части и 1-я гвардейская танковая бригада 1-й танковой армии.

— Совершенно очевидно, что противник намерен вырваться на Обоянское шоссе, — констатировал Шалин, склонившись над картой. — Причем мощным танковым ударом.

Итак, решительный момент настал. Катукое с минутой сидел молча, испытывая естественное внутреннее возбуждение в связи с началом крупной операции. Затем отправился в корпуса, уже поднятые по боевой тревоге. Всюду шли последние приготовления к боям, проходили митинги, партийные и комсомольские собрания.

Пятого июля в 16 часов командующий войсками фронта приказал: к 24 часам 6-й танковый и 3-й механизиро-

ванный корпуса выдвинуть на второй оборонительный рубеж 6-й гвардейской армии, а сзади них расположить 31-й танковый корпус. Задача армии — ни при каких обстоятельствах не допустить прорыва противника на Обоянь. К 23—24 часам корпуса вышли на указанные рубежи. К этому времени 4-я танковая армия противника во многих местах значительно потеснила 6-ю гвардейскую армию, овладела ее первой и второй позициями, кое-где вышла ко второй полосе обороны.

Коротки июльские ночи. Но рубеж обороны заранее был подготовлен в инженерном отношении, и к утру 6 июля 1-я танковая армия уже изготовилась для отражения вражеского удара. С рассветом после полуторачасовой авиационной и артиллерийской подготовки 4-я танковая армия противника сумела прорвать главную полосу обороны 6-й гвардейской армии. Враг, видимо, полагал, что теперь он не встретит серьезного сопротивления в наступлении на Курск: дивизии его двигались в предбоевых порядках — в ротных колоннах, впереди шли танки, за ними пехота на бронетранспортерах и автомашинах. И вдруг подразделения его разведки и охранения нарвались на танковые засады и были разбиты.

Противник оказался вынужден вновь развертывать в боевые порядки свои главные силы. В их составе были отборные соединения вермахта. Одни их названия говорили о многом: танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Райх», «Мертвая голова», моторизованная дивизия «Великая Германия». Впереди шли «тигры» и «фердинанды», за ними «пантеры» и другие танки и штурмовые орудия. Развернулось ожесточенное сражение, длившееся несколько часов. С обеих сторон в ход было пущено все: танки, артиллерия, авиация, пехота. Местами противнику удавалось достигать перевеса в силах, но и в этих случаях он не имел успеха: стойкость и мастерство советских воинов, казалось, были беспредельными.

Когда Катукое прибыл на КП командира 6-го танкового корпуса Гетмана, тот доложил:

— Отбиваем четвертую атаку.

«Была половина четвертого дня, — вспоминал Катукое. — Но казалось, что наступило солнечное затмение. Солнце скрылось за тучами пыли. И впереди в полумраке виднелись всплески выстрелов, взлетала и осыпалась земля, ревели моторы, лязгали гусеницы».

Более половины личного состава и техники потеряла в первом же бою 49-я танковая бригада. Незадолго до

этого назначенный ее командиром герой боев под Орлом А. Ф. Бурда был безутешен. Катуков любил его за расчетливую храбрость, умение добиваться успеха в боях малой кровью. Выяснилось, что потери противника намного превосходили потери бригады. К тому же она не отступила ни на шаг. И так было всюду — ни одно участвовавшее в боях соединение не отступило под натиском превосходящего врага.

Сражение затихло лишь с наступлением темноты. Итоги первого дня боев удовлетворили и вместе с тем обеспокоили Катукова. Врагу не удалось прорвать нашу оборону. Но достигнуто это было ценой больших потерь. То, что потери противника были значительно большими, не утешало. По всему было видно, что он располагает большим превосходством. И не только численным. Вражеские «тигры» из своих 88-миллиметровых пушек могли вести огонь по советским танкам на расстоянии до 2 километров, находясь вне досягаемости огня 76,2-миллиметровых пушек тридцатьчетверок. Учитывая эти преимущества противника, Катуков не устал повторять свои требования о широком применении танковых засад. Нужно было, чтобы вражеские машины подходили к засадам на 300—400 метров. Это давало возможность более подвижным тридцатьчетверкам внезапно обрушивать на «тигры» прицельный огонь. Были приняты меры для улучшения взаимодействия с авиацией и широкого использования противотанковых средств.

Ночью армия была усилена за счет резерва командующего войсками фронта рядом полков противотанковой артиллерии и батальонов противотанковых ружей. Очевидно, противник тоже получил значительные пополнения и тщательно подготовился к наступлению. С рассветом выяснилось, что на этот раз он решил протаранить оборону 1-й танковой армии мощным концентрированным ударом.

— Что-то невероятное, товарищ командующий, противник бросил на нашем участке до семисот танков и самоходок! — доложил Катукову Кривошеин.

Это был первый случай, когда фашистское командование сосредоточивало на узком 10-километровом участке фронта столь огромное количество боевой техники. Предварительно намеченное им место прорыва было подвергнуто интенсивной авиационной и артиллерийской обработке. И не успела осесть пыль от взрывов авиабомб и артиллерийских снарядов, как вражеские танки впереди устремились в атаку.

Каждые четверть часа Катуков связывался с Кривошеиным. Тот докладывал, что танкисты, артиллеристы, мотострелки дерутся самоотверженно, но противник наращивает удары. По всему было видно, что он во что бы то ни стало стремился прорваться к Курску, чтобы соединиться с войсками, наступавшими с севера.

За первой атакой последовала вторая, затем третья. И каждый раз противник начинал все сначала — проводил мощную авиационную и артиллерийскую подготовку, затем бросал в атаку танки и мотопехоту. В 13 часов последовала четвертая атака. На этот раз враг имел еще большее превосходство в силах. 3-й механизированный корпус стал медленно отходить. Катуков выдвинул в полосу его обороны ряд танковых и артиллерийских частей. По его вызову мощные удары по войскам противника наносила фронтовая авиация. В итоге замысел фашистского командования был сорван: врагу удалось лишь потеснить 3-й механизированный корпус.

Ночью Катуков объехал несколько соединений.

— Прут и прут! Восемь атак сегодня отбили, — доложил командир 3-й механизированной бригады подполковник А. Х. Бабаджанян. — Люди на ходу засыпают.

Уже какие сутки сам Катуков или вообще не спал, или урывал на сон 2—3 часа, «досыпая» затем в машине или в бронетранспортере во время поездок по соединениям. Мозг его был напряжен до предела. Именно он, командарм, представляя целостную картину множества разгоревшихся и разгоравшихся боев, которые вела армия, видел общую тенденцию их развития, должен был направлять ее в нужное русло. Поэтому только он должен был решать, кому в первую очередь дать подкрепления, как и где использовать резервы, когда и как изменить тактику боевых действий. За всем этим — бесчисленное множество конкретных вопросов, которые также нужно было решать немедленно и одновременно.

В самом же общем плане линия Катукова состояла в том, чтобы вести жесткую оборону выгодных высот, перекрестков дорог, населенных пунктов. Это должно было резко изменить обстановку. Бои велись бы сразу во многих местах: противник вынужден был бы дробить свои силы, разжимать свой кулак. Оборона важных в тактическом отношении пунктов должна была также лишить врага превосходства в технике и живой силе. Она состояла как бы из двух взаимосвязанных частей — жесткой и маневренной обороны. На подходе к этим пунктам враг

неизменно наталкивался на «сюрпризы»: на прицельный огонь искусно замаскированных танковых и артиллерийских засад, на внезапно возникавшие мощные танковые заслоны. Такая организация обороны позволяла наносить врагу огромные потери, мешала ему маневрировать резервами и авиацией.

События, собственно, так и развивались. Но враг наращивал удары. 8 июля накал боев и их масштабы достигли апогея. В этот день враг предпринял 12 крупномасштабных атак, поддержанных сотнями самолетов. Были критические положения: отдельные танки противника прорывались через вторую полосу обороны. В центре и на левом фланге 1-я танковая армия вынуждена была отойти на 4—5 километров. Фронт ее обороны гнулся, но не ломался. И каждый километр продвижения давался противнику ценой огромных потерь.

Ночью, обдумывая поступившие с мест донесения и другие данные, Катукоев улыбнулся и, встав из-за стола, потянулся так, что захрустели кости.

— Сегодня противник пошел ва-банк. Это кульминация!

— Да, похоже, — подумав, согласился Шалин.

— А вы, Ефим Викентьевич, что думаете? — спросил Катукоев Барановича.

— Все признаки за то. Думаю, что нужно усилить контратаки.

— Правильно! Пока мы контратакуем ротами, батальонами, сегодня контратаковали двумя бригадами... Михаил Алексеевич, — Катукоев повернулся к Шалину, — передайте в соединения: завтра произвести контратаки более крупными силами, учитывая, конечно, конкретные условия. Если действительно противник пошел ва-банк, то резервы его иссякли. Контратаки это проверят...

Как показали дальнейшие события, Катукоев правильно оценил положение: 8 июля вражеское командование бросило в атаки все свои резервы, всю авиацию.

На следующий день внешне все происходило по-прежнему: в атаки шли крупные силы вражеских танков и пехоты. И в небе продолжались жаркие схватки. Но...

— А знаешь, противник-то нервничает, — заметил Попель, просматривая вместе с Катукоевым сводки из соединений.

— Вроде бы... Мечется, в ответ на наши контратаки свежих сил не ввел.

— Выходит, что сегодняшние атаки — жест отчаянья?

— Выходит, вроде... Только во что обернется нам этот жест завтра? Мы ведь тоже на пределе, — вздохнув, ответил Катукоев. — Я докладывал командующему фронтом. Жду помощи.

И помощь пришла. Генерал Ватутин усилил 1-ю танковую армию 204-й стрелковой дивизией и 10-м танковым корпусом. Танковой армии был подчинен и 5-й гвардейский танковый корпус генерала А. Г. Кравченко. К утру 10 июля эти соединения заняли отведенные им участки обороны.

10 июля «жест» противника обернулся крупными атаками. Они повсеместно отбивались. Было в них что-то такое, что позволило Катукоеву вечером сказать Шалину:

— Нужно продержаться день-другой, и силы противника иссякнут. А мы теперь намного сильнее. Крепко поддержал нас Ватутин.

— Да, второй день действуют одни и те же войска. Видно, свежих сил у противника уже нет.

Выслушав доклады заместителей, Катукоев вдруг почувствовал такую усталость, что закачался. Кое-как добравшись до избы, где жил, он, не раздеваясь, рухнул на кровать. Рано утром его с трудом растолкал адъютант.

В штабе Катукоева встретил Никитин.

— Сегодня необычный день, Михаил Ефимович! — поздоровавшись, весело сказал он. — Противник-то ведет себя тихо, лишь обозначает свое присутствие.

Позже выяснилось, что командование противника, убедившись в несокрушимости обороны советских войск на обояньском направлении, перегруппировало свои силы с тем, чтобы обойти 1-ю танковую армию с востока и через Прохоровку прорваться к Курску.

В разгар знаменитого танкового сражения под Прохоровкой находившиеся на правом фланге армии приданные ей 8-й и 10-й танковые корпуса по приказу Катукоева нанесли контрудар. В результате противник не только не снял с обояньского направления дополнительные силы, но и вернул сюда часть артиллерии и других огневых средств, которые уже направлялись под Прохоровку.

Вечером 14 июля атаки противника на фронте 1-й танковой армии вообще прекратились. Катукоев доложил об этом Ватутину.

— Всюду то же самое, — ответил тот.

— Это же значит...

— Да, — прервал Ватутин. — Это значит, что мы выстояли...

В ночь на 16 июля войска армии и приданные ей соединения были выведены в тыл.

Пользуясь передышкой, Катуков обдумывал прошедшие бои. Впервые советское командование использовало мощные танковые объединения и соединения для удержания полос в глубине обороны. Дело это было не только новым, но и исключительным. Ведь танковые объединения и соединения в оборонительных сражениях предназначены для нанесения контрударов, а не непосредственно для обороны. Но чего не бывает на войне! Память указывала не только на удачу, но и на промахи, в том числе его собственные. А в недостатках он обычно копался больше, чем в удачах. В целом же Катуков был доволен. Ему удалось осуществить многое из того, что он не раз обдумывал: маневрирование крупными танковыми силами, танковые заслоны, засады, различные варианты взаимодействия с другими родами войск, особенно с артиллерией и авиацией.

В конце июля Н. Ф. Ватутин произвел разбор Курского сражения. Он отметил, что 1-я танковая армия полностью выполнила свои задачи в обороне на направлении главного удара противника. Позже в донесении командования войсками Воронежского фронта в Ставку Верховного Главнокомандования Катуков прочитал: «Противник разбился на обояньском направлении и нашего фронта не прорвал».

Катуков с признательностью думал о своих ближайших помощниках, о командирах соединений, восторгался мастерством и героизмом личного состава и был очень рад за вверенные ему войска, когда все корпуса армии были переименованы в гвардейские.

22 июля в штабе Воронежского фронта состоялось совещание командующих и членов Военных советов армий. Заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков подробно изложил замысел крупной наступательной операции Воронежского и Степного фронтов, вошедшей в историю под названием Белгородско-Харьковской. Она являлась составной частью контрнаступления советских войск в Курской битве и имела целью разгромить белгородско-харьковскую группировку противника и создать условия для освобождения Правобережной Украины.

1-й и 5-й гвардейской танковым армиям поручалось

развивать успех прорыва вражеской обороны на направлении главного удара войск Воронежского фронта.

Вот оно, наконец, долгожданное, что Катуков считал основным назначением танковых войск, — наступление! Получив конкретные установки, он с воодушевлением занялся подготовкой к предстоящей операции. Прежде всего нужно было повысить боеспособность самой армии. Здесь Катуков мог теперь ограничиваться принципиальными указаниями. Все практическое руководство этим делом осуществлял Баранович. Армия получила 200 новых танков и другую технику. Под руководством Дыгера широко развернулись ремонтные работы. Из 562 имевшихся в армии танков не удалось восстановить только 20 — не хватило запасных частей. В короткий срок войска армии отремонтировали 1215 автомашин.

На период операции командование войсками фронта усилило 1-ю танковую армию рядом истребительно-артиллерийских, минометных, инженерно-штурмовых и других соединений и частей. Поддержку боевых действий армии должны были осуществлять штурмовая и истребительная дивизии.

Подготовка к наступлению велась на всех уровнях, начиная с подразделений. И на всех уровнях под руководством Попеля и Журавлева велась деятельная партийно-политическая работа. Словом, армия набиралась сил.

Сам же Катуков вместе с Шалиным и Никитиным сосредоточился на разработке плана предстоящей операции, отработке взаимодействия с будущими соседями, с командованием выделенных для поддержки армии авиации и артиллерии. Затем они перешли на ступень ниже — отработали все эти вопросы в пределах самой армии, добиваясь, чтобы корпуса и отдельные части четко представляли свои задачи, умели тесно взаимодействовать друг с другом. Такая же работа велась в соединениях и частях. И снова, как всегда, Катуков доводил отработку взаимодействия вплоть до экипажей, артиллерийских и минометных расчетов.

— Уметь действовать автономно должны все: и соединения, и части, и подразделения, и отдельные экипажи, — настойчиво повторял он. — В наступлении это особенно важно. Придется отрываться от главных сил, действовать во вражеском тылу, самостоятельно принимать решения.

Вскоре наступил момент, когда Катуков мог считать подготовку к операции законченной. Все, что зависело от

командования армии и ее соединений, было сделано. И все же Катюков волновался. И было отчего. Укомплектованность армии была далека от необходимой: по личному составу — 82, танкам — 84, самоходно-артиллерийским установкам — 67, орудиям и минометам — 85, автотранспорту — около 55 процентов, не хватало более 3 тысяч автомашин.

Катюков, Шалин и Никитин прикидывали и так и этак, но в конце концов обеспечили, чтобы соединения, на которые возлагались наиболее ответственные задачи, обладали необходимой огневой мощью, подвижностью и маневренностью.

В ночь на 2 августа войска армии начали переход в исходные районы. Днем боевая задача была доведена до всего личного состава. Во всех частях прошли митинги. Катюков побывал на некоторых из них и вместе со всеми испытывал то чувство подъема, особой собранности, которые обычно вызывали такого рода митинги. Внимательно всматривался он в загорелые, казалось, опаленные только что прошедшими боями лица солдат и офицеров, которые строго, сосредоточенно произносили:

«Клянемся тебе, наш великий народ, что мы будем драться до последнего дыхания, пока сердце бьется в груди, а глаза видят землю...»

3 августа в 6 часов утреннюю тишину всколыхнул грохот артиллерийской канонады. По укреплениям противника били тысячи орудий и минометов. В 7 часов 40 минут грохот усилился — по врагу открыли огонь «катушки». Одновременно сотни самолетов непрерывно бомбили вражескую оборону с воздуха.

Сразу же после артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление общевойсковые соединения. Противник предпринял ряд яростных атак. Для завершения прорыва в сражение были введены передовые отряды 1-й и 5-й танковых армий. Они помогли пехотинцам допрорвать главную полосу обороны противника. Затем через узкий коридор на оперативный простор вышли обе танковые армии — 1-я и 5-я гвардейская.

Девять суток — с 3 по 11 августа — войска 1-й танковой армии вели непрерывные бои. Было все — и стремительные, ошеломляющие удары по врагу, и отражение его яростных контратак. И прав был Катюков: нередко частям и подразделениям приходилось действовать автономно. 120 километров прошла армия за девять суток. Ее соединения перерезали железную дорогу Харьков —

Полтава. Противнику удалось вновь овладеть этой магистралью. По указанию Ставки на это направление была переброшена 5-я гвардейская танковая армия. Взаимодействуя, обе армии рассекли войска противника на две части, вышли на фланг его харьковской группировки и отрезали ей путь отхода на запад. Успешное продвижение танкистов содействовало войскам Степного фронта в освобождении Харькова.

Для Катюкова эта операция явилась первым опытом руководства боевыми действиями армии в наступлении, новым, чрезвычайно важным шагом в развитии его искусства военачальника. Даже то, что некоторые недостатки в организации и действиях войск сразу же устранялись, свидетельствовало о его способности быстро ориентироваться в обстановке и принимать правильные решения.

Высокое мастерство проявили его ближайшие помощники и командиры соединений. В целом 1-я танковая армия приобрела за период Курской битвы огромный и всесторонний опыт крупномасштабных боевых действий — оборонительных и наступательных.

В сентябре армия была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Через несколько дней Катюкова и Попеля вызвали на совещание к Верховному Главнокомандующему.

Оно оказалось весьма представительным: присутствовали все командующие и члены Военных советов танковых армий.

Во вступительном слове Сталин сказал, что в ближайшее время предстоят крупные наступательные операции и поэтому нужно разобраться в организационных и штатных делах танковых армий.

Мнения разделились. Некоторые командармы считали, что танковые армии нужно «облегчить», освободить от «довесков» — госпиталей, санитарно-эпидемических отрядов, дорожно-мостовых батальонов. Они предлагали медицинское и дорожно-мостовое обслуживание танкистов возложить на соответствующие службы общевойсковых армий, в полосе которых придется действовать объединениям танковых войск. Катюков был за то, чтобы эти специальные части остались в танковых армиях. Он привел убедительные примеры, показывающие, что эти части, приспособленные к особенностям и задачам танковых войск, напротив, способствуют подвижности и маневренности танковых армий, особенно после ввода их в прорыв, когда они уходят от общевойсковых армий на трое-чет-

веро суток. Катуков предложил также усилить танковые армии гаубичной артиллерией.

Были приняты предложения Катукова. Обсудили и многие другие вопросы.

— Видал, как: предстоят крупные наступательные операции, — восторгался Пошель, возвращаясь с Катуковым из Кремля. — Помнишь, ты нашу армию под Курском назвал броневым щитом? Теперь она будет рассекающим мечом.

— Красиво говоришь. После войны, наверное, писать будешь... Ладно, Федоренко передал, что нас Калинин вызывает. Пошли.

Мягко улыбаясь, Калинин сказал, что он слышал о них обоих. Оказалось, что в 1-й танковой армии служил политработником друг Калинина — старый большевик, который много писал ему, и Михаил Иванович решил лично познакомиться с Катуковым и Попелем. И ордена за Курскую битву задержал, чтобы самому вручить. Калинин подал им коробочки с орденами.

— Ваш, товарищ Катуков, орден особый — полководческий, — сказал Михаил Иванович. — Статусу ордена Кутузова первой степени как раз и соответствуют действия вашей армии в Курской битве — переход от активной обороны к решительному контрнаступлению.

Возвращаясь на фронт, Катуков сделал маленький крюк — заехал к отцу. Застал его сильно одряхлевшим, больным. Но о войне Ефим Елифанович расспрашивал с большим интересом и гордился сыном, даже припас для него где-то вычитанные слова Суворова: «Русские прусских всегда бивали». Это была последняя встреча Катукова с отцом. Вскоре Ефим Елифанович умер.

В конце ноября 1-я танковая армия была передана в состав 1-го Украинского фронта и приняла активное участие в операциях по освобождению Правобережной Украины. В Житомирско-Бердичевской операции ее соединения и части, действуя на направлении главного удара, за 17 суток прошли с боями до 300 километров, освободили более 100 населенных пунктов и вышли совместно с 38-й армией в глубокий тыл оборонявшейся на Днепре 8-й немецкой армии. В этой операции Катуков широко применил тщательно продуманный им прием: войска действовали не только днем, но и ночью, причем большинство крупных населенных пунктов бралось, как правило, с ходу в ночное время. Для того времени это было сме-

лым и новаторским делом — ведь танки еще не имели приборов ночного видения.

Исключительно важную роль в освобождении Правобережной Украины сыграла Проскуровско-Черновицкая наступательная операция 1-го Украинского фронта, проведенная с 4 марта по 17 апреля 1944 года во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта. В этой операции на направлении главного удара участвовали сразу три танковые армии.

1-й танковой армии была поставлена сложная задача — во взаимодействии с другими войсками расщепить фронт противника и создать условия главным силам 1-го и 2-го Украинских фронтов для освобождения обширной части территории Правобережной Украины. Планом операции был установлен высокий темп продвижения 1-й танковой армии. Только за первые три дня наступления она должна была продвинуться на 120 километров.

Командующий фронтом Г. К. Жуков подробно рассмотрел с Катуковым обстановку и условия, в которых предстояло действовать армии, назвав их тяжелейшими. И хоть редко он говорил об общем, но на этот раз подчеркнул особое значение операции и, улыбнувшись, заключил:

— Имеешь шанс отличиться, Катуков. Тебе все понятно?.. Хорошо. Значит, через недельку будь с армией вот здесь. — Жуков карандашом ткнул на карте в район Тернополя. — А там — «ура», и будь здоров...

Тяжелейшие условия сказались почти сразу. Началась распутица. Танки идти могли, и они шли, сокрушая опорные пункты противника, громя его живую силу и технику. Но танки не люди. «Голодать» они не могли. Необходимо было также огромное количество боеприпасов. Колесные же машины безнадежно буксовали. Катуков приказал ко всем танкам, кроме тех, что действовали в передовых отрядах, прицепить волокуши и везти на них порочее, боеприпасы и продовольствие. Изготовить из подручных средств сотни волокуш для перевозки тысяч тонн грузов, причем немедленно, в условиях непрерывных боев, — это дело, которое по праву можно приравнять к боевым подвигам.

Катукову приходилось одновременно решать множество сложнейших задач, причем так, чтобы выполнить главную: выдерживать установленный темп наступления. И он был выдержан. За 15 суток армия продвинулась на 250 километров. Но мало что можно выразить словом

«продвинулась» — это и жестокие бои, и дерзкие по замыслу и исполнению охваты группировок противника, внезапные удары по его флангам. Это и форсирование с ходу на подручных средствах Днестра, ночные атаки и захват крупных населенных пунктов. Во взаимодействии с 4-й танковой армией 1-я танковая армия рассекала вражескую группу армий «Юг» и отрезала ее главным силам пути отхода на территорию Западной Украины.

В пути Катюкова догнала приятная весть — 4 апреля ему было присвоено звание генерал-полковника танковых войск.

— Черт, и отметить-то некогда! — ответил Катюков поздравившему его Попелю.

— Придет день, — ответил тот.

И день пришел. Да какой! Операция закончилась, армия заняла позиции во втором эшелоне. 25 апреля Катюкова вызвали к аппарату ВЧ. Из Генштаба сообщили, что только что подписан приказ народного комиссара обороны о переименовании армии в 1-ю гвардейскую танковую армию.

Затем грубку взял Федоренко.

— Поздравляю, Михаил Ефимович! Желаю и впредь действовать по-гвардейски...

— Спасибо, Яков Николаевич!

— А вам лично еще и по-Суворовски! — добавил Федоренко. — Вы награждены орденом Суворова первой степени. А это знаете что? Статус читали, конечно. Орденами Кутузова за контрнаступления награждаются, а Суворова — за полководческое искусство в наступлениях... Намек понимаете?

— Понимаю, — рассмеялся Катюков.

— Поздравляю! Так что соответствуйте.

«Соответствовать» пришлось скоро. С 13 июля по 29 августа войска 1-го Украинского фронта осуществили Львовско-Сандомирскую операцию, в ходе которой были освобождены западные области Украины и юго-восточные районы Польши. В исключительно быстром темпе продвигалась в этой операции 1-я гвардейская танковая армия: за 35 суток — 400 километров! Катюков широко использовал предшествовавший опыт, смело обогащал его новыми приемами.

Еще со времен Белгородско-Харьковской операции Катюков много думал о нецелесообразности танковым армиям ввязываться в затяжные бои за крупные опорные пункты в глубине вражеской обороны. Позже Катюков

писал по этому поводу: «...Мы накопили достаточный опыт, чтобы усвоить истину — освобождение населенных пунктов отнюдь не задача танковых войск. Перерезать коммуникации противника, внести хаос в его оборону, вызвать панику в тылах, перекрыть пути отхода его передовых частей или пути переброски его резервов — вот задача, которую мы ставили в первую очередь».

Во время Львовско-Сандомирской операции Катюков так именно и направлял действия соединений армии: они обходили крупные опорные пункты врага, и этим обеспечиваясь высокий темп наступления.

Сам Катюков был, как всегда, бодр, подтянут, энергичен. На своем вездеходе он мчался по ухабам и рытвинам, успевая побывать в штабах многих соединений. И мало кто знал, что это далеко не легко ему давалось. Накануне наступления острый приступ аппендицита вынудил его обратиться к хирургам. Г. К. Жуков советовал отправиться самолетом в Москву, но Катюков рассудил: аппендицит не такое уж серьезное дело, чтобы лететь за тысячи километров, и лег в свой армейский госпиталь. Оперировал его вызванный для этого профессор, но неудачно: кожа срослась, а мышцы живота не срастались. На повторную операцию времени не было. Кончилось тем, что сделали корсет, который Катюков и носил до конца войны.

На пути продвижения армии находились серьезные водные преграды. Не дожидаясь подхода понтонных частей, ее соединения на подручных средствах форсировали Буг, Сан и Вислу, во взаимодействии с другими войсками армия захватила и удерживала так называемый Сандомирский плацдарм, ставший потом трамплином для броска войск 1-го Украинского фронта через всю Польшу к реке Нейсе.

За умелое руководство войсками, мужество и героизм во Львовско-Сандомирской операции Катюкову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Три месяца 1-я гвардейская танковая армия находилась в резерве Ставки Верховного Главнокомандования. Как и всегда в таких случаях, это время было заполнено боевой и политической подготовкой войск, приемом новой и ремонтом имевшейся техники, обучением пополнения. Произошли изменения в командном составе, в том числе и в высшем армейском звене. По состоянию здоровья вынужден был оставить армию Е. В. Барансич. Заместителем командующего войсками армии стал проявивший

незаурядные способности военачальника генерал-лейтенант танковых войск Андрей Лаврентьевич Гетман. На его место — командиром 11-го гвардейского танкового корпуса был назначен полковник А. Х. Бабаджаниян.

Передышки между операциями Катуков всегда использовал для объезда войск. Теперь пауза была большой. Вместе с Попелем Катуков посетил все госпитали и медсанбаты, что оба они вообще считали для себя правилом. Еще раньше они приняли решение отправлять в глубокий тыл только тяжело раненных воинов. Остальные же раненые лечились в госпиталях, принадлежавших самой армии, и ветераны возвращались в свои части и подразделения. Катуков, бывало, сам проверял: не обойдены ли наградами раненые, а также санитары, медсестры и врачи? В войска он нередко ездил, как говорил, просто так: не для проверки и совещаний, а для общения с солдатами, сержантами и офицерами. Получалось это у него всегда просто, естественно. Авторитет его в войсках был исключительно высок. Воины с гордостью называли себя катуковцами. Солдаты распевали сочиненную кем-то в армии песню:

Но промчится время, разгромим фашистов,
Родина победно снова расцветет.
Смелого танкиста, парня-катуковца,
Встретит, приласкает та, что где-то ждет.

В конце ноября 1-я гвардейская танковая армия была передана в состав 1-го Белорусского фронта и вскоре сосредоточилась в лесах недалеко от Люблина.

— Знаю армию по прежним боям, — встретил Катукова и Попеля командующий войсками фронта Г. К. Жуков. — Потому и выпросил вас у Верховного. Готовьтесь как следует — дела предстоят большие.

Дела действительно предстояли большие. Планировалась крупная стратегическая операция, вошедшая в историю под названием Висло-Одерской. К ее осуществлению привлекались войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского, часть войск 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов. На направлениях главных ударов должны были действовать четыре танковые армии, в их числе и 1-я гвардейская танковая армия. В ходе операции советские войска должны были освободить Польшу и выйти на территорию Германии.

Вскоре командование фронта устроило военную игру на картах, на которую были приглашены командующие,

начальники штабов и члены Военных советов армий. Размах операций и ее обеспеченность поражали. Советские войска теперь во всем превосходили врага — численно и по видам оружия. Но противник имел мощные укрепления, усилившиеся естественными препятствиями — крупными реками. Глубина вражеской обороны, состоявшей из семи оборонительных рубежей, простиралась до 500 километров. Танковым армиям ставилась задача: стремительными бросками захватывать вражеские рубежи обороны до того, как туда будут введены войска противника, перерезать его коммуникации, пути подхода резервов.

С такой же тщательностью Катуков организовал военные игры на картах и в армии: с командирами и начальниками штабов корпусов, затем в корпусах с командованием бригад. Отдельно была проведена игра с командно-политическим составом тыловых служб армии, корпусов и бригад. Эти игры во многом способствовали выработке единства взглядов на характер и способы действий в предстоящей операции всех звеньев руководства войсками армии.

2 января Катуков получил директиву, определявшую конкретные задачи 1-й гвардейской танковой армии в Висло-Одерской операции.

— Темп небывалый! — воскликнул обычно невозмутимый Шалин. — Мыслимое ли это дело! Под Львовом и Сандомиром мы продвигались по 25 километров в сутки, и это казалось рекордом. А тут...

— Мыслимое, конечно же, мыслимое, дорогой Михаил Алексеевич! — Катуков чувствовал в возбуждении Шалина то приподнятое настроение, которое испытывали тогда все, кто знал цели и масштабы грандиозной операции. — И помыслить об этом придется прежде всего вам, как начальнику штаба армии.

— Придется, конечно, — рассмеялся Шалин.

1-я гвардейская танковая армия была введена в прорыв на следующий день после начала Висло-Одерской операции. За 18 суток она прошла с боями свыше 600 километров, преодолела семь оборонительных рубежей, с ходу форсировала реки Пилица, Варта, Одер (Одра). Среднесуточный темп наступления соединений армии составлял 33, а максимальный — 75 километров! Обстановка быстро менялась, возникали непредвиденные ситуации, сложности со связью, снабжением. Но сказывались и тщательная подготовка армии к операции, искусство команди-

ров соединений, неудержимый наступательный порыв воинов-танкистов. Соединения армии выдерживали высокий темп наступления. Порой они отрывались от главных сил на удаленные до 100 километров, с ходу прорывали промежуточные рубежи вражеской обороны, совершали искусные маневры, стремительно преследовали войска противника, рассекали их, не давали им возможности закрепиться на заранее подготовленных позициях.

Танковые рации того времени имели дальность действия не более 30—35 километров. Поэтому, чтобы непосредственно руководить действиями войск, Катукон образовал оперативную группу штаба армии. В нее входили: он сам, член Военного совета, командующий артиллерией и начальник оперативного отдела. Группа двигалась вслед за войсками, нередко в их же темпе, — нужно было успевать быть там, где прежде всего требовались незамедлительные решения командования армии. В тылу же оставался штаб фронта во главе с Шалиным. Он передвигался на новое место только после того, как обобщал все данные о действиях армии и сообщал их в штаб фронта.

Стремительно продвигаясь, войска армии оставляли за собой недобитые части противника, его опорные пункты. В связи с этим в ряде случаев возникали критические ситуации. В одной из них оказалась и оперативная группа. Однажды она расположилась на окраине Нове-Място, на восточном берегу Пилицы. Войска двинулись на Лодзь, у переправы осталась только саперная часть. Вдруг выяснилось, что по обоим берегам Пилицы отходят потрепанные части противника из разгромленной варшавской группировки. Один такой блуждающий «котел» — до тысячи пехотинцев с артиллерией и танками — пробивался прямо на Нове-Място. Попытки связаться по радио с бригадами ничего не дали. Такие перерывы бывали — соединения уходили за пределы досягаемости раций.

— Противник атакует Нове-Място! — подбежал к Катукону запыхавшийся Никитин. — Его сдерживает рота мотоциклетного батальона старшего лейтенанта Байкова. У него шесть танков, у противника семнадцать!

Приказав отправить танки охраны на помощь Байкову, Катукон скоординировал:

— Все за мной! В цепь!

Взвод охраны, связисты, шоферы ринулись за Катукон. Разгорелся бой. Улучив момент, Катукон приказал радисту связаться с бригадой И. Н. Бойко, находившейся

где-то рядом. Наконец это удалось, и Катукон быстро объяснил комбригу ситуацию.

— Есть! Скоро буду!

Фашисты продолжали насаждать, снаряды рвались уже совсем рядом. Цепь защитников КП редела. Но Бойко успел вовремя, блуждающий «котел» был ликвидирован.

Армия вела активные наступательные действия до самого конца операции и полностью выполнила поставленные перед ней задачи. За умелое руководство войсками армии, личное мужество и героизм, проявленные в Висло-Одерской операции, Катукон был удостоен второй Звезды Героя Советского Союза.

Висло-Одерская операция сокрушила весь стратегический фронт вражеской обороны от Вислы до Одера. Советские войска остановились в 60 километрах от Берлина. В это время противник сосредоточил в Восточной Померании группу армий «Висла» для нанесения удара по правому крылу вырвавшегося вперед 1-го Белорусского фронта. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение: силами 2-го и частью сил 1-го Белорусских фронтов разгромить восточно-померанскую группировку противника и после этого возобновить наступление на Берлин. К участию в Восточно-Померанской операции была привлечена и 1-я гвардейская танковая армия.

Ознакомившись с задачами и условиями действий армии, Шалин ахнул:

— Полно рек, ручьев, болот!

— И укреплений, — добавил Катукон. — Дело, конечно, трудное. Нетрудных нам пока не поручали.

Однако на этот раз дело было архитрудным. Беспokoился и Г. К. Жуков. 28 февраля он вызвал Катукона. В своих мемуарах Катукон так воспроизвел этот разговор с Г. К. Жуковым: «Из его беседы я понял, что его тревожит, сумеют ли танковые войска вовремя выполнить приказ Ставки.

— Слякоть, дорог на север почти нет. Одна-единственная с твердым покрытием... Как по ней пройдет такая масса войск? Между тем на всю операцию отпускается четверо суток. До Балтийского моря сто километров. Это значит, что вы должны проходить по двадцать пять километров в день. Справитесь?

— Не волнуйтесь, товарищ маршал, армия свою задачу выполнит в срок.

Жуков хмуро посмотрел на меня.

— Не подведете?

— Никак нет. Во время Висло-Одерской не такие расстояния преодолевали.

— Ну смотрите. Держите меня в курсе дела. Если нужна будет помощь, звоните.

Мне показалось, что командующий фронтом несколько повеселел».

Катуков с Шалиным тщательно продумали все возможные варианты действий армии в предстоящей операции, подробно обсудили их с командирами соединений. И когда операция началась, то врагу ничто не могло помочь — ни укрепления, ни тяжелые для действий танков условия местности, ни яростное сопротивление. Катуков приказал вести наступления круглосуточно. Ночные удары особенно ошеломляли противника. Но и советским танкистам они давались тяжело. Характер боев быстро менялся. Соединения армии дробили войска противника, обходили узлы сопротивления. Нередко же из-за условий местности это сделать было нельзя, и тогда танкисты действовали в боевых порядках пехоты, штурмуя города и другие населенные пункты. Установленный темп наступления выдерживался.

Вечером 4 марта к Катукову прибыл офицер связи.

— От полковника Смирнова, — доложил он и подал командарму бутылку с мутной жидкостью.

— Что это?

— Вода, товарищ командующий. Балтийская. Вроде боевого донесения. Полковник сам зачерпнул ее и приказал доставить вам.

Лучшего донесения о том, что 40-я танковая бригада вышла к Балтийскому морю, Катукову и не нужно было. К 5 марта и другие соединения армии вышли к побережью Балтийского моря. Поставленная Г. К. Жуковым задача была выполнена.

Завершение Восточно-Померанской операции было поручено 2-му Белорусскому фронту. В его состав временно была передана и 1-я гвардейская танковая армия. Во взаимодействии с другими войсками она 28 марта заняла Гдыню, а 30 марта — Данциг (Гданьск). На этом Восточно-Померанская операция была завершена.

И вот, наконец, битва за Берлин! 1-я гвардейская танковая армия была снова включена в состав войск 1-го Белорусского фронта и вновь действовала на направлении главного удара.

Ожесточеннейшая схватка развернулась на Зееловских высотах. Войска 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова

упорно пробивались через вражескую оборону, но многие ее попытки прорваться оказались неудачными: и сама местность, и огромная масса укреплений — все благоприятствовало противнику. И тогда последовал приказ Г. К. Жукова: не дожидаясь полного прорыва обороны противника, ввести в сражение 1-ю гвардейскую танковую армию. На практике это означало бросать танки на неподдающиеся огневые точки врага. Но другого выхода у командующего фронтом, видимо, не было.

Тяжело, очень тяжело пришлось войнам-пехотинцам и танкистам, которые теперь вместе выкорчевывали врага с Зееловских высот. Гвардейцам Чуйкова удалось прорвать первую полосу обороны противника. Но вторая оказалась еще мощнее. Она была буквально наспигована «тиграми», «пантерами», «фердинандами», противотанковой артиллерией, переброшенными сюда из берлинской зоны ПВО зенитно-артиллерийскими полками, соединениями мотопехоты. Высоты были оцепаны траншеями, дотами, дзотами, минными полями. Крутизна восточных скатов высот была такой, что при подъеме танки вынуждены были обходить крутости и обрывы, а значит, подставлять свои борта под обстрел вражеской артиллерии.

Командование войсками фронта, подвергая Зееловские высоты мощным массированным ударам артиллерии и авиации, помогало гвардейцам Чуйкова и Катукова ускорить продвижение вперед. И вот они наконец овладели этими, как выразился впоследствии Василий Иванович Чуйков, «дьявольскими высотами».

Гвардейцы-танкисты и пехотинцы, по-прежнему действуя плечом к плечу, вырвались к реке Шпрее, основными силами переправились через нее и вплотную подошли к Берлину. Жуков особо отметил действия танкистов Катукова в тех невиданных по напряжению и ожесточенности сражениях. «Следует подчеркнуть, — писал он в своих мемуарах, — значительную роль 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, которая, выйдя на юго-восточную окраину Берлина, отрезала пути отхода 9-й армии в Берлин. Это облегчило дальнейшую борьбу в самом городе».

Одними из первых начали катуковцы и боевые действия в самом Берлине. Каждое здание здесь было превращено в крепость. Танки, сопровождая пехоту, совместно с артиллерией выкорчевывали противника из этих крепостей. Они распознали по многим улицам и медленно, но неуверенно двигались вперед. Действия армии подчас

распадались на массу локальных боев. Однако нити руководства ими ни на секунду не выпускал из своих рук командарм Катюков. Он маневрировал резервами, организовывал взаимодействие войск, концентрировал силы артиллерии для расчистки проходов для танков. Армия пробилась в самый центр Берлина, когда пришло долгожданное — враг капитулировал.

— Открыть люки! — Это была уже символическая команда. Пришла Победа.

Катюков объехал соединения и части армии. На их знаменах сияли боевые ордена, почти все они имели наименования: Бердичевские, Черновицкие, Перемышленские, Висленские, Сандомирские, Лодзинские, Бранденбургские, Берлинские и другие. Надолго задержался он в родной 1-й гвардейской танковой бригаде. Теперь ее боевое знамя украшали шесть орденов: два ордена Ленина, ордена Красного Знамени, Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого. Во главе ее Катюков участвовал в битве под Москвой, в числе лучших соединений 1-й гвардейской танковой армии бригада прошла славный боевой путь вплоть до завершающих боев в столице фашистского рейха.

* * *

После окончания Великой Отечественной войны Катюков командовал армией, бронетанковыми и механизированными войсками Группы советских войск в Германии. В 1951 году он окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба.

— Учитесь! — призывал Катюков увешанных орденами планками друзей-однополчан. — Весь свой опыт нужно профильтровать через военную теорию. Тогда только он будет полезен для будущего.

Будущему Советских Вооруженных Сил была посвящена и вся дальнейшая деятельность Михаила Ефимовича. С 1955 года он был генеральным инспектором Главной инспекции Министерства обороны СССР, затем заместителем начальника Главного управления Сухопутных войск. В 1959 году ему было присвоено звание маршала бронетанковых войск.

Последние десять лет своей жизни Михаил Ефимович был военным инспектором-советником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. В эти годы он много работал над обобщением и теоретическим

осмыслением опыта боевых действий танковых войск в годы Великой Отечественной войны. Его статьи в военных журналах, да и мемуарные произведения содержат ценные положения для военного искусства, многие из которых и сейчас имеют большое теоретическое и практическое значение для Советских Вооруженных Сил.

8 июня 1976 года Михаила Ефимовича Катюкова не стало. В комнате, где он умер, прикреплена к стене муаровая подушка. На ней ордена и медали. Их много. Среди них две Звезды Героя Советского Союза, четыре ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени. И за каждой из этих наград — замечательные ратные свершения во имя торжества идей Октября, в защиту социализма. В Москве и других городах есть улицы и школы, носящие имя М. Е. Катюкова. А на боевом пути 1-й гвардейской танковой армии во многих местах стоят на постаментах памятники воинам-танкистам — знаменитые тридцатьчетверки.

Имя Михаила Ефимовича Катюкова среди тех, кого народ всегда будет чтить, окружать благодарной памятью.

Полковник в отставке
В. БЫСТРОВ

Маршал Советского Союза Кирилл МЕРЕЦКОВ

Боевые друзья, соратники называли его «маршалом северных направлений». Так уж сложилась военная судьба Кирилла Афанасьевича: будучи командующим войсками Ленинградского военного округа, он еще в советско-финляндскую войну одновременно командовал 7-й армией, на долю которой выпало прорывать линию Маннергейма на Карельском перешейке. Именно за те тяжелые бои, в результате которых пала разрекламированная «неприступной» мощная система долговременных укреплений, а затем был взят Выборг, удостоен командарм 2-го ранга Мерецков высшего отличия — звания Героя Советского Союза. И всю Великую Отечественную войну провел Кирилл Афанасьевич на северо-западном и северном участках советско-германского фронта. Он непосредственно причастен к разработке и проведению каждой операции, из которых складывалась битва за Ленинград, — Сивявинских 1941 и 1942 годов, Тихвинских оборонительной и наступательной 1941 года, Любанской 1942 года, Мгинской 1943 года и операции по прорыву блокады Ленинграда того же года, Выборгско-Петрозаводской 1944 года. На заключительном этапе войны в Европе руководимые Мерецковым войска Карельского фронта осуществили Петсамо-Киркенесскую операцию, в результате которой были освобождены от гитлеровских захватчиков советские Заполярье и северная часть Норвегии... Из этих памятных вех его полководческой биографии с полным правом и основанием сложилось уважительное — «маршал северных направлений»!

7 июня 1897 года в семье крестьянина-бедняка Афанасия Павловича Мерецкова из деревни Назарьево Зарайского уезда Рязанской губернии (по современному административному делению Зарайский район Московской области) родился первенец, которого нарекли Кириллом. В свои семь лет мальчик помогал отцу пахать и боронить, с девяти участвовал во всех полевых работах наравне со взрослыми. Ни в своей, ни в соседних деревнях школы не было. С осени 1904 года ходил учиться грамоте к дере-

венскому грамотею-вояке, фельдфебелю времен русско-турецкой войны. В 1906 году открылась земская начальная школа в родной деревне. Четыре школьных зимы провел в ней Кирилл, и, хотя его очень тянуло к знаниям, дальше учиться было негде. А когда ему исполнилось 15 лет, отец, чтобы хоть как-то облегчить жизнь многодетной семьи, сказал: «Ты, Кирюха, уже большой. Сам видишь, как трудно прокормиться на нашей земле. Иди в люди. Учись, приглядывайся».

И пошел подросток «в люди». Отправился в Москву, куда за несколько лет до того уехал браг отца, да там и прижился. Он пристроил Кирилла подручным по слесарной части в тех же мастерских, где работал сам.

Деревенскому пареньку работать приходилось наравне со взрослыми по десять часов в сутки, а получать за это гроши. Но он с жадностью тянулся к овладению секретами слесарного дела. Сам Кирилл Афанасьевич так писал об этом:

«Подростком я любил всякую крестьянскую работу, но слесарное дело полюбилось еще больше. Может быть, это объясняется характером нового трудового процесса и его более осязаемыми результатами. Там вспахал, посеял и жди: то ли уродит, то ли нет? А тут все зависит от тебя самого. Дождь не нужен, солнце необязательно, до лошади тебе нет дела. Как поработаешь у верстака, так и будет. И сразу видно, что ты сделал своими руками. Так появлялась гордость за собственный труд, нужный людям, наглядный и заметный.

Пролетарская гордость — чувство особое. Оно рождается в процессе не только конкретной работы, но и формирующихся отношений с людьми своего и чужого общественного класса».

В мастерской братьев Хаваевых Кирилл Мерецков прошел, по собственному выражению, начальный курс пролетарской науки. Азбуку политической борьбы помогали познать хорошие люди, на которых везло Кириллу. Начал выполнять задания большевиков-подпольщиков. Не раз пришлось менять место работы. Устроившись слесарем-водопроводчиком в мастерских при «Промышленном училище в память 25-летия царствования императора Александра II», стал посещать размещавшиеся при училище «Городские Миусские вечерние и воскресные курсы для взрослых рабочих». Работа была не из лучших, но он остановился на ней, чтобы не терять возможности учиться. Упорно преодолевал трудности, усталость, но

классы посещал по вечерам в течение трех лет и считался примерным учеником. Затем, чтобы не попасть в лапы полиции за активное участие в рабочих сходках, вынужден был переменить место работы, уйти подальше от Миусской площади. Помог ему рабочий Миков, устроивший на граммофонную фабрику. Отсюда был уволен за участие в забастовке. Теперь оказался на улице с полицейской меткой о неблагонадежности, да еще под угрозой ареста по законам военного времени. Снова на помощь пришел Миков. Он сказал, что имеет на примете одно место. Но не в Москве, а верст за двести. Зато далеко от глаз полиции. Кирилл согласился, и тогда Миков дал молодому рабочему «адрес нужного человека».

Таким человеком оказался Л. Я. Карпов, инженер и администратор акционерного общества «Гарпиус», которое ведало производством скипидара и канифоли. Кирилл смутился было, не ожидая, что столь высокая персона захочет с ним разговаривать. Однако Карпов принял Мерецкова обходительно, внимательно выслушал просьбу, затем дал направление на завод в Судогду — небольшой городок во Владимирской губернии. (Лишь позднее узнал Кирилл Мерецков, что Лев Яковлевич Карпов был старейшим революционером-большевиком, руководившим в 1906—1907 годах Москворецким комитетом РСДРП. После Октябрьской революции он возглавлял химический отдел ВСНХ, налаживал работу первых социалистических предприятий и научно-исследовательскую деятельность. Умер в 1921 году, прах его покоится у Кремлевской стены на Красной площади в Москве.)

В Судогде прошли последующие три года жизни Мерецкова. На заводе его поставили слесарем по ремонту оборудования. Постепенно втянулся в новое дело, увлекся, работал с охотой. Администрация отмечала усердие и хорошее поведение молодого рабочего. Никто и не подозревал, что приехавший из Москвы слесарь, лихой гармонист, открытый, веселый парень, встречается с приезжающими в Судогду людьми, которые передают ему приветы от Карпова, а он подыскивает им квартиры, сообщает только ему известные адреса во Владимире и Иваново-Вознесенске. Кирилл догадывался, что это были за люди, но умел молчать, устраивая их и снабжая нужными адресами.

Однажды завод в Судогде посетил управляющий Л. Я. Карпов. Поздоровался с Мерецковым дружески, как со старым знакомым, похвалил за хорошие отзывы адми-

нистрации о работе, расспросил и о прочитанном за последнее время. А когда Кирилл чистосердечно признался, что давно не брал книгу в руки, пожурил:

— Книгу забывать нельзя, особенно вам, молодому человеку...

Пообещал помочь наметить план занятий по самообразованию и для этого пригласил зайти к нему вечером. Так у Кирилла появился список книг, подготовленный Карповым. Сначала он читал рекомендованные книги как бы по заданию учителя, из уважения к человеку, который дал ему это задание. Затем втянулся в систематическое, целеустремленное чтение и уже никогда впоследствии не расставался с книгой. Она стала его другом и советчиком на всю жизнь.

В марте 1917 года городок всколыхнула весть о том, что царь Николай II отрекся от престола. Волна революционного подъема нарастала. Кирилл Мерецков присоединился к образовавшейся в Судогде ячейке РСДРП. Ее партийным руководителем стал Петр Владимирович Ошмарин, участник революции 1905 года, обладавший большим опытом революционной борьбы. Он также оказал огромное влияние на Мерецкова.

Вечером 1 мая 1917 года после демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!» большевики Судогды провозгласили создание уездного комитета РСДРП(б). Его председателем был избран П. В. Ошмарин, секретарем — Мерецков. С этого времени Кирилл целиком окунулся в партийную работу.

В пору революционных бурь быстро мужают люди. Борьба с эсерами, разгоревшаяся в городском исполнительном комитете, закалила молодого большевика, снискала ему авторитет и уважение среди товарищей. И когда на одном из заседаний укома было решено по примеру Муромы создать в Судогде красногвардейский отряд, Мерецков был назначен начальником штаба отряда Красной гвардии.

В красногвардейский отряд пришли в подавляющем большинстве рабочие, которых надо было обучать обращению с оружием. Но, прежде чем учить, начальнику штаба самому пришлось многому учиться. В отряде были красногвардейцы, служившие прежде в армии. Они помогли начальнику штаба овладеть стрелковым оружием, дали первое представление о строе и тактике боя.

Мерецков учился и учил других бойцов. Шаг за шагом красногвардейский отряд превращался в самую силь-

ную военную организацию города. В тревожные дни, когда генерал Корнилов двинул полки на Петроград, местный Совет возложил охрану порядка в городе наряды с милицией на Красную гвардию. Сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания в Питере Судогдский Совет, являясь, по существу, большевистским, объявил о взятии власти в городе в свои руки. Кирилл Мерецков был назначен председателем военного отдела в Совете.

Главной заботой военного отдела, как вспоминал Кирилл Афанасьевич, в те дни оставалась Красная гвардия. Он прилагал все усилия, чтобы расширить и укрепить отряд, сколотить из него боееспособную военную единицу, на которую можно было бы возложить задачу вооруженной защиты Советской власти в уезде. В окрестных районах было тревожно. Нередко вспыхивали эсеров-булакские бунты. Мерецков внимательно следил за событиями в уезде, держал отряд в готовности к борьбе против контрреволюционных выступлений, усиливал охрану города. Когда вспыхнул контрреволюционный мятеж в Муроме, Мерецков по приказу Владимирского губкома во главе судогдского отряда выступил на его подавление. Совместными усилиями Красной гвардии Владимира, Судогды, Коврова эта задача была решена.

Летом 1918 года, когда в результате мятежа чехословацкого корпуса и с помощью интервентов разрозненные ангажированные выступления слились в единый поток контрреволюции, по приказу В. И. Ленина из Петрограда, Москвы, других пролетарских центров двинулись на восток рабочие отряды, воинские подразделения и части. Город Владимир посылал на фронт свой отряд, в который влились и красногвардейцы Судогды. Командиром объединенного отряда был назначен бывший офицер царской армии С. М. Говорков, комиссаром — Мерецков.

Говорков оказал немалое влияние на дальнейшую судьбу Мерецкова. Доверительные беседы человека, который, будучи офицером царской армии, не колеблясь, сразу же после Февральской революции стал на сторону большевиков и решительно пошел за партией Ленина, его рассказы о старой армии, о воинском искусстве, о принципах организации боевой работы многое значили для молодого комиссара. «В юные годы я полагал, — писал об этом сам Кирилл Афанасьевич, — что настоящий командир — это тот, кто смел и силен, обладает громким голосом и хорошо стреляет. Большевистская выучка помогла уяснить,

какое огромное значение имеет морально-политический фактор, сознание солдата. Я постепенно начинал постигать то, что может дать человеку либо систематическое военное образование, либо сама война. А учился, глядя прежде всего на Говоркова». И в том, что Мерецков решил для себя вопрос, кем быть, немалую роль сыграл Говорков.

К сожалению, недолго пришлось Мерецкову шагать рядом с новым другом. В начале сентября, поднимая бойцов в атаку, стал впереди отряда в полный рост Говорков. Сзади себя поставил комиссара и знаменосца. Бойцы подхватили слова песни «Вихри враждебные веют над нами...» и двинулись на врага вслед за своим командиром. Через несколько шагов Говорков покачнулся...

Он погиб смертью героя. А Мерецков остался один — и за комиссара, и за командира. В том памятном бою он сам довел цепь красноармейцев до железнодорожной насыпи, там она залегла. Подползли ротные с вопросом, что делать дальше. Комиссар видел, что медлить нельзя. Вспомнив уроки Говоркова, поставил ротным задачу, затем сказал: «Как встану — вот и сигнал. Атакуем дальше!» Скоро бой закончился и для комиссара: в рукопашной схватке он был ранен, очнулся на полке вагона санитарного поезда.

Ранение оказалось тяжелым. Мерецкова доставили в Судогду. Здесь его встретили друзья. Сообщили радостное известие: 10 сентября наши войска освободили Казань. В числе частей, которые вошли в город, был и Владимирский отряд... Высоко были отмечены и заслуги Мерецкова в боях за Казань — он был награжден орденом Красного Знамени.

Почти два месяца лечился Мерецков. Когда дела пошли на поправку, стал присутствовать на заседаниях укома, помогать в работе новому военному комиссару. А вскоре, после первой годовщины Октября, отличившемуся в боях комиссару, который настойчиво просился в действующую армию, губком РКП(б) предложил отправиться на учебу в только что открытую в Москве академию Генерального штаба. Мерецков с радостью согласился: появилась возможность получить систематическое военное образование.

На учебу в академию прибывали слушатели прямо с фронтов. Вместе с Кириллом Мерецковым приступили к учебе Василий Чапаев, Павел Дыбенко, Леонид Петровский, Василий Соколовский, Иван Тюленев, Семен Уриц-

кий, Иван Федько. Красной Армии нужны были свои командные кадры из рабочих и крестьян.

Постигать программу высшей военной школы многим слушателям было очень трудно, потому что невелик был уровень общеобразовательных знаний. Как известно, по этой причине оставил академию Василий Иванович Чапаев. Нелегко приходилось и Мерецкову. Однако он настойчиво продолжал овладевать военными знаниями.

Дважды пришлось прерывать учебу в связи с отправкой слушателей первого и второго курсов на фронт. В первый раз это случилось в мае 1919 года. Колчак, перейдя в наступление, начал теснить наши войска. Часть слушателей была направлена на Восточный фронт. Мерецкова направили на Южный фронт в 9-ю армию, которая вела тяжелые бои против белогвардейских войск Деникина. В 14-й стрелковой дивизии, которой командовал известный большевик-латыш А. К. Степиль (Степин), Мерецкова назначили помощником начальника штаба. Ему поручили вести карту обстановки. В условиях, когда дивизия отступала, а телефонная и телеграфная связь отсутствовала, пользы от этого было немного: информация в штаб поступала с опозданием. Мерецков вскоре понял бессмысленность своей работы: сведения, которые он наносил на карту, не отражали действительного положения войск, отставали от времени. В своих воспоминаниях Мерецков рассказал о том, как Степиль пришел к нему на помощь.

«Увидев меня, начдив спросил, как идут дела.

— Неважно! Я не справляюсь с канцелярской работой, да и толку от нее при такой постановке дела не вижу. Штаб опаздывает с регистрацией изменений. Поэтому в жизни обстановка одна, а на карте другая.

— А вы умеете сидеть на лошади?

— Умею. И вообще люблю лошадей.

— Ну так вот тебе кобыла, — перешел начдив сразу на «ты» (на «вы» он обращался подчеркнуто вежливо к штабным работникам, предпочитавшим седлу стул), — поступай в мое распоряжение, скажи в войска и узнавай, что нужно.

Я поблагодарил за лошадь, тут же оседлал ее и отправился в бригады. Дело сразу изменилось. Приеду, узнаю, что произошло, и нанесу на карту».

С самого начала Степиль с интересом и вниманием отнесся к командиру, прибывшему из академии. Много расспрашивал о прошлой работе, об обучении в академии и характере занятий, о профессорах, многие из которых бы-

ли ему знакомы по совместной службе в старой армии. Приглядевшись к тому, что и как делает Мерецков, и удивившись, что работа пошла, начдив поручил ему помогать командованию 1-й стрелковой бригады, в состав которой входили, в частности, подразделения интернационалистов. В дальнейшем Кирилл Афанасьевич временно исполнял обязанности начальника штаба этой бригады. В одном из боев в районе станции Серебряково он был контужен: разрывом снаряда его выбросило из седла, на какое-то время он даже оглох.

Между тем под давлением превосходящих сил денкинцев войска 9-й армии отступали. Свириествовал тиф. Не хватало боеприпасов. И без того тяжелое положение армии, в состав которой входила 14-я стрелковая дивизия, усугубилось еще более в результате измены ее командующего, бывшего царского полковника Н. Д. Всеволодова. Новым командующим был назначен А. К. Степиль. К этому времени белоказаки перехватили дорогу на Поворино, по которой отходила 14-я дивизия. В бою образовалось критическое положение. И тогда молодой красный командир Мерецков, видя, что казаки с гиком и свистом, выставив пики вперед, бросились в атаку на залегших вдоль дороги бойцов 1-й стрелковой бригады, вскочил на коня и повел за собой в контратаку кавалерийский полк, приданный бригаде.

В этом бою он получил новое серьезное ранение в ногу. Казачья пуля, пущенная почти в упор, пробила кость. Однако белые отступили, а 14-я дивизия вышла в Поворино. Товарищи вынесли Мерецкова с поля боя. Перед отправкой в госпиталь на операцию его навестил командарм Степиль. Прощаясь, выразил пожелание поскорее поправиться и возвратиться в 9-ю армию. Того же хотел и сам Мерецков. Но сразу не смог вернуться в строй, до осени пролежал в госпитале. А когда подлечился, уехал в Москву, ибо пришло указание: оставшихся в живых слушателей первого набора академии Генерального штаба откомандировать для прохождения второго курса.

Прошел очередной год учебы, и вновь бой. Для Кирилла Афанасьевича это было уже третье военное лето. Теперь он получил назначение помощником начальника штаба по разведке 4-й кавалерийской дивизии Первой Конной армии. Участвовал в июньском прорыве польского фронта, в освобождении Житомира, в боях на Сбруче, Стыри, Буге. Проявил себя не только конармейцем отчаянной храбрости, но и умелым штабным работником.

В районе Коростеня Мерецков в третий раз за годы гражданской войны был ранен. После лечения в киевском лазарете вернулся в Первую Конную, наступавшую на Варшаву. На этот раз получил направление в 6-ю дивизию, начальником которой был С. К. Тимошенко. Кириллу Афанасьевичу были поручены обязанности помощника по разведке, а также и по оперативной работе. Это расширение должностных обязанностей, как отмечал он сам, было полезным с точки зрения приобретения необходимых познаний. Вообще Мерецков считал, что месяцы, проведенные в рядах Первой Конной, сыграли очень большую роль в его формировании как красного командира. Его взгляды на военное искусство и практическое воплощение их в жизнь вплоть до середины 20-х годов определились опытом, вынесенным именно из боевых операций 4-й и 6-й дивизий Первой Конной армии. «Иногда я задумываюсь и задаю себе вопрос, — писал Кирилл Афанасьевич, — что дало мне больше — практика сражений на полях той войны или академическая теория? И не могу ответить на этот вопрос. И то и другое переплелось воедино...»

В октябре 1921 года Кирилл Афанасьевич Мерецков, которому минуло 24 года, в числе слушателей первого массового выпуска завершил учебу в военной академии. Он был аттестован в должности командира бригады.

Незадолго до выпуска из академии Мерецков отпрашился в отпуск на несколько дней в Судогду «для устройства личных дел» — так он мотивировал свою просьбу. Хотелось встретиться с Дусей Беловой. Около пяти лет прошло со времени их первой встречи.

А произошла она так. Приехал в очередной раз Кирилл Мерецков в Муромцово, где находилось управление судогдского завода, деньги получать на артель. Кассирша Пелагея Петровна рассчиталась и пригласила его зайти к ним домой на чай. Она еще раньше заприметила молодого слесаря. Суровый не по годам юноша, не очень-то разговорчивый, понравился ей какой-то своей мужской самостоятельностью. Вот и решила Пелагея Петровна познакомить его со своей младшей сестрой. Кирилл принял приглашение, вечером пришел в дом Беловых. Там и встретил он свою любовь. Лукавая смешинка таилась в голубых глазах стройной девушки. Чуть тронь — брызнет весельем. Кирилл стал часто навещать Дусю.

Когда уходил из Судогды красногвардейский отряд, сговорились Дуся и Кирилл навсегда связать свою судьбу

после войны. Она ждала его все эти долгие-долгие годы. И вот 31 января 1921 года Кирилл Афанасьевич и Евдокия Петровна стали мужем и женой...

Первое назначение после выпуска Мерецков получил командиром учебной бригады в Петрограде. Однако его служба в городе на Неве закончилась, практически не начавшись. М. Н. Тухачевский настоял тогда, чтобы Мерецкова как бывшего кавалериста использовали в кавалерии. Возражений со стороны высшего начальства не последовало, и его отправили на запад, в Белоруссию.

В начале 1922 года он занимался формированием в Белоруссии кавалерийского корпуса, затем был начальником штаба 1-й Томской Сибирской кавалерийской дивизии.

Таким образом, в межвоенные годы Мерецков продолжал проходить через различные ступени штабной службы: помощник начальника штаба 15-го стрелкового корпуса, начальник штаба 9-й Донской стрелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа, начальник мобилизационного отдела, помощник начальника и комиссар штаба Московского военного округа... Военная служба забрасывала его в различные районы страны — в Белоруссию, на Дон, Северный Кавказ, в Москву, на Дальний Восток. Он возглавлял штабы Белорусского военного округа, Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА), работал под непосредственным руководством таких выдающихся полководцев и военачальников, как К. Е. Ворошилов, И. П. Уборевич, В. К. Блюхер.

В середине 1930 года в Московском военном округе Мерецков получил возможность пройти стажировку в должности командира и комиссара дивизии. Вскоре после этого в составе группы командиров Красной Армии побывал в Германии, где ознакомился со службой немецких штабов и методикой проведения учений. Впечатление от поездки осталось тревожным. Во всей общественной жизни страны, особенно в армии, усиленно пропагандировались милитаристские и нацистские идеи. Чувствовалось, что германский империализм готовит мощную военную машину и отнюдь не для оборонительных целей.

В войсках Белорусского военного округа, когда Мерецков возглавлял его штаб (1933—1934), практически отработывались такие важные вопросы теории глубокого боя, как создание и применение крупных соединений танковых войск, массированное применение артиллерии, крупных воздушных десантов, штурмовой и бомбардировочной авиации и др. Этот округ являлся также своего рода

школой освоения новой боевой техники, которой страна снабжала армию, школой выработки форм и методов ее боевого применения.

Служба на Дальнем Востоке позволила Мерецкову глубоко ознакомиться с новыми для него обширными пространствами, которые занимала Особая Краснознаменная Дальневосточная армия. Вступив в 1945 году в командование 1-м Дальневосточным фронтом, он использовал многое, что приобрел ранее, работая в ОЖДВА начальником штаба. «Но не нужно думать, — подчеркивал он, — что ОЖДВА принесла мне прямую пользу только десятилетием позже. Такая мысль была бы просто неправильной. Любой военачальник, меняя место службы и вращаясь в новую обстановку, сразу же набирается свежего практического опыта, ибо несоответствующие условия моментально заставляют изыскивать другие пути решения сходных по типу военных задач... Смена впечатлений сама по себе будет... выдвигать перед военачальниками новые проблемы, побуждать их к тому, чтобы взглянуть на дело с незнакомой прежде стороны».

В октябре 1936 года комдив Мерецков отправился в Испанию в качестве военного специалиста для оказания помощи республиканскому правительству в борьбе с мятежниками генерала Франко. Накануне отъезда заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский ознакомил его с характером борьбы, происходящей в Испании, и задачами советских командиров-добровольцев. Он кратко охарактеризовал старую испанскую армию, почти полностью вставшую на сторону Франко, заметив, что не она представляла главную опасность для республиканской Испании. Испанская армия располагала опытом ведения «малых» колониальных войн, не более того. Обстановка осложнялась тем, что к мятежникам Франко уже потянулись их фашистские собратья — итальянские и немецкие военные советники. Следующим шагом могла быть прямая интервенция со стороны фашистской Германии и Италии.

Об армии Италии маршал сказал, что она немногим отличалась от старой испанской армии. Что же касается немецкой, то она заслуживала серьезного внимания. При чем надо иметь в виду, подчеркнул Тухачевский, что за пять лет, истекших после посещения Веймарской республики советской военной делегацией, в состав которой входил он сам, а также и Мерецков, в армии гитлеровской Германии произошли огромные изменения.

Оценивая силы республиканцев, Тухачевский отметил, что они включали большую часть народа — рабочих, крестьян, интеллигенцию. Но из них еще нужно создать армию с четкой организацией, твердой дисциплиной. Точно так же из добровольцев разных стран предстояло создать боеспособные интернациональные бригады. Из всего этого вытекала первейшая задача, которую предстояло решать советским военным советникам, — помочь республиканскому правительству Испании создать регулярную армию.

Приезд в Испанию группы советских добровольцев во главе с К. А. Мерецковым совпал с началом очередного наступления франкистов на Мадрид. В тяжелые дни для республиканцев, с трудом отбивавших атаки мятежников, Мерецков-Петрович (его псевдоним) по распоряжению главного военного советника Я. К. Берзина сразу же включился в активную работу, выполняя обязанности советника при начальнике Главного штаба. Он познакомился непосредственно на месте с обстановкой на всех основных направлениях обороны Мадрида, оказывал конкретную помощь молодым, неопытным командирам республиканских войск.

Когда непосредственная угроза Мадриду была снята, К. А. Мерецков, В. Е. Горев, Б. М. Симонов и другие советские военные специалисты под руководством Я. К. Берзина направили свои усилия на то, чтобы помочь республиканскому правительству осуществить радикальные меры по укреплению своей армии. Совместно с испанскими товарищами был разработан план первоочередных мероприятий.

Центральная идея плана заключалась в том, чтобы вести активную оборону на фронтах и завершить создание регулярной армии, а в тылу страны — стратегических резервов. Несмотря на царившие в правительстве и военном руководстве республиканцев разногласия, предложенный план в основном был одобрен. Мадридский фронт признавался основным. Председателем хунты обороны Мадрида был назначен генерал Миаха, советником к нему Мерецков, которому, кроме того, поручили заниматься вопросами, связанными с подготовкой новых формирований для Мадридского фронта.

В городе Альбасете, который был центром формирования новых частей, вместе с Кириллом Афанасьевичем работали Н. П. Гурьев, В. Я. Колпакчи, А. И. Родимцев, Б. М. Симонов, Д. А. Цюрупа. По договоренности с

Главштабом Испанской республики вначале формировались бригады, чтобы затем, когда они приобретут боевой опыт, слить их в дивизии, а когда окрепнут дивизии — объединить их в корпуса. «Мы очень торопились, — вспоминал об этой напряженной работе Кирилл Афанасьевич, — поэтому бригады не успели достаточно хорошо обучиться военному делу. Искусство войны им пришлось постигать сразу на практике».

Большую часть зимы 1936/37 года Мерецков провел в Кастилии, так как в обороне Мадрида в это время особое внимание пришлось уделять боям, развернувшимся вдоль берега реки Харамы. Не сумев пробиться к столице с юга, запада, северо-запада, мятежники повели на нее атаку с юго-востока. Цель, которую они теперь преследовали, — отрезать Мадрид от морских портов Валенсия, Аликанте, Картахена, сомкнуть вокруг него кольцо. Участвуя в боях, Мерецков-Петрович на практике показывал, как должно командиру вести себя под огнем. Во время одной из атак английские волонтеры, увидев в своих рядах русского военного советника, настолько были восхищены его храбростью, что после боя подбежали к нему, пожимали руки, обнимали, целовали.

И под Харамой мятежники получили решительный отпор.

В марте 1937 года резко усилилась активность фашистских сил. Генерал Франко, потерявший в боях под Харамой ударные кадры своего марокканского корпуса, сделал ставку на итальянский экспедиционный корпус, соединения которого сосредоточивались к северо-востоку от Мадрида, в районе Гвадалахары. Цель мятежников оставалась прежней — пробиться к Мадриду через харамский бассейн, только с другой стороны.

В этих событиях Кирилл Афанасьевич помог республиканскому командованию разгадать замыслы врага и разработать соответствующий план действий. По его предложениям была осуществлена реорганизация республиканских войск, переброшенных на гвадалахарское направление. В марте 1937 года испанские республиканские и интернациональные части, значительно повысившие свою боеспособность, отбили атаки итальянцев, остановили их наступление, а вскоре сами перешли в контрнаступление. В итоге итальянский корпус потерпел столь сокрушительное поражение, что само слово «Гвадалахара» стало для республиканцев синонимом победы.

Через два месяца после завершающих гвадалахарских

событий Мерецков возвратился на Родину. Оценивая деятельность своих товарищей, военных советников Я. К. Берзина, В. Е. Егорова, Р. Я. Малиновского, А. И. Родимцева, Н. Н. Воронова, Н. П. Гурьева, П. И. Батова, Я. В. Смущкевича, Д. Г. Павлова и др. в испанских событиях, он писал: «Эти товарищи отлично выполняли свой долг, и, в свою очередь, для большинства из них Испания послужила той школой, уроки которой пригодились им впоследствии, в 1941—1945 годах».

Слова об отличном выполнении своего долга в полной мере относятся к самому Мерецкову. Его самоотверженная служба на посту военного советника дважды была отмечена Советским правительством: за оборону Мадрида в 1936 году и Харамские бои он был награжден вторым орденом Красного Знамени, а за участие в разгроме итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой — орденом Ленина.

Четыре последующих предвоенных года после возвращения из Испании составили в жизни Кирилла Афанасьевича, как он сам говорил, особый этап. Ему были доверены ответственные служебные посты: заместителя начальника Генерального штаба, командующего войсками Приволжского военного округа, в феврале 1939 года — Ленинградского военного округа. Перед этим ему было присвоено звание командарма 2-го ранга. В марте 1939 года на XVIII съезде партии он был избран кандидатом в члены Центрального Комитета ВКП(б).

В период советско-финляндской войны имя Мерецкова узнала вся страна. Он приобрел боевую репутацию военачальника — специалиста по ведению боевых действий в условиях лесного севера и прорыву глубокоэшелонированных районов. Летом того же года ему присвоили звание генерала армии и назначили заместителем наркома обороны; с августа 1940 по январь 1941-го он был начальником Генерального штаба, после чего, сдав дела Г. К. Жукову, возвратился на должность заместителя наркома обороны и продолжал заниматься вопросами боевой подготовки. Летом 1940 года Мерецков очень много занимался подготовкой ряда учений в Московском, Ленинградском, Белорусском, Киевском военных округах, выступал перед командным составом на разборах, делился боевым опытом, подводил итоги учений.

Весной 1941 года снова проводил учения в Ленинградском военном округе, причем в ходе этих учений отработывались главным образом вопросы ведения оборони-

тельной операции на широком фронте против превосходящих сил противника. Затем посетил Киевский, Западный и Прибалтийский особые военные округа, Одесский военный округ. Побывал в некоторых армиях, пограничных частях, поднимал войска по боевой тревоге, проводил военные игры с командным составом, а с войсковыми соединениями тактические учения.

Здесь кажется уместной его собственная оценка последних четырех предвоенных лет своей жизни: «По напряжению, которое я тогда испытывал, эти четыре года могут сравниться только с годами Великой Отечественной войны. В то же время непосредственное общение с советскими государственными и партийными деятелями дало мне очень многое. Меня учили мыслить не только как военнослужащего, хотя бы и высокого ранга. Наблюдая вплотную за тем, как решались нашими партийными и государственными органами важнейшие экономические и политические проблемы, как ставились и обсуждались связанные с ними вопросы, я учился масштабности мышления, учился рассматривать события прежде всего в крупном плане, с точки зрения общегосударственных интересов».

Вечером накануне 22 июня 1941 года нарком обороны Тимошенко вызвал к себе своего заместителя Мерецкова и сказал:

— Возможно, завтра начнется война! Вам надо быть в качестве представителя Главного Командования в Ленинградском военном округе. Его войска вы хорошо знаете и сможете при необходимости помочь руководству округа. Главное — не поддаваться на провокации.

Мерецков задал наркому один только вопрос:

— Каковы мои полномочия в случае вооруженного нападения?

— Выдержка прежде всего, — ответил Тимошенко. — Суметь отличить реальное нападение от местных инцидентов и не дать им перерасти в войну. Но будьте в боевой готовности. В случае нападения сами знаете, что делать.

Встретившие К. А. Мерецкова в штабе округа заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант К. П. Пядышев, начальник штаба округа генерал-майор Д. Н. Никишев, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Климентьев, уже ознакомившиеся с приказом

наркома о приведении войск в боевую готовность, жаждали услышать живое слово представителя Москвы. Сам командующий войсками генерал-лейтенант М. М. Попов накануне отправился в инспекционную поездку. Не было в Ленинграде и первого секретаря обкома партии А. А. Жданова. Он находился в Москве. Мерецков предложил провести заседание Военного совета.

Война в границах округа пока что дала себя знать налетом вражеской авиации. Два немецких самолета прорвались в небо над жилыми кварталами Ленинграда и начали бомбежку. Один из них удалось сбить. На границе с Финляндией было тихо. Зато война вовсю пылала у южных границ Прибалтийских республик, где удар немецко-фашистской группы армий «Север» принимали на себя войска Прибалтийского особого военного округа.

Присутствовавшие на заседании отчетливо представляли себе, что важнейшим стратегическим пунктом оборонительных действий войск округа будет Ленинград. Предложения Мерецкова, высказанные на заседании Военного совета, привлекали внимание прежде всего к созданию глубокоэшелонированной обороны на Карельском перешейке и приведению в боевую готовность укрепленного района на старой границе с Финляндией выделением туда соответствующего количества войск. Этот УР, упиравшийся правым флангом в Ладожское озеро, а левым в Финский залив, перекрывал с северо-запада все пути к Ленинграду. Немедленное повышение его устойчивости Кирилл Афанасьевич считал совершенно безотлагательным делом. И оно было сделано командованием военного округа. Впоследствии, как известно, наступление на Ленинград, начавшееся из Финляндии, было остановлено именно на рубеже укрепрайона.

Вторым ответственным направлением в обороне Ленинграда, основываясь на сведениях, которые поступили из Прибалтийского военного округа, Мерецков считал юго-западное. Он посоветовал не мешкая приступить к подготовке оборонительных позиций по рубежу реки Луга. Еще неизвестно, говорил он, как будут разворачиваться события в Прибалтике, но ленинградцы должны быть готовы ко всему. Поэтому надо укрепить псковско-островский рубеж. Строительство укреплений велось там в 1939 году. Теперь нужно привести их в готовность к бою, заблаговременно заняв войсками.

Вот это второе предложение Мерецкова не всем присутствовавшим на Военном совете показалось актуаль-

ным. Традиционно опасным для Ленинграда направлением всегда считалось северо-западное. Зачем же распылять силы и немедленно приступить к строительству оборонительной линии в районе Луги? Однако возвратившийся из Москвы А. А. Жданов сразу же поддержал предложение о необходимости срочного строительства Лужской оборонительной линии и доложил о нем И. В. Сталину. Его согласие было получено. Десятки, затем сотни тысяч ленинградцев отправились на возведение оборонительной линии в 150 километрах от города, спешно сооружали доты, дзоты, траншеи, надолбы, противотанковые рвы.

К Лужскому оборонительному рубежу передовые танковые подразделения немецко-фашистской группы армий «Север» вышли 10 июля. Дальнейшее наступление врага на Ленинград здесь было задержано на целый месяц, чему прежде всего способствовал контрудар 11-й армии в районе Сольцы. Это драгоценное время было использовано для подготовки обороны непосредственно на ближних подступах к городу.

Через сутки после начала войны, 23 июня, генерал армии Мерецков был срочно отозван в Москву. Ему было поручено непосредственно заниматься изучением обстановки, складывающейся на северо-западном участке фронта, и разработкой мер, которые способствовали бы улучшению управления отходящими войсками.

В последних числах августа 1941 года соединения 16-й армии противника возобновили наступление южнее озера Ильмень. Прорвав оборону наших войск на реке Ловать, они устремились на восток, заняли Лычково и Деменск. Создалась угроза выхода врага к Октябрьской железной дороге, соединяющей Москву с Ленинградом. Генерал Мерецков отправился на Северо-Западный фронт, чтобы на месте разобраться в обстановке и решить, что и как нужно делать, чтобы остановить дальнейшее продвижение врага.

В штабе фронта, заслушав доклады командующего П. А. Курочкина и начальника штаба фронта Н. Ф. Ватутина, присмотрелся к тому, что и как они делают, в целом одобрил проводимые ими мероприятия. Наступление противника было трудно отразить прежде всего потому, что он владел инициативой и многократно превосходил силы и средства, которыми располагало командование Северо-Западного фронта. Однако кое-что для усиления отпора врагу, по мнению Мерецкова, предпринять

следовало. Это «кое-что» — так подсказывал и полученный уже опыт на других фронтах — заключалось в том, чтобы поднять активность наших обороняющихся войск во всех звеньях — от рот и батальонов до армии включительно.

Не давать врагу покоя ни днем ни ночью, при любой возможности переходить в контратаки, наносить контрудары — вот в чем прежде всего следует видеть имеющийся резерв для отпора наступающему противнику. Кирилл Афанасьевич и мысли не допускал, что эта идея явится откровением для Курочкина и Ватутина. Но он своей властью и авторитетом укрепил их решимость сосредоточить на ее реализацию усилия как свои собственные, так и командиров всех степеней. Для этого он предложил в первую очередь собрать все наличные самолеты, автомобили и установить с их помощью надежную связь фронта с армиями, армий — с соединениями, чтобы обеспечить постоянное и твердое управление подчиненными войсками. Вместе с тем он потребовал создать хотя бы небольшие резервы для парирования вражеских прорывов. Были приняты решительные меры по созданию в короткие сроки глубокоэшелонированной обороны с развитой системой различных инженерных и минно-взрывных заграждений. Наконец, особое внимание было уделено по его совету организации разведки.

Осуществление намеченных мероприятий вскоре дало свои результаты. Положение наших войск на Северо-Западном фронте стало стабилизироваться. Мерецков совместно с командованием фронта начал подумывать о том, как бы срезать образовавшийся восточнее Ловати фашистский плацдарм, названный Демянским. Для этого фронту нужно было изыскать дополнительные силы. Надеться на получение подкреплений от Ставки Верховного Главнокомандования в то время не приходилось: ожесточенное сражение шло западнее Москвы. Может быть, думал Кирилл Афанасьевич, надо в срочном порядке организовать обучение некоторых контингентов местных жителей во фронтовом тылу, спросив на это разрешение у Ставки?.. Его раздумья прервал очередной срочный вызов 17 сентября в Москву.

В тот же день по прибытии Мерецкова в столицу его принял Верховный Главнокомандующий. Он выслушал доклад генерала армии о положении дел на Северо-Западном фронте, его замыслы по поводу дальнейших действий и сказал:

— Это хорошо, что положение стабилизировалось. Я вижу, вы вошли в курс дела. Хотим дать вам ответственное задание.

Суть задания заключалась в том, чтобы Мерецков медленно выехал на Ладожско-Онежский перешеек, в 7-ю армию Карельского фронта, которая с боями отходила на юг, к реке Свирь. Его задача — помочь наладить оборону, ни в коем случае не допустить прорыва финнов к реке Волхов на соединение с немецко-фашистскими войсками.

7-й армией командовал генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко. Во время финской кампании, когда Мерецков был командармом-7, Гореленко командовал корпусом в той же армии. Зарекомендовал себя хорошим военачальником, умным человеком, очень расчетливым и храбрым. Правительство удостоило его звания Героя Советского Союза за боевые отличия в советско-финляндской войне. И. В. Сталин знал его еще с гражданской войны. Направляя теперь Мерецкова в эту армию, Сталин заключил беседе следующими словами:

— Посмотрите, как идут дела у Гореленко. Вы знаете войска этой армии, ее командиров, а они знают вас. Помогите советом. Если этого будет мало, разрешаю вступить в командование. Приказываю любым способом финнов остановить.

К моменту прибытия Мерецкова в Петрозаводск, где находился штаб 7-й армии, положение в полосе ее обороны сложилось весьма тяжелое. Финляндия после вступления в войну на стороне фашистской Германии повела наступление на Ленинград через Карельский перешеек. Не сумев прорвать здесь оборону советских войск, противник двинул затем свою так называемую Карельскую армию, включавшую финские соединения, севернее Ладожского озера, чтобы обойти Ленинград с северо-востока. Это его наступление развертывалось по двум главным направлениям: на Олонец и на Петрозаводск. Оборонявшаяся здесь армия генерала Гореленко имела всего лишь три стрелковые дивизии. У противника было сил вчетверо больше. 7-я армия медленно отходила на юго-восток, сдерживая натиск врага.

Создавшееся стратегическое положение нельзя было назвать хорошим, но оно и не внушало серьезных опасений нашему Верховному Главнокомандованию, пока наступавшие к Ленинграду с юго-запада немецко-фашистские войска находились далеко от Волхова. Однако спу-

стя два месяца выход финнов на северо-востоке от Ленинграда к реке Свирь, а немецко-фашистских войск на юго-востоке к Волхову явно подсказывал гитлеровскому командованию конкретный оперативный план — ударами навстречу друг другу сломить сопротивление советских войск и, соединив свои силы, замкнуть еще одно внешнее кольцо окружения вокруг Ленинграда.

Финны резко усилили нажим на 7-ю армию и рассекли ее войска на три группы: центр армии, глубоко выгнувшийся на восток, раздвоился. Оставшиеся здесь соединения образовали южную группу, прикрывавшую устье Свири, и петрозаводскую. Третья группа, Медвежьегорская, оказалась отрезанной от основных сил, когда финны прорвались к Кондопоге, и отошла на северо-восток. Связь с ней (120 километров по Онежскому озеру) почти прекратилась. И между двумя другими группами грозила вот-вот прекратиться, так как противник выходил уже на берег Онежского озера.

Кирилл Афанасьевич прекрасно понимал, что сказанные ему Сталиным слова: «Если этого будет мало, разрешаю вступить в командование» — были не более, чем вежливой формой приказа. Он начал детальное изучение обстановки (в общих чертах его ознакомили с нею в Ставке) с того, что при перелете в Петрозаводск совершил первую посадку на аэродроме неподалеку от Волхова. Цель при этом преследовал двоякую: во-первых, лично ознакомиться с положением на свирьском направлении, где оборонялась Южная группа под командованием генерала В. Д. Цветаева; во-вторых, не менее важным он считал установление связи с командованием 54-й армии (командующий Маршал Советского Союза Г. И. Кулик), которая обороняла южное побережье Ладожского озера, а значит, по существу, обеспечивала тылы 7-й армии; прорвись здесь гитлеровцы к Волхову, и все связи 7-й армии окажутся нарушенными, а она под угрозой удара с тыла.

Маршал Г. И. Кулик ознакомил Мерецкова с обстановкой, оценив ее как относительно спокойную. Противник был остановлен на рубеже восточнее Мги, и, по словам Кулика, все его попытки прорыва в направлении Волхова успешно отражены. Однако затишье здесь, по видимому, временное. Разведанные указывали на производимую гитлеровским командованием перегруппировку своих сил. Наиболее вероятным следовало считать удар на Грузино, Будогощь, Тихвин.

В Южной группе 7-й армии выяснилось, что ее командующий генерал Цветаев болен. Он только смог сообщить Мерецкову, что в группу входят 314-й стрелковая дивизия, два отдельных стрелковых полка, стрелковый батальон и некоторые подразделения усиления. Противнику в ряде мест удалось преодолеть Свирь и создать плацдарм на ее южном берегу. Наиболее боеспособной была 314-я дивизия генерала А. Д. Шененкова, остальные части и подразделения во многом утратили боеспособность, измотаны и обессилены предыдущими боями.

Сведения об обстановке на данный момент, которыми располагал Цветаев, да и штаб группы, не удовлетворили Мерецкова. К вечеру он сам отправился в 314-ю дивизию, пробыл там до полуночи и установил ее истинное положение и возможности. Соответственно этому изложил свои выводы и сформулировал задачи командиру дивизии. Он указал, что укомплектованность частей относительно высокая — 80—90 процентов. Это позволяет рассчитывать на большую активность в ведении борьбы с противником. Но пока этого не наблюдалось.

— Командование дивизии стремится везде иметь силы, — разъяснял Мерецков. — Отсюда растянута войска на десятки километров. Отсутствие резервов. Частые нарушения связи.

Подробно проанализировав обстановку, Мерецков выдвинул задачу: решительно отказаться от пассивного характера ведения обороны, для чего собрать к югу от Предпорожья, где противник проявляет наибольшую активность, ударную группу из 5—6 стрелковых батальонов и отбросить финнов за Свирь. Создать хотя бы небольшие резервы и иметь их под руками.

Примерно то же повторил Мерецков генералу Цветаеву, возвратившись в штаб группы из 314-й дивизии. Потребовал категорически выполнять в руководстве войсками то, что считал главным в тех условиях: не отсиживаться на оборонительных рубежах в ожидании очередного вражеского удара, а самим смелее навязывать противнику свою волю, обороняться активно!

Дальнейший ход событий подтвердил, что это решение было единственно правильным. Правда, дивизии генерала Шененкова не удалось отбросить врага за Свирь. Но и дальше она его не пустила. Резко активизировавшиеся действия Южной группы вынудили противника перейти к обороне на свирьском направлении.

Из Южной группы Мерецков отправился 22 сентября

в Петрозаводск. До Волхова добирался на автомашине и поездом. Затем на самолете. Сообщения из Петрозаводска доходили тревожные и разноречивые. В полдень добрался наконец до штаба генерала Ф. Д. Гореленко. Тот сам и начштаба армии генерал А. Н. Крутиков ввели Мерецкова в курс дела.

Обстановка под Петрозаводском — хуже некуда. Бой шли в 15 километрах от города: Основная магистраль — Кировская железная дорога — перерезана. Изнуренные непрерывными боями, наши войска понесли значительный урон. Противник, подбросив сюда еще две свежие дивизии, спешил захватить Петрозаводск. Основной метод его действий, так же как и на южном участке 7-й армии, — засылка мелких групп на фланги в сочетании с одновременными фронтальными атаками. Обстановка подсаживала Мерецкову, что нужно скорее выводить петрозаводскую группу из-под удара и перебросить ее на юг, чтобы там организовать прочную оборону по Свири.

Согласовав свои замыслы со Ставкой, генерал предложил отошедшую севернее Онежского озера группу войск не перевозить на южный берег озера, а передать ее Карельскому фронту. Сталин одобрил замысел Мерецкова остановить финнов на Свири. В связи с тем, что 7-я армия оказалась между двумя крупными водными бассейнами отрезанной от Карельского и Ленинградского фронтов, она выводилась из состава Карельского фронта и переходила в непосредственное подчинение Ставки Верховного Главнокомандования. С 24 сентября она стала именоваться 7-й Отдельной армией. В командование ее вступил генерал армии Мерецков, генерал Гореленко был назначен его заместителем.

Намеченная перегруппировка войск проходила в очень сложных условиях. Враг усиливал свой нажим в направлении Петрозаводска и в конце сентября сомкнул клещи вокруг города. Утром 2 октября наши войска оставили Петрозаводск. Одновременно противник стал с ходу форсировать Свирь. Учитывая все это, на основе указаний Ставки, войска, оборонявшиеся после потери Петрозаводска в районе Кондопоги, объединились в медвежьегорскую группу, которая была передана в подчинение командующему Карельским фронтом. Только одна, 272-я стрелковая дивизия из войск, действовавших севернее Петрозаводска, сохранялась в составе 7-й Отдельной армии. На кораблях Онежской военной флотилии она была переброшена на южный берег Онежского озера для

усиления обороны Свиря. Теперь генерал Мерецков получил возможность сосредоточить все силы своей армии на свирьском рубеже. Ставка изыскала возможность усилить резервами 7-ю армию. Ей были переданы 21-я стрелковая дивизия и 46-я танковая бригада. Шаг за шагом положение на свирьском рубеже менялось в лучшую сторону.

Почти каждый день Кирилл Афанасьевич находился в частях и подразделениях. Он добивался, чтобы занимаемые ими позиции стали непреодолимыми для врага. Беседовал с солдатами, давал советы и указания командирам. Тесный контакт генерал Мерецков и его помощники поддерживали с местными органами власти — и они оказывали большую помощь в оборудовании позиций. Налаживалось снабжение войск всем необходимым. Они стали регулярно получать горячую пищу. Создание траншей полного профиля, ходов сообщения, укрытий для личного состава и техники позволило заметно уменьшить потери в подразделениях от огня противника. Более тесным стало взаимодействие армии с Онежской и Ладожской военными флотилиями. Во всех частях и соединениях систематически велась партийно-политическая работа. Она также всецело была подчинена решению центральной задачи — повысить стойкость войск в обороне.

Итог всего этого — продвижение финских войск было остановлено на Свиря. Они застряли там вплоть до осени 1944 года, когда Карельский фронт, в командование которым вступил все тот же генерал армии Мерецков, нанес им окончательное и полное поражение.

Бои на Свиря осенью 1941 года стали первой оборонительной операцией Кирилла Афанасьевича в ходе Великой Отечественной войны. И только-только удалось стабилизировать там положение, как случилось то, чего больше всего он опасался, вступая в командование 7-й армией: крупная группировка немецко-фашистских войск в составе двух танковых и двух моторизованных дивизий прорвала оборону 4-й армии и устремилась к Тихвину. Потеря этого города означала бы потерю единственной остававшейся здесь в нашем распоряжении железной дороги, подходившей к берегу Ладожского озера. А по Ладоге пролегал теперь путь снабжения блокированного Ленинграда. Но и это было не все. Тихвин расположен посередине между реками Волхов и Свирь. На Волхове немецко-фашистские войска, на Свиря белофинские. С захватом Тихвина гитлеровцы оказались бы

гораздо ближе к финнам, причем могли выдвинуться в тыл 7-й армии. В дальнейшем же Тихвин мог стать важным опорным пунктом для продолжения наступления противника на север, а также и для продвижения его еще дальше в глубь страны на восток, в направлении Вологды.

Генерал Мерецков с тревогой следил за развитием событий на тихвинском направлении и заранее готовился к худшему. Продолжая перегруппировку имевшихся в его распоряжении сил и средств 7-й армии, оборонявшихся на Свиря, он сумел выкромить из них кое-что для создания резерва и сосредоточил его на возможных путях наступления противника. Эти силы, к сожалению, были невелики — танковая бригада, сформированная из различных отдельных отрядов, стрелковый полк, артиллерийский полк, пять минометных батальонов. К строительным работам для оборудования позиций, если придется обороняться и с тыла, командарм приказал привлечь все, что возможно в войсках, а также местное население. Это позволило высвободить в резерв еще три саперных батальона.

Кирилл Афанасьевич был информирован о том, что вместо Г. И. Кулика в командование 4-й армией вступил генерал В. Ф. Яковлев. Однако точные сведения о ее положении поступали к нему скупо: связь с 4-й армией прервалась, далеко не все было известно и в Ставке. Тогда он направил в район боевых действий своего начальника штаба генерала Крутикова. Это было 5 ноября. Новой информацией располагал прибывший в это же время из 4-й армии секретарь Ленинградского обкома партии Т. Ф. Штыков, занимавшийся организацией снабжения Ленинграда продовольствием. Собранные сведения позволили убедиться в том, что обстановка под Тихвином исключительно тяжелая. Штаб 4-й армии попал под удар и отходил на восток разрозненными группами, управленческие войсками нарушилось, и они неорганизованно отступали.

7 ноября генерал Мерецков доложил в Ставку об обстановке на тихвинском направлении. Как он вспоминал, Сталин отметил, что потеря Тихвина усилила бы и без того катастрофическое положение Ленинграда. Он предложил приостановить продвижение врага на Тихвин, а затем отбросить его и восстановить железнодорожную связь с Ленинградом.

— Выполнение этой задачи мы решили поручить вам,

товарищ Мерецков, — сказал Сталин, подводя итог разговору. — Прошу, не задерживаясь, отправиться в 4-ю армию и вступить в командование ею. Одновременно вы остаетесь командующим 7-й армией. Обе эти армии решают сейчас одну и ту же задачу — защита Ленинграда. На время вашего отсутствия в 7-й армии оставьте своего заместителя генерала Гореленко. Вам же разрешается для помощи 4-й армии использовать часть сил из состава 7-й армии.

Выполнить поставленную задачу, как она была сформулирована Верховным Главнокомандующим, генерал Мерецков не успел: 8 ноября противник овладел Тихвином и продолжал быстро продвигаться в сторону Волгодды.

Вечером того же дня Кирилл Афанасьевич вместе с дивизионным комиссаром М. Н. Зеленковым, генерал-майором А. А. Павловичем, комбригом Г. Д. Стельмахом и еще несколькими командирами прибыл в Сарожу, в 22 километрах севернее Тихвина. По его приказу срочно перебрасывался в район Тихвина почти весь созданный резерв из 7-й армии. Генералу Павловичу с приданной ему опергруппой политработников было поручено общее руководство по сбору войск и организации обороны. Командирам 44-й и 191-й стрелковых дивизий было приказано собрать рассыпавшиеся по лесам и дорогам подразделения и, объединив их в отряды, занять оборону по северному берегу реки Шомушки, преградить путь на север вражеским танкам, перехватив дорогу на Лодейное Поле.

Утро следующего дня застало Мерецкова на восточных путях наших отходящих частей. Здесь он поручил собрать и объединить все имеющиеся силы в один отряд генералу П. А. Иванову, представителю Ленинградского фронта в 4-й армии. Задача отряда — организованно занять оборонительный рубеж и удерживать его до подхода резервов. Прибывшему с ним комбригу Г. Д. Стельмаху Кирилл Афанасьевич подчинил оказавшихся здесь офицеров штаба 4-й армии и приказал немедленно наладить связь, взять в свои руки управление вновь организуемым формированием.

Все действия Мерецкова в той катастрофической ситуации необычайно энергичны, решительны, в высшей степени оперативны. Волевое начало истинного полководца сочеталось в нем с необычайным личным мужеством, выдержкой, умением спокойно, всесторонне анализиро-

вать и оценивать самые неожиданные и критические обстоятельства, предвидеть развитие событий и соответственно этому принимать необходимые решения.

Бывшему корреспонденту «Красной звезды» М. З. Цуцне в те грозные дни удалось встретиться с К. А. Мерецковым. Вот его свидетельство: «Несколько выше среднего роста, с чуть одутловатым лицом, он казался старше своих лет. Серые глаза смотрели испытующе, даже сурово, а вот вздернутый, как говорят, курносый нос придавал лицу мягкость, добродушие. Генерал потянулся к карте, и я обратил внимание на его большие руки, руки мастера.

Кирилл Афанасьевич кратко объяснил ситуацию, не прибегая к обтекаемым фразам, не уходя от прямой оценки грозной обстановки. Он так и сказал: «Противник умеет воевать, и ему есть чем воевать». Встречаются люди, чаще среди военных, которые говорят так, что вы с первых же слов улавливаете точность и логичность их мышления, ощущаете цепную реакцию как будто сцементированных между собой фактов и выводов. Именно так мыслил Мерецков. И хотя нашу беседу прервал налет вражеских самолетов — изба пошла ходуном, зазвенели стекла, и дверь сильным рывком сама собой распахнулась, я получил довольно полное представление о смысле и значении боя за Тихвин».

Все увиденное тогда позволило военному корреспонденту сказать, что трудно было представить задачу более тяжелой, нежели выпавшая на долю Мерецкова. Наши части неорганизованно отступали по лесным тропам, по шоссевым трактам. Кто двигался на север, кто на восток. Люди шли молча, ежась от пронзительного ветра, тяжело переживая поражение.

Новому командующему предстояло в самый короткий срок восстановить положение, воссоединить части, вдохнуть в людей веру в победу и повести, не теряя ни часа, в бой. При этом генерал Мерецков действовал не из обрудованного штаба с налаженной связью и четким аппаратом управления, а непосредственно на поле боя, в нескольких километрах от противника, только что одержавшего победу.

Фашисты действительно ликовали по поводу своей тихвинской победы: «Теперь Ленинград должен будет сдаться без пролития крови немецких солдат». Гитлер, выступая в Мюнхене 8 ноября, самодовольно утверждал:

«Ленинград сам поднимет руки: он неминуемо падет,

раньше или позже. Никто отсюда не освободится, никто не прорвется через наши линии. Ленинграду суждено умереть голодной смертью».

Но не поднял руки героический город, носящий имя великого Ленина, ни раньше, ни позже. И не умер голодной смертью. Он продолжал борьбу до полной своей победы.

Под Тихвином войска, руководимые Мерецковым, не только сумели остановить наступление врага, но и сами перешли затем в контрнаступление.

Рано утром 11 ноября с севера по противнику был нанесен контрудар. План его заключался в том, чтобы совместными усилиями подошедших резервов и подразделений 44-й и 191-й стрелковых дивизий атаковать передовые части танковой дивизии противника и отбросить их к Тихвину. Затем было намечено обойти город с запада, перерезать тыловые коммуникации всей тихвинской группировки врага. Главную роль в контрударе генерал Мерецков отводил 46-й танковой бригаде, которая накопила опыт ведения боевых действий в условиях лесисто-болотистой местности. Этому обстоятельству командующий придавал первостепенное значение. «Горький опыт, полученный войсками 4-й армии в ноябре 1941 года, многому нас научил, — вспоминал Мерецков. — Уже тогда мы взяли себе за правило: как бы велика ни была нужда в войсках, поступающее пополнение и вновь прибывающие части перед боями пропускать через учебные центры или непосредственно в соединениях знакомить с особенностями ведения боевых действий в лесисто-болотистой местности, тренировать в ориентировании, а также обучать строительству оборонительных сооружений, укрытий и дорог».

В результате контрудара 11 ноября, который оказался совершенно неожиданным для врага, противник откатился на 12—13 километров на юг. Лишь после этого, подтянув танки и вызвав авиацию, он сумел приостановить наше продвижение примерно в 15 километрах севернее Тихвина. Самым главным итогом контрудара являлось то, что противник, потеряв много танков и откатившись к Тихвину, больше не помышлял о наступлении. Кроме того, войска северной группы 4-й армии значительно улучшили свои позиции: они теперь нависали над вражескими коммуникациями, создавая постоянную угрозу их перехвата.

Изменилось к лучшему положение и восточной группы. Объединенные в отряд под командованием генерала

Иванова разрозненные подразделения остановили танки и мотопехоту противника, а затем заставили повернуть обратно. К середине ноября в распоряжение генерала Иванова на усиление его группы прибыла стрелковая дивизия и два танковых батальона. Продолжая наступать, восточная группа подошла к Тихвину на 5—6 километров, после чего исчерпала возможности для дальнейшего продвижения вперед.

Обе противоборствующие стороны в тех условиях не могли рассчитывать на скорое получение крупных пополнений. Причиной этого были напряженные бои под Москвой и Ростовом-на-Дону. Поэтому немецко-фашистские войска всячески усиливали оборону на занимаемых рубежах. Тем не менее в конце ноября под Тихвин была переброшена из Франции свежая пехотная дивизия. После этого тихвинская группировка противника включала уже пять дивизий и еще несколько частей. Для них удержание за собой Тихвина означало резкое ужесточение блокады Ленинграда. По той же причине советское командование не могло оставить город в их руках. Вот почему, продолжая активную оборону, командование 4-й армии накапливало силы и средства, перегруппировывало войска, готовило их к новому решительному удару.

Ставка Верховного Главнокомандования, имея в виду исключительную важность поставленной задачи по освобождению Тихвина, все же передала в распоряжение Мерецкова минимально необходимые для успешного проведения операции силы и средства из своего резерва. С их прибытием генерал Мерецков реорганизовал созданные прежде отряды в оперативные группы.

К началу наступления северная оперативная группа (она именовалась иногда центральной) под командованием генерала П. А. Иванова обложила Тихвин с северо-запада. Левее ее была развернута прибывшая из резерва Ставки 65-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник П. К. Кошевой (впоследствии Маршал Советского Союза). Этой дивизии Кирилл Афанасьевич поставил главную задачу — овладеть городом. Южнее дивизии Кошевого действовала группа под командованием генерала А. А. Павловича. Наконец, на самом левом фланге армии расположилась южная оперативная группа под командованием бывшего командарма-4, а теперь заместителя командующего 4-й армией генерала В. Ф. Яковлева.

Помимо дивизии полковника Кошевого, армия попол-

нилась и двумя танковыми батальонами. В итоге на нашей стороне был создан некоторый перевес над противником в пехоте, артиллерии и минометах. Однако противник значительно превосходил 4-ю армию в танках. Кроме того, сопоставляя силы сторон, надо иметь в виду отсутствие устоявшейся организационной структуры наших войск (только две стрелковые дивизии и одна танковая бригада сохраняли свою обычную организацию) и острую нехватку боеприпасов. Настойчивые требования Ставки как можно скорее освободить Тихвин подталкивали командование армии к тому, чтобы приступить к операции, не ожидая получения материальных средств и пополнения.

Наступление началось 19 ноября. В основе его лежала идея окружения и уничтожения немецко-фашистских войск в районе Тихвина. Само начертание линии фронта подсказывало ее: город был обложен нашими войсками с трех сторон. Удары основных сил были направлены на то, чтобы перехватить дороги, идущие из Тихвина на запад, и тем самым прервать связь противника, засевшего в городе, со своим тылом. Фронтальные атаки на Тихвин вела только дивизия П. К. Кошевого.

Первые дни наступления были характерны тем, что почти на всем фронте боевые действия приобрели форму встречных боев: противник не просто с необычайным упорством и ожесточением оборонялся, но сам повсюду переходил в контратаки. Нашим войскам с боем приходилось отвоевывать каждый метр. На левом фланге армии наступление развивалось вначале успешно. Но и там вскоре сопротивление врага возросло.

Анализируя ход операции, генерал Мерецков по характеру действий противника понял, что он сильно встревожен выходом советских войск на свои коммуникации. К концу ноября в его распоряжении осталась только одна грунтовая дорога Тихвин — Будогощь. Производя частичную перегруппировку своих сил, пополнив войска боеприпасами, командующий снова двинул их на врага. «Первый этап борьбы за Тихвин, — говорилось в приказе Военного совета 4-й армии от 25 ноября, — закончен успешно. Значительные силы противника окружены в районе Тихвина, но еще продолжают упорно оборонять подступы к городу и самый город...

Приказываю:

Штурмовать город Тихвин и уничтожить засевшего там противника».

Однако потребовалось еще более двух недель ожесточенных боев, прежде чем Тихвин был освобожден. Враг сопротивлялся отчаянно. Недаром в военном дневнике начальника германского генерального штаба во второй половине ноября появилась запись: «Учитывая интересы ОКХ (верховного командования вооруженных сил Германии. — А. К.), следует во что бы то ни стало удерживать Тихвин». И тем не менее в том же дневнике 7 декабря появилась и другая запись: «У Тихвина обстановка очень напряженная. Командование группы армий считает, что войска не смогут удержать город».

Утром 9 декабря 1941 года генерал армии Мерецков докладывал Верховному Главнокомандующему, что после ночного штурма в 5 часов утра войска 4-й армии освободили от немецко-фашистских захватчиков город Тихвин. Вырвавшиеся из города гитлеровские части и подразделения спешно отступают на юго-запад, на Будогощь, и частично на запад, в сторону Волхова, бросая обозы, технику, сжигая склады с продовольствием, боеприпасами и горючим. Соединения армии немедленно приступают к преследованию, чтобы добить уходящего из окружения врага...

27 декабря войска, руководимые генералом армии Мерецковым, вышли к реке Волхов на участке Кириши — Грузино, полностью освободив от захватчиков всю территорию восточнее этого рубежа.

«Тихвин отныне неотделим от славы советского оружия», — писала в те дни газета «Красная звезда». Победа под Тихвином, освобождение Ростова-на-Дону, сообщения Совинформбюро о развернувшемся грандиозном контрнаступлении советских войск под Москвой — эти известия на исходе тяжкого для нашей Родины 1941 года, как яркая вспышка маяка в бушующем океане, обозначили путь советского народа к Великой Победе.

Год прошел со времени Тихвинской операции, целый год войны, неразрывно связавший полководческую судьбу Мерецкова с военной судьбой великого города на Неве. В самом начале нового, 1943 года он отправился в осажденный Ленинград для встречи с генералом Говоровым. Командующим Ленинградским и Волховским фронтами предстояло согласовать план операции «Искра».

На всю жизнь врезался в память Кирилла Афанасьевича день, когда он впервые получил от Сталина задачу

на разработку этой операции. Было это в самом начале октября 1942 года. Мерецков докладывал Верховному Главнокомандующему результаты только что закончившейся Сиявинской операции...

Трудный это был доклад: на протяжении 30 суток войска Волховского фронта вели упорные, кровопролитные бои, но в конечном счете откатились на тот же рубеж, который занимали до начала наступления. Петля блокады, наброшенная врагом на город Ленина, осталась неразорванной.

А начиналась Сиявинская операция неплохо. Он, командующий, вовремя заметил беспокойство в стане врага: 25 августа гитлеровское командование начало усиленную разведку с воздуха района сосредоточения войск фронта. «Значит, что-то почуяли насчет наших приготовлений к наступлению», — пришел к заключению Кирилл Афанасьевич. На другой же день пригласил к себе командиров соединений, заслушал их доклады о подготовке к наступлению. Как выяснилось, хотя развертывание ударной группировки проводилось в исключительно сжатые сроки, полное сосредоточение дивизий второго эшелона могло осуществиться через 2—3 дня, а третьего — только через 10—12 дней. Что же делать? Ждать, пока подойдут все войска? Было бы идеально иметь такую возможность! Но на войне — это давно и очень хорошо усвоил Кирилл Афанасьевич — рассчитывать на идеальные условия не приходится. Вооруженная борьба — процесс двухсторонний. Мы подождем подхода и сосредоточения всех сил. Противник тем временем вскроет ударную группировку фронта — какие-то сведения о наших приготовлениях до него уже дошли. Он подтянет резервы, дополнительные артиллерийские средства, авиацию. И что тогда? Внезапность первоначального удара будет утрачена.

А ведь при тех силах и средствах, которыми располагали вверенные ему войска для наступления, они вопреки установившимся в военной теории канонам не имели сколько-нибудь значительного превосходства над противником. Превосходство на направлении главного удара обеспечивалось за счет ослабления остальных участков в полосе фронта. Да и какое это было превосходство! В подобных условиях гитлеровское командование, — Мерецков был убежден в этом, — посчитало бы невозможным для себя предпринимать наступление. Но именно поэтому оно вряд ли сможет допустить подобную дерзость и в наших действиях...

Примерно так объяснял командующий фронтом командирам и политработникам на совещании 26 августа 1942 года складывавшуюся ситуацию и смысл принятого им решения: начать операцию, не ожидая полного сосредоточения всех трех эшелонов создаваемой ударной группировки.

Утром следующего дня она была начата двухчасовой артиллерийской подготовкой. Немецко-фашистское командование не ожидало нашего наступления. Генералу Мерецкову удалось достичь внезапности удара. Это позволило нашим соединениям в первый день наступления углубиться в оборону противника на 7 километров и подойти к Сиявину! Все радовались такому началу. Но уже на завтра темп наступления заметно снизился, затем и совсем замедлился.

Вражеское командование, перебрасывая к месту прорыва части и подразделения с других участков фронта, подтягивая артиллерию, перенацеливая авиацию, расположенную на аэродромах под Ленинградом, резко повысило силу сопротивления своих войск. Активность противника возрастала по мере того, как он вводил в бой все новые части и соединения. Контратаки следовали одна из другой, яростные схватки закипали в оплывших от болотной воды траншеях, окопах, ходах сообщения. Самые незначительные господствующие над местностью высоты по нескольку раз переходили из рук в руки. Воины Волховского фронта сделали все, что было в человеческих силах, даже больше того. А итог? Незавершенный прорыв, а затем и вынужденный отход части главных сил в район исходных позиций!

...Перед тем памятным докладом Верховному Мерецков снова и снова анализировал ход операции от первого дня до последнего, пытаясь спокойно осмыслить каждое свое решение, действия подчиненных командиров, уяснить для самого себя, где и что было сделано не так. Напряженное до предела сознание обостряло чувства, заставляло по-новому взглянуть на то, что делал лично он и все его ближайшие помощники. Что-то теперь, задним числом, он хотел бы пересмотреть, виднее стали собственные промахи, отыскивались упущения и у других. Да, они были! Но все же положила руку на сердце он с чистой совестью мог сказать, что не они обусловили такой итог Сиявинской операции. К тому же и его добиться в тех неимоверно тяжелых боях значило тогда немало. Так оценивал командующий фронтом Сиявинские сражения.

Так и доложил он Верховному Главнокомандующему. Активные боевые действия войск Волховского и Ленинградского фронтов надолго приковали внимание немецко-фашистского командования к северо-западному направлению. Оно, как выяснилось в ходе операции, перебросило сюда из Крыма дивизии 11-й немецкой армии генерал-фельдмаршала Манштейна. Противник понес огромные потери, в том числе около 60 тысяч человек только убитыми и пленными. По показаниям пленных, в ротах большинства дивизий осталось по 18—20 человек.

Все это, конечно, так. Однако когда докладывал, кошки скребли на сердце: намеченный прорыв не состоялся. Вопреки ожиданиям Сталин спокойно воспринял доклад командующего Волховским фронтом. Объяснить это следует не только тем, что тот был самокритичен и объективен в оценках, которые в целом совпадали с мнением Генштаба и Ставки. Верховный Главнокомандующий уже тогда знал гораздо больше, чем командующий фронтом, о намерениях и планах противника.

После войны исследователям стала известна исчерпывающая информация по этому вопросу. Она позволяет в полной мере оценить значение Сиявских боев для судьбы Ленинграда. Из опубликованных секретных документов следует, что гитлеровское командование, не ожидая исхода Сталинградской битвы, в июле 1942 года приступило к подготовке генерального штурма Ленинграда. Покончить с Ленинградом и его защитниками Гитлер поручил «специалисту» по штурмам Э. Манштейну. Поэтому он отменил переброску освободившейся в Крыму 11-й немецкой армии на Кубань и переадресовал ее на север, «чтобы занять Ленинград». Операция получила кодовое наименование «Нордлихт» («Северное сияние»).

В воспоминаниях Манштейна сказано, что план захвата Ленинграда «заключался в том, чтобы, используя вначале сильнейшее артиллерийское и авиационное воздействие на противника, прорвать силами трех корпусов его фронт южнее Ленинграда, продвинувшись при этом только до южной окраины самого города. После этого два корпуса должны были повернуть на восток, чтобы с ходу внезапно форсировать Неву юго-восточнее города. Они должны были уничтожить противника между рекой и Ладожским озером, перерезать путь подвоза через Ладожское озеро и вплотную охватить город кольцом также и с востока. В таком случае захвата города можно было бы добиться и без тяжелых уличных боев...»

23 августа 1942 года план штурма Ленинграда обсуждался в гитлеровской ставке. На нем Гитлер высказал предположение о том, что реальной мерой противодействия со стороны советского командования может быть «яростное наступление на Волховском фронте в районе Погостья и узкой горловины у Мги». И потребовал удержания занимаемых здесь позиций при любых обстоятельствах.

«Яростное наступление Волховского фронта», как мы теперь знаем, было предпринято Мерецковым гораздо раньше, чем предполагал Гитлер, — через три дня после упомянутого выше совещания.

Уже 27 августа Манштейн, по собственному признанию, вынужден был повернуть часть сил своей 11-й армии против Волховского фронта, а 4 сентября, когда войска Мерецкова расширили полосу наступления до 15—20 километров, разъяренный Гитлер потребовал от Манштейна без промедления бросить в сражение все, что имеется, и любой ценой предотвратить развал фронта 18-й армии генерала Линдемана...

Наш радиоперехват в те дни засек радиопереговоры, из которых следовало, что Манштейн прямо из своей автомашины по радию подвижного командного пункта приказывал командирам дивизий с ходу развертывать и вводить в бой подчиненные части, не допустить дальнейшего расширения прорыва советских войск.

В район Сиявина был направлен огонь сверхтяжелых артиллерийских орудий, перенацелена авиация воздушного флота, которому по ранее принятому плану отводилась особая роль в штурме Ленинграда: в течение шести дней, предшествующих самому штурму, они должны были нанести удары по городским районам и объектам, чтобы «нарушить всю организацию обороны города и парализовать массы рабочих и гражданского населения».

Замыслам этим не суждено было сбыться. Не суждено прежде всего потому, что Волховский фронт проводил эту страшно тяжелую, кровопролитную операцию. После нее — об этом также поведал в своих мемуарах «Утерянные победы» Манштейн — «о наступлении на Ленинград не могло быть и речи». Таков истинный ее итог!

Надо полагать, что Верховный Главнокомандующий положительно оценивал личную деятельность генерала Мерецкова в этой операции по руководству подчиненны-

ми войсками. Только этим можно объяснить, что он, как ни хотелось ему побыстрее снять блокаду Ленинграда, выслушал доклад Мерецкова спокойно, не высказав упреков в адрес командования фронтом. Но вот тогда-то он и закончил разговор с командующим Волховским фронтом словами:

— Ваши соображения по прорыву блокады Ленинграда, товарищ Мерецков, Ставка рассмотрит.

Вопрос этот Ставкой Верховного Главнокомандования не снимался со времени тихвинских событий осенью 1941 года. Именно в те далекие уже, наполненные радостью первой его серьезной победы над врагом, декабрьские дни 1941 года, когда был освобожден Тихвин и руководимые генералом Мерецковым войска перешли к преследованию отходящего противника, его и комбрига Стельмаха вызвали в Ставку. «Зачем?» — всю дорогу мучительно раздумывал Мерецков, ибо считал, что время для вызова неподходящее.

В Москве заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант А. М. Василевский прояснил обстановку: речь будет идти об образовании нового фронтового объединения — Волховского фронта. На совещании в Ставке, которое открыл 12 декабря 1941 года Верховный Главнокомандующий, присутствовали начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников, командование Ленинградского фронта — генерал М. С. Хозин и А. А. Жданов, командующий 26-й армией (в конце декабря ее переименовали во 2-ю ударную) генерал Г. Г. Соколов и командующий 59-й армией генерал И. В. Галанин.

— Начинаяте, Борис Михайлович, — предложил Сталин Шапошникову.

Взяв в руки карандаш и очертив им на карте с обстановкой на северо-западном направлении, лежащей на столе, территорию, которая примыкает к реке Волхов, Шапошников сказал:

— В целях объединения армий, действующих к востоку от реки Волхов, Ставка Верховного Главнокомандования решила образовать Волховский фронт... Командующим фронтом назначается генерал армии Мерецков, членом Военного совета — армейский комиссар 1-го ранга Запорожец, начальником штаба фронта — комбриг Стельмах...

Генеральная задача нового фронта сформулирована предельно ясно: объединение армий, действующих к востоку от реки Волхов, в первое время содействовать сры-

ву вражеского наступления на Ленинград, затем совместно с Ленинградским фронтом разгромить противостоящую здесь группировку противника и освободить Ленинград от блокады.

Кроме 4-й и 52-й армий, которые к моменту организации фронта преследовали немецко-фашистские войска, потерпевшие поражение под Тихвином и Малой Вишерой, в его состав из резерва Ставки передавались 59-я и 2-я ударная армии. Правый фланг фронта граничил с 54-й армией Ленинградского фронта в районе Кириши, левый в 150 километрах южнее упирался в озеро Ильмень, за которым вела бои 11-я армия Северо-Западного фронта.

Из-за этой армии возникло на том совещании разногласие Мерецкова с Хозиным. Кирилл Афанасьевич поставил вопрос о целесообразности включения в состав Волховского фронта 54-й армии, поскольку она действовала в отрыве от Ленинградского фронта. Такое положение казалось ему нелогичным, ибо пребывание армии в составе Ленинградского фронта создавало значительные неудобства в управлении ею. Однако генерал Хозин настаивал на том, чтобы эта армия оставалась в его подчинении. Член Военного совета Ленинградского фронта Жданов поддержал мнение генерала Хозина. Хотя эта армия, говорили они, и расположена за внешним кольцом блокады, ее войска, нанося удары с тыла, окажут ленинградцам наибольшую помощь в прорыве блокады. Контрдоводы Мерецкова звучали вроде бы убедительно: задача прорыва блокады ставится перед Волховским фронтом, и, значит, кому бы 54-я армия ни подчинялась, она будет действовать в том же направлении; отрыв ее от Волховского фронта затруднит планирование ударов во врагу и боевое взаимодействие войск. К сожалению, его слова действия тогда не возымели. Решение Ставки положило конец дебатам: если для Ленинграда лучше сохранить за собой 54-ю армию, пусть будет так. Через полгода, правда, поправка в то решение была внесена: 54-я армия передавалась Волховскому фронту, а вместе с нею и образованная в январе 1942 года 8-я армия, находившаяся южнее Ладожского озера.

Мерецков не раз с горечью думал о том, что случилось это не сразу, а только через полгода, как и о том, что в апреле 1942 года, когда в тяжелом положении в ходе Любанской операции оказалась 2-я ударная армия, Волховский фронт решением Ставки был реорганизован в

оперативную группу войск. Эту новую группу также подчинили Ленинградскому фронту.

В той конкретной ситуации вырисовывались три возможных решения: во-первых, усилить Волховский фронт хотя бы одной армией и тогда продолжать намеченное наступление на Любань, подкрепив этой армией обессиленную в предыдущих боях 2-ю ударную; во-вторых, если такой возможности нет, отвести 2-ю ударную армию из занятого ею района, чтобы избежать угрозы удара противника по узкой горловине нашего прорыва; в-третьих, 2-й ударной перейти к жесткой обороне на достигнутых рубежах и, накопив силы, возобновить затем наступление.

Третий вариант, как считал Кирилл Афанасьевич, отвергался сразу же и безоговорочно, так как оставление армии, которая, в сущности, лишь по названию оставалась ударной, в лесисто-болотистом районе, при легкоуязвимых коммуникациях означало бы совершенно неоправданный риск.

Командование Волховского фронта придерживалось первого варианта. Не возражало оно и против второго, имея в виду, что у Ставки может не оказаться требуемых для продолжения наступления резервов. Однако в этой ситуации командующий Ленинградским фронтом генерал Хозин высказал мнение, что 2-я ударная армия может продолжать наступление и своими силами, без дополнительных подкреплений. На войне, как известно, всегда возникает нужда в резервах. Ставка сберегала накопленные резервы для летней кампании 1942 года. Поэтому она приняла предложение генерала М. С. Хозина и положила на данное ей обещание, что задача по деблокадированию будет решена. Понятно, что ее решение присоединить реорганизованный в оперативную группу Волховский фронт к Ленинградскому было продиктовано горячим желанием поскорее снять блокаду осажденного города, облегчить участь ленинградцев. Но снова желанная цель достигнута не была.

Шесть недель спустя Мерецков, назначенный после реорганизации Волховского фронта сначала заместителем к Г. К. Жукову — главнокомандующему войск Западного направления, а затем, по собственной его просьбе, командующим 33-й армией вместо погибшего М. Г. Ефремова, срочно был вызван в Ставку. Верховный Главнокомандующий, приняв Мерецкова, расспросил о делах в 33-й армии, затем сказал о цели вызова, не умолчав о том, что принятое в апреле решение оказалось далеко не лучшим.

«Мы допустили большую ошибку, объединив Волховский фронт с Ленинградским, — сказал Верховный. — Генерал Хозин, хотя и сидел на Волховском направлении, дело вел плохо. Он не выполнил директивы об отводе 2-й ударной армии. В результате немцам удалось перехватить коммуникации армии и окружить ее. Вы, товарищ Мерецков, — продолжал Сталин, обращаясь ко мне, — хорошо знаете Волховский фронт. Поэтому мы поручаем вам вместе с товарищем Василевским выехать туда и во что бы то ни стало вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники. Директиву о восстановлении Волховского фронта получите у товарища Шапошникова. Вам же надлежит по прибытии на место немедленно вступить в командование Волховским фронтом».

В тот же день Василевский и Мерецков выехали из Москвы и к вечеру были в Малой Вишере. Положение 2-й ударной армии оказалась хуже, чем можно было ожидать. Отрезанная от баз снабжения, окруженная, она испытывала острую нужду в боеприпасах и продовольствии. Арьергардные ее соединения медленно пятились под нажимом наседавшего противника на восток, а авангард пытался пробить у Мясного Бора коридор для выхода из окружения. Но тщетно. У нее самой сил для этого не хватало. А наши 59-я и 52-я армии, растянутые на широком фронте, не только не оказывали ей помощи извне, но еле сдерживали противника, непрерывно пытаясь расширить разрыв, который образовался между окруженными и основными силами Волховской группы. Резервов не было никаких.

Вместе с Василевским Мерецков принял самые решительные меры, чтобы пробить коридор к отрезанным войскам 2-й ударной армии. Противник, в свою очередь, наращивал усилия, чтобы не допустить этого и не выпустить из окружения войска 2-й ударной армии. В районе Спасской Полисти и Мясного Бора завязалась борьба, приобретающая все более ожесточенный характер. В конце концов 19 июня удалось пробить брешь. Через небольшой коридор шириной в 300—400 метров, простреливаемый с двух сторон перекрестным огнем, периодически закрываемый противником и вновь восстанавливаемый нашими войсками, группами стали выходить из окружения бойцы и командиры 2-й ударной. Многие из них шатались от изнеможения. И без того крайне трудное положение усугубилось изменой командарма Власова, кото-

рый позорно сдался в плен, дезорганизовав управление 2-й ударной армией. Утром 25 июня противнику вновь удалось захлопнуть коридор, по которому выходили из окружения бойцы и командиры 1-й ударной. Всего вышло 16 тысяч человек личного состава, почти столько же не вернулись — погибли в боях или пропали без вести.

Тяжким, полным драматических событий для нашей Родины был 1942 год в ходе Великой Отечественной войны, однако конец его озарился яркими зарницами немеркнущей победы Советской Армии в Сталинградской битве. Самым, пожалуй, сложным и нелегким оказался этот год в личной судьбе генерала армии Мерецкова, в его полководческой биографии. Через серию сложнейших испытаний довелось пройти ему вместе с руководимыми войсками после победоносной операции под Тихвином. Начало 1943 года застало его в осажденном Ленинграде: подготовка новой операции «Искра», которую предстояло провести войскам Ленинградского и Волховского фронтов, близилась к завершению.

Оба командующих — Говоров и Мерецков, проведя день в напряженной работе, обстоятельно обсудили интересовавшие их вопросы взаимодействия двух фронтов в предстоящем наступлении.

Работа шла споро. Они понимали друг друга, казалось, с полуслова — несколько замкнутый, хмурый с виду, ушедший в себя Леонид Александрович Говоров и живой, открытый Кирилл Афанасьевич Мерецков. Договорились о рубежах встречи наступающих войск. Решили: если у кого-то застопорится где-либо, другой прикажет своим войскам идти дальше вперед. Пробиваться дальше и дальше до самого того момента, пока не состоится встреча войск двух фронтов! Договорились о серии условных сигналов, чтобы не ошибиться в опознании войск и не принять своих за чужих или наоборот. Уточнили, как после встречи наступающие дивизии будут поворачивать на юг, чтобы выполнить предначертание директивы Ставки — подготовить удар через Синявину, в сторону среднего течения Мойки...

Когда все, что нужно, было обговорено и условлено, Кирилл Афанасьевич решил выйти на воздух перед сном, чтобы стряхнуть с себя усталость после огромного напряжения. Первое, о чем подумал, выйдя на улицу: «Так сегодня или уже вчера согласовали мы план взаимодей-

ствия двух фронтов?» Понять по местным признакам, что сейчас — поздний вечер уходящих суток или раннее утро наступающих, — было невозможно.

Перед ним лежал совсем не новогодний город, даже не тот обычный Ленинград, каким привык его видеть до войны. Город был погружен в беспросветную темноту. Нигде ни огонька, в том числе и на главном проспекте, на Невском, всегда, сколько знал Мерецков, кишевшем жизнью, ослепительно ярком, нарядном. Только мрак царил вокруг. Да еще угадывалась чуткая настороженность. Ленинград оставался в блокаде — сознавать это, мириться с этим ему было невыносимо.

Мысль четко зафиксировала то, что жило в нем подсудно все это время совместной работы с Говоровым: каких только вопросов они не ставили друг другу, в последний раз обсуждая все детали разработанного плана, но ни разу ни в какой форме, даже намеками не было высказано сомнение, что предусмотренная планом операции «Искра» встреча двух фронтов может не состояться.

Безмерные страдания ленинградцев в осажденном городе и их несгибаемая воля к борьбе порождали у каждого советского человека непреходящее желание как можно быстрее покончить с вражеской блокадой. Это чувство подталкивало и Верховного Главнокомандующего, и его, командующего фронтом, и командиров дивизий, и бойцов, которые снова и снова поднимались в атаку. Но желаемое до сих пор не подкреплялось материальными возможностями для его осуществления. Это понял он теперь со всей ясностью. И вспомнил о личной записке к нему Сталина, датированной 29 декабря 1941 года. Она была вручена ему перед началом Любанской операции. Мерецков с тех пор всегда носил ее в своем партбилете. В ней было сказано:

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич! Дело, которое поручено вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, — великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось на мелкие стычки, а вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю вам успеха. И. Сталин».

Верховный Главнокомандующий обратился к нему неофициально, не приказывал — просил. Просил сделать

все возможное для спасения города Ленина, говорил о том, каким бы он хотел видеть предстоящее наступление Волховского фронта. Он написал эту записку, считав необходимым дополнить отданные ранее распоряжения и директивы личным обращением. Почему? Да потому, отвечал сам себе Кирилл Афанасьевич на поставленный вопрос, чтобы еще больше подхлестнуть его, командующего фронтом, зажечь, передать ему неистребимое свое желание непременно осуществить операцию. Воины Волховского фронта сделали все, что было в их силах, но, к сожалению, объективные реальности оказались сильнее самых горячих желаний.

...Теперь условия изменились! С этой мыслью Кирилл Афанасьевич наконец заснул. Утром следующего дня он возвратился к своим войскам и целиком ушел в завершающую часть той огромной по своему многообразию работы военачальника, которая составляет сущность понятия «подготовка операции».

Как мы помним, подготовка этой операции для генерала Мерецкова началась в тот самый момент, когда он услышал по прямому проводу слова Верховного Главного командующего: «Ваши соображения по прорыву блокады, товарищ Мерецков, Ставка рассмотрит в конце ноября».

Сразу же, как только положил трубку, перед ним встал самый первый и самый важный вопрос, который всякий раз обязан решить любой военачальник, предпринимая боевую операцию. Все остальные — десятки, сотни других вопросов, очень важных, значительных или частных и прочих, и прочих — будут разработаны сначала очень ограниченным, затем более или менее расширенным кругом лиц, штабом, ближайшими помощниками военачальника, начальниками родов войск и служб в зависимости от решения этого самого первого и самого важного: где надлежит сосредоточить ударную группировку фронта, куда наносить главный удар? Искусство полководца проявляется прежде всего в ответе на этот вопрос.

Как же решал его в данном конкретном случае командующий Волховским фронтом?

Расположение войск противоборствующих сторон, начертание линии фронта, казалось бы, ограничивало возможный выбор направления главного удара. В результате выхода немецко-фашистских войск к южному побережью Ладожского озера в сентябре 1941 года образовался выступ, разделявший Ленинградский и Волховский фронты. По названиям крупных населенных пунктов он стал име-

новаться шлиссельбургско-синявинским выступом. Фашисты прозвали его «фляшенгалде» («бутылочное горло»). Это самое «бутылочное горло» являлось важнейшим участком кольца вражеской блокады Ленинграда: по одну его сторону — западную — стояли войска Ленинградского фронта, по другую — восточную — Волховского. И разделяло их всего лишь 15-километровое пространство, занятое немецко-фашистскими войсками.

Казалось бы, чего же проще, шлиссельбургско-синявинский выступ наиболее подходит для наступления, не наносить же главный удар от Новгорода, который удален от Ленинграда почти на две сотни километров? А здесь всего лишь пятнадцать! Да, это так, конечно, но... И тут начинались «но»: первое, противник также понимает, что «бутылочное горло» наиболее уязвимо для наших ударов, направленных на ликвидацию блокады, значит, здесь он проявляет наибольшую бдительность; второе, враг не сидит сложа руки, имевшееся в его распоряжении время он использовал для того, чтобы сделать шлиссельбургско-синявинские рубежи непреодолимыми для нашего наступления; третье, в начале октября только что закончилась Синявинская операция. Именно на Синявино наносился в ней главный удар. Кстати, тогда-то оказалось возможным воочию убедиться, насколько добротнo постарались гитлеровцы укрепить оборону этого района. Вдоль рек, озер, оврагов, болот, по высотам и лесам — буквально повсюду наступающим пришлось преодолевать их оборонительные позиции с множеством узлов сопротивления. К примеру, роща «Круглая» представляла собой настоящую крепость с укреплениями в несколько ярусов, со стенами, покрытыми льдом. В ее укрытиях находилось более сотни искусно замаскированных оружейных и пулеметных гнезд. В официальных документах немецко-фашистского командования роща именовалась «Первым бастионом». Ее так и не удалось взять нашим войскам, и это, как считал Мерецков, явилось одной из причин нашего неуспеха в Синявинской операции.

Можно было привести и четвертое «но»: 15-километровое пространство «бутылочного горла», занимаемое противником, представляло собой местность, почти сплошь состоящую из труднопроходимых болот, торфяников и лесов. Это «но» при подготовке той же Синявинской операции Кирилл Афанасьевич отвел, объяснив сомневающимся:

— А где у нас местность лучше? Болота и леса, ха-

рактерные для северо-востока страны, есть повсюду от Ладоги до Новгорода, то есть в полосе Волховского фронта, и где бы мы ни надумали наступать, нам придется иметь с ними дело...

Теперь же он взглянул на эти труднопроходимые болота под несколько иным углом зрения. Однако, прежде чем рассказать об этом, следует предварительно обратить внимание и на такой вопрос. Задачу соединения Большой земли и осажденного Ленинграда прочным коридором предстояло решать двум фронтам — Ленинградскому и Волховскому. Следовательно, Мерецкову необходимо было встретиться с Говоровым. Учитывая сложность положения в Ленинграде, Ставка разрешила поехать туда Мерецкову, а Говорову не покидать город. Их первая встреча состоялась в конце октября.

К этому времени генерал Мерецков, конечно, уже имел определенное мнение о направлении главного удара. В дозволенных рамках данный вопрос был обсужден с нужными лицами руководящего состава фронта. Окончательно утвердиться в его решении стало возможным после встречи с командующим Ленинградским фронтом, которая, как было уже сказано, пришлась на новогодние дни.

— Какое участие сможете вы принять в предстоящей операции? — спросил Мерецков Говорова.

— Мы можем нанести встречный удар, — ответил он. — Но в том месте, где ваши войска находятся близко к Ленинграду. На глубокую операцию у нас не хватит сил.

Мерецкову стало ясно: прорывать блокаду придется все же снова в шлиссельбургско-синявинском выступе. И до встречи с Говоровым он сам склонялся к этому. Весь вопрос в том, как обеспечить на этот раз оперативную внезапность? И Мерецков пришел к решению направить основные усилия ударной группировки войск фронта севернее Синявина, непосредственно у Ладоги, через болотистый район Синявинских торфоразработок.

До войны там добывался торф. Весь участок был труднопроходимым: его сплошь изрезали глубокие водоотводные каналы. У ряда специалистов возникали сомнения в возможности передвижения здесь войск, они считали, что торфяные болота не промерзают даже в сильные морозы.

Командующий попросил начальника инженерных войск фронта генерала А. Ф. Хренова провести соответ-

ствующие опыты и установить, проходимы ли торфяные болота зимой. Ответ был дан положительный: при 15—20 градусах мороза и снежном покрове болота проходимы для пехоты с легкими средствами усиления; по дорогам, усиленным подручными материалами, возможно передвижение тяжелой техники, включая артиллерию и танки.

Теперь командующий окончательно утвердился в своем решении — главный удар наносить севернее Синявина. Обосновывая его перед Ставкой Верховного Главнокомандования, генерал Мерецков доложил, что идея решения заключается в том, чтобы ударной группировкой фронта взломать оборону противника на 12-километровом участке южнее Ладожского озера, уничтожить его в восточной части шлиссельбургско-синявинского выступа и, соединившись с частями 67-й армии Ленинградского фронта, прорвать блокаду Ленинграда.

Раскрывая свой замысел относительно направления главного удара, он отметил, что севернее Синявина, через торфяные болота, ни разу в ходе войны войска не наступали с решительными целями в отличие от направления южнее Синявина. Характер местности наиболее затруднителен для ведения боевых действий. И это также усыпляет бдительность противника. Данные разведки показывают, что он не уделяет особого внимания этому участку. Наконец, в пользу избранного направления для нашего наступления говорит также то обстоятельство, что расстояние, отделяющее Ленинградский фронт от Волховского, здесь не превышает 15 километров. Такое расположение войск двух фронтов наиболее благоприятно в обеспечении тесного взаимодействия между ними. А примыкание правого фланга ударной группировки Волховского фронта к Ладожскому озеру сводит к минимуму возможности врага осуществлять контрудары с севера.

В ударную группу командующий фронтом выделил 2-ю ударную армию, включавшую 11 стрелковых дивизий и 2 лыжные бригады. Наибольшие силы намечалось сосредоточить на ее левом фланге. 8-я армия, по замыслу Мерецкова, должна была обеспечить ударную группировку Волховского фронта с юга, активными наступательными действиями на своем правом фланге сковать вражеские резервы и не позволить немецко-фашистскому командованию перебросить их севернее, против 2-й ударной армии.

Ставка Верховного Главнокомандования согласилась с решением, принятым командующим Волховским фрон-

том. Соображения командующего Ленинградским фронтом по совместным действиям обоих фронтов, а также Балтийского флота были представлены в Ставку еще 17 ноября. Специальной ее директивой от 2 декабря планы операции Волховского и Ленинградского фронтов были утверждены. Координация их действий возлагалась на Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова. Предстоящая операция тогда и получила наименование «Искра».

При подготовке к операции Кирилл Афанасьевич все свои силы, умение, опыт отдал тому, чтобы создаваемая им фронтовая ударная группировка была способна наилучшим образом выполнить поставленную перед ней задачу. Руководство 2-й ударной армией было поручено способному боевому генералу Владимиру Захаровичу Романовскому. В годы гражданской войны он удостоился высокой чести стать трижды краснознаменцем за совершенные ратные подвиги — уже это одно достаточно убедительно характеризовало его незаурядное личное мужество и отвагу. Однако Мерецков ценил Романовского не только за прошлые заслуги, а прежде всего за глубокое понимание природы и характера боевых действий, за непреклонный характер, решительность — без сочетания этих качеств нет и не может быть военачальника, — в этом он был глубоко убежден.

Сразу же по прибытии Романовского на Волховский фронт Кирилл Афанасьевич предложил ему уединиться от окружающих в отдельной землянке и разработать для вверенной армии наступательную операцию. Изложил суть задачи, предоставил в распоряжение генерала необходимые исходные данные. Кстати, сам Мерецков к этому времени имел полное представление о том, сколько и чего имеет противостоящий противник на участке предстоящего наступления, ибо не раз с карандашом в руках считал, пересчитывал, анализировал все те сведения, которые стекались в штаб фронта. Уходя, предупредил Романовского, чтобы ни к кому не обращался ни с какими вопросами. Только к нему самому, если дополнительно потребуется какая-либо справка, да еще к начальнику артиллерии фронта генералу Д. Е. Дегтяреву, коль скоро интересующий вопрос будет по части артиллерии. Дегтярев одним из первых был посвящен в планы командующего, поскольку от артиллерии во многом зависело, как пойдет операция с самого начала.

Через три суток Романовский сообщил командующему фронтом по телефону о готовности доложить свои сообра-

жения. Мерецков пришел к нему, рассмотрел карту с нанесенным на нее решением, заслушал устный доклад, кое-что уточнил. Потом, подводя черту всему, о чем думали в эти дни и говорили, сказал:

— Все запомнил твердо, Владимир Захарович?

— Запомнил.

— Вот и хорошо! — С этими словами взял карту, сжег ее тут же в землянке. — Теперь поезжай в свою армию и готовь ее к бою!

Это означало, что соображения командарма он, командующий фронтом, принял и одобрил. Теперь предстояла подготовка к их реализации в недалеком будущем.

2-я ударная армия составляла основу наступательной группировки фронта в замыслах Мерецкова. Он передал ей значительное количество артиллерии из других армий. В нее же по его распоряжению был отдан фронтовой резерв и все, что смогла выделить фронту Ставка. В результате командующий создавал необычайно высокую по тем временам плотность огня на участке прорыва: до 160 орудий и минометов на километр фронта. Однако насколько большей становится огневая мощь здесь, настолько ослабляется она на других участках. А если враг — кстати, он уже в обороне держит против Волховского фронта вдвое больше войск, чем предусмотрено немецкими уставами, — предупредит на каком-либо из ослабленных участков наше наступление своим?.. Такой вопрос возникает неотвратимо перед полководцем всякий раз, когда он принимает решение на предстоящее сражение. И всякий раз от его искусства и предусмотрительности зависит, сможет ли он исключить, предупредить, парировать действия любого из нежелательных «если».

Кирилл Афанасьевич, исходя из трезвого расчета, основанного на твердом фундаменте имевшихся в его распоряжении сведений, неоднократно проверенных и перепроверенных, последовательно и неуклонно проводил в жизнь принятое решение.

Напряженнейшая подготовительная работа шаг за шагом развертывалась в войсках. Опыт и уроки Сиявинской операции побудили командующего фронтом с исключительным вниманием организовать артиллерийское наступление во всех звеньях. На предварительных совещаниях он выдвинул как важнейшее свое требование перед командным составом — добиться гармоничного сочетания артиллерийского наступления с авиационным. В полосу действий ударной группировки фронта он нацеливал поч-

ти всю имевшуюся в его распоряжении авиацию, а потому от командиров стрелковых соединений и частей требовал: в ходе наступления ясно и четко обозначать положение своих подразделений для нашей авиации, чтобы она могла смело действовать по переднему краю противника без боязни поразить свои войска. Все, что намечалось осуществить в ходе наступления, Мерецков старался по возможности более полно отретировать на специальных учениях с командным составом.

...Возвратившись из Ленинграда после согласования вопросов с Л. А. Говоровым, Кирилл Афанасьевич в оставшиеся до начала операции дни придирчиво проверял готовность дивизий к выполнению поставленных задач, их обеспеченность боеприпасами и необходимыми материальными средствами для ведения боевых действий. Каждая из шести дивизий, поставленная в первый эшелон, прошла суровую школу в боях на Волховском фронте.

Чтобы скрыть от разведки противника готовящееся наступление, командующий фронтом запретил войскам раньше времени даже приближаться к исходному району для наступления. До последнего момента они продолжали стоять на занимаемых прежде позициях и только в ночь на 11 января заняли исходное положение.

В канун наступления генерал Мерецков посетил 327-ю стрелковую дивизию полковника Н. А. Полякова. По его мнению, все шло как надо. Ее части выдвинулись в исходное положение скрытно. Командиры подразделений сверяли фотопанораму рощи «Круглая», подготовленную штабом артиллерии фронта, с местностью и находили нужные ориентиры и цели. Непосредственно наблюдая местность, они определяли направление боевых действий. В блиндажах и укрытиях проводились партийные и комсомольские собрания. За время подготовки операции число коммунистов в дивизии, как и во всей 2-й ударной армии в целом, заметно возросло.

В ночь на 12 января авиация 14-й воздушной армии нанесла массированный удар по тылам 18-й немецкой армии. Ее штаб теперь мог понять, где собираются наступать советские войска. Однако изменить что-либо за оставшиеся несколько часов уже не представлялось возможным.

Во всех подразделениях первого эшелона заканчивались последние приготовления к наступлению. Бойцы проверяли оружие, писали письма. Политработники зачитывали воинам текст письма-обязательства, принятого на

митингах, проведенных накануне во 2-й ударной армии. Его слова звучали как клятва:

«Наступил долгожданный час. Мы идем к тебе, многострадальный Ленинград... Мы будем идти вперед и только вперед... Мы будем равняться по вашей доблести и мужеству, дорогие ленинградцы. Другого пути у нас нет. Смерть или победа! Мы клянемся тебе, Ленинград: только победа!»

Да, другого пути нет, победа и только победа! Это глубоко сознавали и командующий, и рядовой боец Волховского фронта. Невозможно было себе представить, что героический город Ленина, вступивший во вторую блокадную зиму, останется во вражеском кольце.

12 января 1943 года в 9 часов 30 минут утра до 1250 орудий и свыше 2 тысяч минометов ударили по вражеским позициям. Почти два часа продолжалась сокрушительная артиллерийская подготовка, сочетавшаяся с ударами авиации. Рупились блиндажи, участки траншей и ходов сообщения, дзоты, подавлялись и уничтожались живая сила и огневые средства противника.

Мерецков со своего командного пункта прибыл на наблюдательный пункт 2-й ударной армии.

— Товарищ генерал армии, заканчивается последний огневой налет, — доложил командарм Романовский.

— Результаты?

— По докладам командиров дивизий укрепления в поле зрения наземных наблюдателей разрушены, огневые точки подавлены.

Раскатистый гром артиллерии вдруг разом стих, чтобы снова возобновиться через несколько секунд. Но теперь звуки разрывов доносились из глубины обороны противника. Огневой вал сдвинулся на вторую позицию.

— Пехота двинулась в атаку, товарищ командующий фронтом, — услышал Мерецков обращенные к нему слова Романовского. И он прильнул к окулярам стереотрубы.

Атакующие, быстро передвигаясь перебежками, приближались к 1-й линии вражеских траншей. Кирилл Афанасьевич знал: в эту же минуту ринулись на лед Невы воины 67-й армии генерала М. П. Духанова. Им предстояло преодолеть снежную гладь Невы, затем взобраться на крутой ее восточный берег, превращенный гитлеровцами в ледяной обрыв, и двинуться навстречу 2-й ударной.

Трудно сказать, кому из них — волховчанам или ленинградцам — судьба уготовила более легкую долю. Вернее всего, никому! Для одних снежная гладь реки

с частыми промоинами от разрывов снарядов и с ледяным обрывом впереди, для других припорошенные снегом коварные болотные топи, которым нельзя доверять и в 25-градусный мороз. И шквал смертоносного огня навстречу тем и другим.

Всего 12 километров по прямой отделяло Волховский фронт от Ленинградского. Каждый его метр надо взять с бою, в непрерывной схватке с вооруженными до зубов вражескими солдатами, которым приказано стоять насмерть. Это о них, солдатах «коричнево-зеленого» фронта, который в фашистской Германии считался чуть ли не труднейшим, было сказано в специально написанной по заданию гитлеровского руководства книге:

«Гренадеры, вынужденные жить в волховских джунглях, шутя зовут друг друга «бобрами»... Здесь обороняются многие дивизии из Восточной Пруссии... Среди солдатских вещей вы можете увидеть волховскую трость — темную обожженную палку, на которой вырезаны звери волховских лесов, инициалы Волхова и Ленинграда и знак свастики. Увидев в Германии солдата-отпускника с такой тростью, посадите его на самое почетное место».

К исходу первого дня, — а январский день, как известно, короток — из итоговых донесений стало ясно, что передний край обороны противника прорван почти на всем участке боевых действий. Наступающие соединения продвинулись на два, местами на три километра. Особенно порадовало Кирилла Афанасьевича донесение комдива-327 полковника Н. А. Полякова. «Части дивизии, — докладывал он, — овладели рощей «Круглая», вышли на ее юго-западную опушку и развивают наступление в западном направлении. В некоторых местах противник сохранил в нашем тылу отдельные огневые точки, доты и дзоты, которые ведут непрерывный огонь по наступающим войскам. Специально выделенные отряды в составе тяжелых танков КВ, артиллерии прямой наводки, саперов и автоматчиков ведут блокирование и уничтожение этих огневых точек».

Командующий фронтом с удовлетворением воспринял это донесение. В ходе Сиявинской операции рощу «Круглая» так и не удалось закрепить за собой. Она стала тем исходным пунктом, откуда противник нанес контрудар и вынудил его в конце концов отвести войска фронта на исходные позиции. Теперь этот вражеский бастион преодолен в первый же день наступления.

— Полагаю, Владимир Захарович, — посоветовал Ме-

рецков генералу Романовскому, — вы объявите благодарность всему личному составу дивизии Полякова. Ее мужество и отвага заслуживают того. И прошу вас представить дивизию к переименованию в гвардейскую.

Вечером в штабе фронта, анализируя итог первого дня операции, генерал Мерецков сделал заключение о том, что овладение рощей «Круглая» при одновременном блокировании Рабочего поселка № 8 создает благоприятные возможности для дальнейшего развития наступления. Однако противник, надо полагать, не смирится с подобным положением и попытается вернуть рощу, бросив резервы в бой уже ночью.

Распоряжения командующего фронтом в связи с этим предусматривали не просто удержание за собой рощи «Круглая», но и немедленную подготовку и нанесение оттуда нового удара по Сиявинскому оборонительному узлу, чтобы лишить вражеское командование возможности даже помышлять о ее возвращении. Для наращивания удара на участках наибольшего продвижения напиш войск Мерецков приказал с утра 13 января ввести в бой две стрелковые дивизии из второго эшелона, а также пустить в дело одну лыжную бригаду для обхода обороняемого противника по льду Ладожского озера.

Второй день наступления дал незначительное продвижение наступающим. Особых опасений командующему фронтом это не внушало: противник, как и следовало ожидать, активно противодействовал нашему продвижению, непрерывно переходил в контратаки, создавал артиллерийские заслоны, перенацеливал на наиболее угрожаемые направления авиацию. Успокаивало то обстоятельство, что к исходу этого дня наша армия по-прежнему сохраняла превосходство в живой силе и технике над ним. Мерецков рекомендовал Романовскому уточнить задачи на следующий день дивизиям первого эшелона, усилить наступающих еще хотя бы одной свежей стрелковой дивизией. Еще раз потребовать от комдивов не растрчивать свои вторые эшелоны на лобовые атаки укрепленных пунктов, а смелее обходить их, оставляя в тылу своих войск.

Итог третьего дня — войска 2-й ударной армии вышли на линию рабочих поселков № 4, 5 и 7. Наибольшее продвижение у 18-й стрелковой дивизии генерала М. Н. Овчинникова. При поддержке 98-й танковой бригады она завязала бой за Рабочий поселок № 5. С запада сюда же подходит 136-я стрелковая дивизия Ленинград-

ского фронта. Полоса всего лишь в два километра разделяет теперь эти дивизии друг от друга.

Начальник оперативного отдела и начальник разведки штаба фронта докладывали об этом, не скрывая охватившего их радостного подъема. Генерал Мерецков посчитал преждевременной радость своих помощников: по всем признакам он видел, что враг отнюдь еще не сломлен и предстоит упорная борьба. Надо продолжать наращивать удар, ни на минуту не расслабляясь, не допустить, чтобы противник осуществил свое намерение добиться равенства в силах. Именно в этот вечер командующий фронтом решил, что пришла пора передать генералу Романовскому одну стрелковую дивизию из фронтового резерва. Одновременно потребовал от него усилить огневое давление на позиции гитлеровцев в районе Рабочего поселка № 5 и активизировать действия левофланговых соединений 2-й ударной армии в направлении Синявины.

День 15 января — четвертый день наступления — в целом прошел под знаком резко усилившейся активности противника. Переброшенные в течение ночи к Рабочему поселку № 5 части пехотной дивизии с ходу контратаковали нашу 18-ю стрелковую дивизию. Левофланговые дивизии также с самого утра отражали непрерывные контратаки. Продвижение в этот день имела только одна 256-я стрелковая дивизия полковника Ф. К. Фетисова, наступавшая севернее рощи «Круглая». Она овладела станцией Синявино.

Подводя итоги боевого дня, командующий фронтом отметил, что противник пока еще не смог накопить силы, поэтому надо сильнее наносить удары. Романовскому поставил задачу — с утра 16 января приступить к решительным действиям по овладению поселком Синявино. Переданную из резерва фронта 289-ю стрелковую дивизию усилить 16-й танковой бригадой и ввести в бой.

К исходу 16 января — пятый день наступления — войска Ленинградского и Волховского фронтов разделяла узкая полоса местности всего лишь в несколько сот метров. Теперь Мерецков не сомневался, что встреча двух фронтов скоро состоится, остается сделать последнее, но энергичное усилие. Вечером он подписал приказ: 2-й ударной армии, продолжая решительные удары по противнику в направлении Рабочего поселка № 5, соединиться с частями Ленинградского фронта.

Однако еще и 17 января — в течение шестого дня операции — эта долгожданная встреча не состоялась. Весь день в районе Рабочего поселка № 5 наступающие войска буквально вгрызались в оборону врага, который сопротивлялся с исключительным упорством и яростью.

Утром 18 января, едва стал занимать рассвет, войны обоих фронтов, как бы чувствуя дыхание друг друга, с новой силой пошли вперед. В 9 часов 30 минут до генерала Мерецкова дошло первое радостное сообщение, переданное командиром 372-й стрелковой дивизии полковником П. А. Радыгиным: в Рабочем поселке № 1 первый батальон 1240-го стрелкового полка встретился с подразделениями 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта.

С утра этого дня командующий фронтом направился в Рабочий поселок № 5. И вот, прибыв туда, он уже лично принял рапорт генерала Овчинникова о том, что части 18-й стрелковой дивизии в 11 часов 30 минут соединились здесь с 61-й танковой бригадой ленинградцев. Мерецков поблагодарил комдива за радостное известие и огляделся. Никакого поселка не было, только название да место, превращенное в руины, сплошь изрытое траншеями, ходами сообщения, блиндажами, укрытиями для войск и боевой техники. Все вздыблено, исковеркано, только несколько торчащих печных труб, неведомо как уцелевших. Эти сиротливые трубы, дымящиеся развалины еще более остро подчеркивали царивший вокруг хаос и разрушение, давали почувствовать весь накал, всю ярость только что закончившейся схватки. Это была победа! Такая долгожданная, такая нужная и дорогая!

Сразу же после встречи первых групп волховчан с ленинградцами Мерецков с представителями Ставки Верховного Главнокомандования Ворошиловым и Ждановым прибыли на командный пункт командующего 2-й ударной армии. Поздравили Романовского, дали указания и советы, как действовать дальше.

— Я по опыту знаю, — говорил Мерецков командарму, — как трудно бывает использовать момент ослабления сопротивления противника для нанесения решающего удара, особенно когда этот момент совпадает с успехом... прорыв еще далеко не завершен. Противник продолжает оказывать сильное сопротивление в ряде пунктов... Надо немедленно закрепить завоеванные рубежи и в то же время, не задерживаясь ни на минуту, продолжать теснить вражеские войска к югу.

19 января весь мир облетела весть о прорыве блокады Ленинграда. Центральные советские газеты вышли с портретами командующих фронтами — Мерецкова и Говорова, а также командармов — Романовского и Духанова. Вся страна жила радостной вестью. А ленинградцы... О них писал в те дни в «Красной звезде» Николай Тихонов: «На площадях, в переулках незнакомые друг другу люди обнимаются и целуются, плачут от счастья. На заводах праздник. В детском доме проснувшиеся ребята, завернувшись в одеяла, пляшут на кроватях. Невиданная волна радости захлестнула великий город».

В полководческой биографии Кирилла Афанасьевича Мерецкова операцию «Искра» с полным основанием следует считать одной из значительных в смысле искусства, проявленного командующим фронтом в разработке плана наступления, подготовки войск к нему, в руководстве ими в ходе самой операции. Что же касается последствий ее для обороны Ленинграда, их вообще трудно переоценить. От врага было очищено южное побережье Ладожского озера. Образовался коридор шириною всего лишь в 8—10 километров. Противник имел возможность простреливать его артиллерийским огнем. И все же это был коридор, по которому Ленинград получил сухопутную связь со страной. Спустя две недели с небольшим после соединения Волховского фронта с Ленинградским по проложенной железной дороге на отвоеванной у врага полоске земли полным ходом из тыла страны в героический город пошли поезда с хлебом, топливом, боеприпасами. Увеличились нормы снабжения продовольствием, возрос выпуск промышленной продукции.

Операция «Искра» по праву вошла в историю как итог многомесячной битвы войск Волховского и Ленинградского фронтов на ближних подступах к Ленинграду.

Противник никак не хотел смириться с тем, что Ленинград разорвал гиски блокады. Взбешенный поражением Гитлер приказал фельдмаршалу Кюхлеру любой ценой и немедленно выйти на прежние позиции, чтобы вновь замкнуть кольцо. Фельдмаршал снова и снова бросал в бой дивизии. Командир одной из них, генерал Скотти, в своем приказе заклинал солдат: «Восстановим утраченное! Через могилы — вперед!» Но тщетно.

Соединившиеся войска Волховского и Ленинградского фронтов, руководимые Мерецковым и Говоровым, от-

бывали все попытки врага восстановить прежнее положение и наносили ему новые тяжелые потери. Порой им приходилось очень трудно. Обстоятельства на советско-германском фронте складывались таким образом, что наше Верховное Главнокомандование должно было направлять накопленные ресурсы в первую очередь на юг и в центр. Выполняя свои задачи, Волховский и Ленинградский фронты, как и в ряде случаев прежде, не могли рассчитывать на сколько-нибудь значительное усиление. Приходилось предельно экономно расходовать имевшиеся силы и средства. Генерал Мерецков с предельным вниманием руководил боевыми действиями войск фронта в районе станции Мга. Но не забывал он и о вспомогательных боях на других участках фронта.

Целью таких боев, то затухавших, то разгоравшихся с новой силой, становился захват какой-нибудь отдельной высоты, небольшого плацдарма, устья речушки, берега болота, группы деревьев — всего, что позволяло улучшить занимаемые позиции, а значит, создавало предпосылки для будущих крупных наступательных операций. «Бои местного значения» — чаще всего так говорилось о них в военных сводках. Но они, эти бои, эта кропотливая будничная боевая работа требовали от полководца проявления волевых усилий, искусства, терпения и выдержки, пожалуй, не меньших, чем любая большая операция. И радовали командующего тактические успехи в тех боях по-настоящему.

Вот один из характерных примеров того времени. В начальный период борьбы за Мгу командующему фронтом доложили, что в районе Мишкина удалось отбить у противника командную высоту. Кирилл Афанасьевич сам оценивал это как радостное сообщение, ибо понимал, насколько трудно было овладеть высотой в той преимущественно равнинно-болотистой местности, да еще в условиях позиционной обороны.

Как же поступил командующий фронтом, получив сообщение об этом? Прежде всего посчитал себя обязанным самому побывать на этой высоте, лично поздравить тех, кто отличился в бою. И это не какой-то показной жест, а одна из характерных черт Кирилла Афанасьевича Мерецкова, раскрывающая его отношение к бойцам. Для общения с ними он использовал любую возможность.

В отличившийся батальон, бойцы которого отбили у противника высоту, ему пришлось отправиться в танке, так как автомобиль туда пройти не мог. Приехал. Не ус-

нел вылезти из танка, а несколько солдат уже побежали сообщить товарищам и непосредственному начальству, что прибыл командующий фронтом. С удовлетворением отметил это про себя, так же как и то, что, пока дошел в расположение батальона, успели навести порядок в организации службы: всюду стояли и четко приветствовали генерала армии часовые, никто не болтался без дела, вид у военнослужащих подтянутый. Лихой комбат молодежато отдал рапорт, после чего представился и прибывший сюда командир полка. Все идет чин по чину, как и положено в армии. А коль скоро здесь налицо имеется желание нести воинскую службу образцово, значит, порядок будет полный и высотой мы владеем прочно.

Идет командующий фронтом в сопровождении командира полка и комбата, осматривает, в каком состоянии находится отвоеванный у врага узел обороны. Вдруг впереди слышится крик. Кто-то громко бранится, ругает своего товарища, однако имени его не называет. Сопровождавшие Кирилла Афанасьевича командиры еще не успели дать каких-либо объяснений, как из рощи показался и сам кричавший, ефрейтор.

— В чем дело? — обратился с вопросом командующий.

— Из моего пулеметного отделения, — представившись, сказал ефрейтор, — ушел за боеприпасами солдат и запропастился. Еще заблудится, думаю, окаянный, в лесу-то. По фамилии звать опасно, на начальство наскочишь, а мой голос он знает, за километр услышит, вот я и посылаю ему «позывные».

Генерал армии, обратившись к комбату, спросил его о ефрейторе. Тот дал подчиненному самый лестный отзыв, особенно похвалил за последний бой, в котором ефрейтор проявил незаурядную смелость. Наград у ефрейтора нет, не успели представить, но заслуживает он по меньшей мере ордена. Выслушав все это, командующий фронтом объявил о награждении ефрейтора орденом Красной Звезды. Реакция на это сообщение самого героя запомнилась Кириллу Афанасьевичу на всю жизнь: brave воин стал отказываться от награды одному ему, разъяснив, что он уже полтора года сражается бок о бок с напарником по пулемету и все, что сделано, сделано ими вместе.

По требованию командующего вызвали и боевого товарища ефрейтора. Комбат подтвердил, что, дескать, верно, один из них не уступает другому. Сражались друзья

еще под Тихвином, затем форсировали Волхов, прорывали блокаду Ленинграда...

Комполка, хитровато прищурившись, поглядывал на него и ждал, как же выйдет начальство из создавшегося положения. А генерал армии, радуясь в душе, отчитал его за непредставление к награде в положенное время заслуженных воинов, с напускной суровостью сделал выговор тому, кто только что в качестве «позывных» использовал ругательные слова, а потом... Потом наградил орденами обоих солдат. И возвращался на свой командный пункт в приподнятом настроении. Он считал хорошим, даже отличным тот день, потому что была отбита у врага высота, потому что увидел, с каким рвением несут службу отличившийся комбат и его подчиненные, потому, наконец, что встретил в тот день двух бывалых солдат-пулеметчиков, русского и татарина, которые плечом к плечу били ненавистного врага и не считали возможным, чтобы в этом боевом братстве был выделен кто-то один из них.

Пожалуй, именно это обстоятельство, эта встреча особенно ярко запечатлела тот день в его памяти. Потому что признание одним из солдат равного со своим боевым товарищем права на награду означало, что он признает за ним и равную долю в их общих усилиях по защите Родины, равную ответственность, с которой исполняют оба они свой воинский долг перед ней. А это превыше всего почитал в советском человеке Кирилл Афанасьевич.

Есть высшее из всех гражданских прав:
Во имя жизни встретить ветер боя...

Эти строки, прочитанные в каком-то толстом журнале вскоре после советско-финляндской войны и принадлежавшие, насколько помнилось, Степану Щипачеву, жили в его сердце. Ни в чем он не поступился, чтобы собственную судьбу в лихую годину мерить иной мерой. Поэтому рядом с ним воевал его сын — лейтенант Владимир Мерецков (ныне Владимир Кириллович генерал армии). С января 1942 года и до конца войны с небольшими перерывами находилась на фронте и жена Кирилла Афанасьевича. Вместе с другими медицинскими работниками Волховского фронта Евдокия Петровна Мерецкова проверяла состояние работы в госпиталях, оказывала помощь врачам.

Ни себя, ни членов семьи он не выделял из общего строя. Осенью 1942 года в расположении одного из пол-

ков у переднего края командующий Волховским фронтом с группой сопровождавших его офицеров попал под сильный артиллерийский обстрел. Взрывная волна от разорвавшегося снаряда швырнула его на землю. Подбежавший начальник оперативного отдела помог подняться и, видно, не в первый раз стал говорить о требовании Верховного Главнокомандующего не появляться без крайней необходимости в опасных местах.

Устало посмотрев на встревоженного генерала, Кирилл Афанасьевич сказал:

— Некогда сейчас о себе думать. Обстановка-то, видите, какая?

В его словах не было и капли бравады. Он честно делил солдатскую долю с теми, кем командовал, не искал привилегий ни себе, ни своим близким.

Спустя много лет после окончания войны Мерецков счел возможным рассказать памятный, как он подчеркнул, случай, который произошел в зимний период боев за Мгу. «После прорыва ленинградской блокады, — писал он, — 54-я армия проводила операцию, направленную на то, чтобы не позволить врагу создать под Мгой сильную группировку с целью ликвидировать только что созданный коридор к югу от Ладоги. Армия нанесла удар в сторону Чудова, сумела отвлечь на себя фашистские войска, предназначенные для прорыва к Шлиссельбургу, и свою задачу выполнила. Знакомиться с обстановкой в этом районе прибыл представитель Ставки К.Е. Ворошилов. Я сопровождал его. Мы были на командном пункте дивизии, вклинившейся в расположение противника. Вдруг поднялась стрельба. Выскакиваем из землянки. В чем дело? Оказалось, что вражеский десант автоматчиков при поддержке самоходок прорвался и окружает КП. Мы, вероятно, сумели бы пробиться к своим, но, отвечая за безопасность представителя Ставки, я не мог рисковать. Связываюсь по телефону с 7-й гвардейской танковой бригадой и приказываю прислать на выручку танки. Комбриг докладывает, что все боевые машины выполняют задание, налицо один танковый взвод, да и тот после боя не в полном составе.

Делать нечего. Пока пара танков мчится к КП, организуем круговую оборону подручными силами. Несколько связистов и личная охрана развернулись в жидкую цепочку и залегли с автоматами. Минут пятнадцать отбивались. Но вот показали наши танки. Сразу же наши бойцы поднялись в атаку, следуя за танками, смяли фаши-

Парад 7 ноября 1941 года. Фото А. Устинова.

М. Е. Катюков.

Дом,
где родился
М. Е. Катюков.

М. Е. Катюков, 1912 год.
Петербург.

М. Е. Катюков,
1922 год.
Могилев.

М. Е. Катукон,
1940 год.

Подмосковье.
Волоколамское
направление.
После вручения
наград
1-й гвардейской
бригаде. Ноябрь
1941 года.

М. Е. Катукон,

Группа работников
управления первой
танковой армии.
Февраль, 1943 год.

Н. К. Попель, М. Е. Катукоев, М. А. Шалин.

М. Е. Катукоев вручает шестой орден 1-й гвардейской танковой бригаде. Май, 1945 год. Берлин.

Маршал бронетанковых войск М. Е. Катукоев в воинской части. 1958 год.

М. Е. Катуков.
Одна
из последних
фотографий.

Е. С. Катукова.
В школьном
музее боевой
славы. 1978 год.
Воткинск.

Маршал
Советского Союза
С. С. Бирюзов.

Красноармеец
С. С. Бирюзов.

Генерал-лейтенант С. С. Бирюзов беседует с офицерами.
Крым, 1944 год.

Военный совет 4-го Украинского фронта. Командующий войсками
фронта Ф. И. Толбухин, начальник штаба С. С. Бирюзов,
член Военного совета Т. Т. Крикин. 1944 год.

Генерал-полковник С. С. Бирюзов на Параде Победы.

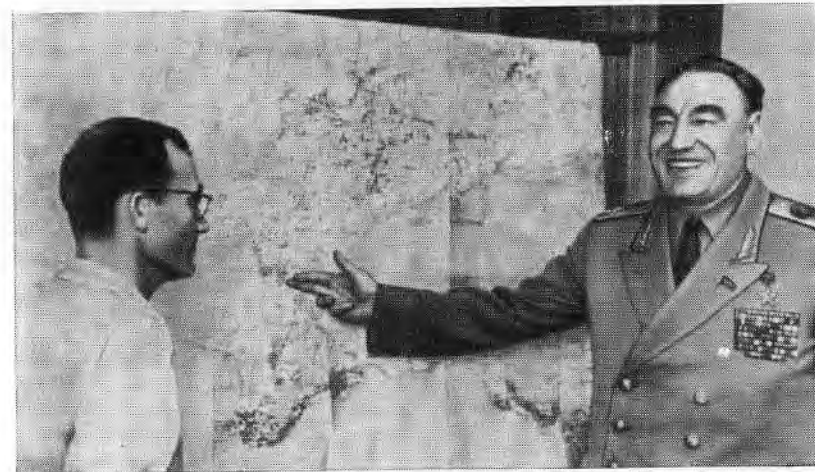
С. С. Бирюзов на торжественном собрании в Софии.

С. С. Бирюзов в рабочем кабинете.

С. С. Бирюзов беседует с молодежью Софии.

Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов спустя 16 лет после войны встретился с бывшим разведчиком Героем Советского Союза И. И. Поликахиным.

С. С. Бирюзов беседует с воинами войск ПВО, 1952 год.

К. А. Вершинин.

С. С. Бирюзов вручает приветственный адрес К. Е. Ворошилову.

Командующий ВВС Кавказского фронта К. А. Вершинин с группой генералов и офицеров управления 4-й воздушной армии, 1943 год.

В небе Кубани.

стов и отбросили на полкилометра, а потом подоспевшая пехота завершила разгром прорвавшейся вражеской группировки. Когда стрельба улетела, в блиндаж вошел танкист, весь в копоти, и доложил: «Товарищ генерал армии, ваше приказание выполнено. Прорвавшийся противник разгромлен и отброшен!»

Ворошилов взгляделся в танкиста и воскликнул:

— Кирилл Афанасьевич, ведь это твой сын!

Климент Ефремович видел моего сына еще до войны и теперь сразу узнал его. Лейтенант Владимир Мерецков командовал танковым взводом в 7-й гвардейской танковой бригаде. Когда я звонил в бригаду, Владимир как раз под вернулся под руку комбригу и был послан к нам на вырубку.

Мне нечасто приходилось видеться с сыном, но я следил за ним. До меня доходили вести, что боевую службу он несет образцово. Теперь можно признаться, что нередко меня грызли опасения и тревога, как и всякого другого отца, чей сын сражался на фронте. А тогда старался не показывать даже и вида. Помню, на вопрос К. Е. Ворошилова: «Этот сын — твой единственный?» — я ответил: «Все бойцы тут мои дети», — но внутренне гордился сыном, что в свои 18 лет он честно и верно служит Родине. Там, на фронте, он вступил в члены нашей партии. Мне и моей жене было очень приятно узнать эту весть».

Опасения и тревога нередко терзали его, как и всякого другого отца, — он сам говорит об этом. Добавим от себя: в отличие от великого множества других отцов Мерецков, обладая властью командующего фронтом, казалось, мог бы единственного сына уберечь от того, чтобы тот вошел в атаку танковый взвод, найти для него местечко и поспокойней. Но в том-то и заключается суть, что не мог, не считал себя вправе так поступить. Именно потому, что ему дано было право посылать в бой тысячи и тысячи солдат! Его сын тоже был солдатом...

Мгинские бои в конце концов лишили врага надежд на то, что ему удастся потушить спасительную для Ленинграда «Искру». С вдававшегося в наше расположение мгинского выступа вражеская артиллерия долгое время досаждала своим огнем «дороге победы» — так была названа новая железнодорожная магистраль, отлично дополнившая ладожскую «Дорогу жизни» после прорыва блокады. Особенно опасен был обстрел, который велся с поставленных на рельсы нескольких платформ дальнобойных орудий. Тогда командующие обоих братских фрон-

тов Мерецков и Говоров пустили в дело всю имевшуюся в их распоряжении крупнокалиберную артиллерию. В поддержку ей были привлечены артиллерийские орудия, снятые с кораблей Балтийского флота. Последовал ряд мощных огневых налетов. Вражеские батареи умолкли.

Стойкой и активной обороной занимаемых рубежей летом 1943 года войска Волховского и Ленинградского фронтов с честью решили не только огромной важности задачу по удержанию в своих руках завоеванного коридора, но и другую — прочно сковали здесь немецко-фашистскую группировку, не позволив гитлеровскому командованию перебросить часть сил на Курскую дугу, где развернулась великая битва, в результате которой фашистская Германия оказалась перед катастрофой.

1944 год стал годом решающих побед Советских Вооруженных Сил на советско-германском фронте. Они осуществили серию крупнейших стратегических наступательных операций. Первой среди них была Ленинградско-Новгородская операция, в которой участвовали войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом и авиацией дальнего действия. Ее цель состояла в том, чтобы разгромить немецко-фашистскую группу «Север», полностью снять блокаду Ленинграда, освободить Ленинградскую область от немецко-фашистских захватчиков и создать условия для проведения наступательных операций по освобождению Советской Прибалтики.

Частью этого совместного стратегического наступления трех фронтов стала Новгородско-Лужская операция, проведенная в течение 14 января — 15 февраля войсками Волховского фронта под командованием генерала армии Мерецкова во взаимодействии с войсками левого крыла Ленинградского фронта. Она характерна в истории минувшей войны своеобразием замысла, который заключался в том, чтобы осуществить разгром новгородской группировки противника нанесением силами создаваемой ударной группировки фронта двух ударов: главного — с плацдарма на реке Волхов и вспомогательного — из района юго-восточнее Новгорода через озеро Ильмень по сходящимся направлениям. «Ильменьская идея», по мнению Мерецкова, делала реальным окружение немецко-

фашистской группировки, угроза которого должна была заставить засевшего в Новгороде врага отступить. И тогда разгром противника становилось возможным осуществить уже не на улицах и площадях древнего города, а вне его. Ставка одобрила этот замысел, и войска под командованием Мерецкова полностью его осуществили.

В первый день наступления главные силы армии, наступавшей с волховского плацдарма, встретив упорное сопротивление противника, вклинились в его оборону всего лишь на 600—1000 метров. На вспомогательном же направлении стрелковые части, усиленные двумя аэросанными батальонами, переправились по неокрепшему льду озера Ильмень и внезапной ночной атакой захватили ряд опорных пунктов. В течение дня 14 января они расширили захваченный плацдарм до 6 километров по фронту и до 4 километров в глубину. Сюда из второго эшелона армии командование ввело свежую дивизию для развития успеха. Нарастивалась сила удара и на главном направлении. События развивались, как и предвидел командующий фронтом. 20 января наши наступавшие войска, двигаясь навстречу друг другу, завершили окружение не успевших отойти разрозненных частей новгородской группировки и освободили Новгород. К середине февраля войска генерала Мерецкова полностью преодолели лужский оборонительный рубеж и во взаимодействии с 67-й армией Ленинградского фронта разгромили обороняющуюся на нем группировку противника. 12 февраля был освобожден город Луга. Около 90 наиболее отличившихся в этой операции частей и соединений, входивших в Волховский фронт, удостоились почетных наименований Новгородских, Мгинских, Тосненских, Любанских, Чудовских, Лужских, многие были награждены орденами. В связи с сокращением линии фронта Ставка ВГК 15 февраля упразднила Волховский фронт, передав его войска соседним объединениям.

Генералу Мерецкову было поручено теперь возглавить Карельский фронт. И хотя он сам давно уже просился на западное направление, его просьба была отклонена. Верховный Главнокомандующий мотивировал целесообразность принятого Ставкой решения тем, что Мерецков хорошо знает северное направление, приобрел опыт ведения наступательных операций в сложных условиях лесистой болотистой местности, командовал армией на выборском направлении и прорывал линию Маннергейма еще во время советско-финляндской войны.

— Вам и карты в руки, — резюмировал Сталин. — Всякому другому командующему пришлось бы переучиваться, на что ушло бы много времени. А его-то у нас как раз нет.

С Карельским фронтом связан дальнейший боевой путь К. А. Мерецкова вплоть до окончания войны против фашистской Германии. Две проведенные войсками этого фронта стратегические наступательные операции — Свирьско-Петрозаводская и Петсамо-Киркенесская — весомо дополнили богатую боевую биографию полководца. Наступление советских войск, возглавляемых Мерецковым на Карельском перешейке и в Южной Карелии в июне — августе 1944 года, коренным образом изменило военно-политическую обстановку на всем северном участке советско-германского фронта и предредило выход из войны Финляндии. В результате Петсамо-Киркенесской операции, проходившей в октябре, немецко-фашистские захватчики были изгнаны с Крайнего Севера. Советские воины, преодолевшие тундру и дикие скалы Заполярья, бурные реки и глубокие фьорды Северной Норвегии, оказали помощь норвежскому народу в освобождении северных районов.

Успех в этой операции в немалой степени зависел от умелого выбора командующим фронтом направлений главных ударов, искусного сосредоточения на этих направлениях имевшихся в его распоряжении сил и средств с учетом ограниченного количества путей, используемых для маневра, смелого обходного движения в тыл вражеских группировок, непрерывного и твердого управления подчиненными войсками, согласованности действий с Северным флотом и Онежской флотилией.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 декабря 1944 года в ознаменование славных героических дел воинов Карельского фронта была утверждена медаль «За оборону Советского Заполярья». Личные заслуги Кирилла Афанасьевича Мерецкова перед Родиной были отмечены присвоением ему 26 октября 1944 года воинского звания Маршала Советского Союза.

Весной 1945 года управление Карельского фронта, находившееся после завершения боевых действий на Крайнем Севере в резерве Ставки Верховного Главнокомандования, было переброшено в числе первых на новый театр войны — на Дальний Восток. И там оно вскоре было преобразовано в управление Приморской группы войск, а затем в управление 1-го Дальневосточного фронта,

командующим которого стал Маршал Советского Союза Мерецков.

План советского командования в войне против милитаристской Японии заключался в том, чтобы разгромить основную ударную силу японского милитаризма — Квантунскую армию и освободить Северо-Восточный Китай и Корею. Войскам 1-го Дальневосточного и Забайкальского фронтов поручалось решение главной задачи — нанося сокрушительные встречные удары из советского Приморья и со стороны Забайкалья, окружить основные силы Квантунской армии и принудить их к капитуляции.

К. А. Мерецков, руководя операцией войск 1-го Дальневосточного фронта, умело использовал свой богатый опыт по прорыву заблаговременных и укрепленных оборонительных полос. Маршал Советского Союза А. М. Василевский, главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке в той кампании, знавший Кирилла Афанасьевича многие годы и до ее проведения, так отзывался о наиболее, по его мнению, характерных чертах в деятельности Мерецкова: «Полководческий стиль К. А. Мерецкова, которого Сталин шутливо называл «мудрым ярославцем», на мой взгляд, отличали обстоятельность и предусмотрительность в хорошем понимании этих слов. Кирилл Афанасьевич предпочитал свои решения по фронту предварительно согласовывать с Генеральным штабом, обязательно выяснял мнение «высшей инстанции» по той или иной разрабатываемой проблеме».

Так было и в кампании на Дальнем Востоке. Обстоятельно и предусмотрительно готовил командующий фронтом Мерецков свои войска к наступлению. Однако он хорошо понимал, что в таком сложном деле всего не предусмотреть, и потому всегда находился в готовности принять то или иное решение, внезапно продиктованное изменившейся обстановкой.

Перед самым началом наступления его внутренняя готовность подверглась суровому испытанию. После ясного дня 8 августа наступил ветреный вечер. А ночь на 9 августа, когда до начала заблаговременно спланированной, продуманной во всех деталях артиллерийской подготовки остались считанные часы, обрушилась на землю невиданной силы тропическую грозу. Чем ближе стрелки часов приближались к назначенному времени, тем сильнее и сильнее ливень, превращающийся в настоящий потоп. Что же

делать? Открывать огонь? А не пойдет ли все это впустую и не лучше ли отложить атаку?

— Будем наступать без артподготовки, — приказал Мерецков генералу А. П. Белобородову, командующему 1-й Краснознаменной армией.

Ей предстояло наступать на главном направлении, поэтому Мерецков и прибыл на командный пункт ее командарма. Приняв это решение, маршал взял телефонную трубку и отдал распоряжение о переходе в атаку остальным войскам.

Вот оно, проявление истинного мужества полководца! Не просто личная храбрость, готовность пожертвовать жизнью для общего дела, а нечто иное — решимость взять на свои плечи все бремя ответственности за ход его, значит, и за конечный результат. Решение командующего 1-м Дальневосточным фронтом начать атаку без артподготовки блестяще оправдало себя. По его приказу сквозь тьму и ливень пошли вперед передовые батальоны. Путь им указывали пограничники. Вот уже осталась позади государственная граница — и полное молчание со стороны противника. Атакующие подошли вплотную к укрепленной полосе, совершенно неожиданно для обороняющихся. И это при условии, что Советское правительство заранее известило о вступлении СССР в войну против империалистической Японии с 9 августа!

Заслуги К. А. Мерецкова перед Родиной получили обшее признание и высокую оценку. Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза, он удостоен высшего военного ордена СССР «Победа», награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени; медалями и иностранными орденами.

...Закончилась война. С победой возвращались советские воины домой. Маршал Советского Союза К. А. Мерецков остался в Приморье в должности командующего войсками Приморского военного округа. Затем он занимал этот пост в Московском, Беломорском, Северном военных округах, руководил курсами «Выстрел», на протяжении почти десятилетия был помощником министра обороны СССР по высшим военно-учебным заведениям. С апреля 1964 года и до последнего дня жизни (К. А. Мерецков умер 30 декабря 1968 года), находясь на посту

генерального инспектора, щедро передавал свой богатейший опыт идущему на смену новому поколению офицеров Советских Вооруженных Сил, вел большую военно-патриотическую работу среди молодежи. В 1939—1956 годах К. А. Мерецков избирался кандидатом в члены Центрального Комитета КПСС, в 1956—1961 годы являлся членом Центральной ревизионной комиссии КПСС. Огонь четырех войн прошел Мерецков — солдат великой революции. Он честно служил своему народу и навсегда останется в памяти народной.

Полковник
А. КИСЕЛЕВ

Маршал войск связи

Иван ПЕРЕСЫПКИН

Иван Терентьевич Пересыпкин любил повторять слова из солдатской песни старой русской армии:

Связь всегда святое дело,
А в бою еще важней...

Одна из его книг о связи в Великой Отечественной войне так и названа: «А в бою еще важней...»

И действительно, трудно себе представить бой без связи командира с подчиненными ему войсками. Но то бой — управление же крупномасштабными боевыми действиями — оперативными и стратегическими, вооруженной борьбой на фронте в целом вообще невозможно без связи. И тут нужна связь особая — быстрая, надежная, способная быть устойчивой на больших и малых расстояниях, на многих направлениях, при постоянно меняющейся боевой обстановке, в разных природных условиях. Такая связь требует огромных сил и средств — разнообразной техники, множества специалистов различного профиля. Поэтому обеспечением ее занимаются специальные войска связи. Нетрудно представить, какие требования предъявляла к этим войскам Великая Отечественная война — гигантская по размаху, чрезвычайно маневренная по характеру, отличавшаяся теснейшим взаимодействием видов и родов Вооруженных Сил.

В годы Великой Отечественной войны Иван Терентьевич Пересыпкин возглавлял государственную и военную связь всей страны. Касаясь только военных обязанностей Пересыпкина, Маршал Советского Союза А. М. Василевский назвал их одними из ответственных в армии, требовавших «архитяжелой работы». Но война — это не только вооруженная борьба. Усилия фронта подпирались усилиями тыла — его людскими резервами, экономическими ресурсами, производственной мощью, морально-политическим потенциалом. И в превращении тыла страны в единый боевой лагерь связь играла такую же роль, что и на фронте.

Весть о нападении фашистской Германии на СССР Иван Терентьевич встретил на пути в Прибалтику, где

он с группой сотрудников наркомата должен был проверить кадры местных органов связи. Выехали 21 июня 1941 года в специальном вагоне, прицепленном к поезду Москва—Вильнюс. Спать легли поздно и проснулись уже в Орше, когда в вагон вошел местный связист с телеграммой на имя заместителя наркома связи СССР Г. А. Омельченко. Тот взял телеграмму, прочитал и, недоуменно пожав плечами, передал ее Пересыпкину.

В телеграмме говорилось: «Связи изменением обстановки не сочтете ли вы нужным вернуться в Москву». Непонятный текст имел еще более непонятную подпись: «Пересыпкин».

— Что за чертовщина? — теперь уже недоумевал Пересыпкин. — И почему подписана моей фамилией? Что за изменение обстановки? Может, вы что-нибудь знаете? — спросил он доставившего телеграмму связиста.

— А разве вы ничего не знаете? Началась война. Сегодня утром Германия напала на СССР.

Позже выяснилось, что телеграмму сочинил первый заместитель Пересыпкина К. Я. Сергейчук, справедливо решивший, что не следует открыто передавать о том, что в поезде Москва — Вильнюс едет нарком связи СССР.

В Москву вернулись 23 июня, на рассвете. Войдя в свою квартиру, Пересыпкин еще в прихожей услышал требовательный телефонный звонок. Из приемной К. Е. Ворошилова, который, как заместитель Председателя Совнаркома, курировал Наркомат связи, сообщили: быть готовым для доклада правительству о неотложных и перспективных мероприятиях по перестройке государственной связи на военный лад.

24 июня Пересыпкин доложил Сталину намеченные мероприятия. В дальнейшем они дополнялись другими и вместе с ними обеспечили максимальную мобилизацию и перестройку государственной связи для обеспечения нужд фронта и руководством тылом огромной среды.

Перестройка оказалась весьма существенной. На штатский Наркомат связи СССР были возложены ответственные военные задачи по обеспечению нужд командования советских войск. Наиболее важной из них являлась организация связи Верховного Главнокомандования, штабов всех видов Вооруженных Сил и штабов фронтов. Для решения этих задач в первые дни войны в наркомате было образовано Центральное управление полевой связи. Задача его состояла в том, чтобы обеспечивать наиболее эффективное использование местных

средств государственной связи по заявкам военного командования. При штабах фронтов были созданы управления, а при штабах армий — инспектораты полевой связи. Руководство деятельностью управлений и инспекторов возлагалось на Центральное управление полевой связи. Вместе с тем их начальники одновременно были назначены заместителями начальников связи фронтов и армий. Им подчинялись развернутые наркоматом военно-оперативные узлы связи, непосредственно занимавшиеся использованием государственных телеграфных и телефонных каналов командованием советских войск.

Таким образом, с самого начала войны органы и учреждения Наркомата связи были подчинены задачам обеспечения управления войсками, прежде всего со стороны высших штабов Вооруженных Сил.

Приспосабливались к нуждам фронта и тыловые линии связи.

Сразу же был усилен контроль за состоянием и работой всех телеграфных и телефонных каналов, переданных в распоряжение военного командования. На предприятиях связи прифронтовых районов были созданы аварийно-восстановительные команды и бригады для ликвидации последствий вражеских бомбежек и диверсий. В Москве, Ленинграде, местных учреждениях наркомата прифронтовых районов часть руководящих работников и специалистов была переведена на казарменное положение.

Как член правительства, Пересыпкин получал все важнейшие военно-политические документы и видел, как ухудшалась обстановка на фронтах. В директиве СНК и ЦК ВКП(б) от 29 июня откровенно говорилось о смертельной опасности, нависшей над Родиной, о необходимости неимоверного напряжения всех сил народа, превращения страны в единый боевой лагерь.

Будучи через несколько дней в ЦК ВКП(б), Пересыпкин узнал, что состоялось заседание Политбюро, принявшее решение о выступлении по радио Сталина.

— Где можно организовать это выступление? — спросили у него.

— В здании Центрального телеграфа на улице Горького прекрасная студия. Это лучшее, что мы имеем.

На том и порешили. Но через день Пересыпкина вновь пригласили в ЦК и спросили:

— Можно ли организовать трансляцию речи товарища Сталина из Кремля?

— Можно. Но нужно провести некоторые работы.

— Ночи хватит? Учтите: выступление состоится завтра утром.

— Сделаем.

Сказать «сделаем» сейчас — это было бы обычным. Но в то время связисты не располагали такими техническими средствами, которые имеются в распоряжении современного радиовещания. Тогда эта задача была очень трудной. Нужно было оборудовать специальную комнату, подвести туда кабели, установить микрофоны и многое другое, оборудовать стыковку всего этого с московской радиотрансляционной сетью, обеспечить прием речи Сталина радиовещательными станциями всей страны. И на все это были даны считанные часы.

Всю ночь напряженно трудились связисты. Разумеется, и Пересыпкину было не до сна: «Как там?» Большим усилием воли он заставил себя сосредоточиться на рассмотрении различных документов. В середине ночи послал в Кремль своего помощника. Вернувшись, тот доложил:

— Все идет как надо.

В пять часов утра Пересыпкин с диктором Левитаном были на месте.

— Все смонтировано и опробовано, — доложил руководитель работ...

Ровно в шесть утра в комнату вошел Сталин.

— Ну как, готово? — спросил он, поздоровавшись.

— Да, готово, товарищ Сталин. — Пересыпкин указал на небольшой столик с микрофоном, бутылкой боржоми и стаканами. — Здесь, товарищ Сталин.

Левитан объявил по радио о предстоящем выступлении Сталина. Неторопливо, но заметно волнуясь, Сталин начал свою речь. Пересыпкин, по сути, знал ее содержание: это были основные положения директивы СНК и ЦК ВКП(б) от 29 июня. Но то, что он слушал выступление Сталина не по радио, а непосредственно, в нескольких шагах от него, вызывало огромное нервное напряжение, еще более усиливало глубокую тревогу за судьбу Родины.

Объем работы стремительно возрастал. И не только по военной линии. Началась эвакуация промышленности из районов, находившихся под угрозой вражеского вторжения. Только за первые три месяца на восток страны переместилось 1300 крупных промышленных предприятий. Их нужно было связать со своими главками, а главки с наркоматами, которые вскоре тоже были эвакуиро-

ваны и находились в новых местах. В последующие месяцы масштабы обеспечения тыла страны различными видами связи возросли еще больше.

Чрезвычайно сложным делом оказалась эвакуация самих учреждений связи. Созданная в Наркомате связи эвакуационная группа получила строгую инструкцию Пересыпкина: учреждения связи должны работать до последнего момента с тем, чтобы обеспечивать руководство всем процессом эвакуации, максимально использовать местную связь в интересах фронтовых войск. Поэтому эвакуация учреждений связи производилась поочередно: вначале вывозилось то, без чего можно было временно обойтись: запасная аппаратура, незадействованное оборудование телеграфов, телефонных станций и радиотрансляционных узлов, сами же учреждения связи эвакуировались, как правило, вместе с отходом советских войск.

Необходимо было решать сложные задачи, связанные с обеспечением связи в прифронтовой полосе, которая все ближе подходила к жизненно важным центрам страны. Разрушения вражеской авиацией узлов и линий связи превзошли самые мрачные предположения. Как эффективно организовать восстановительные работы? Ремонтно-восстановительные бригады с этой задачей справиться не могли. К тому же из-за призыва в армию на объектах связи становилось все меньше квалифицированных кадров.

В сознании Пересыпкина зрела, как он ее назвал, «дерзкая» идея: создать специальные воинские формирования — военно-восстановительные батальоны связи. «Дерзость» ее состояла в том, что эти батальоны, по замыслу Пересыпкина, должны были подчиняться штатному Наркомату связи и им же комплектоваться. Последнее дало бы возможность сосредоточить в батальонах и использовать по специальности квалифицированные кадры связистов. Заместители Пересыпкина и другие руководящие работники наркомата горячо поддержали и во многом дополнили эту идею. Но для ее реализации необходимо было решение правительства.

Безотлагательно требовалось решить и другой замысел, связанный с обеспечением живучести Московского узла связи. Это было большое и сложное хозяйство: Центральный телеграф, центральная междугородная телефонная станция, несколько радиочастотных и радиовещательных станций, городские АТС, радиотрансляционные станции и многое другое. Словом, в Москве были скон-

центрированы важнейшие узлы государственной и военной связи. И все они были весьма уязвимы с воздуха. После войны Пересыпкин прочитал в военном дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии Ф. Гальдера: «Значение Москвы как центрального узла русской системы связи. Если этот узел будет парализован, вся русская сеть связи окажется нарушенной». Но и тогда, в июле 1941 года, было ясно, что противник хорошо понимает значение Московского узла связи и предпримет все возможное, чтобы вывести его из строя.

В какой-то мере сложившееся положение мог облегчить запасной узел связи, строительство которого было начато еще до войны. Пересыпкин всячески форсировал его сооружение. Но он мог лишь разгрузить Московский узел, но не заменить его в случае необходимости полностью. А такая необходимость становилась все более очевидной. Фронт приближался к Москве, а это многократно увеличивало возможность вражеской авиации: она могла производить больше самолетов-вылетов, привлекать к налетам на советскую столицу не только армады бомбардировщиков дальнего действия, но и фронтовые авиационные соединения.

Было ясно, что узлы связи нужно отдалить от вероятных районов наиболее интенсивных налетов вражеской авиации и рассредоточить. Но как это сделать, причем быстро? Вопрос этот обсуждался руководящими работниками наркомата неоднократно. И выход нашли: соорудить в окрестностях Москвы кольцевую линию связи с вспомогательными узлами — Север, Восток, Юг, Запад. Если бы вражеской авиации удалось вывести из строя Центральный телеграф, то эти узлы обеспечили бы связь столицы на важнейших направлениях: и с фронтами, и с тыловыми районами страны.

Были и другие вопросы, требовавшие срочного правительственного решения. И Пересыпкин ежедневно звонил Поскребышеву, добиваясь приема у Сталина. В конце концов это удалось. Сталин несколько минут слушал доклад Пересыпкина, затем спросил: «А что требуется? — И, пододвинув стопку бумаги, сказал: — Пишите».

Нужд было много, но Пересыпкин старался написать главное и кратко. Прочитав записку, Сталин наложил резолюцию: «Согласен».

Вскоре было принято правительственное решение. В числе других мероприятий в нем имелся пункт, соглас-

но которому Наркомату связи разрешалось сформировать три ремонтно-восстановительных батальона. Численность каждого из них была установлена в 500 человек. Наркомат связи должен был укомплектовать их специалистами, а весь остальной личный состав, автотранспорт и другое имущество выделялись Наркоматом обороны. Батальоны зачислялись на все виды довольствия Красной Армии.

Три батальона — это менее чем скромно. Но эффективность их деятельности сразу же оказалась столь высокой и очевидной, что вскоре были созданы такие же батальоны в Ленинграде, затем в других городах. К концу 1941 года Наркомат связи располагал уже «собственным войском» — прибавилось еще 10 батальонов, укомплектованных лучшими специалистами предприятий связи. Более чем наполовину они состояли из инженерно-технического состава.

В дальнейшем количество восстановительных частей и подразделений Наркомата связи намного увеличилось. Расширялась и их задача. Они строили и восстанавливали разрушенные противником узлы и магистральные линии, несли эксплуатационную службу на линиях связи, использовавшихся Генеральным штабом, обслуживали трансляционные и усилительные узлы.

Еще до того как вражеская авиация стала совершать налеты на Москву, было завершено строительство запасного узла связи. Надежно защищенный от бомбежек, он во многом дублировал Центральный телеграф, междугородную и городские автоматические телефонные станции. Затем в кратчайший срок была проложена кольцевая линия с вспомогательными узлами — Север, Восток, Юг, Запад. Теперь Московский узел связи практически был неуязвим для вражеской авиации. Это было большим успехом Наркомата связи.

В ночь на 22 июля в разгар совещания руководящих работников наркомата неожиданно была объявлена воздушная тревога — первая в Москве и потому особенно запомнившаяся. Участники совещания спустились в бомбоубежище, оборудованное в подвале здания наркомата, и продолжали работать. Но первый налет вражеской авиации взволновал. Пересыпкин приказал помощнику выяснить обстановку на предприятиях связи Москвы. Уже под утро сообщили, что на территорию Октябрьского передающего радиочастотного центра упало большое количество зажигательных и несколько фугасных бомб. Загорелось одно

из зданий центра. Больше всего на Октябрьском радиочастотном центре пострадали антенные устройства. Повалилась одна мачта, перепутались провода.

Целый день Иван Терентьевич вместе со своими заместителями и другими ответственными работниками наркомата был занят разработкой дополнительных мероприятий по обеспечению живучести важнейших объектов связи Москвы на случай дальнейших налетов вражеской авиации. Тогда впервые встал вопрос о судьбе московских радиостанций. Вывод их из строя грозил серьезным нарушением радиосвязи в стране.

В эти сутки Пересыпкину так и не удалось поспать; накурившись, он отказался от обеда, а когда поздно вечером решил наконец перекусить, позвонили из приемной Сталина. Ему надлежало явиться к Верховному немедленно. В приемной Сталина находился начальник Управления связи Красной Армии генерал-майор войск связи Н. И. Гапич. Пересыпкин хорошо знал его, уважал как высококвалифицированного, опытного организатора армейской связи. Гапич выглядел грустным, подавленным.

— Что случилось? — спросил его Пересыпкин.

— Не знаю, — как-то вяло ответил он. — Наверное, мне сейчас попадет. По телефону это уже было.

Когда они оба оказались в кабинете Сталина, тот строго спросил Гапича:

— Почему у нас так плохо со связью?

Волнуясь, но все же приводя веские доводы, Гапич объяснил сложившуюся обстановку. Однако гневное выражение лица Сталина говорило, что доводы Гапича его не убеждают. Пересыпкину было искренне жаль заслуженного генерала. Дела со связью в войсках действительно обстояли плохо. Но это было следствием общей крайне неблагоприятной обстановки на фронтах, больших людских и материальных потерь, которые несли войска связи. Были и другие причины, не зависевшие от Гапича. Тем не менее Сталин рассудил сурово — отстранил Гапича от должности.

Когда Гапич вышел, Сталин, подойдя почти вплотную к Пересыпкину, объявил, что он назначается заместителем наркома обороны и начальником Управления связи Красной Армии с сохранением за ним поста наркома связи.

«Нет необходимости подробно останавливаться на том, как это меня ошеломило, — писал в своих мемуарах Иван Терентьевич. — Война намного прибавила работы

и внесла немало дополнительных трудностей. Как может один человек исполнять две такие высокоответственные должности? Это невозможно было себе представить. Но мне ничего не оставалось, как сказать «слушаюсь» и приняться за порученную работу».

Сталин приказал этой же ночью подготовить приказ об улучшении связи в Красной Армии. Пересыпкин сразу направился в Наркомат обороны. Все руководящие работники Управления связи оказались на месте, но в бомбоубежище — была объявлена воздушная тревога. Среди них Пересыпкин увидел Гапича и подошел к нему.

— После отбоя сдам дела, — хмуро сказал тот.

— Не я вас снял, а мое отношение к вам, Николай Иванович, вы знаете, — мягко ответил Пересыпкин.

— Обидно же. Не хуже меня знаете, каково положение со связью в войсках.

— Дела сдадите позже. Я прошу вас помочь мне.

Пересыпкин рассказал о задании Сталина подготовить проект приказа об улучшении связи в Красной Армии. Глаза Гапича загорелись. Оказалось, что он многое продумал и в Управлении связи есть весьма полезные предложения.

После отбоя Гапич собрал в своем кабинете руководящих работников управления, представил им нового начальника. Затем Пересыпкин с Гапичем обсудили наиболее важное, что должно было войти в проект приказа.

Оставшись один, Пересыпкин принялся за работу. Проект приказа «рождался» легко. И до войны, и особенно с ее началом, Пересыпкин многие мероприятия по линии государственной связи согласовывал с Генеральным штабом, часто встречался по делам с Гапичем. Да и сам он в недавнем прошлом был военным связистом. И конечно же, прав был Гапич, говоря, что Пересыпкин не хуже его знал положение со связью в войсках. Поэтому то, что излагал Пересыпкин в проекте приказа, было, как говорится, выстрадано им.

Большое внимание Пересыпкин уделил положениям о радиосвязи, ее значении в управлении войсками в подвижных формах боевых действий. Они составили основу проекта приказа. В нем подчеркивалось, что устойчивость управления войсками в первую очередь зависит от того, насколько широко и правильно применяется радиосвязь. В проекте были определены задачи в области проводной связи, в использовании телеграфных аппаратов Бодо.

Специальные положения проекта были посвящены ответственности командиров и штабов за организацию связи. Формулируя их, Пересыпкин досадовал: «Со скамьи училища каждый это знает!» Однако фактов, когда организация связи переключивалась целиком на связистов, было немало, и Пересыпкин не без оснований видел в этом одну из серьезных причин недостатков в организации связи в войсках.

На следующий день, 23 июля 1941 года, приказ был подписан Сталиным и сразу же передан по телеграфу в штабы фронтов.

Домой удалось вырваться к полуночи. Ужиная, Иван Терентьевич рассказал жене о своих новых должностях.

— За последние годы моя жизнь — сплошь крутые повороты, — посетовал он. — Как только поспевать!

Действительно, окончив в 1937 году командный факультет электротехнической академии Красной Армии и получив звание капитана, Пересыпкин был назначен военным комиссаром научно-исследовательского института связи Красной Армии. Не успел он как следует освоиться на этой работе, как получил новое назначение — военным комиссаром Управления связи Красной Армии. Тогда же ему было присвоено звание полковника.

В феврале 1938 года, будучи по делам у наркома обороны К. Е. Ворошилова, Пересыпкин получил неожиданное предложение — занять пост начальника Управления связи Красной Армии. Ворошилов пригласил начальника Генштаба Б. М. Шапошникова, и тот поддержал его предложение. Пересыпкин был уверен, что не сможет справиться сразу с таким объемом работы. Он так прямо и сказал, но Ворошилов настаивал. Тогда Пересыпкин предложил назначить его заместителем начальника Управления связи, чтобы освоить столь широкие масштабы деятельности.

В конце концов Ворошилов внял доводам Пересыпкина, и через несколько дней он был назначен заместителем начальника Управления связи Красной Армии. Прежде чем приступить к новым обязанностям, Пересыпкин решил взять отпуск и отдохнуть. Уже были приобретены путевка в санаторий и железнодорожный билет, когда Иван Терентьевич неожиданно был вызван в ЦК ВКП(б).

В ЦК беседовали долго и о многом: о состоянии войск связи, об их обеспеченности техническими средствами, организации боевой подготовки. Пересыпкин так и не по-

нял причины его вызова и цели беседы. Спрашивать же не стал — решил, что это нескромно. В конце беседы его попросили в отпуск не уезжать и из Москвы не отлучаться. Это вконец озадачило. И как Пересыпкин ни ломал голову, сколько-нибудь убедительного объяснения всему происшедшему найти не мог. Оставалось одно — ждать.

10 мая 1939 года Пересыпкин был вызван в Кремль к Сталину. Дальнейшее лучше передать через рассказ самого Ивана Терентьевича:

«Поздоровавшись и внимательно посмотрев мне в лицо, Сталин неожиданно для меня сказал:

— Мы решили назначить вас народным комиссаром связи. Как вы к этому относитесь?

Трудно передать состояние, в котором я находился в тот момент. Все, что угодно, я ожидал от этой встречи, но только не этого. Волнуясь, я ответил примерно следующее: я не так давно окончил академию и работаю менее двух лет. До поступления в академию командовал всего лишь эскадронной связью дивизии. Я совершенно не знаком с предлагаемой мне работой и не в силах справиться с таким огромным масштабом.

— Не справлюсь с этой должностью, товарищ Сталин, — сказал я, — и потому прошу не назначать меня на этот высокоответственный пост...

— Что касается масштаба работы, который вас пугает, то это ничего. Мы вам поможем.

Я пытался что-то сказать, шел за ним следом, но Сталин снял трубку телефона и, набрав номер, сказал кому-то: «Наркомом связи назначаем Пересыпкина. Завтра опубликовать в печати». Он повернулся ко мне.

— Поезжайте сейчас же в ЦК, там подготовьте предложения о составе коллегии Народного комиссариата связи. Если хотите взять с собой кого-либо из военных, хорошо знающих связь, включайте и их в проект решения».

В ЦК проработали почти всю ночь — подготовили необходимые документы, подробно проинформировали о Наркомате связи, состоянии его работы. Прощаясь, кто-то из работников ЦК сказал:

— В наркомат в форме не ходите. Там привыкли иметь дело с военными более высоких званий.

Сказано было в шутку, а Пересыпкин всерьез обеспокоился. Начав военную службу с самых ранних лет,

он никогда не носил гражданской одежды, и у него ее попросту не было.

Вернулся домой поздно. Жена не спала, хоть и привыкла к его вечерней, подчас за полночь, работе. Он рассказывал ей о необычном назначении и без какой-либо надежды спросил:

— Штатского у меня ничего нет? Костюмчик какой-нибудь... Впрочем, знаю — нет. Как же быть?

— Эх ты. Связью всей страны собираешься руководить, а тут растерялся. Сейчас я из тебя такого наркома сделаю — заглядение! — ответила жена, которая, впрочем, тоже не сразу догадалась, что нужно сделать.

Она спорила с гимнастерки петлицы, загладила их следы утюгом. Получилась распространенная в то время «наркомовка».

— Ну вот, теперь я и член правительства! — воскликнул довольный нашедшимся выходом Иван Терентьевич. — А костюм все же приобрести надо.

— Приобретем. Только не представляю тебя штатским.

— Я тоже. Нужно как-то отметить это дело.

— От первомайских праздников осталось шампанское.

Выпили по бокалу шампанского, поговорили, дождались утренних газет. На последней полосе «Правды» в разделе «Хроника» было напечатано: «Президиум Верховного Совета Союза ССР назначил т. Пересыпкина И. Т. народным комиссаром связи СССР».

Крутым оказался поворот. Теперь вот опять.

Взволнованный происшедшим, Иван Терентьевич уснул не сразу и спал недолго. Когда проснулся, было раннее утро. Он вызвал машину.

— В наркомат? — спросил водитель.

— В другой. В Наркомат обороны.

Так отныне и повелось: то в один наркомат, то в другой. Впрочем, чаще в «другой» — в Наркомат обороны.

По представлению Пересыпкина было принято решение о создании вместо управления более мощного аппарата — Главного управления связи Красной Армии. В начале августа Иван Терентьевич доложил проект положения о новом главке начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову.

Внося поправки и дополнения, Шапошников подробно мотивировал их. Он продолжал говорить и после того, как завизировал проект. Теперь речь уже шла о ро-

ли связи в современной войне. Пересыпкин с удовлетворением отмечал, что его взгляды совпадают с тем, что говорил Шапошников. Но тот шел дальше — увязывал задачи связи с высшими ступенями военного искусства, со стратегией войны в целом. А это было для Пересыпкина во многом открытием. Вопросы стратегии в электротехнической академии с такой глубиной не изучались. К тому же Шапошников связывал свои рассуждения с конкретными условиями шедшей войны. «С таким рядом работать, что в академии Генштаба учиться», — думал Пересыпкин. Он чувствовал, что обычно вежливый, но не очень-то многословный Шапошников избрал такую тактичную форму, чтобы именно поучить его — помочь ему освоить то, без чего невозможно эффективно, творчески организовывать связь в войсках в тех масштабах, в каких предстояло это делать ему, Пересыпкину.

Свои рассуждения Шапошников закончил неожиданным вопросом:

— Вы завидно молоды. Сколько вам лет?

— Тридцать семь, — ответил Пересыпкин, почему-то смутившись.

— Это же замечательно, голубчик вы мой! Сколько же вы еще сделать-то сможете!.. А ноша на ваши плечи легла тяжелейшая. Вся связь страны теперь в ваших руках. Впрочем, в этом есть свои резоны. И то, что вы замнаркома обороны, тоже резонно: с командиров любого ранга за организацию связи спросить можете.

Шапошников подробно разобрал суть резонов и опять же неожиданно спросил:

— А почему вы не в форме?

Пересыпкин рассказал, как в свое время спорил петлицы с гимнастерки, чтобы явиться в Наркомат связи.

— И у вас прежнее звание?

— Да, я полковник.

— Нонсенс! Невероятнейший нонсенс! Замнаркома обороны, начальник связи Вооруженных Сил — и полковник! Ну ничего, голубчик вы мой, когда-нибудь это будет казаться вам забавным эпизодом в вашей биографии.

Прощаясь, Шапошников сказал:

— Двери в Генштаб для вас всегда открыты. Заходите чаще. Это не только пожелание. Связь — кровное дело Генштаба.

С Шапошниковым в дальнейшем Пересыпкин встречался часто и всегда уходил от него обогащенным. Вы-

дающийся теоретик и практик военного дела, Борис Михайлович умел репликой, двумя-тремя фразами дать глубокое обоснование тому или иному мероприятию, показать его место и назначение в цепи происходящих событий.

После беседы с Шапошниковым Пересыпкин уже не повторял себе то, что подумал у Сталина: «Как может один человек исполнять две такие высокоответственные должности!» В его мемуарах можно прочесть: «...объединение и централизация руководства военной и гражданской связью было подсказано самой жизнью. Во время войны пришлось решать многие сложные задачи бесперебойной связи как на фронте, так и в тылу, нужно было ликвидировать пресловутые ведомственные барьеры, мобилизовать все имевшиеся в стране силы и материально-технические ресурсы связи, которых, к слову говоря, было не так уж много». И далее: «Многие задания правительства и Верховного Главнокомандования носили сверхсрочный характер. Как правило, их можно было осуществлять только совместными усилиями частей связи Красной Армии и предприятий Народного комиссариата связи».

5 августа Главное управление связи Красной Армии (ГУСКА) было сформировано. На него было возложено руководство всей деятельностью войск связи, снабжение их специальным имуществом, подготовка и пополнение частей командными кадрами, организация связи Ставки Верховного Главнокомандования. Последняя задача осуществлялась при активном участии Наркомата связи.

Состояние войск связи в это время было крайне тяжелым. Они понесли большие потери. Призванные же из запаса воины, в том числе и командиры, не обладали достаточными знаниями и опытом. Формировались новые части связи, а они в основном состояли из призывников.

Довольно распространенным явлением на фронте в начале войны была радиобоязнь. Многие командиры, особенно общевоинские, недооценивали радиосвязь, отдавали явное предпочтение телефону. Большинство из них попросту боялось пользоваться радиосвязью, считая, что противник может подслушать радиопереговоры или заперленговать рации и определить место нахождения пунктов управления войсками. Были случаи, когда радиостанции располагались вдали от штабов, что само по себе затрудняло пользование ими, да и, чего греха таить, в этих случаях вообще старались не пользоваться рациями. Отдель-

ные командиры даже запрещали автомобильным радиостанциям находиться в общих колоннах при передвижении штабов.

Преодолению этих недостатков положил начало приказ наркома обороны «Об улучшении связи в Красной Армии». Пересыпкин строго следил за его выполнением, требовал этого и от начальников связи фронтов и армий.

Чрезвычайно трудной задачей явилось обеспечение действующих и формируемых соединений средствами связи. Большинство предприятий, производивших радиостанции, телеграфные и телефонные аппараты, полевой кабель, эвакуировались. Пересыпкин с работниками ГУСКА считал, пересчитывал — итог оказался удручающим: по существовавшим табельным нормам можно было обеспечить средствами связи лишь около пятой части потребности войск. Оставалось одно — резко сократить нормы.

— Да, тяжелейшее время переживаем, — вздохнул Шапошников, когда Пересыпкин доложил ему сложившееся положение и проект сокращенных норм отпуска войскам средств связи. — Снаряды чуть ли не поштучно считаем. Теперь вот связь... Что ж, иного выхода нет. Придется вводить «голодный паек».

«Паек» действительно был весьма скудным — в 3—5 раз меньше, чем предусматривалось табелями. Так, стрелковой дивизии вместо положенных по табелю 327 телефонных аппаратов отпускалось 100, вместо 54 телефонных коммутаторов — 4, вместо 1556 километров полевого кабеля — 300 километров, в том числе 150 километров голого эмалированного провода, пригодного для одноразового использования. Резко был сокращен отпуск радиоимущества: вместо положенных стрелковой дивизии по табелю 63 радиостанций отпускалось 10—12.

Это была вынужденная мера. Она позволяла, хоть и в крайне недостаточной мере, все же обеспечивать войска средствами связи, равномерно, но с учетом специфики распределять их по частям и соединениям. Но новые нормы также не всегда соблюдались. И Пересыпкин, что говорится, под метлу забирал средства связи в тыловых частях и военно-учебных заведениях, на предприятиях Наркомата связи, оставляя там самое необходимое. На местах был организован сбор неисправного имущества связи, различных деталей. Все это приводилось в порядок и направлялось на фронт.

Широкая работа по сбережению имущества была развернута в армии и на флоте. ГУСКА подготовил матери-

алы для Главного политического управления, которое разослало в войска «Памятку красноармейцу-связисту». Она требовала от каждого связиста беречь как зеницу ока технику, всегда держать аппаратуру в полной боевой готовности, добиваться, чтобы ни на секунду не выходили из строя линии связи.

Обеспечение войск имуществом связи еще длительное время было делом очень трудным. «Я считаю эту проблему, — писал после войны Пересыпкин, — одной из наиболее трудных проблем, которые пришлось решать войскам связи в годы Великой Отечественной войны».

Из множества задач, которые в первые месяцы войны приходилось одновременно решать Пересыпкину, трудно было выделить главную. Но всегда в центре его внимания была связь Ставки Верховного Главнокомандования, Генштаба, штабов видов Вооруженных Сил с фронтами и флотами.

Прежде всего нужно было обеспечить абсолютно надежную связь между высшими штабами военного руководства. Для решения этой задачи особняк в Кремле, где работал Сталин, узлы связи Генштаба в здании Наркомата обороны и на станции метро «Кировская», штабы ВВС и ПВО страны, главный штаб ВМФ и Центральный телеграф были связаны мощными соединительными кабельными линиями. Связь между высшими органами военного руководства практически приобрела абсолютную надежность. Кроме того, соединительные линии давали возможность в случае необходимости маневрировать телеграфными и телефонными каналами в интересах того или иного штаба.

Гораздо труднее было обеспечить бесперебойность связи высших органов военного руководства с фронтами. Уже действовал запасной узел связи, в боевой готовности было кольцо связи вокруг Москвы. Но война есть война — всякое могло случиться. Поэтому Пересыпкин стремился максимально перестраховать связь Ставки с фронтами. В августе по его указанию Наркомат связи оборудовал подвижной запасной узел в железнодорожном поезде. Он был оснащен лучшей аппаратурой и укомплектован высококвалифицированными специалистами. В случае необходимости с помощью этого поезда можно было иметь радио- и телеграфную связь со штабами фронтов. Несколько позже был смонтирован мощный узел связи на автомашинах. Непосредственно Ставке он не потре-

бывался, но успешно использовался ее представителями, выезжавшими на фронт.

Словом, сделано было все возможное и необходимое, чтобы Ставка, Генштаб, штабы видов Вооруженных Сил могли беспрепятственно связываться с фронтами и флотами. Иначе дело обстояло на другом конце этой связи — в штабах фронтов. Слабым звеном здесь была связь: штаб фронта — штаб армии. Она нередко прерывалась, и штабы фронтов не могли своевременно дать нужную информацию Генштабу. Бывало и так: необходимы срочные переговоры с командующим войсками фронта, а он выехал в какую-нибудь подчиненную армию.

Но это была одна сторона дела. Другая состояла в том, что сама схема связи: Генштаб — штаб фронта — штаб армии — не удовлетворяла потребностей руководства боевыми действиями со стороны Ставки. Нередко возникала необходимость непосредственных переговоров Генштаба со штабами армий.

Этот вопрос не раз затрагивался на совещаниях у Шапошникова, и однажды Пересыпкин пришел к нему с предложением: установить непосредственную связь Генштаба со штабами армий.

— А аппаратура? Вы же докладывали, что аппаратов Бодо не хватает.

— Занял сам у себя — начальник ГУСКА у наркома связи.

— С собой вы, полагаю, поладите, — улыбнулся Шапошников. — А идея превосходна. Готовьте представление.

«Самому с собой поладить» Пересыпкину было совсем не легко. Наркомат связи немало потрудился, чтобы без существенного ущерба для дела выделить необходимое количество аппаратов Бодо.

6 сентября по представлению Пересыпкина был издан приказ Ставки Верховного Главнокомандования «Об установлении непосредственной связи ГШ КА со штабами армий». Но это был лишь первый шаг в осуществлении принципа организации связи в войсках, названного впоследствии «связью на ступень ниже». В дальнейшем по мере увеличения средств связи этот принцип распространялся все шире — вплоть до дивизий и отдельных полков.

Впрочем, в дальнейшем было много нового, в том числе и в организации связи в высшем звене военного руководства. В частности, основным средством связи

Ставки с командующими войсками фронтов и армий стала высокочастотная телефонная связь — ВЧ-связь. Маршал Советского Союза И. С. Конев писал после войны: «Надо вообще сказать, что эта связь ВЧ, как говорится, нам была богом послана. Она так выручала нас, была настолько устойчива в самых сложных условиях, что надо воздать должное и нашей технике, и нашим связистам, специально обеспечивавшим эту связь ВЧ и в любой обстановке буквально по пятам сопровождавшим при передвижениях всех, кому было положено пользоваться этой связью».

Но то было потом. Тогда же, в грозном 1941 году, основным средством связи Ставки со штабами фронтов и армий был телеграф с использованием аппаратов Бодо. Громоздкие, сложные в эксплуатации, эти аппараты доставляли немало хлопот при перемещениях штабов. Однако Сталин категорически требовал, чтобы для прямых переговоров в высшем звене военного руководства использовались главным образом телеграфные аппараты Бодо. Иван Терентьевич писал по этому поводу: «И. В. Сталин очень верил в аппарат Бодо и в невозможность перехвата его работы. Возможно, кто-то из специалистов убедил его в этом. Работу буквопечатающих аппаратов Бодо перехватывать было значительно труднее, чем простейших аппаратов Морзе, но возможно. Это было доказано еще в период первой мировой войны, во время специальной проверки, которая была организована русским морским генеральным штабом».

Были случаи, когда категорическое требование пользоваться только аппаратом Бодо приносило большие хлопоты связистам. Один из них на всю жизнь запомнился Пересыпкину.

Произошло это в начале октября. Ночью на узел связи Генштаба пришел Шапошников и попросил связать его с Г. К. Жуковым, находившимся в Ленинграде. Все довоенные линии связи к городу были уже перекрыты противником. С большим трудом связисты проложили через Ладожское озеро телефонные кабели, но они быстро промокали и выходили из строя. Тем не менее связь по аппаратам Морзе проходила, а как только связисты переключались на аппараты Бодо, для которых требовался более сильный ток, она прекращалась. Так длилось несколько часов. Несмотря на шум работавших аппаратов, Шапошников уснул. Через несколько часов позвонил Сталин и, узнав, что разговор с Ленинградом еще не со-

стоялся, отругал Пересыпкина и пригрозил привлечь его к строгой ответственности, если Шапошников не свяжется с Жуковым.

Наконец разговор состоялся. Занял он не более двух-трех минут. Но какого первого напряжения он стоил связистам и Пересыпкину! Да и обидно было: содержание и продолжительность разговора были такими, что его свободно, не опасаясь перехвата, можно было передать по радио. Однако, уходя, Шапошников сказал Пересыпкину, что Сталин предупредил его, чтобы переговоры состоялись только по Бодо.

Под впечатлением разговора со Сталиным остаток ночи Пересыпкин провел без сна. Утром позвонил Сталин и спокойным голосом спросил:

— Вам сегодня попало?

— Так точно.

— Вам кто-то мешает. Разберитесь.

Никто Пересыпкину, разумеется, не мешал. Но гнев Сталина был понятен: связь с Ленинградом должна быть устойчивой. Пересыпкин поручил ленинградским связистам — войсковым и гражданским — найти специальный подводный кабель. Именно «найти», так как в учтенном имуществе его не было. В Ленинграде до войны такой кабель производился и не мог быть весь израсходован. Действительно, в конце концов связисты нашли необходимое количество подводного кабеля в торговом порту.

Потребовался бы специальный рассказ, чтобы описать, как и в каких невероятно тяжелых условиях готовился и транспортировался кабель, как 29 октября при шторме в 8—9 баллов и непрерывных налетах вражеской авиации за 8 часов он был проложен по дну Ладожского озера. Длина его составила 40 километров. Вскоре на обоих концах кабеля — на западном и восточном берегах Ладоги вступили в строй мощные узлы связи. Надежность связи Ставки со штабами Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота многократно повысилась.

Дела военные перемежались с делами гражданскими. Систематические налеты авиации противника поставили под угрозу разрушения радиовещательные станции Москвы. Кроме того, вражеские летчики могли использовать работу длинноволновых станций в качестве радиомаяков. В связи с этим по представлению Пересыпкина правительство приняло решение об эвакуации всех мощных московских радиовещательных станций. В исключитель-

но короткие сроки они были смонтированы и введены в действие в тыловых районах.

Радиовещание в Москве было переведено на короткие и средние волны, а в ночное время только на короткие. Но коротковолновых передатчиков не хватало. И тут впервые послужил москвичам еще неизвестный им телевизор. Накануне войны в Москве был сооружен телевизионный центр, имевший около двухсот небольших приемников. По ночам и во время налетов вражеской авиации программа Центрального радиовещания передавалась в эфир ультракоротковолновым передатчиком телецентра, а принималась установленными на узлах радиотрансляционной сети телевизионными приемниками. Качество передач не ухудшилось, а возможность использования противником работы московских радиостанций для наведения своих самолетов полностью исключалась.

На все же это не решало проблемы — в Москве действовало около 630 тысяч радиоточек. Тогда было решено организовать трансляцию передач Центрального радио через эвакуированные радиостанции. И когда известные всей стране станции имени Коминтерна, имени ВЦСПС, РВ-96 начинали свои передачи словами «Внимание, говорит Москва...», то это вполне соответствовало действительности. Дело в том, что программы Центрального радиовещания из Москвы передавались по проводам междугородной телефонной связи на эвакуированные радиостанции и оттуда шли в эфир. В Москве их принимали радиоприемники и передавали в трансляционную сеть. Москвичи даже не подозревали, что ежедневные передачи Центрального радио проходили такой сложный путь.

Между тем обстановка под Москвой становилась все более напряженной. В начале октября Пересыпкин побывал в войсках Западного фронта. От здания Центрального телеграфа на улице Горького до района Перхушково, где располагался штаб фронта, машина домчала его за 45 минут.

— Так близко! — почему-то шепотом отметил шофер.

Не по себе было и Пересыпкину: одно дело знать, что враг у ворот столицы, и другое — так вот непосредственно ощутить это.

Организацией связи на Западном фронте Пересыпкин в целом был удовлетворен. Возглавлял ее одноклассник Ивана Терентьевича по академии, опытный и волевой генерал Н. Д. Псурцев. Он сумел на базе того минимума средств связи, которым располагал фронт, создать доволь-

но мобильную и устойчивую систему управления войсками.

Псурцев привел примеры изумительной находчивости связистов, которые, как он выразился, «каждый кусок проволоки к делу пристраивают». Понравилось Пересыпкину и отношение командиров и штабов некоторых соединений к связи. Однако в ответ на похвалу Псурцев сказал:

— Не везде так. Приходится и суровые меры принимать. Иной командир жалуется: нет связи. А у него целехонькая рация. Ему же подавай только проводную связь. Живуча эта радиобоязнь! Бывает и так: все рассчитают — потребное количество войск, боеприпасов, транспорта, а связистам два слова: «Обеспечить связь!» На такие случаи Жуков крут. И я не из ласковых. Пробьемся, как говорят бойцы.

То, что увидел Пересыпкин на Западном фронте и услышал от Псурцева, лишь подтвердило доклады с других фронтов. Положение со связью в войсках улучшалось. Слабым звеном продолжала оставаться радиосвязь. Но что-нибудь новое, эффективное для ускорения наметившегося перелома Пересыпкин пока сделать не мог. Не хватало главного — средств связи. Оставалось одно — настойчивее добиваться безусловного выполнения командирами и штабами приказа «Об улучшении связи в Красной Армии».

На обратном пути, взволнованный столь ощутимой близостью фронта, Иван Терентьевич по-особому смотрел на построенные москвичами баррикады, противотанковые заграждения и доты, заложенные мешками с песком витрины магазинов. Сознанием его с еще большей остротой овладела тревожившая за последние недели мысль: фронт может подойти вплотную к важнейшим объектам связи. Как быть со связью Ставки в таком вполне вероятном случае?

По указанию Пересыпкина Наркомат связи и ГУСКА оборудовали несколько узлов восточнее Волги. Но нужен был стационарный, отвечающий всем требованиям войны узел. Для его сооружения требовалось согласие Верховного Главнокомандующего. И Пересыпкин мучился: как вообще воспримет Сталин само такое предложение? Но медлить было нельзя, и Пересыпкин отважился. Добившись приема у Сталина, он без каких-либо предисловий сразу сказал:

— Прибыл для доклада о запасном узле связи.

Вопреки ожиданиям Сталин, как о само собой разумеющемся, спросил:

— Где вы предполагаете его расположить?

Он отверг несколько предложений Пересыпкина и, долго рассматривая разложенную на столе карту, наконец показал пальцем небольшой населенный пункт:

— Давайте здесь.

Пересыпкин ужаснулся: указанное Сталиным место находилось вдали от магистральных линий связи. Предстояли большие работы, чтобы соединить будущий узел с этими линиями.

Возвратившись к себе, Пересыпкин сразу же принялся за дело. По телефону он перехватил в пути эвакуированные на восток два поезда связи, смонтированные военными и гражданскими связистами, и направил их в район будущей стройки, дал указание в спешном порядке отгрузить туда же из Москвы и соседних областей телеграфно-телефонное оборудование, радиостанции, монтажные и линейные материалы, о выделении для строительно-монтажных работ ремонтно-восстановительных подразделений.

Руководителем сооружения узла решено было назначить заместителя наркома связи Г. А. Омельченко. Однако вечером Пересыпкину позвонил Сталин и приказал лично возглавить строительство. И хотя Иван Терентьевич несколько часов назад сам докладывал Сталину о необходимости сооружения запасного узла связи, приказ неприятным холодком отозвался на сердце: «Неужели так плохо обстоят дела?»

Работы велись круглосуточно, с невероятным напряжением сил, и уже через пять суток Пересыпкин доложил прибывшему на место Шапошникову, что запасной узел связи Ставки, получивший позывной «Виктория», что значит «победа», в основном смонтирован. После войны Маршал Советского Союза А. М. Василевский отмечал, что для этого в обычное фронтовое (опять же фронтовое!) время потребовалось бы не меньше пятнадцати-двадцати суток. «На связистов, в том числе и на самого И. Т. Пересыпкина, — писал А. М. Василевский, — налагалась величайшая ответственность за судьбу управления страной и Вооруженными Силами в самый критический момент истории. Во имя этой задачи нельзя было жалеть ни себя, ни других. Так и поступали связисты».

В начале ноября состоялось решение о проведении в Москве традиционного торжественного собрания, посвя-

щенного 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, и выступлении на нем Сталина. Наркомату связи было поручено радиофицировать вестибюль станции метро «Маяковская», где должно было состояться заседание, и организовать его трансляцию всеми радиостанциями страны.

После окончания монтажных работ была проведена проба: из установленных на станции громкоговорителей послышались свист, гул, голос диктора едва различался. Пересыпкин приказал остановить пробу и оборудовать все так, как должно быть во время торжественного собрания. Установили трибуну с микрофонами, кресла, в которых разместили солдат, вдоль платформ поставили вагоны.

Дальнейшая отладка звучания, теперь уже в условиях, приближенных к действительным, также не сразу удалась. Наконец хрипы, свист и гул в репродукторах были устранены.

Вечером 6 ноября выступление Сталина на торжественном совещании и праздничный концерт слушала вся страна — фронт и тыл. А утром 7 ноября Москва транслировала передачу о традиционном военном параде на Красной площади и речь Сталина на нем.

После парада Пересыпкин почувствовал себя настолько ослабленным, что, как ни противился, уснул прямо в кресле за рабочим столом. Позже он признался близким друзьям:

— Шестого и седьмого я жил на одних нервах. Все думал: вдруг сбой какой-нибудь, что-то откажет.

Впрочем, в то время Пересыпкин вообще работал, что говорится, на втором дыхании. Советские войска вели ожесточенные оборонительные бои. Враг еще остервенело наступал. А Ставка развернула подготовку к широкому контрнаступлению под Москвой. Перед связью встали неимоверно сложные задачи. Позже Пересыпкин сформулировал их в одной скупой фразе: «Нельзя не отметить, что подготовка контрнаступления в отношении связи проходила в сложной обстановке, при ограниченных средствах связи и в труднейших условиях суровой зимы».

Ну а если раскрыть эту фразу? Как, например, применительно к связи понять слова «в трудных условиях суровой зимы»? Это вовсе не значит, что связистам было нелегко работать при лютых морозах, что, впрочем, тоже нельзя сбрасывать со счета. «Холодно» было и технике: из-за сильных холодов рвались провода постоянной

телефонной связи, отказывали в работе микрофонные капсулы, замерзали элементы телефонных аппаратов. А снежные заносы? Машины с радиостанциями и имуществом связи нередко буксовали или вообще не могли продвигаться по глубокой снежной целине.

Много трудностей таилось и за словами «в сложной обстановке». Ведь нужно было одновременно поддерживать связь с войсками, сражавшимися на фронте, где обстановка непрерывно менялась, с войсками, производившими перегруппировки, и прибывавшими в исходные районы резервами Ставки, наконец, готовить связь для ее бесперебойной работы в предстоящем контрнаступлении.

Слова «при ограниченных средствах связи», как говорится, в комментариях не нуждаются: даже «голодный паек» в обеспечении войск средствами связи не всегда соблюдался.

Все это рождало ежедневно множество сложнейших проблем, разрешение которых так или иначе производилось с участием Пересыпкина, требовало от него огромного напряжения.

На первом плане, разумеется, было обеспечение мобильности связи Ставки со штабами фронтов и армий. Пересыпкин установил строгий контроль за работами по выполнению приказа об установлении прямой связи Генштаба со штабом армий и вскоре с удовлетворением мог отметить, что в высшем звене руководства войсками принцип «связь на ступень ниже» реализован. Для предстоящих наступательных действий это было очень важно.

Улучшалось дело со связью и в войсках. Выезжая в короткие командировки на Западный фронт, Пересыпкин подчас с изумлением отмечал то, что потом он называл «уметь создавать устойчивую связь при ограниченных средствах». И каждый раз он испытывал нечто вроде укора совести — будто от него зависела такая низкая обеспеченность войск средствами связи. Но это были подспудные ощущения. Реально же Пересыпкина беспокоило другое: в условиях контрнаступления связь в войсках должна быть еще более мобильной и устойчивой. Он еще раз внимательно изучил возможности государственных линий связи Подмосковья. Все линии Наркомата связи давно уже обслуживали нужды войск. Но были другие линии самой различной ведомственной принадлежности: Наркомата путей сообщения, Аэрофлота, Речфлота и даже метрополитена. «Нужен один хозяин», —

подытожил свои раздумья Пересыпкин. 15 октября по его представлению был издан совместный приказ Наркомата обороны и Наркомата связи о назначении специального уполномоченного, которому подчинялись все линии гражданской связи Подмосковья. Он был ответствен за немедленное выделение каналов связи для нужд военного командования.

В результате сражавшиеся под Москвой войска получили весьма солидную базу для организации разветвленной связи на всех уровнях. Особенно эффективно использовал это нововведение начальник связи Западного фронта Псурцев. После войны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Близость столицы, использование всех линий правительственной и гражданской сети связи позволило нам благодаря неутомимости начальника связи фронта Н. Д. Псурцева и его подчиненных иметь надежную связь со Ставкой, Генеральным штабом и всеми входившими во фронт армиями. При необходимости штаб или командный пункт фронта мог непосредственно связаться с той или иной дивизией».

ГУСКА и Наркомат связи, штабы фронтов и армий разработали и многие другие меры, которые в совокупности должны были обеспечить непрерывность связи войск в предстоящем наступлении. Конечно, меры эти могли бы быть совсем иными, более эффективными: все ограничивал острый недостаток средств связи. «Дыры латаем!» — досадовал Пересыпкин. Но в то тяжелое время «латать дыры» было тоже искусством — подчас нудным, выматывающим силы и нервы, но крайне необходимым делом.

В начале декабря Пересыпкину позвонил Сталин и приказал срочно выехать в штаб 1-й ударной армии для оказания ей помощи в организации связи. Запасного аппарата Бодо не было. Пришлось снять аппарат с источниками питания с действующей линии на Центральном телеграфе. Для его обслуживания выехала на фронт группа девушек из дежурной смены.

Связь с Генштабом была установлена почти сразу. Труднее оказалось связать штаб армии с ее соединениями. Связисты работали быстро, но Пересыпкин торопил их. Он знал то, чего они не знали: через день 1-я ударная армия опрокинула противостоящего противника и начала наступление на запад.

В контрнаступление перешли войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов. И вскоре Цент-

ральное радио передало сообщение Совинформбюро о первом крупном поражении вермахта — о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой.

А наступление продолжалось. Положение со связью повсеместно было крайне напряженным, в том числе и в высшем звене руководства войсками. Штабы фронтов, армий перемещались на запад. Продление к ним новых и ремонт поврежденных линий связи из-за ограниченного запаса проводов и другого имущества было делом сложным. К тому же, отступая, противник минировал линии связи и подходы к ним. Пришлось и в войсках связи завести своих минеров: в каждой занятой ремонт роте выделить по несколько бойцов и обучить их обнаружению и обезвреживанию мин. Противник подвергал авиационным бомбежкам известные ему линии связи. В ряде случаев из-за этого приходилось прокладывать новые линии в других местах. Трудности эти были предусмотренны, и связисты в меру возможностей к ним подготовились. Но вдруг произошло непредвиденное — резкое усиление мороза вызвало массовый разрыв проводов. А это грозило повсеместными перерывами телеграфной и телефонной связи, в первую очередь связи Ставки со штабами фронтов и армий — здесь связь была только проводной.

ГУСКА, фронтовое и армейское командование сосредоточили на строительстве новых и ремонте поврежденных линий огромные силы: части фронтовых и армейских связистов, военно-восстановительные батальоны и подразделения, рабочие колонны, бригады работников линейно-технических служб Наркомата связи. И линии проводной связи в большинстве случаев не отставали от наступавших войск.

Положение было выправлено, но Пересыпкин был озабочен: возможны ведь и другие непредвиденные обстоятельства. И вообще нужен был такой порядок восстановления и эксплуатации линий проводной связи, чтобы она функционировала при любых обстоятельствах. Прошедший вскоре случай подтолкнул Пересыпкина к принятию важного решения в области обслуживания проводной связи. На пять суток задержался ввод в эксплуатацию постоянной линии Солнечногорск — Клин. Причина оказалась простой: начальник связи Западного фронта и начальник областного управления связи, понадеявшись друг на друга, не организовали своевременное восстановление этой важной магистрали.

Пересыпкин, не без оснований, винил в происшедшем самого себя. А свои ошибки он переживал тяжело. «Нечетко определил функции! Не разграничил ответственность!» — многое он наговорил себе мысленно в то время. Успокоившись, он вызвал необходимых работников ГУСКА, изложил им свои соображения и приказал срочно оформить их в виде директивы главка.

27 декабря, занятый редактированием проекта директивы и различными срочными телефонными разговорами, Пересыпкин не сразу уловил веселую нотку в голосе позвонившего ему управляющего делами СНК Я. Е. Чадаева:

— Чем заняты, Иван Терентьевич?

— Да вот верчусь, как грешник на вертеле.

— Остановитесь на минутку. Верховный велел передать. Запишите: постановление СНК СССР от двадцать седьмого декабря сорок первого года.

— Записал.

— Так вот этим постановлением вам присвоено звание генерал-лейтенанта войск связи. Поздравляю.

— Спасибо.

— Не слышу энтузиазма.

— Рад, конечно, — рассмеялся Пересыпкин. — Только, признаться, я разноса ждал.

Приятно возбужденный, Пересыпкин еще раз перечитал директиву и подписал ее. В этот же день она была передана по телеграфу в штабы фронтов и армий, в соответствующие учреждения Наркомата связи.

В директиве четко определялась ответственность каждой инстанции связи — военной и общегосударственной — за состояние телеграфных и телефонных линий на всем их протяжении: от передовой до Генштаба. Впоследствии Пересыпкин писал, что эта директива «являлась основным руководящим документом о порядке восстановления и эксплуатационного обслуживания постоянных линий в течение всей Великой Отечественной войны».

В ходе первого общего наступления Красной Армии гораздо эффективнее стала использоваться радиосвязь, широкое применение получили и подвижные средства: донесения и распоряжения доставлялись с помощью пеших и конных посыльных, лыжников, мотоциклистов, на автомашинах и самолетах связи.

Пересыпкин неоднократно выезжал на фронт и возвращался с противоречивыми чувствами. Его восхищало мастерство организации связи некоторыми штабами, ге-

роизм воинов-связистов. Вызывало удовлетворение и то, что в целом все же обеспечивалась непрерывность управления наступавшими войсками. В то же время он острее чувствовал необходимость реальной помощи фронтовым связистам. Слова Псурцева о связистах, которые «каждый кусок проволоки к делу пристраивают», он запомнил надолго. Однако промышленность пока еще мало что могла дать. И Пересыпкин все чаще мысленно возвращался к возникшей у него однажды, как он выразился, «задумке». После разгрома фашистских войск под Москвой эта «задумка» казалась ему весьма реальной.

Чаще всего своими мыслями Пересыпкин делился с Василевским, который, став заместителем начальника Генштаба, детально занимался вопросами связи. И на этот раз Пересыпкин пришел со своей «задумкой» к Василевскому. Суть ее состояла в том, чтобы на базе корпусов эвакуированного предприятия создать «собственный», то есть Наркомата обороны, завод по производству средств связи. По расчетам, произведенным работниками ГУСКА, такой завод стал бы давать продукцию быстрее, чем заводы, которые были переправлены в тыл страны и пока еще монтировались там.

— Все, что можно было взять в Наркомате связи, я взял. Он тоже на «голодном пайке», — обосновал свое предложение Пересыпкин.

— Что требуется от Генштаба? — спросил Василевский, убежденный доводами Пересыпкина.

— Обращение в ГКО.

— Готовьте документы. Поддержим.

21 января 1942 года постановление ГКО состоялось. ГУСКА проявило исключительную находчивость и оперативность: организовало воздушный мост Москва — Ленинград. Из блокадного города были вывезены специалисты завода «Красная заря», их семьи и станочное оборудование. Все эти крайне истощенные люди смогли приступить к работе только после того, как их подлечили в военных госпиталях. Часть специалистов была отозвана с фронта.

Вскоре был пущен и второй завод, производивший радиоаппаратуру. Пересыпкин считал себя «шефом» этих заводов и часто бывал там, обычно по ноям. На радиозаводе в основном работали подростки. У многих станков были установлены подставки для низкорослых ребят и девчат. «Нельзя было смотреть без слез на все это, — писал Иван Терентьевич. — Но ни на какую жалость

нельзя было и намекать. Почувствовав жалость, ребята приняли бы это за оскорбление. Они, эти маленькие труженики, гордились тем, что работают на заводе, изготавливающем радиостанции для Красной Армии, дорожили честью рабочего».

Оба завода вполне оправдали надежды Пересыпкина. Они начали выпускать продукцию раньше эвакуированных предприятий и в довольно большом количестве. Первый завод за 1942 год выпустил 130 тысяч телефонных аппаратов, более 200 коммутаторов и 20 весьма сложных в изготовлении аппаратов Бодо, второй — более 20 тысяч переносных радиостанций.

Поездки Пересыпкина и работников ГУСКА на фронт давали очень многое для улучшения организации связи на местах, позволяли выявлять положительный опыт и отрицательные явления. Еще в период битвы под Москвой Пересыпкин решил расширить этот опыт, организовать более широкое изучение практической деятельности начальников и частей связи в боевой обстановке. По его указанию было создано несколько групп из работников ГУСКА, Военной электротехнической академии, военных училищ и Научно-исследовательского института связи Красной Армии. Группами был собран богатейший материал. Он был изучен, глубоко проанализирован и в виде инструкций и директив распространен в войсках. Кроме того, ГУСКА разработало и направило в войска и в военно-учебные заведения обобщающий труд об опыте войск связи за первые девять месяцев войны. Эта практика была сохранена и расширена в последующем, в том числе изучались сильные и слабые стороны техники связи, что способствовало непрерывному улучшению ее, созданию новых технических устройств.

При анализе опыта организации связи на фронте Пересыпкин большое внимание уделял изучению причин отрицательных явлений. Наиболее типичными из них продолжали оставаться недостаточное внимание некоторых командиров и их штабов к организации связи и радиобоязнь. Правда, приказ «Об улучшении связи в Красной Армии» делал свое дело. Его выполнение строго контролировалось. И не только ГУСКА и начальниками связи фронтов и армий. Большое внимание организации связи уделяли Генштаб, штабы фронтов и армий. Командиров, которые перекладывали организацию связи на одних связистов, стало значительно меньше.

Гораздо сложнее обстояло дело с преодолением радио-

боязни. Начальники связи всех степеней продолжали с тревогой докладывать Пересыпкину о фактах пренебрежения радиосвязью, приводили примеры того, как это пагубно сказывается на управлении войсками. Работники же ГУСКА сталкивались со скрытыми проявлениями недооценки радиосвязи: некоторые командиры пользовались ею в редких случаях, подчас под нажимом сверху.

Недооценку радиосвязи и переоценку проводной связи Пересыпкин в своих послевоенных научных трудах называл «детской болезнью» первого периода войны. Правда, этой «болезнью» не страдали ВВС, ВМФ и бронетанковые войска. Там радиосвязь с самого начала была главным и весьма эффективным средством управления войсками.

Некоторые основания «бояться» радиосвязи, конечно, были. Штабы противника в течение всей войны вели активную радиоразведку. Но это не значило, что следовало сужать сферу радиосвязи. Да это было и невозможно. Напротив, в условиях маневренной войны радиосвязь становилась важнейшим средством управления войсками, особенно в наступательных операциях. Поэтому нужно было не только преодолеть радиобоязнь, но и привить в войсках любовь к радиосвязи.

Пересыпкин, разумеется, понимал, что одними приказами и инструкциями этого не достичь. К тому же радиоразведка противника была в то время довольно грозным врагом. И это оказывало определенное влияние на некоторых командиров, в том числе и на недостаточно опытных командиров-связистов, призванных из запаса. Словом, преодоление радиобоязни было делом весьма сложным.

Прежде всего Пересыпкин требовал от связистов знать как можно больше о вражеской радиоразведке. Он и сам постоянно изучал ее структуру, методы и приемы ее деятельности, искал способы противодействия ей.

Дело это было поставлено у противника весьма обстоятельно. В Берлине при штабе верховного главнокомандования имелся центр радиоподслушивания — высший орган, ведавший радиоразведкой. Этому центру подчинялось 8 радиополков, 6 из них находились на советско-германском фронте. Полки делились на соответствующие подразделения, были укомплектованы опытными специалистами и имели разнообразную и совершенную для своего времени технику.

В зависимости от задач радиоразведка противника делилась на дальнюю и ближнюю. Подразделения дальней

разведки прослушивали работу советских радиостанций от полка и выше. Они осуществляли перехват и пеленгацию радиотелеграфных станций, записывали на ленты или пластинки наиболее интересные передачи широковещательных станций. Как правило, за каждым участком фронта следил один и тот же работник, знавший наизусть применяемые советскими связистами ключи, позывные, псевдонимы и фамилии командного состава советских соединений.

Личный состав подразделений обработки получаемых данных должен был знать, и тоже наизусть, позывные и ключи радиостанций всех противостоящих соединений советских войск и их группировки вплоть до отдельного батальона. Подразделения ближней радиоразведки занимались перехватом незашифрованных передач радиостанций советских войск и подслушиванием радиоразговоров в передовой полосе фронта.

Таким образом, выражаясь языком противника, его радиоразведка имела тотальный размах. Она намного превосходила возможности радиосвязи Красной Армии, как, впрочем, и во всех других видах связи.

Однако, зная ее возможности, способы и методы ее действий, штабы советских войск могли принимать меры для затруднения радиоперехвата и в соответствии с обстановкой применять радиосвязь. Это и имел в виду Пересыпкин, требуя от войсковых связистов изучения связи противника, его радиоразведки в частности.

В большинстве случаев так и было. Причем одно лишь строгое соблюдение обязательных правил радиообмена и радиодисциплины значительно затрудняло действия вражеской радиоразведки. Большое значение имело также профессиональное мастерство радистов. Взятый в плен обервахмистер 4-го радиоразведывательного полка противника показал на допросе: «Работа русских радистов во многом отличалась от работы англичан. Русские часто меняли радиоданные, применяли специальные пароли, работали на больших скоростях. Все это затрудняло перехват радиопередач и подслушивание русских радиостанций».

Многие штабы советских войск все чаще и успешнее организовывали мероприятия для введения радиоразведки противника в заблуждение — проводились радиопередачи с дезинформационными сведениями, создавались ложные радиосети, вдали от расположения советских войск имитировалась работа радиостанций крупных шта-

бов. Пересыпкин был подлинным энтузиастом такого рода мероприятий, нередко сам был их инициатором, участвовал в разработке их планов. Он с нетерпением ждал то время, когда наличие радиосредств позволит развернуть широкую наступательную войну в эфире.

Подавление вражеской радиоразведки являлось важной задачей войск связи. Вместе с тем оно во многом способствовало и преодолению радиобоязни. Однако сокрушительный удар по недооценке радиосвязи был нанесен другим, тщательно продуманным мероприятием. Оно также не было специально направлено против радиобоязни, а диктовалось потребностями войны, необходимостью повышения устойчивости и мобильности управления войсками.

Суть этого мероприятия состояла в введении штатных, или, как их потом стали называть, личных, радиостанций командующих войсками фронтов и армий. Обсуждая этот вопрос с Василевским, Пересыпкин подчеркивал:

— Правило должно быть железным без каких-либо исключений: где бы ни был командующий — радиостанция должна быть с ним. Это подтянет и нижестоящие штабы: им тоже придется держать радиостанции рядом.

Василевский с большим одобрением ознакомился с подготовленным Пересыпкиным проектом приказа Ставки Верховного Главнокомандования о штатных радиостанциях. Вместе с тем в проекте ставился вопрос о пересмотре общевойсковыми командирами своего отношения к радиосвязи.

— Это только начало, — пояснял Пересыпкин. — Как только у нас станет больше радиостанций, то штатные радиостанции нужно будет ввести и ниже.

Потребность и способность заглядывать в будущее при проведении того или иного мероприятия вообще были характерны для деятельности Пересыпкина. Добившись введения принципа «связь на ступень ниже» во фронтовом звене, он по мере возможности внедрял его в армиях и соединениях. Организуя противодействие вражеской радиоразведке, он уже обдумывал планы перехода в наступление в эфире. И теперь введение штатных радиостанций командующих войсками фронтов и армий являлось лишь первым шагом в осуществлении задуманного им плана всестороннего внедрения радиосвязи в войсках.

В мае 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования одобрила предложения Пересыпкина. Забегая вперед, заметим, что в дальнейшем штатные радиостанции полу-

чили командиры корпусов и дивизий. И радиосвязь, отпугивавшая в начале войны многих общевойсковых командиров, по мере приобретения опыта ее использования становилась основным, а нередко и единственным средством управления войсками.

Летом и осенью 1942 года основные военные события переместились на южное крыло советско-германского фронта: враг рвался на Кавказ, стремился овладеть Сталинградом. Перед связистами — военными и гражданскими — встали чрезвычайно сложные задачи. До войны по левому берегу Волги проходила единственная магистральная линия связи Саратов — Астрахань. События первых месяцев войны побудили Наркомат связи несколько выправить положение. Были построены линии Астрахань — Гурьев, Уральск — Гурьев, Саратов — Астрахань.

Особенно в тяжелом положении оказалась связь Москвы со штабом Закавказского фронта, располагавшимся в районе Тбилиси. Телеграфные переговоры с ним велись по далекому обходному пути: через Куйбышев, Оренбург, Ташкент, Ашхабад, Красноводск, по специальному кабелю через Каспийское море, Баку и Тбилиси. Телефонной связи Москвы с Тбилиси в то время вообще не было. Таким образом, связь Ставки Верховного Главнокомандования с войсками Закавказского фронта была очень ненадежной. К осени же, когда разгорелась битва за Кавказ, положение со связью Москвы со штабом Закавказского фронта стало нетерпимым. Пересыпкин был вынужден поставить вопрос перед ГКО о срочном сооружении вдоль южного побережья Каспийского моря постоянной линии связи протяженностью 1315 километров. Работы велись в исключительно быстрых темпах. А ведь все необходимое для строительства завозилось за сотни и тысячи километров. Одних только столбов было доставлено через Астрахань по Каспийскому морю 15 тысяч штук. Через 28 суток стационарная телеграфно-телефонная магистраль была сдана в эксплуатацию. Она обеспечила устойчивую связь Ставки Верховного Главнокомандования с Закавказским фронтом и с войсками, дислоцировавшимися в Иране.

Пересыпкин принимал энергичные меры по поддержанию связи Москвы с войсками, сражавшимися в районе Сталинграда. Он направил туда лучших работников Наркомата связи и ГУСКА. И на месте, непосредственно в районе развернувшегося гигантского сражения, военные

и гражданские связисты трудились рука об руку. Они вместе восстанавливали поврежденные линии, строили новые, оборудовали узлы связи в городе и на левом берегу Волги.

Особенно тяжело было обеспечивать связь со штабом 62-й армии, находившимся в самом городе. Связисты непрерывно прокладывали кабельные линии через Волгу. Но они часто разрывались артиллерийским и минометным обстрелом, повреждались проходившими судами. К тому же кабели были полевого типа. Промокая, они теряли изоляцию, и связь нарушалась. Такие кабели могли служить не более трех суток. Затем нужно было устанавливать новые. Только с 11 по 13 ноября не работали все кабели, по которым штаб Сталинградского фронта поддерживал связь с входившими в него армиями.

Нужен был специальный подводный кабель. Пересыпкин, что говорится, поднял на ноги все учреждения связи, и в конце концов подходящий кабель нашли в Москве. Сразу же вместе с кабельщиками он был направлен самолетами в район Сталинграда. Прокладка его по дну через Волгу — образец и высокого мастерства, и самоотверженности связистов. Работы велись в ледяной воде под непрерывным артиллерийским обстрелом. В дальнейшем — в ходе боев в районе Сталинграда и при ликвидации окруженной там вражеской группировки — этот кабель сыграл важную роль в управлении войсками.

В разгар кровопролитных боев на Волге Верховное Главнокомандование начало разработку плана операции по разгрому сталинградской группировки противника. Пересыпкина пригласил Г. К. Жуков и подробно рассказал о замысле предстоящей операции, примерных ее сроках, войсках, которым предстояло ее осуществлять. В заключение он сказал: «Операция очень важная, она будет иметь огромный пространственный размах, в ней будет участвовать большое количество войск. Поэтому ничего не жалейте для обеспечения всем необходимым Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов».

От Жукова Пересыпкин вышел в необычайно приподнятом настроении. Ведь каких-то полчаса назад он знал другое: враг снова обладает превосходством, вновь наступает, нависшая над Родиной опасность усилилась. Так, собственно, и было. Но что перелом так близок, что он уже обрел реальные черты в конкретных планах Верховного Главнокомандования — это было для него неожиданной радостью.

Восхищали замысел, размах и предполагаемые итоги предстоящей операции. Пересыпкин был признателен Жукову за заблаговременную информацию и потому, что она позволила оперативно, но без суеты пополнить войска связи участвовавших в операции фронтов личным составом, командирами и специалистами.

Сложнее было со средствами связи. «Ничего не жалеть» для Пересыпкина и тогда было еще трудно. Но промышленность уже начала давать продукцию, и, конечно же, значительную часть ее ГУСКА направлял тем трем фронтам, которым предстояло вновь повернуть ход войны в пользу Красной Армии. Кроме того, по указанию Пересыпкина по линии Наркомата связи в распоряжение этих фронтов были выделены дополнительные провода, приняты меры по повышению устойчивости связи на направлениях к войскам, которым предстояло участвовать в контрнаступлении.

Оборонительный этап Сталинградской битвы с особой очевидностью выявил жизненность принципов организации связи в войсках, которые выработались и внедрялись в практику при активном инициативном участии Пересыпкина. Многие недостатки, отмечавшиеся в свое время в приказе «Об улучшении связи в Красной Армии», уже больше не проявлялись. По сути, покончено было и с радиобоязнью. Напротив, на постоянно бомбардируемой и обстреливаемой артиллерией территории проводная связь непрерывно выходила из строя. И бывало так, что управление войсками осуществлялось только с помощью радиосвязи. Позже командующий войсками 62-й армии В. И. Чуйков рассказывал Пересыпкину:

— Незаменимой была радиосвязь. Очень часто только с помощью радио можно было получать информацию об обстановке со всех участков фронта и отдавать распоряжения частям и соединениям, часть из которых была отрезана противником от командного пункта армии.

В контрнаступлении роль радиосвязи должна была возрасти еще более. Поэтому численность радиостанций в войсках Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов была доведена до 9 тысяч.

Чрезвычайно ответственным делом являлась организация связи войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов при окружении ими сталинградской группировки противника. Наступая навстречу друг другу, эти войска должны были встретиться на поле боя и могли принять свои передовые части за вражеские.

Под руководством Пересыпкина в ГУСКА был разработан оригинальный способ взаимной радиосвязи по так называемой «волне встречи». Чтобы вести переговоры по такой радиосети, ГУСКА направило в войска подробную инструкцию и специальную таблицу радиосигналов. Штабам Юго-Западного и Сталинградского фронтов были даны и другие отправные документы для организации радиосети встречного взаимодействия.

И в центре и в штабах фронтов делалось все необходимое, но Пересыпкин волновался: столь грандиозной по масштабам организации связи встречного взаимодействия войск в условиях боевых действий не респала еще ни одна современная армия. В своем сознании он рассмотрел различные неожиданности, которые могли возникнуть при проведении операции, продумал различные подстраховочные мероприятия. Эти мысли поглощали почти все небольшое время, которое удавалось урывать для отдыха.

Самое большое, чего он хотел тогда, — это быть там, на месте предстоящих событий. Вскоре так и произошло. В начале ноября Пересыпкин был командирован Ставкой Верховного Главнокомандования в район Сталинграда с задачей помочь штабам фронтов в организации и обеспечении связи при проведении наступательной операции по окружению группировки вражеских войск.

Тяжело было лететь на непригодном к перевозке пассажиров скоростном бомбардировщике. Зато через несколько часов после вылета из Москвы Пересыпкин с группой руководящих работников ГУСКА был на месте. Встречавшие его генералы-связисты прямо на полевого аэродроме подробно доложили обстановку. Обрадовали разработанные управлениями связи фронтов конкретные детали и уже проведенные ими мероприятия по созданию радиосети встречного взаимодействия.

С аэродрома Пересыпкин поехал к А. М. Василевскому, который, как представитель Ставки, координировал действия Донского и Сталинградского фронтов. В состав его оперативной группы и был включен Пересыпкин.

Александр Михайлович встретил его благодарностью:

— Спасибо! Теперь совсем другое дело. Прямо-таки руки развязали!

Заметив недоумение Пересыпкина, он пояснил:

— Я об уале связи.

Дело в том, что обычно представители Ставки пользовались связью штабов фронтов и армий. Это создавало некоторые неудобства. Под Сталинград же для обслужи-

вания оперативной группы Василевского по указанию Пересыпкина был направлен отдельный батальон связи. В его составе была разнообразная телеграфно-телефонная аппаратура и автомобильные радиостанции. Укомплектованный высококвалифицированными специалистами, призванными из московских предприятий связи, батальон мог обеспечивать связь представителя Ставки с Генштабом, штабами фронтов и армий.

Василевский проинформировал о ходе подготовки операции в целом и выразил озабоченность состоянием согласования связи между фронтами.

— Вопросов тут много, и решать их нужно кому-то одному, вам конкретно, Иван Терентьевич.

Действительно, Пересыпкин прибыл как раз вовремя. Проверив все сделанное, он внес некоторые уточнения и сосредоточился на решении и согласовании с начальниками связи фронтов множества самых различных вопросов, возникавших на последней стадии подготовки операции.

Накануне начала наступательной операции Пересыпкин с удовлетворением отметил, что все необходимое сделано. Доложив обо всем Василевскому, он заметил:

— И все-таки тревожно.

— Да, — вздохнул Василевский. — Бывает ведь: все рассчитано, подготовлено, а жизнь такое колечко вытворит...

Оба они волновались, понимая, что ничего больше уже сделать нельзя и им остается лишь корректировать события и ждать их исхода.

19—20 ноября наступление советских войск началось. И хотя уже было ясно, что оно развивается успешно и столь же успешно завершится, связисты продолжали волноваться. Их днем радости стало 23 ноября, когда вражеская группировка была полностью окружена. Взаимное опознавание и установление связи между наступавшими частями во время их встречи повсеместно прошли четко и организованно. Это был триумф радиосвязи.

Широкомасштабное использование способа связи по «волне встречи» явилось важным вкладом в военное искусство, большой заслугой военных связистов. Этот способ был «взят на вооружение» и широко использовался в последующих операциях Красной Армии.

Еще в Москве Пересыпкин много занимался подготовкой к усилению борьбы в эфире. Промышленность стала выпускать во все большем количестве радиостанции различной мощности и назначения. Перед отъездом на фронт

Пересыпкин подготовил необходимые документы и представил в Ставку проект приказа о создании специальных частей радиопомех. Приказ еще подписан не был, но Пересыпкин считал, что не только специальные части, но и все радиостанции войск должны по мере возможности проводить активные мероприятия по радиоразведке и подавлению радиосвязи противника. Дело это принимало в войсках все более широкий размах.

И теперь, после окружения вражеской группировки, связисты Сталинградского фронта при непосредственном участии Пересыпкина «окружили» ее и в эфире. Была создана специальная группа подразделений связи для радиоподавления. Выделенные в ее распоряжение несколько мощных радиостанций настраивались на волны радиостанций противника в момент их работы и срывали ее путем «бесмысленных» радиопередач. Радиостанция большой мощности была задействована на работу позывными радиостанции группы армий Манштейна, пытавшейся прорваться к окруженной группировке. Эта радиостанция передавала командованию этой группы дезинформацию и приняла от него 86 особо важных радиogramм.

17 декабря 1942 года был издан приказ Ставки Верховного Главнокомандования о создании специальных частей радиопомех. Пересыпкин тут же позвонил в ГУСКА и дал указание о формировании этих частей и направлении в штабы фронтов обзора об опыте радиоразведки и радиоподавления. И здесь, бывая в войсках Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов, он подробно инструктировал связистов, побуждал их продумывать различные варианты войны в эфире. А варианты эти — сложные и простые — рождались самой действительностью: стоило только подумать. Например, для усиления войск, отражавших попытки группы Манштейна прорваться к окруженной группировке, было решено использовать 4-й механизированный корпус. Пересыпкин приказал автомобильным радиостанциям корпуса оставаться на месте и активно работать на передачу. Это ввело в заблуждение противника, и он не заметил передвижения корпуса в новый район боевых действий.

И на войне бывают мирные радости. Василевского, Федоренко, Пересыпкина и некоторых других прибывших из Москвы генералов пригласил на встречу нового, 1943 года командующий войсками 57-й армии Ф. И. Толбухин. Выехали днем и по пути заехали в Котельниково. Василевский вместе с другими генералами направился в

штаб 7-го гвардейского корпуса, а Пересыпкин — в штаб 2-й гвардейской армии, где не ладилось со связью. Под вечер ему позвонил Василевский и сказал, что ждет его на квартире командира корпуса П. А. Ротмистрова.

«Почему на квартире?» — недоумевал Пересыпкин, но, войдя в дом, понял: в комнате стоял празднично накрытый стол и даже каким-то чудом добытая в степи маленькая украшенная елка. За столом сидели сам хозяин, А. М. Василевский, Р. Я. Малиновский, С. С. Бирюзов, Я. Н. Федоренко и другие генералы. Выпили за победу, за Новый год. Однако нужно было спешить к Толбухину.

Выехали в темноте, за окнами машин бушевала вьюга, метель заметала дороги. Несколько раз останавливались, уточняли путь. Наконец вроде бы нашли правильную дорогу, но вдруг опять остановка. Всех пригласили к машине Василевского. «Опять заблудились!» — подумал Пересыпкин, нехотя вылезая из машины.

Когда все собрались, Василевский сказал:

— Без трех минут двенадцать! Прощу!

Александр Михайлович достал бутылку коньяка и небольшой стаканчик.

— За новый, сорок третий год! Начался он хорошо! Пусть он будет победоносным!

В иной раз такая встреча Нового года вызвала бы досаду. А эта взволновала, усилила радостные чувства: что степь, что вьюга! Советские войска одержали грандиозную победу! Отборные войска противника окружены под Сталинградом, и все собравшиеся у машины Василевского знали, что значит это для дальнейшего хода войны.

К Толбухину добрались лишь в четыре утра 1 января 1943 года — усталые, замерзшие. Гостеприимный хозяин все же усадил всех за стол. В это время к нему подошел начальник штаба и что-то шепнул на ухо. Лицо Толбухина омрачилось. Он доложил Василевскому, что получено донесение о прорыве противником на участке одного из полков 15-й гвардейской дивизии. Усталость со всех как рукой сняло.

Толбухин не поверил донесению, хотя малочисленная 15-я гвардейская дивизия имела широкий фронт — там всякое могло случиться. Он приказал срочно перепроверить донесение.

Выяснилось, что командир одного из батальонов полка решил нанести врагу удар, рассчитывая, что под Новый год он менее бдителен. Так и получилось. Но перепуганный противник открыл по позициям советских

войск огонь из всех видов оружия. Это и послужило поводом для донесения о вражеском прорыве.

Получив это сообщение, Василевский рассмеялся:

— Вот уж истине: на войне как на войне. Со вчерашнего дня все никак толком не встретим Новый год.

Уезжая в район Сталинграда, Пересыпкин не предполагал, что отныне он почти постоянно будет работать на различных фронтах. Еще не была завершена ликвидация сталинградской группировки противника, а Василевский получил указание выехать на Воронежский фронт. Вместе с ним приказано было выехать и Пересыпкину. По пути Иван Терентьевич вновь побывал на Юго-Западном фронте, где нужно было решить важные вопросы по перестановке кадров в руководстве войсками связи, и прибыл на Воронежский фронт, когда там завершалась подготовка к ряду важных операций. Учитывая их сложность, Ставка и направила на Воронежский фронт своего представителя Василевского с его оперативной группой.

Особенность этих операций заключалась в высоких темпах продвижения и крупных перегруппировках войск в условиях зимнего бездорожья. Планировались, а в ходе операций варьировались различные комбинации взаимодействия родов войск. В этих условиях роль связи на всех уровнях была исключительно высока. К тому же нужно было обеспечить непрерывность связи Ставки не только со штабом фронта, но и со штабами армий.

Состояние связи на Воронежском фронте вполне удовлетворило Пересыпкина. Однако ближайшие события показали, что опыт организации связи в наступательной операции под Сталинградом оказался здесь крайне необходимым. С 13 по 27 января войска фронта провели Острогожско-Россошанскую наступательную операцию, в ходе которой продвинулись на 140 километров, окружили группировку противника (13 дивизий) и расчленили ее на две части — острогожскую и россошанскую, которые затем были пленены и частично уничтожены.

Не успела закончиться эта операция, как войска Воронежского фронта во взаимодействии с войсками Брянского фронта 24 января начали операцию, названную Воронежско-Касторненской. Они разгромили 2-ю немецкую армию, окружили 9 ее дивизий, освободили Воронеж, Курск, Льгов, Харьков.

Обстановка стремительно менялась. Противник принял контр наступление. Утомленные непрерывными боями войска Воронежского фронта оставили Харьков и

Белгород. В конце концов совместно с войсками Юго-Западного фронта они отразили контрнаступление противника.

Менялась обстановка, возникали острые ситуации, быстро перемещались войска и штабы — все это предъявило к связи большие требования. И она справилась со своими задачами.

Координируя связь между фронтами, Пересыпкин организовывал взаимное опознавание войск при окружении вражеских группировок. В каждом случае они осуществлялись по-разному — охватами с двух сторон и концентрированными ударами с разных направлений. Использовались все средства связи, но во многих случаях наиболее эффективной была радиосвязь. Причем на всех этапах операций велась активная радиоразведка, осуществлялись мероприятия по дезинформации противника и подавлению его радиосвязи.

После перехода войск Воронежского и смежных фронтов к обороне Василевский получил указание Ставки вместе со своей оперативной группой побывать на Центральном фронте — бывшем Донском, передислоцированном на центральное направление. Его войска вместе с войсками Воронежского фронта заняли оборону вдоль так называемого курского выступа. Оперативная группа Василевского, хорошо знавшая положение дел на Воронежском фронте, должна была теперь изучить обстановку на Центральном фронте.

Пересыпкин остался доволен организацией связи на фронте — она была готова к обеспечению управления войсками и в обороне, и в наступлении. Как только Василевский закончил свои дела, Пересыпкин вместе с ним в начале марта вернулся в Москву.

Одним из вопросов, которым он сразу же занялся в Москве, была организация борьбы в эфире. В ГУСКА был обобщен накопленный войсками связи большой опыт, свидетельствующий о том, что эту борьбу можно значительно усилить. К тому же завершилось формирование специальных частей радиопомех. Да и радиостанций на фронте становилось все больше, и Пересыпкин считал, что и они должны быть использованы по мере возможности для борьбы в эфире.

— В первом периоде войны мы оборонялись, под Сталинградом контратаковали, — говорил он на совещании работников ГУСКА. — Теперь есть все для постоянного и непрерывного наступления. Нужно создавать в эфире

нетерпимую обстановку для противника. Теперь мы должны его довести до радиобоязни.

Развернутые ГУСКА и управлениями связи фронтов мероприятия по борьбе в эфире при всем их разнообразии преследовали три основные задачи: радио- и радиотехническую разведку, дезинформацию противника и подавление работы его радиостанций. Специальные части радиопомех были нацелены на подавление радиосвязи противника в звене армия — корпус — дивизия. С 1943 года это делалось систематически на всех фронтах. Все искуснее велась радиоразведка. И вскоре уже противник стал испытывать нечто вроде радиобоязни. «Следует особо подчеркнуть, — писал после войны Пересыпкин, — что штабы немецко-фашистских войск относились со всей серьезностью к советской радиоразведке, откровенно боялись ее и принимали всевозможные меры по борьбе с ней». Но применять эти меры противнику было все труднее. Советские войска связи крепили, росли численно, оснащались новой техникой. В начале войны они составляли 5 процентов, а в ходе ее уже 10 процентов общей численности Красной Армии. Постепенно отменялись ограничения в снабжении войск связи необходимым имуществом и техникой. Вражеские же войска связи претерпевали обратный процесс: из-за больших потерь слабли, их техническая оснащенность становилась все хуже.

Между тем в Генштабе велась напряженная работа по подготовке к летней кампании 1943 года. Особое внимание при этом уделялось боевым действиям в районе Курского выступа. И хотя еще не было ясно, что конкретно предпримет здесь противник, угроза его попытки срезать этот выступ и окружить войска Центрального и Воронежского фронтов представлялась вполне реальной.

Пересыпкин ежедневно звонил начальникам управлений связи этих фронтов и каждый раз получал ответ:

— Зловещая тишина.

31 марта Ивану Терентьевичу было присвоено звание генерал-полковника войск связи. Поздравить к нему в кабинет пришел Василевский, сказал приличествующие случаю теплые слова и быстро перешел к деловым вопросам. Интересовался возможностями увеличения резервов войск связи и запасов необходимых для их деятельности материально-технических средств. Он попросил Ивана Терентьевича сконцентрировать ГУСКА именно на этих вопросах. Уходя, сказал:

— Тревожная обстановка на Центральном и Воронежском фронтах.

— Там тишина...

— Она и озадачивает, не простая та тишина... Поступают кое-какие сведения, но еще неясные.

В апреле обстановка прояснилась. Стало очевидным, что противник намерен осуществить в районе Курского выступа, или, как его называли, Курской дуги, крупные наступательные операции. Определился в общих чертах и замысел советского военного руководства по ведению боевых действий в этом районе. Уже 8 апреля Г. К. Жуков направил в Ставку Верховного Главнокомандования доклад с предложением не начинать первыми наступление в районе Курской дуги, а измотать силы противника на заранее подготовленных оборонительных рубежах и затем разгромить его в ходе контрнаступления. 12 апреля Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение на преднамеренную оборону под Курском.

Пересыпкин теперь имел четкую ориентировку и мобилизовал ГУСКА и Наркомат связи на концентрацию сил и средств для обеспечения руководства войсками в будущем грандиозном сражении. Сам же он в середине апреля был командирован для оказания помощи в организации связи в Степной военный округ.

Перед отъездом Пересыпкина пригласил Василевский. Он разъяснил, что Степной военный округ — это будущий фронт. Пока его задача состояла в подготовке в тылу Центрального и Воронежского фронтов глубокоэшелонированной обороны. В дальнейшем же, при переходе советских войск в контрнаступление, он предназначался для решительных наступательных действий.

— На месте встретимся, — заключил разговор Василевский. — Дела предстоят большие.

Дела оказались действительно большими, причем с самого начала. Прежде всего нужно было организовать связь штаба округа со штабами прибывавших на его территорию армий и корпусов. В ближайшей же перспективе вырисовывалась грандиозная задача: установление связи с Генштабом и между собой штабов Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного фронтов, Степного военного округа и располагавшихся на его территории крупных резервов Ставки Верховного Главнокомандования. Причем во всех случаях Генштаб должен был иметь связь и со штабами армий. Непосредственно через Москву такую связь поддерживать было почти не-

возможно, к тому же следовало ожидать, что с началом активных военных действий напряженность работы всех этих направлений связи значительно возрастет.

Пересыпкин не раз обсуждал эту задачу с командирами-связистами Степного военного округа и прибывшими с ним работниками ГУСКА. Однажды кто-то предложил создать где-нибудь в центре расположения войск округа узел связи. С его помощью было бы легче поддерживать связь с непрерывно прибывавшими сюда соединениями. Предложение сразу понравилось, но Пересыпкин развил его дальше — применительно к указанным перспективным задачам. В результате был создан мощный узел связи. Назвали его узел связи особого назначения — УСОН. Он сыграл большую роль в подготовке к Курской битве и ее осуществлении. Такой узел был создан и использован впервые за все время существования войск связи Красной Армии. В дальнейшем УСОНЫ стали важным средством организации связи Генштаба при проведении стратегических операций. Они создавались всегда, когда в той или иной операции участвовали несколько фронтов.

Невиданными до этого были масштабы и сложность организации связи в самих войсках. Армии Центрального и Воронежского фронтов оборудовали три полосы оборонительных рубежей, было подготовлено также по три фронтальных оборонительных рубежа. Общая глубина инженерного оборудования составила 250 километров. Отдельный оборонительный рубеж подготовили войска Степного военного округа, а по левому берегу Дона строился еще один рубеж. И все это было нужно обеспечить связью. Только в полосах Центрального и Воронежского фронтов было построено 9333 командных и наблюдательных пункта, 48 075 артиллерийских и минометных окопов. И каждый такой пункт, каждая артиллерийская и минометная позиция были связаны с подразделениями и вышестоящими штабами. Данных и цифр такого рода можно привести множество. И каждый раз за ними следовали бы сотни и сотни километров кабеля, тысячи телефонных аппаратов, коммутаторов, радиостанций, телеграфных устройств и т. д. и т. д.

Объем работы войск связи значительно осложнялся большой сетью вспомогательных пунктов управления: в полках создавалось по два, для штабов дивизий, армий и фронтов по несколько таких пунктов. Например, войска Воронежского фронта могли управляться из 6 пунктов.

Одновременно на всех уровнях велась огромная по масштабам и сложности подготовка связи к контрнаступ-

лению. Положение осложнялось и тем, что и тогда еще не была полностью преодолена нехватка средств связи. Войска связи фронтов, участвовавших в Курской битве, были укомплектованы личным составом и техникой лишь на 75—80 процентов.

Пересыпкин дневал и ночевал в войсках, организуя вместе со связистами фронтов, армий и соединений наиболее оптимальные системы связи в расчете на оба периода битвы — оборонительный и наступательный.

К прибытию в район предстоящих боевых действий Г. К. Жукова и А. М. Василевского для них были развернуты специальные узлы связи. Соединенные с узлом связи особого назначения, они надежно обеспечивали связь представителей Ставки с Москвой, штабами фронтов и армий.

Битва под Курском началась 5 июля 1943 года. На обоих ее этапах Пересыпкин координировал связь между фронтами. А что это означало практически? Это и помощь фронтам силами и средствами, и различные меры по повышению устойчивости связи, перестройке ее в соответствии с менявшейся обстановкой, и многое другое.

Наиболее сложным для связистов был второй — наступательный этап битвы. Достаточно сказать, что штабы фронтов перемещались на этом этапе трижды со скачками в 100—150 километров, а штабы армий 5—7 раз. Управление же войсками этих фронтов и армий оставалось непрерывным. Это было достигнуто многими заранее предусмотренными мероприятиями. В частности, командные пункты и вспомогательные пункты управления перемещались в разное время. Это давало возможность командирам руководить войсками с действующих пунктов, а затем — с вновь развернутых. Так повторялось несколько раз, пока длилось контрнаступление.

Уже на первом этапе битвы Пересыпкин уделял большое внимание обеспечению надежной связи взаимодействия между родами войск. Здесь на первый план выдвигалась радиосвязь. Она же нередко становилась основным видом связи, когда темпы контрнаступления повысились. Например, на участке прорыва 11-й гвардейской армии протяженностью 14 километров по фронту и на 10—15 километров в глубину было сосредоточено около 5 тысяч радиостанций. В среднем получалось около 360 радиостанций на километр прорыва фронта. Примерно так же обстояло дело и в других наступавших армиях.

Вроде бы Пересыпкину радоваться надо было. Ведь

совсем недавно он настойчиво боролся с радиобоязнью, усиленно насаждал радиосвязь. Однако в радиостанциях того времени количество частот было невелико. И получалось, что нередко одни и те же частоты назначались для различных радиосетей по несколько раз.

Довольный общим ходом контрнаступления, Пересыпкин шутил:

— Вот уж никогда не думал, что мне придется ограничивать применение радиосвязи.

А ограничивать ее было нужно. Работа различных радиосетей на одних и тех же частотах вела к взаимным помехам. Поэтому, например, во время артиллерийских подготовок разрешалась работа на передачу только радиостанциям соответствующих командиров-артиллеристов. Запрещалось использование радиосредств на тех направлениях, на которых устойчиво работала проводная связь.

В целом же связь во время Курской битвы вполне отвечала поставленным перед нею задачам. Пересыпкин с полным основанием мог написать в своих мемуарах: «В успешном завершении грандиозной битвы под Курском большую и важную роль сыграло хорошо организованное и четкое управление войсками, а также бесперебойно действовавшая связь. Связисты, как и все воины других родов войск, героически выполняли задания командования и тем самым способствовали успеху боевых действий».

В августе — сентябре 1943 года войска Юго-Западного и Южного фронтов вели упорные наступательные бои за освобождение Донбасса. Вместе с оперативной группой Василевского, которому было поручено координировать действия этих фронтов, на Южный фронт прибыл и Пересыпкин. Так уж повелось: почти всю войну Иван Терентьевич работал с А. М. Василевским, вместе с ним бывал на многих фронтах. При подготовке и проведении операций, в которых участвовало по несколько фронтов, Иван Терентьевич, помимо других задач, выступал в роли своеобразного начальника связи представителя Ставки. И если Василевский координировал действия фронтов, то Пересыпкин осуществлял координацию связи в высшем звене управления войсками: занимался организацией и обеспечением устойчивой связи Генштаба со штабами фронтов и между фронтами, представителя Ставки с Москвой, с фронтами и армиями.

В связи с этим А. М. Василевский писал: «Не хочу идеализировать наших отношений с Иваном Терентьевичем».

чем, но они всегда строились на едином понимании задач, решавшихся войсками, на понимании возможностей и трудностей управления ими». О многом говорят эти слова выдающегося полководца Великой Отечественной войны. Видимо, не будет преувеличением сказать, что никто после командира и его штаба не должен так хорошо знать замысел боя или операции, предвидеть их ход и исход, как начальник связи. Слова «управление войсками» и «организация связи» в военных документах и научных работах о военном искусстве всегда стоят рядом. Зависимость тут прямая, неразрывная: нет связи, нет и руководства войсками. И тут многое зависит от кругозора начальника связи в области военного искусства. Чем он лучше понимает особенности данного боя или операции, тем эффективнее организует использование имеющихся сил и средств связи в интересах управления войсками. Поэтому слова Василевского о том, что его отношения с Пересыпкинским «всегда строились на едином понимании задач, решавшихся войсками, на понимании возможностей и трудностей управления ими» — это характеристика широкого оперативно-стратегического кругозора Ивана Терентьевича, его незаурядных способностей как крупного военачальника.

Наступательные бои в Донбассе велись на большой территории, в быстром темпе, отличались широким взаимодействием войск. Роль связи в этих условиях была весьма ответственной. Но войска связи теперь способны были решать любые сложные задачи. Воодушевляло и само наступление.

У Ивана Терентьевича были и свои, личные причины для воодушевления. Донбасс — его родной край. Встречая по пути близкие его сердцу поселки шахтеров с терриконами, он с волнением вспоминал о детстве и юности.

К середине сентября Донбасс был освобожден, и, выбрав время, Иван Терентьевич посетил ртутный рудник близ Горловки. «Дрогнуло сердце, — писал он в своих воспоминаниях, — когда я увидел механическую мастерскую, где когда-то работал. Остановился у школы, где учился, а потом поехал к бывшей своей хате. Последний раз я был на руднике летом 1935 года, когда приезжал, чтобы забрать мать в Ленинград. Наша хата оказалась почти полностью разрушенной, крыши не было. Стены, сложенные из известняка, наполовину обвалились. Вместо окон зияли черные прямоугольники. Родное гнездовье!»

Здесь 18 ноября 1904 года в семье шахтера и родился Иван Терентьевич. Через несколько дней после родов мать с младенцем на время уехала к родным в деревню Протасово ныне Орловской области. Там она крестила сына. Поэтому юридически местом рождения И. Т. Пересыпкина считается Протасово.

Детство и юность Ивана Терентьевича прошли в ртутном поселке. Впрочем, что отнести к его юности, если с 13 лет он пошел работать на шахту отгребщиком — труд и для взрослого парня не из легких? Но много выхода не было. Отравленный ртутными испарениями, отец Ивана Терентьевича умер, когда сыну было полтора года. Мать некоторое время вместе с ребенком прожила у брата-бедняка в деревне, затем, наскитавшись на поденных работах, вернулась на рудник. Ей удалось устроиться прислугой в семью главного бухгалтера рудника. Это считалось «везеньем» — женщин, имевших детей, в прислугу брали неохотно. За проявленную «милость» хозяева требовали от прислуги много, а платили мало. И когда сын подрос, заработка матери стало не хватать.

Великий Октябрь вселил великие надежды в сердца трудящихся. Но за них нужно было драться. А в Донбассе хозяйничали белогвардейцы. В 1919 году, когда в Горловку пришла Красная Армия, Пересыпкин добровольно вступил в ее ряды. Удалось это не сразу. «Слишком малы», — объявили Пересыпкину и его друзьям-подросткам. Пошли во второй раз и добились своего. Обучаться воинскому ремеслу пришлось в боях. И вдруг болезнь — сыпной тиф, за ним — возвратный. По выздоровлении получил отпуск. Пока добирался до дому, снова заболел — крупозное воспаление легких. Медицинская комиссия продлила отпуск. А через несколько времени «из-за несовершенности» Пересыпкин был демобилизован из армии и снова вернулся работать на рудник.

В комсомол его приняли сразу: свой же, проверенный парень! В свои 16 лет он имел осознанную жизненную позицию, знал, что новую жизнь нужно создавать тяжелым трудом и отстаивать с оружием в руках. Он делал и то и другое. Работал и участвовал в организованной комсомольцами помощи милиции — патрулировании поселка, отражении нападений орудовавших в Донбассе мелких махновских банд.

И все это время его тянуло в армию. Стремление это было уже не романтическим — он знал будни армейской жизни. В начале мая 1923 года мечта сбылась: комсо-

мольское бюро получило путевку для направления лучшего комсомольца в военную школу. Желающих было много. Решено было послать Пересыпкина, как имевшего уже боевой опыт.

В военкомате предложили выбор: Военно-теоретическую авиационную школу в Петрограде либо Военно-политическую школу в Киеве. Пересыпкин выбрал первую. Однако медицинская комиссия в эту школу его не пропустила: обнаружались ярко выраженные признаки отравления ртутью. Под угрозой стало и направление в Военно-политическую школу. Настойчивые просьбы Пересыпкина сломили сомнения медиков.

Учился упорно и через год окончил школу с отличием. А это давало право выбора места службы. Выбрал 1-ю Запорожскую дивизию червоного казачества. Назначен был политбойцом. А это не должность. Политбоец — это рядовой. Его обязанность состояла в том, чтобы во всем быть образцом, примером для красноармейцев. Сначала был сапером, затем перевели в кавалерийское подразделение. А как там быть примером, если Пересыпкин до этого лишь только видел лошадей?

Тяжело было. Но что такое легко, Пересыпкин не знал с детства. Было и радостно: окружали его такие же, как и он, товарищи, не умевшие пасовать перед трудностями, учившиеся преодолевать их. И всех объединяли замечательные традиции червоного казачества, боевое братство, беспредельная преданность партии и народу, жгучая ненависть к классовым врагам.

Вскоре в судьбе Пересыпкина произошли важные события, по сути определившие его жизнь. В 1925 году он был принят в члены Коммунистической партии, а в октябре этого же года назначен политруком эскадрона. Оба эти события означали признание его политической зрелости и активности, а второе к тому же определило и жизненный путь — Иван Терентьевич стал профессиональным военным.

Став политработником, Пересыпкин твердо усвоил для себя правило: политработник должен уметь делать все, что делает боец, и знать то, что знает командир. А в кавалерии было так — хоть семь пядей у тебя во лбу, но если ты плохо сидишь на коне, не умеешь владеть шашкой и пикой, отлично стрелять из всех видов оружия, то и цена тебе малая: умей делать то, к чему призывает на собраниях и митингах, словом, будь человеком слова и дела. Тогда и авторитет будет. Вскоре о Пересыпкине

заговорили как об отличном кавалеристе. Но через некоторое время пришлось осваивать новое дело — Пересыпкин был назначен военным комиссаром отдельного эскадрона связи.

Однажды летом 1930 года Пересыпкина вызвал исполняющий обязанности командира дивизии П. К. Потапенко и объявил, что он назначен и командиром этого же отдельного дивизиона.

— И вот что, — Потапенко оглядел Пересыпкина, — учиться тебе надо, хлопец... Ты на нас, таких, как я, не смотри... Знаю: уважаете меня, а многие и подражают... А в чем подражать? Ну конем владею! Ну в атаку бойцов повести! Пожалуй, сейчас и дивизией командовать смогу. Так то сейчас, а через пять, десять лет?.. Все мы такие вот, как я, или честно должны уйти, или тормозом станем. Я ведь и матерюсь иной раз почему? Слов не хватает. А должно хватать...

Разговор запал в душу. Пересыпкин засел за книги. Учился упорно и много. И служил. Служба тоже многое брала. Вот тогда-то и начали вырабатываться у него качества, которые отличали его потом всегда: сосредоточенность, требовательность к себе, даже суровость. Конечно, многое, что «полагалось» ему по возрасту, прошло мимо. Но как все-таки он должен был напряженно учиться и какими обладать способностями, если через два года успешно сдал предварительные, а затем и вступительные экзамены и в октябре 1932 года поступил учиться в Военную электротехническую академию Красной Армии!

С дивизией прощался с грустью. Позже Иван Терентьевич писал: «Можно сказать, что в первой дивизии я получил путевку в большую жизнь. Там был принят в члены ВКП(б). Там сформировался как политработник, командир, самостоятельный человек».

Как дальше складывалась судьба Ивана Терентьевича, читатель знает.

1944 год был чрезвычайно напряженным для советских войск. Но и радостным: Красная Армия повсеместно вела наступательные операции.

Наступление! Слово это на войне всегда волнующее, вызывающее огромный подъем душевных сил. А за ним ратного труда, в том числе и для связистов, порой больше, чем в обороне. Наступательные операции следовали одна за другой, каждая обширнее, сложнее, все они отличались высокой мобильностью, искусными комбинациями взаимодействия родов войск.

Все это предъявляло к связям чрезвычайные требования. Но многое и облегчало выполнение этих требований. Войска связи были теперь во всеоружии опыта и техники. Они умели искусно «взаимодействовать», сочетая все виды связи — проводную, подвижную и радиосвязь.

От былой радиобоязни осталось лишь воспоминание. Подобно тому, как в небе происходили сражения авиации, а на земле — танков, артиллерийские дуэли, напряженнейшая борьба велась и в эфире. И если эту борьбу можно назвать войной в эфире, то и здесь противник утратил «стратегическую инициативу», она перешла к советским связистам.

Взросшая сложность боевых действий, а следовательно, и организации связи по-прежнему требовала от Пересыпкина напряженной работы в войсках — там, где готовились и осуществлялись крупные операции. Правда, характер этой работы во многом изменился. Если раньше значительное внимание ему приходилось уделять устранению недостатков, временами и опекать отдельных начальников связи, то теперь он мог еще больше сосредоточиваться на организации и руководстве связью, обеспечивавшей координацию действий фронтов, участвовавших в той или иной оперативно-стратегической операции.

20 февраля по указанию Ставки Пересыпкин с группой работников ГУСКА выехал в район Коростеня. Там находилось полевое управление Северо-Западного фронта, на базе которого создавался штаб 2-го Белорусского фронта. Нужно было помочь штабу фронта в организации связи. Из-за плохой погоды воспользоваться самолетом не разрешили. Выехали на автомобилях. Через два дня почти не отдыхавшие водители взмолились — устали. На ночлег остановились в какой-то деревушке, спать легли на пышной соломе, разостланной прямо на земляном полу хаты.

Рано утром 23 февраля в хату чуть ли не вбежал заместитель Пересыпкина генерал-лейтенант войск связи И. А. Найденов. Он был послан в Коростень раньше. И теперь каким-то чудом разыскал Пересыпкина и его спутников. Услышав шум в сенах, те вскочили и стали одеваться.

— Здравствуйте, Иван Андреевич, — успел сказать Пересыпкин и тут же оказался сжатым объятием Найденова.

— Поздравляю! Поздравляю, Иван Терентьевич! Вы — маршал войск связи!

Найденов рассказал, что утром по радио передан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Пересыпкину звания маршала войск связи. Что ж, войска связи стали такими, что могли иметь и своих маршалов. И первым из них по праву стал Иван Терентьевич Пересыпкин.

Из Коростеня Пересыпкин вернулся в Москву. А здесь уже разрабатывался план Белорусской стратегической наступательной операции, намечались мероприятия по ее материально-техническому обеспечению. Включившись в эту работу, Иван Терентьевич впервые за всю войну не был стеснен наличием средств связи. Их было теперь вполне достаточно, чтобы обеспечить все войска по потребности, причем с учетом предполагавшихся быстрых темпов наступления. Для сравнения заметим, что если под Сталинградом было задействовано 9 тысяч, то в Белорусской наступательной операции более 27 тысяч радиостанций. По своим техническим данным средства связи в 1944 году значительно превосходили те, с которыми советским войскам пришлось начинать войну.

22—23 мая в Ставке под председательством И. В. Сталина состоялось совещание командующих и членов Военных советов 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов, руководящих работников Генштаба и других учреждений Наркомата обороны. План Белорусской наступательной операции был обсужден во всех подробностях. Пересыпкина, как и всех участников совещания, поразила грандиозность операции. Общая численность трех Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов составляла около полутора миллионов человек. Войска этих фронтов готовились к наступлению от Западной Двины до Ковеля, на Украине.

Сразу же после совещания Ставка направила Пересыпкина в район предстоящей операции. Вместе с группой генералов и офицеров ГУСКА ему надлежало организовать связь между всеми четырьмя фронтами и каждого из них с Москвой. Нужно было также помочь штабам фронтов организовать связь с армиями и соединениями.

Помощь была нужна везде, хотя на всех уровнях связь возглавляли опытные генералы и офицеры. Пересыпкин неоднократно побывал на всех четырех фронтах, во многих входивших в них армиях. Всюду связисты напряженно готовились к предстоящим боям. Пересыпкин

подправлял их указаниями и советами, а где надо было, выделял дополнительные силы и средства.

Большой работы потребовало обеспечение устойчивой проводной связи фронтов с Генштабом. С этой целью в Великих Луках, Смоленске и Гомеле были развернуты узлы связи особого назначения. Из-за большого расстояния оказалась недостаточной и мощность автомобильных радиостанций штабов фронтов и армий, предназначенных для связи с Москвой. Поэтому в районах расположения узлов связи были установлены мощные радиопередатчики, которые ретранслировали передачи фронтовых и армейских радиостанций или принимали от них радиogramмы и передавали их на узел связи Генштаба.

Планом операции предусматривалось расчленение вражеских войск и окружение их крупных группировок. И Пересыпкину, как когда-то под Сталинградом, пришлось вместе с фронтовыми и армейскими связистами немало поработать, чтобы организовать связь встречного взаимодействия частей и соединений различных фронтов. Были продуманы и технически обеспечены радиоблокады окруженных группировок.

Огромный пространственный размах предстоящей операции, ее маневренный характер могли привести ко всяким перебоям связи. Все, что можно было предположить, было учтено на подготовительном этапе. Но могли быть и неожиданные ситуации. И Пересыпкин на этот раз создал резерв сил и средств, гораздо больший, чем в других операциях, — теперь было возможно и это.

В ходе самой операции было много сложных ситуаций, требовавших от связистов, в том числе и от Пересыпкина, немедленной реакции, новых решений, искусного маневрирования резервами сил и средств. Достаточно сказать, что штабы 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов переместились три раза, штабы армий в первые 15 дней меняли пункты своего расположения через один-три дня, а некоторые из них по 7—8 раз. В связи с этим по указанию Пересыпкина широкое применение получили смонтированные на автомашинах подвижные узлы связи. С их помощью обеспечивалась непрерывность руководства войсками при перемещениях штабов фронтов и армий. Немало корректив потребовала организация связи встречного взаимодействия при окружении витебской, бобруйской, минской и других крупных группировок противника.

В целом связь в ходе Белорусской наступательной

операции хорошо справилась со своими задачами. Вместе с тем сама операция, — Пересыпкин хорошо видел это, — по стремительным темпам, частым перегруппировкам войск, взаимодействию их родов, сложности и скорости маневров силами и средствами, большой насыщенности разнообразной техникой и т. д. создавала общее представление о том, какими будут по своему характеру боевые действия Красной Армии на завершающем этапе войны. Поэтому Пересыпкин приказал как в центре, так и в штабах фронтов обобщить и тщательно изучить опыт частей связи во время наступления советских войск в Белоруссии. Вскоре ГУСКА подвело итоги с основательными выводами о деятельности войск связи в наступательных операциях всего 1944 года.

В июле 1944 года Пересыпкин был освобожден от поста наркома связи СССР. Со смешанным чувством облегчения и грусти воспринял он это решение. Конечно, теперь он мог полностью сосредоточиться на организации связи в войсках. Но расставаться с замечательными коллективами гражданских связистов было жаль, очень жаль. В тяжелую пору он сроднился с ними, руководил их деятельностью, опирался на них в организации военной связи. А такие узлы — самые прочные. Теперь же, когда военные действия вот-вот должны были целиком переместиться за границы Родины, совмещение в одном лице руководства государственной и военной связью было уже нецелесообразным.

Советские войска на всех фронтах стремительно продвигались на запад по территориям сопредельных стран, все дальше отдалялись от Москвы штабы фронтов и армий. Поддержание с ними связи резко осложнилось. Пересыпкин установил строгий контроль за ее состоянием. Перерыв связи Генштаба с тем или иным фронтом более 30 минут считался чрезвычайным происшествием.

Но нужно было какое-то кардинальное решение. Штабы фронтов и армий не только удалялись от Москвы, но и располагались вдоль огромного, тысячекилометрового фронта. Причем непрерывно перемещались. Опасность сбоя связи в высшем звене управления войсками возрастала.

Обдумывая сложившееся положение, Пересыпкин как-то раз начертил на карте линии от Москвы до штабов фронтов. От линий он сделал ответвления к штабам армий. Получилась интересная схема направлений связи. В ней — Иван Терентьевич чувствовал это — таилось

решение. И оно наконец определилось. По предложению Пересыпкина были введены должности начальников оперативных направлений связи. На них назначались наиболее опытные генералы из числа начальников связи фронтов и армий. Обязанности их состояли в том, чтобы обеспечивать устойчивость связи на каждом данном направлении от Москвы до штабов фронтов. Направления обслуживались узлами связи особого назначения, частями войск связи и ремонтно-восстановительными батальонами. Как показал опыт, нововведение вполне оправдало себя: связь Москвы с действующими войсками до конца войны была устойчивой на всех направлениях.

В середине октября Ставка командировала Пересыпкина в штаб 1-го Прибалтийского фронта, где уже находился Василевский. Через некоторое время они вместе побывали на 2-м Прибалтийском фронте, а Пересыпкин выезжал и на 3-й Прибалтийский фронт. Состоянием связи на каждом фронте он остался доволен, хотя, конечно, во многом и помог фронтовым связистам.

Затем вместе с Василевским он выехал на 3-й Белорусский фронт.

— Там предстоят интересные дела, — объяснил Василевский.

Дела на 3-м Белорусском фронте действительно оказались интересными. Взломав вражескую оборону, войска фронта вступили на территорию Восточной Пруссии. С волнением Иван Терентьевич постоял у небольшого столбика с прибитым к нему куском фанеры. На нем от руки было написано: «Воин Красной Армии! Перед тобой логово фашистского зверя!»

В конце декабря Пересыпкина вызвал Сталин. Он сказал, что Ставка намерена переехать в район Минска и там необходимо оборудовать для нее узел связи. Руководить работами Сталин приказал самому Пересыпкину и предупредил, что все должно делаться в строго секретном порядке.

Уже 3 января 1945 года Пересыпкин доложил в Москву по телефону с нового узла связи о его полной готовности. Какой труд, какие инженерные решения были нужны, чтобы в столь короткий срок (чуть более недели) построить сложный и мощный узел, связать его с Москвой, фронтами и армиями, — об этом знали лишь те, кому довелось все это делать. Через два часа Пересыпкин получил ответ: «Ставка переезжать не будет. Возвращайтесь в Москву». Однако труд строителей и свя-

зистов не пропал даром — новый узел играл важную роль в системе связи Красной Армии на завершающем этапе войны.

Победные месяцы зимы и весны 1945 года! Каждый день на телеграф узла связи Генерального штаба поступали радостные вести с фронтов. Наступательные операции Красной Армии следовали одна за другой, а нередко и одновременно.

Каждая из них имела свои особенности, но все они отличались высокими темпами наступления, маневренностью и крупными перегруппировками войск, сложными комбинациями их взаимодействия.

Все это предъявляло чрезвычайно высокие требования к связи. Положение усугублялось тем, что проводная связь не всегда успевала за войсками, а нередко нарушалась остатками разбитых вражеских соединений. Фронтовым и армейским частям связи нередко приходилось одновременно заниматься прокладкой и восстановлением телеграфных и телефонных линий и вести бои с противником. В этих условиях особое значение приобретала радиосвязь, в том числе и в звене Генштаб — штабы фронтов и армий.

По распоряжению Пересыпкина при узлах связи особого назначения были установлены промежуточные радиостанции. С них либо ретранслировали радиокорреспонденцию в звене Генштаб — штабы фронтов и армий, либо принимали ее и передавали по назначению. Это мероприятие практически свело на нет перерывы связи в этом звене руководства войсками. Были приняты меры по упорядочению и улучшению радиосвязи в самих войсках, в частности по устранению взаимных помех работающих радиостанций.

Пересыпкин активно поддерживал, в том числе и выделением из резервов радиостанций, дальнейшее развитие борьбы в эфире. Особое внимание он уделял радиоблокадам окруженных группировок противника. И нередко связисты непосредственно разделяли успехи побед с другими родами войск. Командующий войсками кенигсбергского гарнизона генерал-полковник Ляш на допросе показал: «В результате ужасающей артиллерийской подготовки проводная связь в крепости была выведена из строя. Я надеялся на работу радиосвязи по линии связи с Курляндией, с Земландской группой и с Центральной Германией. Но эффективные действия забивочных радиосредств русских не давали возможности использовать

радиосредства для передачи радиogramм, и мои действия не могли координироваться ставкой верховного командования. Это послужило одной из причин моей капитуляции».

Вместе с тем на основных направлениях всемерно поддерживалась и проводная связь. Она широко использовалась и в заключительных боях в Берлине. Об окончании этих боев, о нашей великой Победе сообщение в Москву поступило и по проводам и по радио.

* * *

Когда вдумываешься в жизненный путь Ивана Терентьевича, в его многогранную деятельность в годы Великой Отечественной войны, то и поражаешься, и пытаешься ответить на множество возникающих вопросов. Ну разве не поразителен сам взлет от полуграмотного рудничного паренька-чернорабочего до крупнейшего специалиста и организатора общегосударственной и военной связи в такой огромной стране, как наша, да еще в военное время! Уже в 35 лет Иван Терентьевич стал наркомом связи СССР, а через четыре года одновременно был поставлен и во главе военной связи в тяжелейший начальный период Великой Отечественной войны.

Советские Вооруженные Силы одержали величайшую победу в самой тяжелой войне из всех, какие знала история. Заслуга в этом связистов — военных и гражданских — неопределима. И здесь Иван Терентьевич предстает как выдающийся организатор военной связи и как крупный военачальник с широким оперативно-стратегическим кругозором. Организация управления войсками в крупнейших операциях и битвах Великой Отечественной войны, где связь непосредственно координировал Иван Терентьевич, — непревзойденные образцы военного искусства.

Советский Союз одержал и экономическую победу над блоком фашистских государств. А связь — это ведь целая отрасль экономики, да еще такая, без которой невозможна работа всех других отраслей. И она тоже претерпела все перипетии войны: эвакуацию, перестройку на военный лад, и не только успешно функционировала, но и бурно развивалась. В годы войны было построено много новых линий связи, радиостанций. Восстанавливалась связь в освобожденных от врага районах. И все это делалось при руководящем участии Ивана Терентьевича, а нередко и по его инициативе.

Но как соединялось все это — руководство общегосударственной и военной связью и почти непрерывное пребывание на фронтах? А Иван Терентьевич намного больше других наркомов находился на фронтах. Сам он по этому поводу писал так: «Может возникнуть вопрос: как осуществлялось руководство работой Наркомата связи и Главного управления связи Красной Армии, которые я возглавлял во время войны, когда мне приходилось длительное время находиться на том или ином фронте?»

У меня были хорошие заместители. В Наркомате связи самоотверженно работал энергичный и инициативный А. А. Конюхов. В Главном управлении связи меня обычно замещал опытный генерал А. М. Стрелков. Ежедневно, а иногда и по нескольку раз в сутки они докладывали мне по телефону о наиболее важных вопросах, которые оперативно решались. Все текущие дела рассматривались на месте, в Москве.

На фронт, где я находился, ежедневно прилетали самолеты связи из авиадивизии, которая находилась в моем подчинении. Фельдъегеря привозили постановления Совета Народных Комиссаров и Государственного Комитета Обороны, важные документы из других правительственных учреждений и наркоматов, а также проекты приказов и директив Наркомата связи и Главного управления связи для подписи. После рассмотрения документы этими же самолетами отправлялись в Москву. По делам, требовавшим личных докладов, на самолетах связи прилетали на фронт мои заместители или другие ответственные работники. Иногда на короткое время вылетать в Москву приходилось и мне, например, чтобы присутствовать на заседаниях Совнаркома».

Эта пространная выдержка из мемуаров Ивана Терентьевича в какой-то мере раскрывает секрет его «творческой лаборатории». Но лишь в какой-то мере. Ведь во многих случаях важные вопросы не только решались с его руководящим участием. Нередко он был их инициатором, а это требовало прежде всего его собственных исканий. К тому же фронт не был просто местопребыванием Пересыпкина. Там он выполнял важные задания Ставки. И это при объеме той ежедневной работы, о которой говорится в приведенной выше выдержке из мемуаров Ивана Терентьевича!

Из этой выдержки видна чрезвычайно важная особенность стиля работы Ивана Терентьевича. Ведь что значит слова «у меня были хорошие заместители»? Они не

являются сами. Одна из наиболее сильных сторон организаторского дарования Ивана Терентьевича как раз и состояла в умении подбирать, расставлять, ценить и растить кадры, доверять им, заражать их своими идеями, побуждать работать инициативно, творчески. Естественно поэтому, что долгие годы после окончания войны руководящие посты в Министерстве связи и в войсках связи Советской Армии занимали те, кто вместе с Пересыпкинским, под его руководством самоотверженно трудился по обеспечению государственной и военной связи в суровую пору борьбы с фашистскими агрессорами.

В этой связи нужно отметить и другое: Иван Терентьевич умел решение встававших задач организовывать как коллективное дело, разумеется, с персональной ответственностью соответствующих работников. Свой же труд он рассматривал как составную часть этого дела. И что характерно: читая мемуары или научные работы Ивана Терентьевича о минувшей войне, трудно вычленишь в них собственно его деятельность. Всюду речь идет о коллективах, генералах, офицерах и солдатах — связистах, руководителях и рядовых работниках учреждений связи.

Иван Терентьевич был весьма одаренной личностью. А когда речь идет об одаренности, то перечислить все ее слагаемые невозможно. Но всегда можно определить ту силу, которая приводит в движение дарование, является могучим ускорителем его развития.

Для Ивана Терентьевича, как и для всех людей его судьбы, этой силой являлась беззаветная преданность делу и идеям Коммунистической партии, социалистической Родине, советскому народу. В служении партии, народу Иван Терентьевич видел смысл и цель своей жизни. Такая цель и могла всесторонне раскрыть его незаурядные способности, определить его выдающуюся роль в вооруженной защите и строительстве социализма в нашей стране.

Иван Терентьевич внес огромный вклад в послевоенное строительство Советских Вооруженных Сил. В течение 10 лет — с 1946 по 1956 год — он был начальником войск связи Сухопутных войск Советской Армии. И все эти годы — непрерывный поиск и внедрение лучших форм их организации, боевой подготовки, напряженный труд по развитию и совершенствованию новых средств связи, по освоению и внедрению их в частях и соединениях.

С 1957 года Пересыпкин — научный консультант при

заместителе министра обороны СССР, с 1958 года — военный советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Одновременно Иван Терентьевич вел большую военно-историческую работу. Он — автор ряда трудов, посвященных истории развития войск связи, их деятельности в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время.

За заслуги перед Родиной Иван Терентьевич награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями, иностранными орденами.

12 октября 1978 года маршал войск связи Иван Терентьевич Пересыпкин ушел из жизни. Но осталось то, что он сделал, его огромный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне, в укрепление экономического и оборонного могущества нашей Родины.

**Полковник в отставке
В. БЫСТРОВ**

Главный маршал авиации Константин ВЕРШИНИН

О телеграмме из Москвы полковнику Вершинину, начальнику Высших авиационных курсов усовершенствования летного состава, сообщили в разгар очередного летного дня. Было это в двадцатых числах сентября 1941 года. Собственно, назвать тот день очередным летным можно лишь с известной натяжкой. Два летних месяца того лета и начавшийся первый месяц осени вполне можно было принять за один бесконечно тянувшийся летний день: инструкторы и руководящий состав курсов, казалось, не уходили с аэродрома, все это время, от зари до зари потрясал окрестность рев моторов бомбардировщиков. Одни взлетали и уходили на исходный пункт маршрута и дальше на отработку задания по самолетовождению, затем на полигон для учебного бомбометания, другие, выполнив заданные упражнения, возвращались в зону аэродрома, вставали в круг и заходили на посадку.

С началом Великой Отечественной войны на курсы была возложена задача подготовки бомбардировочных полков для фронта. Центр через своих представителей-инспекторов, членов различных комиссий, наезжавших для проверки хода и качества комплектования и переучивания частей, выдвигал только одно требование: быстрее! Как можно быстрее формировать, обучать и отправлять на фронт новые авиационные части!

Большую часть самолетов, которыми вооружались формируемые полки, составляли СБ — скоростные бомбардировщики, значительно меньшую — Пе-2, фронтовые пикирующие бомбардировщики самой последней конструкции. Предпочтительнее, конечно, было бы иметь обратную пропорцию, ибо СБ прекрасная для своего времени боевая машина, созданная группой авиаконструкторов во главе с А. А. Архангельским и превосходящая лучшие отечественные и зарубежные образцы бомбардировщиков. К 1941 году, несмотря на модернизацию, она устарела. К тому же многие самолеты и моторы уже выработали установленный для них ресурс, а заменять их было нечем, приходилось ремонтировать отдельные дета-

ли и агрегаты своими силами, что называется, латать дыры. Случались поломки и отказы. В авиации за всякую аварию строго спрашивают, ну а в условиях начавшейся войны, когда каждый самолет на вес золота, тем более...

Прочитав на бланке телеграммы: «Немедленно прибыть в Москву», Вершинин встревожился. Вызывать в такое напряженное время начальника курсов без основательных причин не будут. Какие же могут быть причины? Поломки самолетов, случившиеся в последние месяцы при переучивании молодых летчиков? — эта мысль возникла сразу же.

В Москве, в штабе ВВС, Вершинин доложил о своем прибытии генералу Н. А. Соколову-Соколенку. Генерал работал в главном управлении обучения, формирования и боевой подготовки. Вершинин знал его давно и поэтому, не вытерпев, спросил, не знает ли он, по какому делу вызывали.

— Может, снимут...

В ответ Соколов-Соколенок развел руками и предложил:

— Давай-ка, Константин Андреевич, доложим начальству о твоем прибытии и пока чайку поьем. Что замыслило о тебе начальство — я не знаю. А снять? Так ведь для этого в Москву вызывать необязательно.

Доложили П. Ф. Жигареву, бывшему однокурснику Вершинина по академии, возглавлявшему теперь Военно-Воздушные Силы. Последующие часы тянулись невыносимо долго. Ответный звонок раздался к вечеру.

— Вершинин? — прозвучал в трубке голос Жигарева. — Решением Политбюро и Ставки Верховного Главнокомандования вы назначены командующим ВВС Южного фронта.

...Напутствий, которые затем были высказаны, Вершинин не запомнил. Соколов-Соколенок жал руку, желал ни пуха ни пера... Теперь, когда кончилось томительное ожидание, напряжение спало, Вершинин остановил взгляд на стоявшем рядом небольшом чемодане, который прихватил с собой в Москву. Вспомнил, как собирала его в дорогу жена, Валентина Александровна, как волновалась, предполагая, что всякое может случиться. По ее мнению, основания для такого рода предположений имелись:

— Однажды тебя вызывали в Москву... Не забыл, наверное?

То, что она имела в виду, Вершинин, конечно же, помнил. Произошла эта история в последний предвоенный год. Пришел приказ, гласивший о том, чтобы к перелету в Москву была подготовлена большая группа самолетов для участия в предстоящих авиационных учениях.

В назначенный для перелета день погода позволяла выпустить экипажи в воздух. Начальник метеослужбы дал сводку, из которой следовало, что на маршруте ухудшения условий не ожидается. Полковник Вершинин, в то время помощник по летной подготовке начальника высших авиационных курсов усовершенствования, дал «добро» на взлет. Летчиков предупредил: при ухудшении погоды и понижении высоты облачности до 800 метров не лезть на рожон, вернуться на свой аэродром.

Только самолеты ушли на маршрут, начался дождь. Можно было еще передать команду ведущему группы о возвращении экипажей, но начальник курсов не разрешил этого, тем более что метеослужба прогнозировала летную погоду в районе Москвы. Кончилось все тем, что пять самолетов не вернулись на аэродром посадки. Правда, два экипажа, как установил вылетевший на поиски Вершинин, ночью приземлились вполне благополучно, но три потерпели аварию... Прибывший из Москвы следователь возбудил против Вершинина судебное дело. Окружной военный трибунал, рассмотрев обстоятельства происшествия, не признал за ним вины. Но в дисциплинарном порядке Вершинин все же понес тяжелое наказание: его освободили от занимаемой должности, понизили в звании и назначили заместителем командира авиадивизии. Спустя четыре месяца, уже в 1941 году, его опять вызвали в Москву, где ознакомили с другим приказом, в котором было сказано о назначении Вершинина начальником тех же авиационных курсов.

Вспомнив сейчас волнения Валентины Александровны и усмехнувшись про себя, Вершинин с теплотой подумал о ней. Почти полтора десятка лет вместе прожили, всякое довелось повидать за эти годы... Константин Андреевич заторопился с возвращением, чтобы выкроить часок-другой для прощания с родными, с товарищами по службе перед отправкой на фронт.

Утром следующего дня на самолете Ли-2 Вершинин вернулся домой. На прощание с семьей действительно удалось выкроить не больше часа. Надо же было еще и сдать дела. Вскоре на том же самолете командующий ВВС Южного фронта отправился к месту назначения.

За плечами Вершинина к этому времени было уже 22 года военной службы, причем разделилась она на две равные половины — одиннадцать лет в пехоте и столько же в авиации. Первая вырастила из крестьянского парня образованного общевойскового командира, вторая — авиационного. И то и другое стало неразрывным целым в формировании военачальника.

Военная служба Константина Андреевича началась в июне 1919 года в запасном пехотном полку в Симбирске. Но не только солдатскую азбуку осваивал там Вершинин. Его сразу же включили в работу с людьми — поручили быть агитатором.

— Член партии, к тому же начальное образование имеешь. У нас таких немного, — объяснил комиссар.

Вершинин читал красноармейцам газеты, проводил беседы у карты, разъяснял решения партийной ячейки.

Ближе к осени маршевые роты из запасного полка начали отправлять на фронт. С волнением ожидал этого и Вершинин. Но комиссар полка предложил ему отправиться не на фронт, а на курсы красных командиров.

Вершинин растерялся. Стать кадровым военным? Нет, он не думал об этом. Считал, что и образование имеет недостаточное, чтобы избрать этот путь. Да и фронт, куда стремился побыстрее попасть, отодвинется на время, необходимое для учебы.

Комиссар предложил подумать, но на другой день снова пригласил его на беседу.

— Ты, Вершинин, коммунист, — сказал он, — проявил способности в изучении военного дела, активно помогал мне в воспитании красноармейцев. Кого же, как не тебя, посылать на курсы? Красной Армии сейчас нужны свои, советские командиры — выходцы из рабоче-крестьянской среды.

Сомнения развеялись. Вершинин принял предложение. Через девять месяцев, к лету двадцатого года, окончил Симбирские пехотные курсы. Получил назначение командиром маршевой роты в запасном полку, который дислоцировался в районе Дорогобужа. В роте насчитывалось около трехсот красноармейцев. Молодой краском организовал занятия примерно по тому же принципу, который позже определялся в армии словами: «В условиях, максимально приближенных к боевым».

В начале октября 1920 года во главе своей роты Вершинин прибыл на Западный фронт. Военные действия против белопопанской Польши вскоре прекратились. Од-

нако еще длительное время пришлось вести борьбу против банд Булак-Балаховича. Разгромив его к концу ноября, части дивизии, в которую входила и рота Вершинина, несли сторожевое охранение на берегу Березины и одновременно занимались боевой учебой.

В январе 1921 года Вершинину было доверено командование батальоном. Весной дивизия передислоцировалась в Орел. Благодаря тщательной подготовке к дальнему походу (из Лепеля в Орел передвигались пешим порядком) и люди, и оружие, и все батальонное имущество прибыли на новое место в полном порядке. Сам Вершинин, хотя по штатному расписанию в его распоряжении имелась лошадь, большую часть пути прошагал со своими красноармейцами. Ежедневно преодолевали километром по тридцать, а на привалах командир строго следил, чтобы чинили обувь, одежду, чистили оружие. Он и его помощники находили время и для бесед с бойцами.

Вскоре Вершинину было приказано взять под командование усиленный батальон и отправиться в Тамбовскую губернию для борьбы с бандой Колесникова, которая, опираясь на кулачье, бесчинствовала в Острогжском, Павловском и Бутурлиновском уездах. В этом деле Вершинин проявил себя не только умелым, решительным командиром, но и дальновидным политиком. Он написал листовку, в которой разоблачались истинные цели кулацко-эсеровских вожakov банды, их клевета на Советскую власть. Всем добровольно сдавшимся давалась гарантия в том, что они не подвергнутся наказанию. Через несколько дней вышли из леса и сдались первые трое. За ними — еще несколько. А потом, видя, что обещание командира Красной Армии соблюдается, члены банды стали сдаваться группами.

В конце июля Вершинина отозвали из батальона и направили на учебу в Высшую стрелковую школу командного состава «Выстрел». Спустя два года, в августе 1923-го, окончив школу, получил назначение для дальнейшего прохождения службы в Одессу. Но тут встретился ему Лютов — добрый учитель и наставник, бывший начальник Симбирских пехотных курсов, на которых учился Вершинин. Этот в прошлом царский генерал, воспринявший Октябрьскую революцию как рождение новой России, а потому на совесть ставший служить Советской власти, хорошо запомнился Вершинину. Был он человеком высокообразованным, хорошим организатором и педагогом высокой профессиональной культуры. Не по воз-

расту строен, всегда аккуратно одетый, подтянутый, корректный, он завоевал среди командиров и курсантов высокий авторитет. Видно, и Лютову, в свою очередь, запомнился его прежний курсант.

— Краском Вершинин? Какими судьбами в столице? — спросил он и, услышав в ответ рассказ Вершинина о своей службе и учебе, одобрительно улынулся. — Значит, наука, полученная в Симбирске, пошла впрок, окрепла военная косточка. И растет быстро: рота, батальон, усиленный батальон. Теперь вот «Выстрел» окончили... Поедемте-ка со мной в Симбирск.

— Зачем?

— Вы вот выучились. Надо и другим помогать.

Лютов возглавлял теперь 12-ю Краснознаменную школу Приволжского военного округа. Туда он и оформил новое назначение Вершинину — командиром учебной роты.

Следующие пять лет военной службы Вершинина прошли в 12-й Краснознаменной пехотной школе. Не одну сотню командиров, выходцев из народа, получила наша армия. Сам же Вершинин за эти годы приобрел твердые командирские навыки, овладел методикой воинского и политического воспитания. Это была пора возмужания.

В ноябре 1928 года Вершинин был назначен командиром батальона Казанской дивизии, которая дислоцировалась тогда в том же городе. К этому времени Вершинин стал не только зрелым командиром. Он вел активную общественную работу — был избран членом райкома партии, депутатом городского Совета.

Служба шла успешно. Старшие начальники, проверявшие состояние батальона, отмечали хорошую организацию в нем боевой и политической подготовки. Сам же комбат не был доволен собой. Он все чаще задумывался над своим будущим: понимал — нужно продолжить военное образование. На очную учебу проситься считал неудобным — дважды уже учился на курсах. Поступил на заочное отделение Военной академии имени М. В. Фрунзе. Окончил первый, самый сложный ее курс. К этому времени прошло уже десятилетие военной службы в пехоте. Все вроде бы сложилось хорошо: службу любил, учился увлеченно.

Жизнь, однако, распорядилась по-своему. Короткий, но убедительный разговор в управлении кадров Наркомата обороны круто повернул судьбу Вершинина. С осени тридцатого года он продолжал учебу очно, но теперь уже

в академии другого профиля — в Военно-воздушной имени профессора Н. Е. Жуковского.

Многим краскомам в то время неожиданно для них пришлось стать авиаторами. Партия исходила из положения, которое в основном руководящем документе для Вооруженных Сил — Полевом уставе — формулировалось словами: «Авиация — новое могущественное оружие войны. Оно быстро прогрессирует технически, расширяя базу и форму своего боевого употребления». Соответственно этому и принимались необходимые меры для создания и быстрого развития, как говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии обороны СССР», Красной авиации. Одной из важнейших среди этих мер партия считала улучшение социального состава авиационных кадров. Вот почему многих командиров, в том числе и Вершинина, направили в авиацию вопреки солидному стажу службы в пехоте.

Вершинин стал слушателем командного факультета Военно-воздушной академии, не имея до этого ни единого полета на самолете. Сейчас такое и представить себе невозможно: в академию приходят офицеры, имеющие теоретическую подготовку, практический опыт летной работы. Но для поколения Вершинина такое не казалось необычным: многое тогда нужно было начинать, как говорится, с нуля.

И вот пришли слушатели, с которыми учился Вершинин, на первую лекцию по курсу аэродинамики. Курс читал П. С. Пышнов, впоследствии генерал-лейтенант-инженер, заслуженный деятель науки и техники. Прежде чем начать лекцию, Владимир Сергеевич порекомендовал слушателям в качестве пособия одну из своих работ. Заглянули в нее слушатели, полистали. На лицах почти у всех явное замешательство: в книге сплошные чертежи и формулы — ничего не поняли.

Пышнов наперед знал, что реакция будет именно такой.

— Ничего, товарищи, — сказал он. — Постепенно одолеете эту науку... Правда, без настойчивости и упорства дело не пойдет.

По 10—12 часов работали слушатели в аудиториях, а вечерами тоже занятия — самостоятельная подготовка к очередному учебному дню. На Центральном аэродроме или на полевой площадке, неподалеку от Серпухова проходили летную практику — осваивали стрельбу по наземным и воздушным целям, учились вести воздуш-

ную разведку, корректировать с самолета огонь артиллерии. Академический курс обучения предусматривал, помимо командирской подготовки, получение слушателями специальности летчика-наблюдателя.

В академии не хватало тогда учебных кабинетов и лабораторий, учебников и учебных пособий. Да и уровень общего образования далеко не у всех был одинаков, а многим слушателям просто не доставало нужных знаний.

Вначале Вершинин был недоволен переводом в авиацию. Свыкся с пехотой, справедливо считал, что многое уже освоил как общевойсковой командир и в этом именно направлении ему нужно совершенствоваться. А вскоре почувствовал — увлекла его авиация, хотя и страшила: нужно было изучать науки, о которых он раньше даже не слышал. Учился упорно, настойчиво и неожиданно для себя полюбил именно то, что его страшило.

Наставники и учителя, видя, с каким успехом овладевает Вершинин теоретическими дисциплинами, прочили ему путь в науку. Поначалу так и получилось. По окончании академии Вершинин и был назначен помощником начальника тактического отдела в Научно-исследовательский институт ВВС РККА. Он пробыл на этой должности немногим более полугода, начиная с июня 1932 года, и так вспоминал об этом: «Ученые, конструкторы, инженеры и техники, летчики-испытатели, окружавшие меня и моих товарищей, были опытными, высокообразованными людьми. Общение с ними доставляло не только моральное удовлетворение, но и повседневно расширяло мой кругозор, позволяло идти в ногу с развитием авиационной науки и техники, даже заглядывать в завтрашний день».

Однако, как ни заманчивы были перспективы работы в научно-исследовательском институте, Вершинин рвался в войска, правда, теперь уже в другие — на аэродром. Почему? «Трудно ответить почему, — объяснял он сам. — Вероятнее всего, потому, что хотелось не только посмотреть, как несут службу авиаторы в строевой части, но и самому познать ее секреты, пройти эту ступень».

Военная авиация росла. Командиров-авиаторов требовалось много. Поэтому в конце концов просьба Вершинина о переводе в войска была удовлетворена. В январе 1933 года он был назначен начальником оперативного отдела штаба авиационной бригады в Киевский военный округ. Но это была еще не строевая работа. В свободное

от службы время Вершинин часто бывал на аэродроме — учился руководить полетами. Вскоре произошел случай, который ускорил переход Вершинина на строевую работу.

В авиабригаде ожидали прилета командующего ВВС округа Ф. А. Инганиуса, который хотел сам проверить выполнение приказа о борьбе с аварийностью. Среди авиаторов Феликс Антонович пользовался непререкаемым авторитетом. В гражданскую войну он прославился как летчик в боях против белогвардейцев под Казанью, в сражениях с авиацией Врангеля в Таврии, за что был награжден орденом Красного Знамени. В 1930 году он с группой летчиков выполнил один из первых дальних перелетов по маршруту Москва — Анкара — Кабул — Ташкент — Москва.

Как военачальник Инганиус был строг до придирчивости: в авиации все важно, мелочей она не знает. К прибытию командующего готовились тщательно. Предполагалось, что Инганиус сообщит о дне своего прибытия. А он явился неожиданно. В тот день полетами на Харьковском аэродроме, с которого летала авиабригада, руководил Вершинин. Он и заметил, что очередной самолет, совершивший посадку, не принадлежит к составу бригады. Посадку этот самолет произвел не чисто, с несколькими «козлами» — так именовалась в авиации частая в то время ошибка в пилотировании, которая влекла взмывание машины в воздух после приземления. Она зачастую становилась причиной поломок и аварий. Вершинин строго выговорил летчику:

— Куда ж ты смотришь? За такую посадку знаешь что бывает?

Напомнив некоторые положения из приказа о борьбе с аварийностью, он заявил, что сообщит о «козлах» командованию части, где служит летчик.

Прилетевший вопреки ожиданиям не стал оправдываться. С любопытством посмотрев на руководителя полетов, он сам спросил, а кто это делает ему выговор. Вершинин возмущился еще больше.

— Сначала ты доложи, кто такой? — повысил он голос.

Прилетевший неожиданно улыбнулся.

— Я — командующий ВВС округа Инганиус.

Он подал оторопевшему Вершинину руку и продолжал:

— Теперь, пожалуй, мне и делать нечего в бригаде.

На себе проверил: строго у вас дело поставлено, замечаете любую предпосылку к аварии... А кто вы?

Узнав, что перед ним начальник оперативного отдела штаба бригады, Инганиус удивился:

— А что, больше некому руководить полетами?

Вершинин рассказал, что командир бригады поручает ему это дело, поскольку у него уже есть некоторый опыт и желание перейти на самостоятельную командную работу.

Инганиус одобрил стремление Вершинина.

Видимо, не без рекомендации Инганиуса в феврале 1934 года Вершинин был назначен командиром эскадрильи Высшей летно-тактической школы.

Эскадрилья насчитывала три десятка бомбардировщиков Р-5. Освоившись с новыми обязанностями, Вершинин все же испытывал некоторое душевное смятение: он организует летную подготовку личного состава эскадрильи, а сам имеет профессию лишь летчика-наблюдателя, управлять самолетом не умеет. Как-то в разговоре с начальником школы он попросил разрешения научиться самому выполнять летные упражнения.

Начальник школы согласился, и Вершинин с шеф-пилотом стал «подлетывать». Как ни знаком он был с авиацией, практические полеты показали, что быть летчиком куда сложнее и тяжелее, чем кажется, когда руководишь полетами. Раздумья привели к выводу: он не имеет морального права руководить летчиками, если сам не овладеет техникой пилотирования самолета. Это Вершинин и написал начальнику школы в рапорте с просьбой направить его на учебу в Качинское училище летчиков.

Просьбу удовлетворили. Немного более чем за месяц Вершинин освоил весь курс переучивания на летчика. Факт редкостный! Сам он объяснял его помощью требовательных и отлично знающих дело инструктора, командиров звена и эскадрильи. И добавлял: «И еще, пожалуй, моим негласным помощником по овладению летной профессией в рекордно короткий срок был начальник ВВС РККА Яков Иванович Алкснис, который сам, не имея специального летного образования, за очень короткий промежуток времени освоил трехгодичную программу...»

Да, все это, конечно, так и было. Но было и главное — личное упорство и целеустремленность. Так складывался негласный, определявший всю деятельность Вершинина девиз: «Хорошо знать то, чего требуешь от под-

чиненных». Это впоследствии было одним из основных его качеств как выдающегося советского военачальника.

Возвратившись из Качи, Вершинин продолжал командовать эскадрильей вплоть до назначения в августе 1938 года помощником начальника по летной подготовке Высших авиационных курсов усовершенствования летного состава. К тому времени он уже летал самостоятельно на всех типах самолетов, имевшихся в распоряжении курсов, в том числе и на СБ.

Таким уже опытным летчиком и командиром был полковник Вершинин, назначенный в сентябре 1941 года командующим ВВС Южного фронта и летевший теперь к месту своего назначения.

Лев Толстой как-то заметил: отправляясь в путь, человек в первой его половине думает о том, что он оставил дома, а во второй — о том, что его ждет на новом месте. Так было во времена дилижансов, почтовых троек и еще много раньше. То же самое наблюдается и сейчас, когда средства транспорта стали совершенно иными. Дело тут, конечно, не в них, а в психологии человеческой: отправившийся в путь в начале его еще полон пережитым при расставании, а затем его беспокойная мысль неизбежно устремляется в будущее.

Под ровный гул моторов летящего на фронт самолета Вершинин заново переживал свое прощание со школой, в которой проходила его служба с 1934 года, с друзьями и коллегами, с женой, дочками Левой и Инной. Затем мысли его сосредоточились на ориентировке, полученной в Москве, относительно состояния ВВС Южного фронта. Они были созданы на базе авиации Одесского военного округа и в первый день войны имели в своем составе 827 самолетов: 427 истребителей, 285 бомбардировщиков, 115 штурмовиков. Боевые машины новых образцов — истребители МиГ-3 и бомбардировщики Пе-2 — составляли менее пятой части самолетного парка. Все остальные самолеты были устаревших конструкций. Немецкий «мессершмитт» почти по всем тактико-техническим параметрам, по вооружению превосходил наши истребители И-16, И-153 («Чайка»). Даже новейшие МиГи уступали ему, если бой завязывался на малых высотах. Из бомбардировщиков один только наш ДБ-3 имел большую, чем немецкие «Хейнкель-111» и «Юнкерсы-88», дальность и бомбовую нагрузку, но в скорости и он уступал последнему. И численное превосходство — почти двойное — было на стороне врага: действовавший на юге 4-й воз-

душный флот немецко-фашистской авиации вместе с румынской авиацией насчитывал до 1300 самолетов.

Обстановка на Южном фронте, как и на всех других, в результате вероломного нападения фашистской Германии сложилась крайне тяжелой для советских войск, они вынуждены были отступать. Авиация Южного фронта в первые дни войны сосредоточивала свои усилия на прикрытии и поддержке сухопутных войск сначала на рубеже реки Прут, на подступах к Кишиневу, затем в районе Умани, Первомайска, Николаева. К моменту прибытия Вершинина на фронт ожесточенные оборонительные бои шли уже на рубеже Днепра.

Из той же ориентировки, полученной в Москве, Константин Андреевич узнал, что все силы ВВС Южного фронта по приказу командующего были брошены против прорвавшейся на юго-восток танковой группировки фельдмаршала Клейста. Какие конкретно силы имелись теперь в распоряжении командующего ВВС Южного фронта — в этом Вершинину предстояло разобраться непосредственно на месте. Ясно было одно: они не увеличились, ибо потери не восполнялись. В пополнении самолетного парка остро нуждались все фронты, а выпуск самолетов к этому времени сократился ввиду эвакуации ряда авиационных заводов на восток.

Штаб ВВС Южного фронта Вершинин застал в селе Покровском, неподалеку от Запорожья. Его ближайшим помощником на длительное время руководства ВВС Южного фронта, затем 4-й воздушной армии вплоть до июня 1944 года стал генерал А. З. Устинов — начальник штаба. Александр Захарович уже до войны сложился в крупного авиационного штабного работника: был на ответственной должности в штабе ВВС, участвовал в боях на Халхин-Голе. В канун фашистской агрессии Устинов занимал пост начальника штаба ВВС Одесского военного округа и в этой должности с первых же часов войны принял участие в руководстве боевыми действиями авиации будущего Южного фронта. Через несколько дней он был назначен начальником штаба ВВС 9-й армии, за месяц до прибытия на фронт Вершинина стал начальником штаба ВВС Южного фронта.

Заместителем командующего по политчасти с момента формирования управления ВВС Южного фронта был дивизионный комиссар В. И. Алексеев — опытный партийно-политический работник. Пост начальника оперативного отдела был доверен майору К. Н. Одинцову, —

инициативному и энергичному авиационному командиру.

Работникам штаба пришлось уже хлебнуть лиха. Управление ВВС Южного фронта, как выяснил Константин Андреевич в Москве, начало формироваться за несколько дней до начала войны. Вечером 21 июня работники Одесского военного округа, которым было поручено заниматься этим делом, разошлись по домам. Впереди был воскресный день со всеми его радостями. На рассвете всех их подняли по тревоге: война! Вечером того же дня оперативная группа штаба специальным поездом отправилась в Винницу, чтобы принять там под свое руководство воздушные силы 9-й и 18-й общевойсковых армий, а также нескольких авиадивизий, непосредственно подчиненных ВВС фронта.

Попав в водоворот войны на незнакомой для себя местности и направлении, командиры оперативной группы встретились с большими трудностями. В разгар ожесточенных боев им пришлось впервые столкнуться с неизвестными для себя соединениями и частями, условиями их аэродромного базирования, тылового обеспечения, множеством других вопросов. И все это делалось при отсутствии автотранспорта и своего узла связи. Последнее особенно осложняло положение — не было прямой связи с большинством соединений и частей. Скупыми, а порой и противоречивыми были данные об обстановке, а она менялась стремительно.

Слушая рассказы о том, как начинали свою боевую деятельность ВВС Южного фронта, Константин Андреевич с удовлетворением отмечал основное для себя: работники штаба ВВС Южного фронта — теперь это был его штаб — не растерялись в чрезвычайно сложной обстановке, сумели, приняв возможные по тем условиям меры, наладить связь с соединениями и частями, сделать непрерывным управление подчиненной авиацией, а значит, обеспечить более целеустремленный характер ее действий.

Обстоятельства сложились так, что на Южном фронте врагу не удалось уничтожить нашу авиацию, как он намеревался это сделать, первыми внезапными массированными ударами по аэродромам. В Одесском военном округе проводились авиационные учения. Соответственно их замыслу, большинство авиаполков перебазировались со стационарных на полевые аэродромы и были там рассредоточены и хорошо замаскированы. Поэтому тщательно

спланированные и подготовленные первые удары врага по стационарным аэродромам фактически пришлось попусту месту. Правда, большая часть из 23 самолетов, потерянных ВВС Одесского военного округа в первый день войны, сгорела на земле во время налетов противника. Однако враг не решил своими массированными действиями с воздуха даже малой доли той задачи, которую он ставил перед собой.

Больше того, итог первого боевого дня оказался явно не в его пользу — он потерял 22 июня 1941 года 40 своих бомбардировщиков и истребителей. На одну потерю нашей боевой машины почти две уничтоженных вражеских! За этими количественными характеристиками Вершинин видел нечто большее, а именно готовность и способность наших летчиков вступить и вести бой с врагом на равных, и даже при его превосходстве.

Хотя Константин Андреевич, до сего времени находившийся на аэродроме в тылу страны, не очень детально был информирован о фронтовых делах, о «безлошадниках» он уже был наслышан: так в начале Отечественной войны стали называть летчиков, которые, не успев подняться в воздух, уже потеряли свои боевые машины, сгоревшие на аэродромах. Конечно, это была большая беда — многие летчики в самый нужный момент оказались безоружными, самолетов на всех не хватало. Не менее тяжким был и моральный урон: чувство подавленности, появившееся у некоторых авиаторов как итог пережитого в первые дни войны, когда враг на их глазах, пользуясь подавляющим количественным превосходством, действовал нагло и безнаказанно.

События на южном участке советско-германского фронта, чисто авиационные, с первого дня пошли в более благоприятном для нас русле. Здесь «безлошадников» было намного меньше. Находясь в полевых условиях, штаб ВВС округа заранее установил связь с частями и дал им нужные указания. Поэтому первый массированный налет авиации противника на наши аэродромы на рассвете 22 июня оказался малоэффективным. Находящиеся в готовности, наши истребители своевременно были подняты в воздух. Встретив врага, они смело вступали в бой. Благодаря мужеству и боевому мастерству первых летчиков-героев, таких, как командир эскадрильи капитан А. Г. Карманов, командиры полков майоры В. П. Иванов, Б. А. Рудаков, летчик-истребитель старший лейтенант А. И. Мокляк и многие другие, удалось более

или менее организованно противостоять противнику в воздухе. Не менее важным было то, что наши летчики на собственном опыте или на примере своих боевых товарищей имели возможность убедиться с самого первого боя, с первого часа войны, что хваленые фашистские асы, встречая должный отпор, быстро теряют свою самоуверенность и наглость.

Этот высокий боевой настрой Вершинин справедливо расценивал как главное приобретение летчиков ВВС Южного фронта. Сохранить и приумножить его — вот задача, которую он поставил перед собой и своим штабом.

Уже вскоре подчиненные Вершинину командиры и штабные работники почувствовали, что новый командующий отнюдь не собирается заниматься мелкой опекой штаба в целом или кого-либо из ответственных своих помощников. Для него превыше всего — суть решения конкретной проблемы, быстрота, оперативность и четкость выполнения задач, поставленных перед подчиненными, всестороннее знание обстановки в войсках фронта и в авиационных соединениях, что позволяло в любую минуту влиять на ход боевых действий. В рамках поставленной задачи командующий предоставлял исполнителям широкую самостоятельность, поощрял инициативу.

Вершинин тщательно изучил все, что было начато до него, и многое поддерживал.

Горячее его одобрение получили создание и деятельность специальных групп и ремонтных команд, которые отыскивали, а затем собирали самолеты, совершившие вынужденную посадку на нашей территории. В то время это был один из важных путей восполнения потерь в технике, которые несли наши части. К концу августа в полках осталось по 10—12, а то и меньше самолетов. Иначе говоря, хорошо, если имелась в строю эскадрилья на полк. Вот тогда и родилась идея восстановления собственными силами подбитых и совершивших вынужденную посадку в нашем тылу самолетов. Она была претворена в жизнь благодаря изобретательности и трудолюбию инженерно-технического состава ВВС фронта, возглавляемого П. В. Родимовым. Конечно, Вершинин знал, что в данном случае полевые авиационные ремонтные мастерские (ПАРМ), являющиеся центрами восстановительной работы, часто выходят за рамки своей компетенции. Им приходилось заниматься ремонтом такой сложности, который обычно считается возможным только в стационарных условиях, на заводе, но не в полевых мастер-

ских. Регламентации по этому поводу имелись достаточно подробные и строгие. Но самолеты были нужны немедленно. И Вершинин не только разрешил отступить от принятых правил, но взял под контроль восстановительные работы. В итоге только за сентябрь 1941 года в частях силами ПАРМ и специально созданных бригад технического состава было восстановлено свыше 300 самолетов. О таком в то время нельзя было и мечтать.

Не возражал командующий и против разукомплектования неисправных машин — при отправке в ремонт с них снимали дефицитные агрегаты и приборы, а взамен ставили неисправные. В обычных условиях это бы рассматривалось как чрезвычайное происшествие. Но опыт показал, что подобная замена оправдана, поскольку позволяла быстро, непосредственно в полках в течение нескольких часов восстанавливать два-три боевых самолета.

Не при Вершинине началось, но было им поддержано еще одно чрезвычайно важное дело: привлечение к выполнению боевых заданий в ночное время учебных самолетов У-2. Его предшественник на посту командующего ВВС Южного фронта генерал-майор авиации П. С. Шелухин принял такое решение, чтобы хоть как-то компенсировать малочисленность авиации, особенно бомбардировочной.

Сначала бомбометание с У-2 производилось примитивным способом, как говорили тогда летчики, «по сапогу», то есть без всякого прицела: когда цель оказывалась под передней кромкой нижнего крыла самолета, штурман в зависимости от высоты полета отсчитывал определенное количество секунд и сбрасывал бомбу. Расчет времени составлялся для наиболее часто применявшихся высот бомбометания (500—1000 м) и заучивался на память. Даже при этой методике точность бомбометания была весьма приличной. А после того как на У-2 поставили специальные бомбодержатели и простейшие прицелы для бомбометания, она увеличилась еще больше.

Первые боевые испытания У-2 были проведены 25 августа 1941 года. Цель — боевые порядки войск противника на правом берегу Днепра в районе Берислав (Каховка). Экипажи вылетали к ней с аэродрома, удаленного на 60—70 километров. Непосредственно в районе цели приглушали моторы и выходили на нее с планирования. Это обеспечивало внезапность налета. Весь полет в оба конца занимал до полутора часов, таким образом, в течение ночи

каждый экипаж мог произвести по 3—4 боевых вылета, имея на борту до 200 килограммов бомб. Эффект от боевого применения У-2 получался внушительный. Затем уже по инициативе Вершинина для ночного бомбометания была переоборудована довольно большая группа самолетов У-2. И противник, вначале немало потешавшийся над русскими «фанерными самолетами», стал всерьез бояться «ночных призраков», которые неслышно подкрадывались к его позициям, засыпая их градом небольших бомб.

Так самолет, созданный еще в 20-е годы талантливым советским конструктором Н. Н. Поликарповым в качестве учебного, превратился в боевой. Опыт его применения в ВВС Южного фронта получил распространение и на других фронтах. С конца 1941 года У-2 стали поступать в массовом количестве на вооружение авиационных частей в качестве боевых самолетов легкомоторной ночной бомбардировочной авиации. С 1943 года эти самолеты стали называться По-2 (по фамилии конструктора).

Первый месяц пребывания на фронте был для Вершинина чрезвычайно напряженным. Вероятно, потому, что войска Южного фронта все время отступали под натиском значительно превосходящих сил врага. Лишь к середине октября наши войска закрепились и заняли оборону на реке Миус. Части и соединения ВВС фронта перебазировались на аэродромы Луганской, Донецкой и Ростовской областей.

22 октября Вершинину было присвоено звание генерал-майора авиации. Это означало, что его деятельность на посту командующего ВВС Южного фронта оценена положительно. Сам же Константин Андреевич был настроен самокритично. Он был убежден, что для преодоления превосходства вражеской авиации нужно много самолетов. «Но тут многое и от военного искусства зависит», — думал он. Постепенно у него созрела мысль: концентрировать имеющуюся авиацию для решения главных задач.

Контрнаступление под Ростовом и подготовка предстоявшей воздушной операции, ему сопутствовавшей, стали для Вершинина самым ответственным делом за все время пребывания на фронте. Перед авиацией Южного фронта в соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования ставились задачи: громить группировку Клейста, не допуская организованного отступления ее из Ростова, срывать подвоз противником боеприпасов и продовольствия, поддерживать с воздуха действия наших

ударных сил — двух общевойсковых армий, а также кавалерийского корпуса, который обеспечивал их правый фланг, уничтожать немецко-фашистскую авиацию, особенно на аэродромах.

Докладывая свои соображения о распределении имевшихся сил авиации командующему фронтом генерал-полковнику Я. Т. Черевиченко, Вершинин предложил ему 95 процентов всех самолетов сосредоточить на направлении главного удара.

— Только так можно привлечь максимум авиационных сил к решению задач, поставленных в директиве Ставки. Противник ведь и сейчас превосходит нас в воздухе, — доказывал он.

Черевиченко довольно долго смотрел на лежавшую перед ним карту, затем сказал:

— Что ж, пожалуй, правильно. Основные силы надо отдать армиям, которые будут решать главные задачи. Правильно ты говоришь, Вершинин, надо авиацию сводить в более крупные группы.

В Ростовской наступательной операции ВВС Южного фронта за 16 летных дней произвели свыше 38 000 самолето-вылетов, сбросили на врага 30 тысяч бомб разного калибра, 1000 реактивных снарядов, ими было уничтожено 76 самолетов противника (61 в воздушных боях и 15 на земле), разрушено 3 водных переправы, выведено из строя 90 орудий, 25 000 автомашин, 140 танков. Наши потери составили 32 самолета, из них в воздушных боях было потеряно всего 5.

Наступившее затем на Южном фронте недолгое затишье было использовано Вершининым для организации обобщения накопленного боевого опыта в изучении его всем летным составом. Делал он определенные выводы и для себя: концентрация авиационных сил и использование их на направлении главного удара вполне оправдались. Это было учтено и в высших командных инстанциях, где на основе опыта использования авиации в Ростовской наступательной операции, обобщенного под руководством Вершинина, рассматривался вопрос о создании на Южном фронте крупного объединения авиационных сил — 4-й воздушной армии.

Зимой 1942 года ВВС Южного фронта активно участвовали в авиационном обеспечении нескольких частных наступательных операций, в том числе Барвенковской. Тогда же некоторым летчикам довелось встретиться в воздухе с новой модификацией немецкого истребителя.

Это был Me-109ф, превосходивший по своим качествам предшествующие конструкции. Изучив данные об этом самолете, Вершинин провел специальное совещание, на которое были приглашены лучшие воздушные бойцы.

— Сильная машина — ничего не скажешь, а ведь со слабинками, бить можно, — говорил он на совещании. — Но как бьем? Один так, другой эдак, третий иначе. А если «так», «эдак» и «иначе» объединить? Поучиться друг у друга да другим общий опыт передать.

Вершинин рассказал о «слабинках», которые он нашел в новом самолете противника. Участники совещания поделились своими впечатлениями. Состоявшийся обмен опытом позволил сформулировать четкие, конкретные рекомендации, которые стали достоянием всех летчиков и вскоре сказались на ходе воздушных боев.

Такие совещания Вершинин требовал проводить в соединениях и частях, нередко сам участвовал в них.

Наступило трудное лето 1942 года. Неудача наших войск под Харьковом осложнила обстановку на южном крыле советско-германского фронта. Именно в это тяжелое время завершилось формирование 4-й воздушной армии, осуществленное, как указывалось в приказе наркома обороны от 7 мая 1942 года, «в целях наращивания ударной силы авиации и успешного применения массированных авиаударов». В том же приказе говорилось: «Командующего ВВС Южного фронта генерал-майора авиации К. А. Вершинина назначить командующим 4-й воздушной армией, утвердив его одновременно членом Военного совета и заместителем командующего Южным фронтом по авиации».

Вершинин весь состав штаба ВВС Южного фронта определил на соответствующие места в штабе воздушной армии. На телефонный звонок из Москвы с предложением помочь кадрами он ответил: «Свой выросли, справимся».

Действительно, Вершинин имел все основания быть довольным своим штабом. Вместе с начальником штаба генералом А. З. Устиновым он немало потрудился по улучшению работы всех штабных служб. Отделы штаба были усилены лучшими специалистами из частей и соединений, более мощным стал собственный узел связи, обеспечивающей бесперебойную связь с авиачастями. Хорошо работал оперативный отдел, тесно взаимодействовавший с разведотделом, службой связи и флагштурманом. Согласованными усилиями они обеспечивали непре-

рывность управления авиационными частями и соединениями.

С преобразованием ВВС фронта в 4-ю воздушную армию расширились права командования и штаба, а следовательно, возросли и обязанности, ответственность каждого на своем месте.

Испытания лета и осени 1942 года стали суровой проверкой для 4-й воздушной армии и ее командующего. В условиях непрерывного отхода наших сухопутных войск сначала на рубеж реки Дон, а затем к предгорьям Кавказа действия авиации приходилось организовывать в чрезвычайно сложной обстановке. В первой половине июля в составе воздушной армии в строю было всего лишь около 200 самолетов. Соотношение сил сторон в авиации было 1 к 6 в пользу противника. К тому же армия находилась в непрерывном движении. Летный состав напрягал все силы, чтобы хоть в малой степени противостоять неизмеримо превосходящему ее 4-му воздушному флоту противника, помочь своим сухопутным войскам организованно отойти на очередной оборонительный рубеж. Нередко летчики вылетали на задание под артиллерийским обстрелом, а тыловые подразделения оставляли аэродромы уже при непосредственной угрозе захвата их наступающими вражескими частями.

Управление армией в этих условиях крайне усложнилось. Однако командующий и его штаб сумели, хотя и с потерями, обеспечить организованное перебазирование подчиненных соединений и частей. В тех конкретных условиях это явилось свидетельством больших организаторских способностей Вершинина, слаженности и четкости работы его штаба.

Лишь к середине августа фронт стабилизировался на рубежах рек Терек и Баксан. Завязались тяжелые оборонительные бои в предгорьях Кавказа. Около пяти месяцев 4-я воздушная армия сражалась в составе Северной группы войск Закавказского фронта за удержание подступов к Главному Кавказскому хребту.

8 сентября 1942 года Вершинин был назначен командующим ВВС Закавказского фронта. Под его руководством объединялись 4-я и 5-я воздушные армии и авиация Черноморского флота. Хотя командовать 4-й воздушной армией стал Н. Ф. Науменко — прежний заместитель командующего, Вершинин во многих случаях уделял ей больше внимания, чем другим, так как ее соединения

и части действовали на главном направлении Закавказского фронта.

Много работал Вершинин в штабах общевойсковых объединений и соединений, где тщательно согласовывал вопросы взаимодействия авиации с другими родами войск. Этого он требовал и от командования авиационных армий и соединений. И потому, как это делалось, он во многом оценивал их работу.

— Мы для них, а не они для нас, — часто повторял он на совещаниях авиационных командиров. — А это не просто: установил связь, уточнил свою задачу и бомбил или штурмовал. Надо знать замысел общевойскового командира, разобраться в его задаче. Тогда только поймешь, как наилучшим образом использовать свои силы.

Постоянный поиск нового, наиболее характерного в боевом применении авиации в интересах наземных войск — одна из важнейших черт дарования Вершинина как выдающегося советского военачальника. Во многом именно поэтому выбор пал на Вершинина, когда потребовалось объединить под единым руководством две воздушные армии и авиацию Черноморского флота.

С каждым днем крепла оборона Кавказа, росли боевое мастерство личного состава, слаженность в действиях различных родов войск. Выматывая противника, объединения и соединения Закавказского фронта все чаще стали наносить мощные контрудары. Противник был разгромлен у Сунженского хребта, затем у Элькотовских ворот. Сокрушительное поражение потерпела вражеская группировка, пытавшаяся захватить Орджоникидзе и прорваться к Грозному. В начале января 1943 года контрудары советских войск, оборонявших Кавказ, переросли в общее наступление.

В обороне и в наступлении наша авиация действовала исключительно активно. А горные условия для авиации особые. На большой скорости здесь маневрировать трудно: мешают горы. А если подняться выше, то снизится эффективность бомбометания и штурмовки. И все же наши летчики бомбили и штурмовали противника, причем точно.

Однако нужно было выбивать врага, прятавшегося в глубоких складках местности. Но как? Этот вопрос не находил ответа. И обидно было: укрывшийся где-нибудь в ущелье, противник подчас оказывался неуязвимым для авиации.

Однажды при посещении одного из аэродромов Вер-

шинин надолго остановился у бомбардировщика И-153 («Чайка»). Эта машина во всех отношениях устарела, и летчики не любили ее главным образом за небольшую скорость. Но было у нее и достоинство — высокая маневренность. «Да ведь эта «Чайка» будто для гор придумана!» — осенило Вершинина. Приказал проверить: «Чайка» свободно облетала горы, забиралась в ущелья.

Вскоре в авиасоединения поступило распоряжение: максимально использовать «Чайки» для штурмовки и бомбежки вражеских войск в горах. Появились и асы этого дела. На тихоходных, но юрких «Чайках» они находили и штурмовали противника в таких местах, которые для других самолетов вообще были недоступны.

Северо-западная группа войск Закавказского фронта была преобразована в самостоятельный Северо-Кавказский фронт. Командующим ВВС нового фронта был назначен Вершинин. Под его руководством сосредоточивались, по сути, прежние авиационные силы, в том числе три воздушные армии и авиация Черноморского флота.

Наступил апрель 1943 года. Штаб ВВС Северо-Кавказского фронта перебазировался из Тбилиси в Краснодар. Освободившись на какое-то время от повседневной вереницы неотложных дел, за которыми некогда оглядеться, получив в связи с переездом небольшую передышку, офицеры штаба теперь особенно остро воспринимали весенние контрасты.

Весна на юге — это всегда ликование света, запахов, звуков. Она постаралась во всю и на этот раз, обновляя землю. Но теперь земля была истерзана войной, страшные следы ее обнаруживались всюду.

Довоенный Краснодар хорошо был знаком многим авиаторам. Некоторые жили здесь постоянно и начинали свою летную биографию в Краснодарском аэроклубе. Другие были здесь курсантами авиационного училища или работали в нем преподавателями, инструкторами. И у всех в памяти сохранился нарядный южный город с залитыми солнцем улицами, живой, многолюдный... Теперь его нельзя было узнать. Тяжелые раны, нанесенные ему захватчиками, как и множеству других городов, поселков, сел и деревень на нашей земле, совершенно изменили город. Повсюду руины, чернеющие коробки с обугленными отверстиями окон, повисшими лестничными пролетами, груды битого кирпича и обломки на улицах, обгоревшие черные стволы деревьев, которые никогда уже не распустят листьев... И люди, те немногие оставшиеся

люди, которым довелось пережить фашистскую оккупацию в родном городе, с печалью во взглядах, от пережитого такие же почерневшие, как обгорелые деревья, изможденные физически и духовно. От всего увиденного при встрече со знакомым городом еще сильнее разрасталось чувство гнева и ненависти к врагу, сеявшему вокруг смерть и разрушение.

Штаб ВВС Северо-Кавказского фронта разместился в одном из пригородов Краснодара. По численному своему составу он походил скорее на оперативную группу. Начальником штаба был назначен полковник М. И. Дремин, начальником оперативного отдела полковник Б. А. Агеев. Другие обязанности в штабе были поручены еще нескольким офицерам. Партийно-политическую работу во всех авиачастях фронта непосредственно организовывал и направлял заместитель командующего ВВС фронта по политчасти генерал Ф. Ф. Веров. Небольшой, но квалифицированный коллектив работников штаба сразу же после переезда в Краснодар дружно включился в дела, помогая командующему организовать управление авиационными частями и соединениями в развернувшихся на Кубани боевых действиях.

Каждый день порождал десятки неотложных вопросов, больших и малых. Вот, к примеру, вскоре после прибытия в Краснодар в штабе ВВС стало известно, что при перебазировании некоторые летчики и штурманы, впервые оказавшиеся в воздухе над разлившейся Кубанью, ошибочно принимали этот необъятный весенний разлив реки за море. Соответственно в курс полета вводилась поправка, фактически приводившая к отклонению на восток от заданного маршрута. Реальной становилась угроза потери ориентировки со всеми вытекающими последствиями. Уже были отмечены случаи посадки отдельных и даже групп самолетов на другие аэродромы вместо указанных.

— Не хватало еще, что мы начнем нести потери от весеннего паводка, — встревожился Константин Андреевич, когда ему доложили об этом.

Командующий приказал немедленно принять надлежащие меры. Прежде всего потребовал обратить внимание командиров авиачастей на то, чтобы на предполетных инструктажах летчиков и штурманов подробно знакомили с особенностями района полетов, приказал обеспечить четкую и бесперебойную работу радиосвязи.

Перемены в природе, связанные с наступлением вес-

ны, далеко не всегда были радостными. Из-за распутицы многие аэродромы оказалось невозможно использовать до тех пор, пока грунт не подсохнет. На остальных приходилось размещать большее, чем следовало, количество самолетов. Скуденность на аэродроме всегда препятствует делу. И не только потому, что затрудняет организацию летной работы. Возрастает угроза потерь при налетах вражеской авиации. Думы об этом не покидали командующего, и он требовал от своих помощников изыскивать все возможные средства для усиления противовоздушной обороны действующих аэродромов.

В тяжелом положении оказались тыловые подразделения и службы. Некоторые аэродромы находились в окружении залитых водой рисовых полей. В условиях, когда на фронте с каждым днем возрастало боевое напряжение, это обстоятельство переросло в проблему. Бездорожье не позволяло использовать ни автотранспорт, ни тракторы. И солдатам батальонов аэродромного обслуживания пришлось доставлять грузы на аэродромы на своих плечах. А много ли их доставишь таким образом? Между тем именно в марте, когда начался весенний паводок, Вершинин получил от командующего фронтом задачу — организовать переброску грузов в расположение 58-й армии, действовавшей на правом крыле Северо-Кавказского фронта. Выйдя в район Приазовских плавней, ее соединения в результате распутицы оказались отрезанными от баз снабжения и испытывали острую нехватку боеприпасов и продовольствия. Вершинин решил использовать для доставки самолеты По-2, которые не нуждались в больших взлетно-посадочных площадках. Однако нужно было доставлять грузы к этим площадкам. Но как? Выручила солдатская смекалка: появились небольшие плотки, на которых по залитым водой рисовым полям транспортировались грузы на аэродромы.

Однажды Вершинин, в который раз обсуждая с тыловиками вопрос о доставке к аэродромам необходимых грузов, как раз и услышал об этих плотиках. Заинтересовался, стал давать советы, касаясь таких деталей, которые немало изумили собеседников. Увидев недоуменные выражения их лиц, Константин Андреевич объяснил:

— Молодость вспомнил. Я ведь в юности плотогоном был.

Советы Вершинина действительно оказались полезными. «Плотогонный флот», как он шутя говорил, во мно-

гом помог транспортировке грузов по залитой весенней топью кубанской земле.

Для воспоминаний о прошлом иногда достаточно внешне схожей ситуации. Проверая транспортировку грузов на плотях, Вершинин вспомнил себя почти еще юношей, когда довелось ему работать плотогоном.

Детство его прошло в небольшом селении Боркино (по современному административному делению оно находится в Санчурском районе Кировской области). Здесь он и родился 5 июня 1900 года в бедной крестьянской семье.

Когда-то Боркино окружали сплошные леса, боры, от них, видно, и название селения пошло. Но в пору детства Вершинина лесов вокруг уже не было, и боркинцы испытывали нужду даже в дровах. Многодетная семья Вершининых, в которой было семеро, мал мала меньше, жила в постоянной бедности. Принадлежавший ей клочок пахоты да жалкая луговая полоска, сколько на них ни трудись, достатка в семье создать не могли. Мать Константина Вершинина, Афанасия Васильевна, совершенно не знала грамоты. И отец его, Андрей Галактионович, не обучался в школе, хотя и осилил грамоту: умел читать и кое-как писать. Но был он хороший плотник. Этим его ремеслом и существовала главным образом семья.

Боркинские дворы поровну, двумя рядами, расположились вдоль большака Яранск — Царевококшайск (Йошкар-Ола). Одна из немногих картин босоногого крестьянского детства навсегда запечатлелась в памяти: вместе со своими сверстниками ходил сюда Костя Вершинин «слушать, как идут» по проволоке, подвешенной на столбы, депеши. Детям казалось, что провода на телеграфных столбах полые, и тембр звучания их зависит от содержания телеграмм: то раздастся звук начальственно-повелительный, то покорно-просящий, то кротко-печальный. Но чаще, сколько помнил Вершинин, приходилось бывать на большаке ребятишкам вместе со взрослыми: их брали, чтобы помогали вершить мирскую повинность — ремонтировать казенный тракт.

Хотя Константин Вершинин окончил церковноприходскую школу с похвальной грамотой и, по мнению учителя, проявил способности в учении, отец решил, что дальше будет учить сына своему ремеслу: семье нужны кормильцы. Стал одиннадцатилетний Костя Вершинин строгалем в плотницкой артели. Помимо основной обязанности — ошкуривания бревен, выполнял разные поруче-

ния артели, помогал хозяйке дома, готовившей для артельщиков еду. Так проходили дни и месяцы — в тяжелом труде с рассвета до сумерек. Построила артель в то первое его трудовое лето дом богатею в соседнем селе. Вернулись отец и сын Вершинины домой с дешевенькими подарками для семьи. А потом снова на заработки — в отход, как тогда говорили.

К четырнадцати годам Константина Вершинина считали уже настоящим работником. А там началась первая мировая война, и вскоре остался он единственным кормильцем семьи: отца мобилизовали на фронт. Матери с шестью детьми было впору управляться только по дому. Его заработков не хватало и на хлеб. С другом отца он отправился к лесопромышленнику, нанялся на молевой сплав леса. Для частных предпринимателей, которые хищнически и беспощадно вырубали коренные лесные массивы, молевой сплав представлял собой наиболее дешевый способ транспортировки заготовленного леса. Для сплавщиков это был тяжелейший труд, сопряженный с большим риском и опасностью. Нередко они получали увечья. Хронические простудные заболевания — ревматизм, воспаление легких, а то и туберкулез — неизбежно сопутствовали их труду.

Пришлось Константину быть молевщиком, испытал ледяную купель, был плотогоном, лесорубом-возчиком. Потом снова стал плотничать. Константин вырослел. А главное — крепили его гордость и сознание рабочего. Хорошей трудовой школой стала для него работа в Звениговском затоне (речка Звенига — левый приток Волги) на судоремонтном заводе.

Грянул Великий Октябрь. Летом 1918 года совсем рядом запылал огонь гражданской войны. Белогвардейский мятеж шел от Симбирска к Казани, Царевококшайску, Звенигову. В затоне было объявлено военное положение. Часть судов, вошедших в состав Волжской военной флотилии, на заводе переоборудовали и приспособили для ведения боевых действий. Молодой рабочий Константин Вершинин с интересом следил за переменами на заводе. Общение со старшими товарищами-коммунистами все более приобщало к участию в общественной жизни. По просьбе земляков-артельщиков он читал им вслух газеты. Особенно настойчиво просили его читать сообщения о состоянии здоровья Владимира Ильича Ленина после покушения на него правых эсеров.

Артель, в которой был Константин Вершинин, при-

крепили к команде парохода «Ориноко». По корабельному расчету стал он подносчиком патронов к пулемету. Довелось ему на «Ориноко» участвовать в походе на Казань. Вместе с десантом, высаженным ночью 10 сентября, Константин тушил пожары, помогал ликвидировать последствия хозяйничанья в городе белогвардейцев. Артель незаметно распалась. А Вершинин, оставаясь подносчиком патронов на судне, в течение всего 1918 года продолжал работать плотником на восстановлении пострадавших от пожара цехов и других помещений Звениговского завода. 24 февраля 1919 года его приняли в члены партии.

Весной 1919 года, после VIII съезда РКП(б), решения которого призывали трудящихся на борьбу против белогвардейцев и интервентов, все больше рабочих уходило в Красную Армию. Возраст Вершинина подлежал мобилизации, но его, несмотря на все просьбы, не отпускали с завода — нужны были плотники. А у Константина одна мечта — самому с оружием в руках защищать революцию. Но как освободиться от брони? Лучшего не придумал — уехал в свое Боркино, оттуда и был призван в армию.

За многие годы службы в авиации Константин Андреевич хорошо усвоил истину — пренебрежение, просчет в любой кажущейся на первый взгляд мелочи неизбежно может обернуться неудачей в главном. В авиации нет мелочей — об этом он постоянно напоминал подчиненным и сам неуклонно следовал этому правилу. Вместе с тем для стиля Вершинина как военачальника характерным было умение выделить в любой проблеме главное и сосредоточиться на нем, не пренебрегая, однако, и второстепенным.

Главное в ту весну 1943 года заключалось в том, что не только на земле, но и в небе война круто шла на перелом. Его надлежало закрепить и развить во что бы то ни стало.

Чтобы лучше понять характер развернувшихся на Кубани событий, следует вспомнить, что после сокрушительного разгрома под Сталинградом враг был окружен у берегов Волги, потеряв там 330 тысяч своих солдат и офицеров. Вслед за Сталинградом началось изгнание его и из пределов Северного Кавказа. Всю зиму 1943 года наши войска наступали. Пройдя с непрерывными боями от Терека 800 километров, соединения и части Северо-Кавказского фронта в марте вышли в низовья Кубани.

Сталинградский разгром глубоко потряс фашистскую

Германию. Но Гитлер и его генералы рассчитывали летом 1943 года взять реванш за поражение. Тотальная мобилизация дала возможность немецко-фашистскому командованию восполнить понесенные потери, а отсутствие второго фронта в Европе позволило ему без особого риска бросить основную массу своих сил на советско-германский фронт, чтобы летом осуществить там крупные наступательные действия. В связи с этим 17-я армия противника получила приказ: любой ценой удержать низовье Кубани и Таманский полуостров как исходный плацдарм для будущего наступления, главным образом для сковывания здесь советских войск.

10 марта командующий группой армий «А» Клейст, командующий 17-й армией Руофф и командующий воздушным флотом Рихтгофен на совещании в ставке Гитлера услышали из его уст задачу: «Желательно, чтобы Новороссийск был удержан нами и включен в состав таманского плацдарма, с одной стороны, из соображений политического влияния на турков, и, с другой стороны, в целях удержания русского Черноморского флота вдали от Крыма». 13 марта в приказе верховного главнокомандования вермахта, дававшем указания о ведении боевых действий на Восточном фронте в ближайшие месяцы, относительно группы армий «А» было сказано: «...задачей группы армий является — удерживать во что бы то ни стало таманский плацдарм и Крым». Спустя три дня командование группы армий доносило в ставку Гитлера свои взгляды по поводу перспектив обороны на Тамани: «Преимущества позиции: сковывание большого количества русских войск, ограничение возможностей к активным действиям русского флота, облегчение обороны Крыма, благоприятный политический эффект».

Отступая под ударами советских войск, противник отвел свои части на оборонительный рубеж восточнее станицы Крымская. Приазовские плавни в поймах рек Кубань, Вторая и Адагум сами по себе представляли сложные естественные препятствия для наступающих. Противник постарался, кроме того, всемерно укрепить занимаемые позиции в инженерном отношении, умело используя выгоды местности. В наибольшей степени укреплялся участок новороссийского побережья Черного моря до станицы Крымской. Через эту станицу проходили основные железнодорожные и шоссе магистраль на Новороссийск, Анапу, Тамань и Темрюк. Главная полоса обороны — так называемая «Голубая линия» — состояла

из развитой системы мощных опорных пунктов. Таким образом, немецко-фашистское командование сделало все от него зависящее, чтобы прочно удерживать занимаемый район и отвлечь на себя как можно больше наших сил с центрального участка советско-германского фронта.

Однако именно этого стремилось не позволить врагу Советское Верховное Главнокомандование. По его указанию войска Северо-Кавказского фронта после непродолжительной подготовки начали новую наступательную операцию. Ожесточенные бои, не затихая, продолжались на земле Кубани. А в воздухе?

В планах немецко-фашистского командования на авиацию возлагались большие надежды. С ее помощью противник рассчитывал в первую очередь сорвать начавшееся наступление советских войск. Он намеревался также непрерывными ударами авиации стереть с лица земли наш плацдарм под Новороссийском — небольшой, всего 30 квадратных километров, плацдарм, захваченный войсками 18-й армии и моряками Черноморского флота в районе Мысхако (названный тогда «Малой землей»).

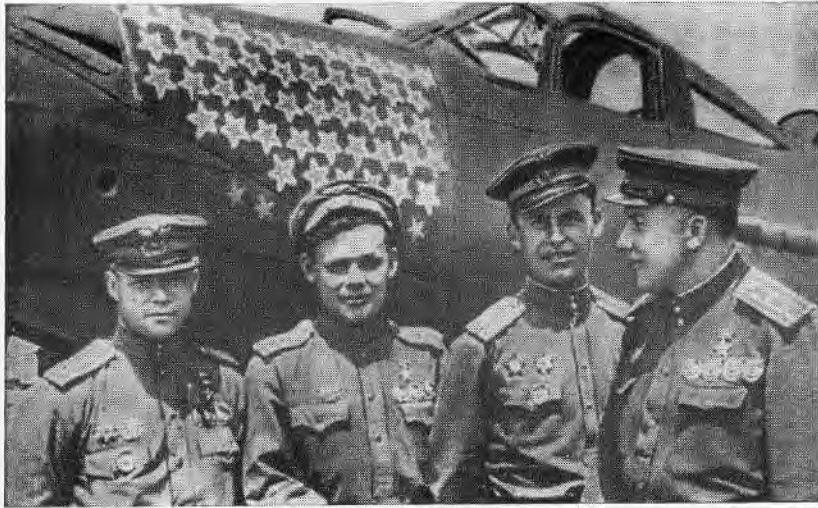
В свою очередь, Военный совет Северо-Кавказского фронта потребовал от командующего ВВС организовать действия подчиненных ему 4-й, 5-й воздушных армий и ВВС Черноморского флота таким образом, чтобы напроочь закрыть небо для врага над нашими войсками. Это требование звучало в устах командующего фронтом в самой категорической форме. Единственное его обещание Вершинину: имея в виду, что сложившееся к началу апреля соотношение сил далеко не в пользу нашей авиации, просить Ставку о ее усилении.

«Усилить-то усилят, — размышлял Вершинин, обдумывая конкретные мероприятия по выполнению требования Военного совета фронта. — Но насколько и когда? Действовать же нужно немедленно. Как? «Не числом, а умением», — вспомнились известные слова. И все же: как? Уменьше требовалось не только и не столько от летчиков, а от авиационных командиров, прежде всего от него — командующего ВВС фронта. И Вершинин часами сидел над картой, изучал сводки, разведывательные данные.

Подумать было над чем. В общей сложности к тому времени в составе ВВС фронта было около 600 самолетов (250 — в 4-й, 200 — в 5-й воздушных армиях, 70 — в авиагруппе Черноморского флота и 60 самолетов группы дальней авиации). Противник же сосредоточил на ста-

Еще один «мессер» сбит.

Герои воздушных боев на Кубани (слева направо): капитан А. Ф. Речкалов, капитан Г. А. Речкалов, лейтенант А. И. Труд и майор Б. Б. Глинка.

Командующий 2-м Белорусским фронтом Г. Ф. Захаров, член Военного совета Н. Е. Субботин и командующий 4-й воздушной армией К. А. Вершинин обсуждают план удара с воздуха по скоплениям войск и техники противника. Август 1944 года.

К. А. Вершинин беседует с Ю. Гагариным и Г. Титовым.

К. А. Мерецков.

Группа советских
работников
города Судогда.
В первом ряду
третий слева —
К. А. Мерецков.

К. А. Мерецков —
помощник начальника
штаба 14-й дивизии.
1919 год.

В Испании
под Гвадалахарой.
Второй
справа —
К. А. Мерецков.

Комдив
К. А. Мерецков.

К. А. Мерецков —
начальник
Генерального штаба.

Командование Волховского фронта.
К. А. Мерецков,
А. И. Запорожец, Г. Ф. Стельмах. 1942 год.

К. А. Мерецков вручает орден снайперу
В. И. Пяхову. 1942 год.

К. А. Мерецков среди участников слета снайперов Волховского фронта, 1942 год.

Командующий 1-м Дальневосточным фронтом К. А. Мерецков осматривает японские укрепления.

В штабе Волховского фронта. Слева направо: член Военного совета фронта Т. Ф. Штыков, командующий фронтом К. А. Мерецков, начальник штаба Ф. Н. Озеров, командующий 14-й воздушной армией И. П. Журавлев.

Маршалы Советского Союза А. М. Василевский и К. А. Мерецков допрашивают пленного японского генерала Х. Хата.

И. Т. Пересыпкин.

Политрук эскадрона
2-го кавалерийского полка
И. Т. Пересыпкин. 1927 год.

Политсостав
2-го кавалерийского полка.
Справа в первом
ряду — И. Т. Пересыпкин.

Красноармеец
И. Т. Пересыпкин.
1923 год.

Нарком связи СССР
И. Т. Пересыпкин.

Адмирал В. Ф. Трибуц.

А. А. Жданов, В. Ф. Трибуц, Н. Г. Кузнецов в походе на линкоре «Октябрьская революция». Лето 1939 года.

И. Т. Пересыпкин,
1943 год.

В. Ф. Трибуц (второй справа) беседует с подводниками-балтийцами.

Фашистский стервятник сбит.

В. Ф. Трибуц среди ветеранов Краснознаменного Балтийского флота.

Парад Победы.

День Победы. Фото А. Устинова.

ционных аэродромах Крыма, а также на Таманском полуострове до 1000 самолетов 4-го воздушного флота, что составляло 38 процентов всей его авиации на советско-германском фронте. Для действий на Кубани он мог привлечь еще и часть бомбардировщиков (до 200 самолетов), находившихся в Донбассе и на юге Украины. Противостоять такому превосходству противника — это дело сложное. А нужно было сокрушать его.

Задачи были ясны. Их Вершинин и поставил перед своим штабом, командирами соединений и частей: завоевать господство в воздухе; надежно прикрыть свои сухопутные войска от налетов вражеской авиации; бомбовыми и штурмовыми ударами по противнику помогать действиям наших частей в районе станицы Крымская. Он особо подчеркивал и не уставал повторять: «Все эти задачи взаимосвязаны, решать их нужно комплексно!»

Ключевой из них являлось завоевание господства в воздухе. Только при этом условии становились возможными и надежное прикрытие войск на земле, и эффективная поддержка их наступления на полуострове.

Но как конкретно решать эти задачи? Учитывая недостаток имевшихся в его распоряжении сил, Вершинин продумал немало вариантов использования их с максимальной отдачей. По его указанию штаб ВВС фронта разработал план взаимодействия, в котором указывалось, какие объекты входят в сферу действий каждого из авиационных объединений и какие подлежат совместным ударам, в какое время наносятся эти удары, сколько должно быть выделено сил, когда и какие подразделения истребительной авиации намечено передать в подчинение командующему ВВС Черноморского флота и т. д. В плане старались как можно детальнее предусмотреть характер и способы действий при наиболее вероятном развитии боевых событий. В то же время — и Вершинин это подчеркивал — план — это основа для проявления инициативы и творчества в конкретно складывающейся обстановке. Поэтому в авиационных армиях и соединениях разрабатывались, нередко с участием Вершинина, свои планы и их варианты.

Большое внимание в планах уделялось взаимодействию с общевойсковыми армиями. И здесь Вершинин вместе с командующими армиями старался предусмотреть самые различные повороты событий. Но при любых поворотах необходима была непосредственная и квалифицированная связь наземных войск с авиацией. Поэтому

по распоряжению Вершинина были специально подготовлены и направлены в стрелковые дивизии в качестве авиационных представителей офицеры-авиаторы.

Понятие «авиационный представитель» только-только появилось тогда в обиходе. Шаг за шагом отрабатывались основные обязанности таких представителей: квалифицированно докладывать общевойсковому или флотскому начальнику о воздушной обстановке, характере действий и возможностях своей авиации; своевременно доносить в авиационный штаб обо всех изменениях в наземной и морской обстановке. На этой основе оперативно решались и согласовывались возникающие в ходе боевых действий вопросы между общевойсковыми, флотскими и авиационными командирами. Вершинин немало сделал для того, чтобы институт авиационных представителей стал постоянным и действенным фактором в обеспечении четкого взаимодействия ВВС с поддерживаемыми войсками фронта.

Здесь, на Кубани, в боевую практику авиации вводилось и еще одно новшество, рожденное опытом войны. По распоряжению Вершинина в непосредственной близости к линии боевого соприкосновения был развернут пункт управления истребительной авиацией. Впервые в 4-й воздушной армии наведение самолетов на цели по радио с земли применено осенью 1942 года, когда враг подошел к подножию Терского хребта и возникла серьезная угроза для Грозного и Владикавказа (Орджоникидзе). Теперь этот прием вводился Вершининым в боевую практику как неотъемлемый и постоянный элемент управления авиацией над полем боя. На одной из высот у станции Абинской он приказал развернуть главную радиостанцию наведения.

Выгоды избранного для нее района не исчерпывались только тем, что она была размещена в полосе 56-й армии, которой отводилась главная роль в наступлении. Важно было и то, что неподалеку от главной радиостанции располагался НП командующего войсками 56-й армии А. А. Гречко. И вспомогательный пункт управления командующего 4-й воздушной армией Н. Ф. Науменко, где основную часть своего времени проводил Вершинин, также находился в этом районе. Но в данном случае высота у Абинской, где разместили главную радиостанцию, обладала еще одним бесспорным и очень важным преимуществом, проистекавшим от своеобразного начертания линии фронта на Таманском полуострове.

Соответственно расположению основных группировок противоборствующих сторон сражение развертывалось в сравнительно небольшом пространстве, ограниченном станциями Крымской, Абинской и Киевской. Руководителю пункта наведения возможно было самому зрительно наблюдать фактически за всем, что происходило в воздухе, а значит, наиболее точно и оперативно информировать ведущих групп своих самолетов об обстановке, наводить самолеты на наземные и воздушные цели, предупреждать о подходе к полю боя вражеских бомбардировщиков и истребителей.

Поближе к переднему краю и на флангах действующих войск были развернуты еще четыре радиостанции с вспомогательными функциями. В их задачу входило информировать боевой расчет главной радиостанции обо всем, что происходило непосредственно в зоне каждой из них. Таким образом, объем информации о наземной и воздушной обстановке существенно дополнялся.

Радиолокаторов на пункте наведения в то время не было. Следовательно, своевременно обнаруживать вражеские самолеты на подступах к линии фронта надо было силами самой авиации. В основном воздушную разведку было намечено поручать истребителям, которые, находясь в воздухе, могли наблюдать за ближайшими аэродромами бомбардировщиков противника. При необходимости предполагалось ведение воздушной разведки и над более удаленными от переднего края вражескими аэродромами.

Занимаясь организацией пункта управления самолетами с земли, Константин Андреевич особенно тщательно подбирал руководителя на главную станцию наведения, справедливо полагая, что от этого во многом будет зависеть успех всего дела. Выбор он остановил на командире 216-й истребительной авиационной дивизии генерал-майоре авиации А. В. Бормане.

В какой-то мере это, вероятно, можно объяснить тем, что в начале апреля 216-я дивизия являлась основным истребительным соединением не только в 4-й воздушной армии, но и в ВВС Северо-Кавказского фронта в целом. Истребителям предстояло сыграть главную роль в борьбе за господство в воздухе. Вершинин справедливо полагал, что поскольку Борман будет руководителем пункта наведения, то ему придется управлять действиями прежде всего летчиков своей дивизии, которых он хорошо знает.

Когда командир дивизии прибыл по вызову к командующему ВВС, Константин Андреевич именно так моти-

вировал свое решение. Однако оно не исчерпывалось только этим обстоятельством, высказанным вслух. Вершинин за время совместной службы успел узнать Бормана как командира, в котором волевое начало, высокая ответственность за порученное дело сочетаются с творческим отношением к нему, с умением своевременно заметить и поддержать рождающееся новое. Управление авиацией с земли как раз и было новым делом.

— Прошу рассматривать данное поручение, — напутствовал Вершинин Бормана, — как одно из самых важных для успеха всего дела. Надеюсь, вы справитесь с ним как нужно.

Получив подробный инструктаж Вершинина, генерал немедленно отправился на главную радиостанцию наведения. Кроме него самого, там находились также расчет радиостанции, офицер-оператор и шифровальщик.

Вершинин же при каждой возможности посещал пункт управления. Он с удовлетворением заключил, что его выбор оказался на редкость удачным. Генерал Борман энергично взялся за порученное дело. Он сразу же ориентировал летчиков, прибывавших в район патрулирования, о складывавшейся обстановке, наводил их на противника, следил за ходом боя, помогал им устранять ошибки, поддерживал правильные решения и действия. Если требовалось, Борман поднимал с аэродромов дежурные самолеты или вызывал истребителей из соседних районов патрулирования для наращивания сил. Сам радиоголос руководителя пункта наведения, отмечал про себя Вершинин, придавал уверенности нашим летчикам, становился неотъемлемым компонентом воздушных боев, происходивших над Крымской. «Тут его место, и только тут», — твердо решил Вершинин. По его ходатайству Борман был освобожден от командования дивизией и назначен заместителем командующего 4-й воздушной армией, сосредоточиваясь целиком на управлении с земли всеми действиями истребительной авиации ВВС фронта.

Почти все светлое время суток Борман не выпускал из рук микрофона, отдавая распоряжения и команды ведущим групп, находившихся в воздухе, кому-то делал внушение, кого-то просто подбадривал. Генералу доставало сил и на то, чтобы суммировать и обобщать итоги за каждый день, обдумывать и систематизировать накопленные впечатления, открывая все новые возможности для улучшения порученного ему дела, вынося на решение Вершинина принципиальные предложения.

Неоднократно Борман поднимал вопрос о необходимости изменения тактики действий истребителей против истребителей противника. Слушая его доводы, Константин Андреевич все более соглашался с Борманом. В качестве новой тактики, которую Борман предлагал распространить во всех частях истребителей, являлись действия летчиков 16-го гвардейского истребительного авиационного полка, только влившегося в 216-ю дивизию после переучивания на новую материальную часть. Полк имел на вооружении американские «аэрокобры».

Нет, в данном случае не какие-то особые свойства самолета, поставляемого по ленд-лизу Соединенными Штатами, привлекли внимание Бормана. «Самолет как самолет... Наши «яковлевы» и «лавоочкины», думаю, и получше будут, но вот мы почему-то не обращаем на это внимания и продолжаем воевать по старинке» — эту фразу, с горячностью брошенную Борманом при очередной встрече, Вершинин хорошо запомнил. Чувства и мысли Бормана ему были сродни. Раз есть новая техника, то это не может не отразиться на тактике. Слова Бормана «продолжаем воевать по старинке» он принял даже как упрек самому себе. Но не обиделся, а решил сам изучить тактику летчиков 216-й дивизии.

Обстановка на земле и в воздухе к тому времени накалилась до предела. Наступление войск Северо-Кавказского фронта, начавшееся 4 апреля, развивалось крайне трудно для нас. Обороняясь на сильно укрепленном рубеже, враг оказал упорное сопротивление действовавшим на главном направлении соединениям 56-й армии. К исходу первого дня все же удалось продвинуться вперед и выйти к железной дороге восточнее станицы Крымской. К концу дня резко ухудшилась погода. Из-за сильных ливней все дороги оказались размытыми и залитыми водой, видимость сократилась до 500 метров, и артиллерия, которая поддерживала пехоту, не смогла вести прицельный огонь. На следующий день вышли из берегов реки Адагум, Вторая, Абин. Транспорт и артиллерия двигаться не могли, наступающим стрелковым частям приходилось продвигаться вброд по заболоченным участкам местности. Наступление застопорилось. И командование 56-й армии приступило к перегруппировке войск, чтобы уплотнить боевые порядки и создать новые ударные группировки на участках прорыва. Противник готовился отразить наступление советских войск, продолжая усиливать в районе Крымской свою оборону. А главное — он все

яростнее атаковал наши войска с воздуха. Его бомбардировщики непрерывно шли к линии фронта, нанося бомбовые удары по советским войскам.

«Закреть небо над Крымской для врага!» — это требование становилось лейтмотивом действий наших истребителей. С пункта управления ежедневно следовали по радио команды на подъем самолетов. Задача была жесткой — в воздухе над Крымской постоянно должны находиться истребители для отражения вражеских атак. Группы самолетов поочередно сменяли друг друга.

Так было и в тот день, когда над Крымской впервые появилась шестерка «аэрокобр» из 16-го гвардейского истребительного авиаполка. Полк только накануне вечером прибыл на фронт после полугодового перерыва, связанного с переучиванием на новую материальную часть. Всем его летчикам был запланирован ознакомительный полет в новом районе действий. Однако генерал Борман, исходя из условий обстановки, решил совместить для одной группы изучение района полетов с выполнением боевого задания.

Выслушав по радио доклад о взлете шестерки, генерал назвал позывной и сообщил обстановку:

— Я — «Тигр», я — «Тигр». В воздухе спокойно. Будьте внимательны. Скоро появятся «юнкерсы».

Через несколько минут в поле его зрения появилась четверка «лаггов» из соседнего с «аэрокобрами» полка. Они взлетели раньше и теперь, прибыв в заданный район, построились в круг и начали на небольшой скорости крутить карусель: привычная картина для тех, кто наблюдал за ними с земли, и для самих летчиков. К великому сожалению, и для противника давно уже не была секретом подобная тактика. И он с большой для себя выгодой пользовался этим.

Объективно настала пора менять ставшие привычными приемы воздушного боя: и боевая техника стала иной, да и летчики кое-чему научились. Бой шестерки, ведомой гвардии капитаном Покрышкиным, убедил в необходимости радикальных перемен в тактике действий наших истребителей.

Обычно «мессершмитты» предваряли налет своих бомбардировщиков, выходя к переднему краю минут за 10—15 до них. Обнаружив советские истребители, они нападали сверху и сковывали их боем. Самый бой зачастую складывался не в нашу пользу, потому что стремитель-

ная атака сверху позволяла противнику приобрести решающее преимущество — в скорости!

Появившаяся над Крымской вскоре после «лаггов» шестерка Покрышкина сразу же привлекала к себе внимание необычностью построения самолетов в группе. Они не прижимались друг к другу, а, наоборот, подошли к району патрулирования в расчлененном боевом порядке: три пары с превышением одна над другой в сотни метров, нечто вроде «этажерки», сдвинутой в сторону солнца. Вся группа шла на высоте примерно в 4 тысячи метров, причём ведущий держал ее курс не точно на станицу Крымскую, а отклоняясь несколько на юг от нее, к морю.

Генерал Борман не стал вмешиваться в действия ведущего, поняв, что тот преднамеренно осуществляет определенный, намеченный заранее маневр. И действительно, группа Покрышкина, следуя вдоль переднего края на юг, вышла в район Новороссийска и по его команде: «Разворот на сто восемьдесят!» — с пологим снижением устремилась к Крымской. Набрал большую скорость, она вскоре была над районом, который ей поручено прикрывать. Затем снова ушла на высоту. Через несколько минут по радио повторилась команда: «Разворот на сто восемьдесят!» Шестерка возвратилась в заданный район. Она не крутила «карусель», взаимно прикрывая «хвосты» собственных самолетов, а совершала маятниковое движение: после набора высоты — пологое снижение, позволяющее достичь большой скорости, выход в прикрываемый район, новый уход вверх и в сторону солнца.

Очередной маневр группы Покрышкина продолжался около пяти минут. За это время над Крымской появились «мессершмитты». Их было больше десятка. Сверху они спикировали на четверку «лаггов». Все началось как обычно. Но в воздухе была еще и необычная наша шестерка. Имея запас высоты и обнаружив врага, ее ведущий бросил группу в стремительную атаку.

— Голубев, атакуй, прикрой! — Глуховатый голос Покрышкина прозвучал спокойно, без особых эмоций.

Борману ничего не пришлось подсказывать с земли. Самолет ведущего вражеской группы через какое-то мгновение был буквально изрешечен пулеметной молнией.

— Вот дает! — услышал генерал позади себя голос кого-то из расчета главной радиостанции. «Мессершмитт» горящим факелом, разваливаясь на части, стал падать вниз, а истребитель Покрышкина круто пошел ввысь, из-

готавливаясь к новой атаке. Ведомый не отрывался от ведущего.

Пара Покрышкина еще не закончила набор высоты, а вниз повалился уже второй «мессершмитт». Его сбил ведущий самой верхней пары — Григорий Речкалов. Завершив атаку, и эта пара пошла набирать высоту...

Вскоре шестерка заняла прежний боевой порядок, в любое мгновение готовая начать новую атаку. Но повторять ее в том вылете не потребовалось. Потеряв два своих самолета, вражеские летчики поспешно скрылись. Бомбардировщики противника так и не появились над Крымской. Видимо, эффект неожиданности так подействовал на командование вражеской авиации, что оно возвратило бомбардировщики с маршрута во избежание дальнейших потерь.

При очередном докладе Вершинину об итогах прошедшего боевого дня Борман, рассказывая об этом воздушном бое, использовал его в качестве очередного, весьма убедительного аргумента в пользу назревшего пересмотра тактики действий наших истребителей.

— Вы бы только видели этот бой, товарищ командующий! — восклицал он, сокрушаясь, что Вершинин не смог в те минуты быть у главной радиостанции наведения и увидеть все собственными глазами. Ведь известно, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

Через несколько дней Вершинин получил от Бормана письменное изложение его взглядов на тактику действий наших истребителей. В нем говорилось:

«Я пришел к выводу, что надо в корне менять методы ведения оборонительного боя, применявшиеся в первые дни войны. Сегодня они стали уже большим злом. Надо дать летчикам почувствовать их силу в паре. Нужен перелом. Переход к новому должны начинать командиры полков. Сейчас они, опасаясь потерь, на любое задание посылают группу из 8—12 самолетов и не дают инициативы ведущим парам. Командиры группы, в свою очередь, боясь потерять из поля зрения самолеты, водят их в скученных боевых порядках, связывая этим свободу маневра. В бою паре легче маневрировать, атаковать и уходить из-под ударов. Находясь на радиостанции наведения и наблюдая за действиями летчиков, я твердо убедился в этом».

За день до того, когда Константин Андреевич читал эти строки, он уже имел возможность лично наблюдать с пункта наведения за действиями летчиков-гвардейцев

из 16-го истребительного авиаполка. В район патрулирования над станицей Крымской вылетела шестерка, ведомая Покрышкиным. Но уже с маршрута она была переацелена на прикрытие Краснодара, куда приближались три девятки «юнкерсов». Подтвердив получение приказа, Покрышкин изменил курс полета своей группы. На подходе к Краснодару он обнаружил ниже себя восьмерку «мессершмиттов». Правильно решив, что вражеские бомбардировщики еще на подходе, Покрышкин устремился в атаку на истребителей, расчищавших им дорогу. Сам он, умело использовав высоту, спикировал на врага из-под самых облаков, нанес внезапный удар по «мессершмитту» и сбил его. Речкалов сразил второго.

С земли было хорошо видно, как оставшиеся шесть «мессершмиттов» в панике сломали строй, прижимаясь к земле. За ними устремились советские истребители. Вперед вышел ведомый Покрышкина, молодой летчик. Как выяснилось потом, в азарте первого своего боя он закричал по радио:

— Атакую, атакую, прикройте, прикройте!

Покрышкин, стараясь снять излишнее возбуждение у летчика, подчеркнуто ровным голосом ответил:

— Прикрываю, атакуй!

Увидев, что атакующий не вытерпел и открыл огонь с большой дистанции, снова охладил его пыл:

— Спокойней, не торопись стрелять. Подойди ближе!

Такая вот вроде бы будничность, обыденность в голосе командира лучше всего подействовали на молодого летчика. Он уверенно сблизился с противником и новой пулеметной очередью сбил его. Третий «мессершмитт» в этом бою пылающим шаром полетел к земле.

— Молодец! — коротко резюмировал Покрышкин и подал команду прекратить преследование. Группа развернулась к Краснодару.

Окраину города накрыло облако дыма: одна группа «юнкерсов» прорвалась к цели. Ее атаковали истребители из полка, который базировался непосредственно на Краснодарском аэродроме. Других групп бомбардировщиков противника над городом не было видно. Зато из-под самых облаков в атаку на истребителей Покрышкина сверху и сзади устремилась очередная партия «мессершмиттов». Группа Покрышкина по его команде резко развернулась и пошла навстречу врагу. Атакой снизу Покрышкин сбил ведущего. Остальные вражеские истребители поспешно нырнули в облака. Группа сделала раз-

ворот на Крымскую. Снова навстречу ей «мессершмитты». Их вдвое больше, чем наших, но и это не помогло. Покрышкин сбил еще один «мессершмитт», четвертый по счету в одном только боевом вылете!

Шестерку Покрышкина над Крымской сменила пятерка, ведомая штурманом 16-го авиаполка гвардии майором П. П. Крюковым. Сразу же с земли по радио поступил сигнал: «Противник справа!» Четыре Ме-109 шли ниже и правее нашей группы. Обнаружив их, Крюков резко устремился в атаку, приказывая ведомому возглавить оставшиеся самолеты.

Один против четырех — не ухарство ли это? Борман никак не вмешивался в действия Крюкова. Его остановил Вершинин, находившийся на пункте наведения авиации. Он хорошо знал, что не такой Крюков летчик, чтобы хвалиться перед подчиненными своей удалью. Беззаветное мужество и высокое летное мастерство Крюков проявил еще в боях на Халхин-Голе, за что и был удостоен тогда ордена Красного Знамени. Вершинин понял, что ведущий не захотел отвлекать свою группу от выполнения основного задания — не допустить до наших сухопутных войск бомбардировщики противника, не позволить им прицельно сбросить бомбы. Действия Крюкова были основаны на правильном понимании обстановки, его богатом боевом опыте. Он учитывал не только личное мастерство и преимущество в высоте над вражеской четверкой, но и то, что в трудный момент на помощь ему придет каждый летчик его группы.

Резко развернув самолет, Крюков пошел в лобовую атаку. Огнем с дистанции 100—150 метров сбил ведущего. Ведомый сбитого пустился наутек, а Крюков с ходу атаковал вторую пару, сбил еще одного, вскоре и третьего.

Константин Андреевич от начала и до конца лично следил за действиями этих превосходных летчиков — Покрышкина и Крюкова. И то, что он видел в этот день, и письмо Бормана, прочитанное им, и множество других фактов из потока стекавшей ежедневно информации — все это укрепляло его убежденность в необходимости существенных перемен в тактике борьбы в воздухе.

День за днем в кубанском небе разворачивались невиданные доселе события. Это уже потом, после войны, историки нашли строгие формулировки для оценки обстановки того времени и отметили, что на Северо-Кавказском фронте она к началу апреля 1943 года «характери-

зовалась повышенной активностью авиации обеих сторон, увеличением размаха и напряженности борьбы за господство в воздухе».

Участники тех событий мало задумывались над отточенностью формулировок. Испытывая в каждом боевом вылете на себе эту самую «повышенную активность», свои непосредственные ощущения они определяли с максимальной выразительностью: «Настоящая рубка!» Как-то не очень заметно, исподволь, борьба за господство в воздухе становилась яростнее, ожесточеннее.

На Тамань были стянуты не только большие, но лучшие силы люфтваффе: истребительные эскадры «Удет», «Мельдерс», «Зеленое сердце». Сюда же немецко-фашистское командование перебросило специальную группу асов для борьбы с советскими истребителями. Начиная с испанской Гёрники, с начала войны в Европе они привыкли господствовать в воздухе. Их преимущество в количестве и качестве самолетов над противниками зачастую было подавляющим. В результате они привыкли диктовать свои условия в небе. Это кружило головы, преисполняло самомнением. Они считали себя — и геббельсовская пропаганда тому способствовала — цветом арийской расы, носителями неистребимого тевтонского духа.

На каких-то участках советско-германского фронта в отдельные периоды, особенно в битве под Москвой, затем под Сталинградом люфтваффе утрачивали господство в воздухе. Но это до поры воспринималось как нечто, обусловленное какими-то привходящими моментами (например, «русская зима»), не более чем как случайные эпизоды. Спесь сохранялась у фашистских летчиков и в начале воздушных боев на Кубани. Но по мере того, как под ударами наших истребителей факелами устремлялись к земле их сбитые самолеты, она все быстрее слетала с них: все чаще удирали их истребители из района боя, а бомбардировщики сбрасывали бомбы куда попало. То, что видел теперь Вершинин в исполнении лучших летчиков-истребителей 4-й воздушной армии, преисполняло его чувством глубокой к ним благодарности. Они выстояли в самое трудное время, не растерялись, не спасовали, выдержали тяжелейшие испытания и вот начали бить врага наверняка.

Взять того же Покрышкина. Впервые увидел его Константин Андреевич в строю летчиков 16-го гвардейского истребительного авиаполка, когда в начале лета 1942 года на аэродроме в Славяносербске вручал полку

гвардейское знамя. Факты боевой биографии неоспоримо свидетельствовали о его самобытности, незаурядности. Он был одним из немногих ветеранов полка, кто встретил войну в первый ее день и продолжал оставаться в строю, хотя практически не выходил из боев вплоть до отправки полка осенью 1942-го в тыл на переучивание. Что это — счастье, везение? Невольно вспоминались слова Суворова о том, что не следует постоянно кивать на везение, когда-то ведь и умение в расчет брать следует. Вот это умение, постоянный поиск путей к боевому совершенствованию было главным, что выделяло этого отважного среди отважных.

Изо дня в день водил он группы истребителей на сопровождение бомбардировщиков, штурмовиков, летал на разведку, выполнял самые ответственные задания. Периодически ему поручали обучение молодых летчиков, прибывавших на пополнение. К осени 1942 года, когда 16-й гвардейский полк вывели на отдых и переучивание, на боевом счету Покрышкина числилось свыше 350 боевых вылетов и 12 сбитых самолетов противника.

Наблюдая теперь за действиями над Крымской шестерки, ведомой Покрышкиным, Вершинин, видно, вспомнил о нем... Две радиogramмы поступило в тот день от командующего ВВС Северо-Кавказского фронта. В первой он объявил благодарность всем летчикам группы Покрышкина. Во второй приказал гвардии майора П. П. Крюкова и гвардии капитана А. И. Покрышкина представить к награждению боевыми орденами.

Что касается письма Бормана, то Вершинин предложил Науменко размножить это письмо, продиктовал распоряжение: разослать его в истребительные авиационные дивизии и обсудить со всеми командирами полков и эскадрилий; организовать выезды командиров авиадивизий на главную радиостанцию наведения для ознакомления с опытом руководства истребителями по радио с земли; провести в соединениях лётно-тактические конференции с выступлениями на них лучших летчиков воздушной армии; на основе изучения и обобщения всех предложенных внедрить затем новые приемы действий в боевую практику истребительной авиации.

Выполняя указания командующего ВВС фронта, Науменко вновь побывал в 16-м гвардейском истребительном полку: в действиях его летчиков наиболее ярко проявлялись новые идеи в тактике ведения воздушного боя.

В тот день наши войска продолжали наступление за

овладение Крымской. Противник пытался остановить их бомбовыми ударами с воздуха. 16-й авиаполк получил задачу — прикрыть наступление сухопутных войск, отогнать вражеские бомбардировщики. Командир полка периодически отправлял к переднему краю четверки и шестерки истребителей. Конечно, желательнее было бы действовать большими группами над полем боя, это хорошо понимал Науменко. Однако можно понять и командира полка: укрупнив состав группы, он не сможет обеспечить непрерывное патрулирование над Крымской в течение отведенного ему времени. К сожалению, и командующий воздушной армией не мог уменьшить для полка этот отрезок времени, потому что сил не хватало.

Летчики и ведущие групп, естественно, были недовольны тем, что над полем боя они всякий раз оказываются в меньшинстве. Вернувшись с задания, Покрышкин на вопрос Науменко ответил со всей категоричностью:

— Нельзя так воевать, товарищ генерал!

— Чем недоволен, говори!

— А тем, что мы до сих пор пытаемся бить врага растопыренными пальцами. Это же не сорок первый год, товарищ генерал, а сорок третий. У нас позади Сталинград!

— Как же, по-твоему, надо бить?

— Кулаком! Только кулаком и, как говорится, под самую скулу. Разве мы не можем послать на перехват «юнкеров» большую группу и встретить их еще там, за линией фронта? Что мы как шмели жужжим только над полем боя? И много ли может сделать четверка?

Впрочем, Покрышкин высказал и свои взгляды о действиях четверок, и многое другое, как говорится, наблевшее. Сетования летчиков относительно малочисленности групп наших истребителей, посылаемых в бой, были Науменко понятны, хотя пока что не хватало сил для их укрупнения. Наблюдения Покрышкина и его товарищей за особенностями действий противника, предложения о целесообразной тактике наших истребителей в этих условиях — их конкретные расчеты прямо-таки просились в методическую разработку, которую по указанию Вершинина готовил штаб армии по обобщению опыта борьбы с вражескими бомбардировщиками.

Методическая разработка способов борьбы с вражескими бомбардировщиками, основанная на опыте лучших летчиков, была подготовлена в середине апреля. Озна-

комившись с ней, Вершинин предложил сначала обсудить эту работу с летным составом в одной из частей. Такое обсуждение провели в 45-м гвардейском истребительном авиаполку, где новаторами в тактике выступали братья Д. Б. и Б. Б. Глинки, ставшие впоследствии Героями Советского Союза. Предложения летчиков обрадовали Вершинина. Многие летчики полка внесли в разработку так много нового, что Константин Андреевич с удовлетворением подумал: «Вот ведь как масштабно мыслят: и свое — летное, и наше — командирское, учитывают». Выступления летчиков во многом изменили содержание методической разработки. Она стала хорошим пособием для авиаторов.

Многое из того, что говорили летчики и что Вершинин мысленно назвал «нашим — командирским», реализовывалось. В частности, по указанию Вершинина была создана специальная группа истребителей, базировавшаяся на аэродроме в районе Геленджика. Вместе с ВВС Черноморского флота эта группа осуществляла перехват вражеских бомбардировщиков, вылетающих с аэродромов Керченского полуострова. В результате еще до подхода к цели боевой порядок противника нарушался, нередко и с потерями для него. Это значительно облегчало действия наших истребителей на переднем крае, но этого рядовые летчики — участники совещания, естественно, не знали. Вершинина радовало, что они в своих выступлениях не ограничивались лишь своими обязанностями, а проявляли заботу об общем ходе боевых действий, причем квалифицированно.

На совещании многие высказали мысли, схожие с доводами Бормана. Хотя Вершинин был и сам согласен с этими доводами, он все же решил их специально обсудить на встрече с лучшими истребителями 4-й воздушной армии.

Однако встречу пришлось отложить. Противник принял отчаянные усилия, чтобы ликвидировать плацдарм советских войск южнее Новороссийска. Приостановив наше продвижение в районе Крымской, вражеские части 17 апреля в районе Мысхако после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление, чтобы уничтожить героический десант 18-й армии, удерживающий Малую землю.

Ранним утром этого дня вражеская артиллерия открыла массированный огонь по переднему краю и ближайшей глубине наших войск. За полтора часа по плацдарму было выпущено свыше десяти тысяч снарядов и мин. В это же время самолеты противника группами по 50—

70 машин наносили бомбоштурмовые удары на всю глубину обороны и по всему фронту, стремясь подавить нашу оборону на переднем крае, огневые позиции артиллерии, командные пункты, уничтожить резервы боеприпасов. Вслед за скоростными бомбардировщиками волнами двигались пикирующие, за ними — штурмовики. По свидетельству противника, 17 апреля в налетах на плацдарм Мысхако участвовало более 1070 самолетов, часть из которых делала по несколько вылетов. Интенсивность действий вражеской авиации над плацдармом не снижалась вплоть до 20 апреля. Это был срок, в который немецко-фашистское командование намечало окончательный разгром Малой земли.

Положение для защитников Малой земли сложилось исключительно тяжелое. Советское Верховное Главнокомандование решило перебросить на Северо-Кавказский фронт три авиационных корпуса из резерва Ставки: 3-й истребительный (командир — генерал Е. Я. Савицкий), 2-й бомбардировочный (командир — генерал В. А. Ушаков), 2-й смешанный (командир — генерал И. Т. Еременко) — и 287-ю истребительную авиационную дивизию (командир — полковник С. П. Данилов).

К 20 апреля из состава этих соединений на Кубань прибыло 300 самолетов (переброска и ввод в бой остальных сил — до 200 самолетов — происходили в конце апреля — начале мая). Вершинин доложил Военному совету фронта о том, что соотношение сил в авиации значительно изменилось в лучшую для нас сторону. Действительно, 17 апреля в налетах на небольшой клочок земли, обороняемый десантниками, участвовали 361 обычный и 401 пикирующий бомбардировщик, 71 штурмовик и 206 истребителей. Этим силам с нашей стороны противопоставили всего лишь 500 самолетов, в том числе 100 бомбардировщиков. А уже 20 апреля в распоряжении командования фронта насчитывалось 900 самолетов.

Боеспособность авиации фронта возросла не только за счет количественного роста самолетного парка. Иным стало его качество. Удельный вес новых типов бомбардировщиков возрос до 65 процентов (раньше только 25—30 процентов). Истребительные авиационные полки, прибывшие на усиление, имели на вооружении прекрасные отечественные самолеты «лавочкины» и «яковлевы».

Вершинин в эти дни был необычайно возбужден, хотя внешне это и не проявлялось. Наконец создавались условия для осуществления того, что он давно вынашивал

в своем сознании и что удавалось делать лишь частично и кратковременно, — для массированного применения авиационных сил.

И Вершинин голову ломал, как лучше использовать значительное количественное и качественное усиление авиации Северо-Кавказского фронта. По его указанию штаб готовил конкретные предложения по постановке боевых задач прибывавшим авиационным соединениям. Сам Вершинин знакомился с их командирами. Об одной из этих встреч мы узнаем из рассказа дважды Героя Советского Союза, маршала авиации Е. А. Савицкого, бывшего в то время командиром 3-го истребительного авиационного корпуса.

Встреча состоялась вечером 17 апреля 1943 года в штабе 4-й воздушной армии.

Вершинин приехал в штаб армии усталый, озабоченный. Но принял Савицкого радостно.

— Ждали! Ох, как мы ждали вас!

Доклад командира корпуса о состоянии его частей и соединений еще более воодушевил Вершинина. В состав корпуса входили две истребительные дивизии и соответствующие службы. Полки этих дивизий в конце 1942 года были переброшены с Дальнего Востока. Там они летали на устаревших самолетах И-16 и И-153 («Чайка»). До прибытия на Кубань летчики дивизии в боях не участвовали. Но они имели высокий уровень подготовки в технике пилотирования и воздушной стрельбе, что позволило им быстро овладеть истребителями Як-1 и Як-7б. Словом, боевого опыта летчики корпуса еще не имели. Но какова подготовка! Это и обрадовало Вершинина. Выслушав Савицкого, он сразу приступил к делу:

— Начну без обиняков. Время дорого. Положение серьезное. За плацдарм на Мысхако обе стороны дерутся отчаянно, не жалея сил. Представляете, почти три десятка квадратных километров, огромные трудности с подвозом боеприпасов, питания, эвакуацией раненых, а они держатся. И как держатся! Уму непостижимо. Постоянный обстрел из всех калибров артиллерии, непрерывные бомбежки...

Касаясь соотношения авиационных сил на Северо-Кавказском фронте, Вершинин так обрисовал его Савицкому:

«У немцев, вероятно вам уже доложили, на нашем участке действует около 1200 боевых самолетов. У меня их всего в двух воздушных армиях не более 450. И даже

приплюсовывая к ним 70 самолетов Черноморского флота и 60 бомбардировщиков авиации дальнего действия, получаем 580 единиц. Кроме того, летный состав измотан в зимних боях, большие потери, особенно в последние три недели... Дерутся отчаянно... Но слишком неравные силы. Вот почему вас так срочно перебросили сюда. И с ходу, как говорится, в бой...»

Вершинин подробно, по-товарищески напутствовал комкора, заранее настраивая его на поиск наиболее верных путей к победе в сложнейшей ситуации. И сам уже включался в раздумья вместе с ним. Потому предугадал, чем был обеспокоен в те минуты Савицкий.

— Понимаю. Вам нужно хотя бы несколько дней на подготовку, — сказал он в раздумье, — на знакомство с районом боевых действий. Понимаю. Но нет у меня в запасе для вас ни одного дня. Единственное, чем помогу, — дам несколько летчиков из наших частей, опытных ребят. Они помогут.

Вечером того же дня в штаб корпуса Савицкого поступило распоряжение, подписанное начальником штаба 4-й воздушной армии. Из него следовало, что частям корпуса дается на облет района один день, после чего с утра 19 апреля они должны быть готовы к прикрытию десантников на Малой земле. По распоряжению Вершинина к корпусу Савицкого для передачи опыта прикреплялись опытные летчики из 216-й дивизии.

Вечером следующего дня по указанию Вершинина корпусу Савицкого была поставлена боевая задача: одной дивизией сопровождать бомбардировщиков и штурмовиков, второй — патрулировать над Мысхако, не давая фашистам бомбардировать десант.

19 апреля и на земле и в воздухе было чрезвычайно жарко. Над Малой землей стояли столбы пыли и дыма. Воздушные бои непрерывно возникали на всем пространстве. Результаты первого боя, как вспоминал Савицкий, ему и его начальнику штаба не казались удовлетворительными: слишком велики были потери, хотя за каждый потерянный в бою самолет было уничтожено несколько вражеских. Поэтому ввод в бой свежих сил на стороне нашей авиации в момент, когда борьба за господство в воздухе достигла своего апогея и решающим образом влияла на ход боевых действий на земле, оказал большое влияние на развернувшееся грандиозное авиационное сражение над Кубанью.

18 апреля на Северо-Кавказский фронт прибыли пред-

ставители Ставки ВГК Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и маршал авиации А. А. Новиков. К этому времени штаб ВВС фронта завершил разработку плана авиационного наступления. Он еще раньше был одобрен Военным советом фронта и во многом уже начал претворяться в жизнь. Теперь план был утвержден Г. К. Жуковым и А. А. Новиковым. Существенных поправок в него внесено не было. Но по вопросам представителей Ставки ВГК Вершинин понял, что от ВВС фронта и от него, их командующего, ожидается нечто большее, чем обеспечение боевых действий наземных войск. Задача состояла в том, чтобы завоевать господство в воздухе. И то, что план был утвержден без существенных поправок, еще раз убедило Вершинина, что он в своих исканиях стоит на правильном пути.

Суть плана состояла в том, чтобы бить врага не только в воздухе, но и на земле, на его аэродромах, причем так, чтобы удары наращивались, перерастая в массивное наступление всеми силами. А сил прибавилось немало.

20 апреля стало переломным днем в сражении на Малой земле. Спустя два дня наступательные действия немецко-фашистских войск заметно ослабели, их авиация, понесшая серьезные потери, резко снизила активность. Если 17 апреля в районе боевых действий отмечалось до 1248 самолетов-пролетов противника и он обрушивался на десантников группами по 30—60 бомбардировщиков под сильным прикрытием своих истребителей, то уже 21—22 апреля количество самолетов-пролетов уменьшилось вдвое, причем в эти последние два дня наши летчики сбили еще 45 фашистских самолетов. Высокую оценку действиям руководимых Вершининым ВВС дал Военный совет фронта: «В течение трех дней над участком десантной группы происходили непрерывные воздушные бои, в результате которых авиация противника, понеся исключительно большие потери, вынуждена была уйти с поля боя. Господство в воздухе перешло в наши руки. Этим определилась и дальнейшая наземная обстановка».

Успешно наносили удары наши бомбардировщики по аэродромам противника. В связи с сильным противодействием вражеских истребителей эти удары осуществлялись только по ночам. Наиболее эффективно осуществляли налеты по крупным аэродромам в Сарабузе и Саках в Крыму летчики авиации дальнего действия, уничтожившие и повредившие свыше сотни бомбардировщиков противника.

Как ни напряженна была обстановка, Вершинин все же нашел время для проведения ранее намеченной встречи с летчиками-истребителями. На нее были приглашены лучшие мастера воздушного боя из разных полков, в том числе П. П. Крюков, А. И. Покрышкин, Д. Б. Глинка, В. Г. Семенишин. Прибыли они на аэродром вблизи Краснодара прямо на своих боевых самолетах. Прежде всего их пригласили в столовую к нарядно сервированному столу, накормили вкусным завтраком. Как вспоминает в своих мемуарах Покрышкин, «на столе присутствовал и полный чайник с красным вином, а Глинка с нарочитой подозрительностью оглядывался вокруг и спрашивал товарищей:

— Никто не засекает, сколько мы пьем?

— Да вроде бы нет.

— Тогда давайте еще нальем.

У нас был настоящий праздник: на столе вино, закуска. Полетов сегодня нет и не предвидится, начальство словно забыло о нас».

А начальство решило дать отдохнуть летчикам, общаться в дружеской обстановке. Вскоре состоялась деловая часть встречи с командующим ВВС Северо-Кавказского фронта. Вот как об этом рассказал А. И. Покрышкин:

— Давайте, товарищи, посоветуемся, — просто начал Вершинин, — как нам лучше бить врага в воздухе.

Генерал подробно обрисовал обстановку на фронте, охарактеризовал наши и немецкие воздушные силы, а затем остановился на наиболее важных проблемах боевого применения бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации. «Самая неотложная задача, которую нам предстоит решить, — говорил он, — это завоевание здесь, на Кубани, подавляющего господства в воздухе. Мы должны стать полными хозяевами неба».

Здесь, в штабе, я узнал, например, что бомбардировщики и штурмовики станут действовать теперь массивно. Это дает им возможность успешно строить оборону, и нам не придется опекать их так, как раньше. Располагая достаточным количеством истребителей, наше командование будет в состоянии не только посылать на сопровождение крупные силы истребителей, но и постоянно держать определенное количество самолетов над передним краем, а также организовывать перехват вражеских бомбардировщиков на подходе к линии фронта.

— Раньше нам противник навязывал свою волю, —

подчеркнул генерал, — а сейчас он приспособливается к нашей тактике. Разве от хорошей жизни «юнкерсы» теперь все чаще сбрасывают бомбы, не доходя до цели и куда попало? Нет! Просто вместе с численным преимуществом враг все больше теряет и веру в свои силы. Наша задача — целиком захватить инициативу в свои руки.

Я едва сдержался, чтобы не сказать: «Правильно!» А когда генерал начал говорить о значении мастерства для достижения успеха в воздушном бою, мне захотелось выступить на этом совещании, поделиться своими мыслями о тактике, сказать о том, что волнует нас, истребителей.

После меня выступили другие товарищи. Генерал Вершинин внимательно выслушал всех и даже сделал какие-то записи в своем блокноте».

Так и учились они на войне друг у друга: летчик-командиры у своего командующего, командующий у них. Учились постоянно, непрерывно, взаимно обогащая друг друга.

Сам Вершинин постоянно был в творческом поиске. Он смело ломал устаревшее. Именно в небе Кубани стараниями Вершинина и его штаба стал энергично вытесняться, как его окрестили, «строй-рой» — сомкнутый боевой порядок, основанный на «локтевой» связи. Вместо него вводился новый боевой порядок — свободно маневрирующие пары в рамках пространства, которое занимает подразделение. Вершинин требовал от командиров истребительных авиационных полков и дивизий предоставлять максимум инициативы паре, находившейся в боевом порядке группы, широко использовать свободные полеты, смелее воспитывать в каждой части асов и предоставлять им самостоятельность в выборе целей и методов атак.

Запретить старое — лишь одна половина дела. Главное — убедить людей, что это сделано правильно, что когда-то привычное уже изжило себя, а пришедшее ему на смену имеет широкие перспективы.

Вершинин понимал, что некоторым командирам не легко перестроиться, им нужно приложить немалые волевые усилия. Без убежденности, что так нужно, тут никак не обойтись. И потому он строго требовал, чтобы командиры авиаполков и дивизий в обязательном порядке лично выезжали в наземные войска для наблюдения за действиями своей авиации над полем боя.

Это требование, как правильно рассчитывал Вершинин, должно положить конец раздумьям «ехать — не ехать»,

ссылкам на нехватку времени — его у командиров всегда в обрез. Но Константин Андреевич хотел, чтобы каждый командир лично и не однажды понаблюдал за воздушными боями, проанализировал действия летчиков, сам бы понял, чего лишается тот, кто по старинке крутит в воздушном бою «карусель» и продолжает цепляться за «строй-рой».

— Пусть сами посмотрят. Пусть сами оценят, — говорил он работникам штаба, — тогда придет убежденность. Тогда они смогут душой воспринять новое, внедрять и распространять его в своих подразделениях и частях.

Расчет Вершинина оправдывался. В короткий срок весь летный состав включился в освоение новой тактики боевого применения скоростных истребителей. Конечно, как и во всяком новом деле, не обошлось без ошибок, особенно после того, как к управлению действиями истребителей с радиостанций наведения стали привлекать более широкий круг командиров.

Иногда право руководить, управлять с земли представлялось чуть ли не всем офицерам, выезжавшим на передний край, чтобы наблюдать за действиями своей авиации. А в этом деле тоже нужны были определенные навыки, очень конкретные и точные команды. Непродуманные ориентировки взвинчивали нервы находившимся в воздухе летчикам и, естественно, уже не способствовали, а мешали выполнению боевых задач. К примеру, появлялась в поле зрения командира пара «мессершмиттов», он, не замедлив, оповещал по радио: «В воздухе «мессы!» Но где они, сколько их, кто из наших истребителей конкретно должен был изготовиться, обнаружить их и атаковать — об этом ни слова. Вот и начинали все находившиеся в воздухе летчики искать этих «мессов», менять курс и высоту...

Эти и другие недостатки были «болезнью роста». В процессе боевой практики они преодолевались. В частности, был установлен более четкий и строгий порядок управления самолетами по радио с земли.

24 апреля Вершинин прибыл в штаб корпуса Савицкого. Командир корпуса находился в это время в воздухе: в районе Крымской в паре со своим ведомым майором А. И. Новиковым провел воздушный бой против двух «мессершмиттов», сбив одного из них и обратив в бегство другого. Когда Савицкий приземлился, Вершинин поджидал его на самолетной стоянке. В ответ на доклад

Савицкого о его боевом вылете и его результатах. Вершинин ничего не сказал и сразу перешел к делу, которое должен был решать именно с командиром корпуса, но говорил строже обычного, и это озадачило Савицкого.

Вершинин оценил сложившуюся на данный момент обстановку, сформулировал вытекающие из нее боевые задачи авиакорпусу. Затем Константин Андреевич перешел к разбору действий летчиков-истребителей. Накануне он находился на ВПУ в районе Абинской и наблюдал около двух десятков воздушных боев летчиков 265-й дивизии. Дрались они смело, напористо, но без учета обстановки в воздухе. Несмотря на хорошую личную подготовку, в группе бой они вести еще не научились, часто теряли друг друга, плохо использовали радио.

— Необходимо обратить самое серьезное внимание на боевое сколачивание пар и звеньев, — говорил Вершинин. — Нужно чаще вылетать парами и звеньями, реже — эскадрильями. Пусть пары в воздухе взаимодействуют между собой, но не обязательно им находиться в едином боевом порядке. Нужно располагаться пошелонно с разницей в высоте в 500—1000 метров. Решительно потребуйте от своих летчиков, чтобы они перестали возвращаться на аэродром по одному. Пара в воздухе не должна быть делимой ни при каких обстоятельствах!

Закljučая беседу, Вершинин сказал:

— И вот на что обратите внимание — отказ радио нужно расценивать как отказ мотора или оружия. И попробуйте как-нибудь провести конференцию летчиков. Она принесет им большую пользу, поможет разобраться во многих новых для них тактических вопросах.

Савицкий, как он отмечал в своих мемуарах, надолго запомнил встречу с командующим. Еще, вероятно, и потому, что хотя и не услышал в тот раз нарекания от Вершинина, но по его настроению, строгому тону понял, что он недоволен, и понял, чем именно. «Я угадывал, — вспоминает Савицкий, — что он не одобряет моих боевых вылетов, хотя открыто мне об этом и не говорит. Я понимал, что мне, как командиру корпуса, следовало чаще находиться на своем командном пункте, анализировать обстановку, более целеустремленно ставить задачи полкам».

Воздушное сражение над Кубанью нарастало. В отдельные дни проводилось до 50 групповых воздушных боев с участием по 30—50 самолетов с каждой стороны. Советская авиация неуклонно усиливала свою активность.

Сказывалась и новая тактика действий истребителей: потери противника резко возросли, а наши снизились. Масштабные ночные бомбардировки вражеских аэродромов все больше ослабляли возможности бомбардировочной и штурмовой авиации противника. Достигнутое вначале в боях над Мысхако превосходство советской авиации расширилось территориально, охватывая теперь всю полосу наступления Северо-Кавказского фронта, становилось все более прочным. Наконец наступило время, когда Вершинин удовлетворенно сказал Науменко:

— Теперь это уже необратимое дело. Господство в воздухе достигнуто окончательно и бесповоротно. И добились мы этого не так, как в свое время противник, не численным превосходством, а прежде всего искусством применения авиации, мастерством летчиков.

И уже с шутливой ноткой в голосе Константин Андреевич спросил:

— Не зазнаемся, а?

И сам ответил:

— Не для того воюем. Да и воевать еще долго.

После того как наступление противника в районе Мысхако было сорвано, в структуре ВВС Северо-Кавказского фронта произошли изменения. Управление 5-й воздушной армии, передав две истребительных и одну дивизию ночных бомбардировщиков, отбыло на Курск. Необходимость в существовании штаба ВВС отпала. Вершинин вновь, теперь до конца войны, вступил в командование 4-й воздушной армией.

В качестве командующего этой армией он узаконил своим приказом то, что было проверено и продолжало подтверждаться боевой практикой: запретил сомкнутый боевой порядок («строй-рой») и ввел новый, основанный на свободном маневрировании пар истребителей в заданном подразделении пространстве. Приказ содержал теперь уже в качестве обязательных правил все новое, что было достигнуто в процессе освоения и применения нового боевого порядка действий истребительной авиации в боях на Кубани.

Поучительный опыт этих боев становился общим достоянием Советских Военно-Воздушных Сил. 11 мая 1943 года, день спустя после завершения ожесточенных боев в районе станции Крымской, состоялось совещание командиров авиационных корпусов и дивизий 4-й воздушной армии. Выступивший на нем представитель Ставки

ВГК командующий ВВС Красной Армии маршал авиации А. А. Новиков подвел итоги боевых действий за апрель — первую декаду мая.

Он отметил, что к концу апреля наши летчики завоевали господство в воздухе на Кубани, о чем наглядно свидетельствовало резкое снижение активности авиации противника. За период нашего наступления на станцию Крымская, с 29 апреля по 10 мая, 4-я воздушная армия, ВВС Черноморского флота и авиация дальнего действия произвели около 10 тысяч самолето-вылетов, почти половину из них — для ударов по войскам и технике противника на поле боя. Впервые было спланировано и успешно осуществлено авиационное наступление в больших масштабах как новая форма оперативного применения авиации в наступательной операции сухопутных войск. За это время было уничтожено свыше трети всей первоначальной авиационной группировки противника.

На опыте воздушного сражения на Кубани, маршал авиации А. А. Новиков дал указания по вопросам управления всей истребительной авиацией над полем боя. Материалы совещания, быстро оформленные штабом 4-й воздушной армии, стали основой подготовленного затем штабом ВВС Красной Армии специального Информационного сборника. Он был разослан во все воздушные армии, в авиационные соединения и части.

Но никто, в том числе и Вершинин, не мог тогда сразу определить в полном объеме значение воздушного сражения на Кубани. А оно было грандиозным. Всего со второй половины апреля до начала июня 1943 года противник потерял здесь свыше 1100 самолетов, из которых 800 были сбиты в воздухе. И лишь после войны, исследуя ее опыт в целом, военные историки определили, что воздушное сражение на Кубани положило начало стратегическому господству советской авиации в воздухе на всем советско-германском фронте. Этот чрезвычайно важный итог во многом был достигнут в результате огромной, разносторонней деятельности Константина Андреевича Вершинина, явился ярким выражением его дарования как выдающегося организатора крупномасштабного применения авиационных сил.

Кубанской весной 1943 года в пору зрелости совершенства вступило боевое мастерство лучших воздушных бойцов 4-й воздушной армии — А. И. Покрышкина, братьев Д. Б. и Б. Б. Глинка, П. П. Крюкова, Г. А. Рекалова, В. Г. Семенишина, Ф. И. Фадеева. И не случай-

но, что все они были удостоены высокого звания Героя Советского Союза одним Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1943 года (старшему из братьев — Д. Б. Глинке — это звание было присвоено на месяц раньше — 21 апреля). Спустя три месяца, 24 августа, А. И. Покрышкин и Д. Б. Глинка стали дважды Героями Советского Союза.

Вершинин постоянно следил за ростом каждого из своих питомцев. День ото дня все сильнее и неотразимее становились их удары по врагу. Они выступали подлинными новаторами в тактике воздушного боя, убедительно и наглядно демонстрировали виртуозное мастерство владения вверенным боевым оружием, точный расчет, непревзойденное мужество и отвагу. Их имена стали известны всей стране. А в стане врага одно только упоминание их позывных по радио вызывало переполох. В разгар боев за Крымскую в конце апреля Константин Андреевич, почти безотрывно находившийся на пункте наблюдения, имел возможность убедиться, с какой тревогой звучали в эфире голоса вражеских авиационных начальников. Среди хаоса выкриков, вопросов, приказаний радист нашего КП, хорошо владевший немецким языком, улавливал и докладывал услышанное. Угрозы и проклятия в адрес «Тигра», «Саши» (Покрышкина), «ДБ» и «ББ» (братьев Глинка) и других летчиков сыпались непрерывно. Какой-то фашистский генерал истерически требовал забросать бомбами «проклятого «Тигра», блокировать и заставить приземлиться на аэродром, занимаемый немцами, «воздушного разбойника «Сашу».

«Так вот вы как теперь всполошились», — с удовлетворением думал Вершинин, с теплотой вспоминая хмурого, не улыбочивого Покрышкина, позывной которого «13» и число «13» на фюзеляже его боевого истребителя действовали на фашистских летчиков как неотвратимый рок судьбы. Думал о других боевых летчиках своей армии, прочно входивших в блистательное созвездие советских асов.

И еще он вспоминал в эти минуты первые дни своего пребывания на фронте. Именно тогда услышал он о том, как его предшественник на посту командующего ВВС Южного фронта генерал П. С. Шелухин решил в какой-то мере компенсировать малочисленность нашей авиации использованием в качестве дневных бомбардировщиков самолеты Р-5 Мелитопольского авиационного училища и что из этого вышло.

Во второй половине августа 1941 года весь состав училища эвакуировался в глубокий тыл страны, за Волгу. До сотни самолетов устаревших типов, на которых отрабатывали учебные упражнения курсанты училища, были оставлены для выполнения боевых заданий. Экипажи укомплектовали из инструкторского состава училища и недавних его выпускников. Первые из них были в подавляющем своем большинстве прекрасными пилотами, вторые, как штурманы, на память знали район полетов и все его характерные ориентиры в радиусе ста километров от своего аэродрома, умели вести прицельное бомбометание. Все это очень пригодилось. Р-5 успешно бомбили противника, который пытался наводить переправы через Днепр, рассеивали колонны его войск, привозили ценные разведданные.

Летали они на задание преимущественно группами по 10—12 самолетов. Потери, вполне понятно, несли значительные, хоть и прикрывали их истребители И-16. Но при явном своем преимуществе вражеские летчики предпочитали нападать из-за угла. Их излюбленным приемом стала атака напих тихих самолетов после того, как те, возвратившись с задания, вставали в круг над своим аэродромом для захода на посадку. И без того фактически безоружный самолет становился совершенно беспомощной мишенью, когда планировал на посадку. Вершинин много летал на Р-5. Видно, поэтому до боли осязаемо и зримо вставала перед его глазами картина: почти полностью потерявший скорость самолет метрах в тридцати от земли с первой очереди вспыхивает факелом. О том, чтобы воспользоваться парашютом на такой высоте, не может быть и речи. Экипаж обречен. А под ним проносится «мессершмитт», в кабине которого ухмыляющаяся физиономия фашистского летчика. Он мог даже издевательски жестикулировать, так как совершенно точно знал, что ему самому ничто не грозит...

«Нет, это вы разбойники и бандиты, — думал он, с удовлетворением слушая истерический визг в эфире. — А страшитесь вы наступающего возмездия, которое неотвратимо!»

...В течение лета 1943 года руководимая Вершининым 4-я воздушная армия активно участвовала в боях, в результате которых противник, понеся тяжелый урон, вынужден был оставить Таманский полуостров. Началась совершенно своеобразная по своему характеру подготовка к операции по высадке десанта в Крыму: 4-й воздуш-

ной армии предстояло взаимодействовать с моряками. Вопросы организации взаимодействия авиации с морскими десантами стали центральными в работе командующего и его штаба осенью 1943 года и зимой 1944 года.

Весной 1944 года началось изгнание фашистских войск из Крыма. Эти бои в деятельности Вершинина характерны тем, что основное внимание уделялось организации боевых действий авиации при преследовании немецко-фашистских войск, отходивших с Керченского полуострова. В этот период в передовых отрядах наступающих войск постоянно находились авиационные командиры, осуществлявшие наведение штурмовиков и истребителей на наземные цели. Участием в штурме Севастополя закончился большой этап боевого пути 4-й воздушной армии в ходе Великой Отечественной войны.

Военный совет Приморской армии в специальном приказе дал высокую оценку ее боевой деятельности. «В напряженных боях по освобождению Северного Кавказа, Кубани, Таманского полуострова и Крыма войсками Северо-Кавказского фронта и в дальнейшем Отдельной Приморской армии на протяжении 1943-го и по март 1944 года, — отмечалось в приказе, — 4-й воздушная армия под командованием генерал-полковника авиации Вершинина энергичным и четким развертыванием своих сил и воздушных средств, сосредоточивая их на решающих участках проводимых операций, наносила наземному и воздушному противнику большие потери в живой силе и технике, тем самым способствуя наземным войскам фронта и армии в выполнении поставленных перед ними задач и держала почти на всех участках фронта свое превосходство над противником в воздухе».

Это была высокая и заслуженная оценка.

Дальнейшая боевая работа 4-й воздушной армии и ее командующего протекала в составе 2-го Белорусского фронта. В ходе Белорусской стратегической наступательной операции летчики 4-й воздушной армии с 23 июня по 3 июля, когда нашими войсками был освобожден Минск, произвели более 8 тысяч самолетов-вылетов. Они разрушали оборонительные сооружения противника, уничтожали его артиллерию и танки, срывали маневр резервами. Оборона врага рухнула под могучими ударами советских войск. Повсюду по дорогам и лесам Белоруссии двигались колонны отступающих войск противника. О них докладывали летчики, возвращавшиеся после выполнения заданий. Однако в 4-й воздушной армии в этот

период было мало штурмовиков и совершенно не было дневных бомбардировщиков.

Понимая, как важно ударами с воздуха нанести поражение врагу, генерал Вершинин послал командующему ВВС Главному маршалу авиации Новикову телеграмму, в которой писал: «...Авиация 4-й воздушной армии используется для непосредственной помощи войскам. Все идет нормально. Войска и Военный совет довольны. Но, товарищ Главный маршал, душа болит, — немцы удирают сплошными колоннами, создаются пробки и скопления, а как следует бить нечем. Если можно, прошу от Руденко и Хрюкина использовать часть сил для уничтожения этих колонн».

Реакция на телеграмму была немедленной. Командующий 16-й воздушной армией А. И. Руденко получил от Новикова задачу уничтожить колонны немецко-фашистских войск в районе Березина силами бомбардировочной авиации. Непрерывные удары по врагу в этом районе наносили также штурмовые дивизии и 4-й воздушной армии. Итог каждого налета штурмовиков — буквально горы разбитой вражеской техники на дорогах и в кюветах. Бывший командующий 4-й немецко-фашистской армией Курт Типпельскирх вспоминал о паническом отступлении своих войск через Березину: «Непрерывные налеты авиации противника причиняли тяжелые потери... а также вызвали бесконечные заторы среди отступавших колонн. Русские штурмовики то и дело разрушали мосты у Березины, после чего на восточном берегу всякий раз образовывались огромные скопления машин...»

Старая Смоленская дорога и Березина во второй раз стали ареной сокрушающего разгрома иноземных захватчиков.

19 августа 1944 года генерал-полковнику авиации К. А. Вершинину за умелое руководство авиацией в боях против немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом мужество и героизм было присвоено звание Героя Советского Союза. В тот же день Указом Президиума Верховного Совета СССР одному из славных советских асов, А. И. Покрышкину, первому в стране, было присвоено звание трижды Героя Советского Союза. Это было очень приятное совпадение. Правда, ни самого Покрышкина, ни бывшей 216-й авиадивизии, преобразованной 17 июня 1943 года в 9-ю гвардейскую истребительную авиационную дивизию, уже не было в составе 4-й воздушной армии, но и дивизия эта, и Покрышкин,

теперь уже ее командир, навсегда и по праву оставались питомцами 4-й воздушной армии, носителями ее традиций.

В течение августа — сентября 1944 года войска 2-го Белорусского фронта и 4-я воздушная армия готовились к решающим боям. Перед ними была Восточная Пруссия — логово фашистского зверя, цитадель прусского милитаризма. И когда началась Восточно-Прусская операция, то по плану, разработанному под руководством Вершинина, 4-я воздушная армия осуществила широкое массированное наступление. Действия армии велись в исключительном неблагоприятных метеорологических условиях. Однако все задачи по оказанию помощи сухопутным силам она выполнила в полном соответствии с указаниями командования фронта. Столь же успешно действовала 4-я воздушная армия и в ходе Восточно-Померанской операции в январе 1945 года.

Завершающей операцией, в которой 4-я воздушная армия под командованием К. А. Вершинина принимала участие в годы Великой Отечественной войны, была Берлинская. При активной поддержке авиации войска 2-го Белорусского фронта форсировали реку Одер южнее Штеттина и разгромили здесь крупную группировку немецко-фашистских войск, обеспечив тем самым с севера наступление 1-го Белорусского фронта на Берлин.

Ратные дела армии — лучшая аттестация ее командующего. За годы Великой Отечественной войны 4-я воздушная армия произвела свыше 300 тысяч самолетов-вылетов. За боевые подвиги 277 ее летчиков и штурманов стали Героями Советского Союза, шести лучшим из лучших это высокое звание было присвоено дважды. 17 ее частей и соединений за боевые отличия были преобразованы в гвардейские, 76 награждены орденами, 46 присвоены почетные наименования Новороссийских, Кубанских, Таманских Керченских, Феодосийских, Волковысских, Белостокских, Гродненских, Млавских, Танненбергских, Эльбингских, Гданьских, Гдыньских, Померанских.

Да, во всем этом велика заслуга Константина Андреевича Вершинина. Но как в полном объеме определить то новое, что было внедрено по его инициативе или при его деятельной поддержке в боевую практику советских ВВС в годы Великой Отечественной войны! А это и новая тактика действий истребительной авиации, и организация крупномасштабных авиационных операций, являвшихся для своего времени выдающимися образцами военного искусства, и многое другое.

В послевоенные годы К. А. Вершинин занимал высокие и ответственные посты в Советских Вооруженных Силах. В 1946 году он был назначен главнокомандующим Военно-Воздушных Сил, заместителем министра обороны СССР. В это время начался чрезвычайно важный период в дальнейшем развитии Советских Военно-Воздушных Сил — период перевооружения их реактивной техникой. Здесь с новой силой проявились организаторские способности Константина Андреевича, его глубокие знания авиации, творческий подход к новому делу. По инициативе маршала авиации Вершинина осенью того же года был создан первый специальный учебный центр для обучения летного состава на реактивных самолетах. И уже в августе 1947 года под его руководством на воздушном параде в Тушине советские летчики, ведомые дважды Героем Советского Союза Е. Я. Савицким, впервые продемонстрировали групповой высший пилотаж на реактивных самолетах.

Принципиально новым делом в послевоенные годы явилась организация противовоздушной обороны — на вооружение ее поступила совершенно отличная от прошлой боевая техника. С 1949 года Вершинин командовал войсками Бакинского округа ПВО, затем войсками ПВО страны. Он многое сделал для перевооружения этих войск новой техникой, в том числе ракетной, для овладения ею личным составом.

В январе 1957 года К. А. Вершинин был вновь назначен главкомом ВВС и заместителем министра обороны, в 1959 году удостоен высшего для авиационных военачальников звания — Главный маршал авиации. Под руководством Константина Андреевича была развернута широкая работа: изыскивались и совершенствовались новые формы и способы тактического и оперативного применения авиации, прежде всего реактивной.

Родина высоко оценила вклад Константина Андреевича Вершинина в ратные дела советской авиации в годы Великой Отечественной войны, в послевоенное строительство и совершенствование наших Военно-Воздушных Сил. Удостоенный звания Героя Советского Союза, он был награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Суворова I степени, орденами Суворова II степени и Отечественной войны I степени, многими медалями, а также орденами других государств.

С марта 1969 года Константин Андреевич стал гене-

ральным инспектором группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Несмотря на резкое ухудшение состояния здоровья, он наряду со служебными обязанностями много работал над обобщением опыта боевого применения авиации в годы Великой Отечественной войны. Написал он и свои воспоминания «Четвертая воздушная». Они учат военных летчиков мужеству, сметке, преданности социалистической Отчизне.

30 декабря 1973 года Константин Андреевич Вершинин ушел из жизни. Но сделанное им навсегда осталось в памяти народной. В своих воспоминаниях К. А. Вершинин писал: «Такова сложившаяся у нас традиция: старшее поколение передает опыт молодым». Он был верным носителем этой традиции. Говоря о людях своего поколения, Константин Андреевич отмечал: «Удивительно настойчивыми, выносливыми и упорными были авиаторы — дети рабочих и крестьян, строившие первое в мире социалистическое государство». Эти очень верные, меткие слова целиком и полностью относятся к нему, крестьянскому сыну, который стал видным советским военным деятелем, Главным маршалом авиации, всего себя отдавшим служению Родине.

Полковник
А. КИСЕЛЕВ

Маршал Советского Союза Сергей БИРЮЗОВ

Нарком провел ладонью по гладко выбритой голове и, как бы размышляя вслух, продолжал:

— Если мы предлагаем вам, одному из лучших командиров дивизии, перейти на военно-дипломатическую работу, то вовсе не рассчитываем остаться в проигрыше. Толковый работник на этом поприще может принести немалую пользу стране.

Маршал сделал паузу и еще раз внимательно посмотрел на стоявшего перед ним молодого генерала. Высокая, построеному подтянутая фигура, безупречно заправленная под ремень гимнастерка, худое аскетическое лицо с умными стального цвета глазами — все это невольно вызывало симпатию. Нравился наркому и взгляд генерала — неуклончивый, твердый, уверенный.

— Я понимаю, что оставить дивизию, которую вы вывели в число передовых соединений, тяжело, но все-таки...

— Простите, товарищ маршал, но и дивизии начинать боевые действия с новым командиром тоже будет нелегко, — решил возразить генерал, видимо посчитав, что нарком готов объявить свое окончательное решение. — Товарищи из Генштаба предупредили меня, что пушки могут вскоре загреть не только на наших учебных полях.

— Да, комдив, не исключено. Поэтому я и хотел выслушать ваше окончательное мнение. Вот здесь, в аттестации, — Тимошенко взял со стола листок бумаги, — пишут о вас как о всесторонне подготовленном офицере, который может быть с успехом использован на командной, штабной, военно-дипломатической и научно-педагогической работе. Вот тут и попробуй решить, где же ваше подлинное призвание. А вы сами как думаете?

— Разрешите, товарищ маршал, вернуться в свою дивизию. Считаю, что сейчас я всего нужнее там.

— Ну что же, езжайте, если вы такой упрямец. И запомните — нет у вас более неотложной задачи на ближайшее время, чем повышение боевой готовности подчиненных частей...

Этот разговор с народным комиссаром обороны вновь вспоминал Сергей Семенович Бирюзов, находясь на трибуне большого спортивного праздника, устроенного в лагерях 132-й стрелковой дивизии утром 22 июня 1941 года.

Прибыв накануне из столицы в Полтаву, где размещалась дивизия, он сразу же рассказал о встрече с маршалом своему замполиту Павлу Ивановичу Луковкину, с которым почти ночь просидели, корректируя в сторону уплотнения график боевой и политической подготовки частей.

Своей дивизией Бирюзов оправданно гордился. Сформированная два года назад на базе одного из полков легендарной 30-й дивизии, она считала себя наследницей замечательных традиций этого героического соединения, стяжавшего себе славу во время гражданской войны на Восточном и Южном фронтах. Это о ней, о 30-й дивизии, которой командовал В. К. Блюхер, пелось в известной песне: «От голубых уральских вод к боям Чонгарской переправы прошла тридцатая вперед в пламени и славе». Большинство красноармейцев дивизии были отличниками боевой и политической подготовки, активно повышали свой общеобразовательный уровень, занимались спортом. Части и подразделения дивизии устойчиво показывали высокие результаты во время учений, легкий артиллерийский полк был лучшим в корпусе.

Командование высоко оценивало стиль служебной деятельности комдива. В последней аттестации указывалось: «...командир растущий, хорошо подготовленный в военном отношении и знающий штабную работу. Работает, не считаясь со временем... в штабе не засиживается, больше бывает в частях, на стрельбище и в поле... правильно нацеливает свой штаб на контроль и проверку частей дивизии. Благодаря умелому руководству со стороны командира дивизия в округе является ведущей...» За год до войны 35-летнему Бирюзову было присвоено звание генерал-майора.

...Оглянувшись в сторону сидевшего с ним полкового комиссара и не обнаружив его на месте, Бирюзов благодарно улыбнулся. Беспокойный человек, подумал он, небось пошел проверять, готовы ли боевые листки и листки «молнии», посвященные итогам спортивного соревнования. Оперативность во всем комдив ценил очень высоко.

Луковкин появился рядом, когда сводные колонны спортсменов частей выходили на поле стадиона для за-

ключительного акта спортивного праздника — вручения наград победителям. Обычно спокойный, сейчас он выглядел взволнованным.

— Сергей Семенович, война, — произнес он каким-то взволнованным голосом. — Разрешите включить трансляцию.

Лицо Бирюзова сразу посуровело. Праздничное, поднятое настроение сменилось озабоченностью и тревогой.

Немедленно, не дожидаясь распоряжений сверху, Бирюзов приказал по боевой тревоге собрать дивизию, части которой были разбросаны по лагерям вокруг Полтавы, на местах постоянного базирования, и привести ее в полную боевую готовность.

Две с половиной недели пронеслись как одни бессонные сутки, заполненные мобилизационной работой, обучением вновь призванных и погрузкой в эшелоны пятнадцатитысячной массы людей с вооружением, техникой, имуществом и лошадьми.

Восьмого июля эшелоны с частями дивизии начали покидать Полтаву. Куда они следуют, почти никто в соединении не знал. Было ясно лишь одно — вереница составов направлялась в сторону фронта. Комдив приказал иметь на платформах дежурные расчеты 37-мм зенитных пушек в готовности к отражению воздушных налетов противника. Предусмотрел он и возможность нападения фашистских танков непосредственно на эшелоны дивизии. В этом случае орудия и пулеметы должны были вести огонь с платформ. Личный состав был обстоятельно инструктирован: каждый знал, как ему нужно действовать, если придется вступить в бой прямо из вагонов.

Пламенем пожаров, дымящимися руинами зданий и толпами беженцев встретила головной эшелон станция Кричев. Военного коменданта Бирюзов разыскал в чудом уцелевшем пакгаузе. Тот категорически заявил, что дальнейшее продвижение эшелона невозможно.

— Приведите себя в порядок, лейтенант, и прикажите открыть семафор! — вскипел Бирюзов.

— Семафор не работает, товарищ генерал, — вступил в разговор пожилой железнодорожник. — Поезда дальше пускать не велено. Да и зачем вам лезть в пекло... — Но, взглянув в разгневанное лицо командира, торопливо добавил: — Мне-то что. Я переведу стрелки под вашу ответственность. Там, говорят, в Чаусах, геенна огненная.

Железнодорожник оказался прав. Если Кричев горел

огнем, то Чаусы полыхали пламенем. Поезд остановился перед неожиданным тупиком, который образовали воздетые к небу рваные рукава рельсового пути, за которыми зияла глубокая воронка от взрыва авиационной бомбы.

Бирюзов с Луковкиным и начальником штаба дивизии Д. В. Бычковым вышли на скат железнодорожной насыпи. Нарочито неторопливо прошлись вдоль состава, цепко всматриваясь в окружающую местность. Комдив, оглянувшись на платформы, с удовлетворением отметил, что расчеты зенитных пушек и артиллерийских орудий находятся на своих местах, готовые в любой момент к отражению воздушного и наземного противника.

— Дайте команду к разгрузке. Место сосредоточения — вот в этой роще.

Комдив указал на зеленый массив, начинавшийся неподалеку от железнодорожного полотна, и настороженно замер. Со стороны леса показались несколько знакомых по учебным макетам силуэтов тяжелых самолетов. Они стремительно, как в кадрах документального кино, наплывали прямо на железнодорожный состав.

— Воздух! — раздался голос наблюдателя, и в ту же секунду с открытых платформ дробно застучали зенитные пушки и пулеметы.

Один из самолетов густо задымил и, неуклюже отвалив в сторону, тяжело врезался в гущу деревьев. Грохнул оглушительный взрыв. Остальные самолеты с ревом развернулись и исчезли за горизонтом.

Фуражки и пилотки зенитчиков дружно взлетели вверх. Могучее «ура!» загремело было над эшелоном и неожиданно смолкло. На ближнюю опушку вдруг разом высыпало несколько легких танков с крестами на броне, за ними группами следовали мотоциклисты.

— К бою! — властно прозвучал голос Бирюзова. — По танкам!

Слаженно, одновременным ударом орудий, стоявших на платформах, отозвался эшелон на голос командира. Две-три вражеские машины, напорившись на встречный огонь, запылали. Остальные ударились в бегство. Дивизионные разведчики, а за ними и другие подразделения бросились преследовать врага и, рассеяв огнем мотоциклистов, доставили к эшелону несколько пленных.

Первый успех окрылил красноармейцев: они воочию увидели, что фашистов можно бить, что не так уж страшен черт, как его малевали некоторые беженцы и отставшие от своих частей, поддавшиеся панике. Бирюзов

же понял, что дивизии не удастся развернуться в боевой порядок. Из показаний пленных стало известно, что крупные силы противника находились уже поблизости — в районе Быхова. Дивизия же была еще в эшелонах. Положение усугублялось отсутствием сведений о действовавших здесь советских войсках. Поэтому, не дожидаясь окончания разгрузки головного эшелона, Бирюзов приказал разослать разведчиков во всех направлениях, поставив перед ними задачу добыть информацию о противнике, о застрявших где-то других эшелонах дивизии и местонахождении ближайших частей и органов управления советских войск.

Вскоре разведчики донесли, что в лесу, чуть восточнее станции Чаусы, находится штаб 13-й армии. Выяснилось, что командование и войска этой армии оказались в весьма драматическом положении. Ведя ожесточенные бои с первых дней войны, соединения армии и ее штаб неоднократно оказывались в окружении, вырывались из него и вновь сражались с превосходящим врагом. И сегодня генерал Бирюзов, сам того не ведая, спас штаб армии от очередного нападения противника, отбросив его передовой отряд под станцией Чаусы.

Командующий войсками генерал-лейтенант Ф. Н. Ремезов, серый от усталости, с ввалившимися от бессонных ночей глазами, рассказал Бирюзову о трудностях управления войсками в сложившихся условиях, об острой нехватке боеприпасов, горючего, продовольствия, транспорта и средств связи. Обессиленная в кровопролитных боях на рубеже Минского укрепленного района, армия все время находилась под ударами превосходящих сил врага. Вот и сейчас, форсировав Днепр севернее и южнее Могилева, танковые колонны противника вновь пытаются, охватив ее фланги, замкнуть очередное кольцо окружения. Ни с управлением фронта, ни с Москвой штаб армии связи не имеет. Вражеские танки,двигающиеся походными колоннами с Быховского плацдарма на Кричев, остановить некому...

— Я готов выполнить эту задачу, — предложил Бирюзов. — Правда, в моем распоряжении пока только треть дивизии. Остальные части, по сообщению разведчиков, выгрузились из эшелонов восточнее Чаус, вскоре они придут сюда.

— Но ваша дивизия организационно не входит в наше объединение, — предупредил начальник штаба армии А. В. Петрушевский, — так что вы берете на себя опре-

деленную ответственность, выступая с такой инициативой.

— Не пугайте его, Александр Васильевич, — вмешался Ремезов, — комдив, видите, не из слабонервных, да и нас с вами он уже успел спасти. Подчиним ее 20-му мехкорпусу. А вы достучитесь лучше до Москвы и попросите санкционировать наше решение.

Командующий пригласил Бирюзова к карте, на которой редкими неуверенными штрихами обозначалось примерное расположение своих войск и войск противника.

— Однако это всего лишь наши предположения, — заметил он, — единственное, что установлено достоверно, это движение крупных танковых колонн врага с Быховского плацдарма по Кричевскому шоссе. Отразить их вашими силами невозможно. Попытайтесь хотя бы задержать их, заставив развернуться в боевой порядок. Если с нами потеряете связь, принимайте решения самостоятельно.

Так 12 июля 132-я стрелковая дивизия фактически вошла в состав 13-й армии и заняла оборону юго-западнее Чаус.

К этому времени обстановка в районе Чаус была крайне неблагоприятной для наших войск. Четвертого июля танки Гудериана выехали к Днепру южнее Могилева. Замысел фашистского командования сводился к тому, чтобы обойти Могилев с севера и юга и окружить находившийся там штаб Западного фронта. Однако попытка противника с ходу форсировать Днепр в районе Рогачева потерпела неудачу, натолкнувшись на стойкую оборону 63-го корпуса. Этот корпус, отразив попытки противника форсировать Днепр, сам перешел в наступление, освободил Рогачев и Жлобин и подошел к Бобруйску. Командовал корпусом генерал Л. Г. Петровский, талантливый и опытный военачальник, сын известного партийного и государственного деятеля Г. И. Петровского, в прошлом командир Московской Пролетарской дивизии, где служил и Бирюзов. (Несколько позднее, в августе, когда его корпус дрался в окружении, Л. Г. Петровский был назначен командующим армией. За ним в расположение окруженных войск прибыл специальный самолет, чтобы доставить к новому месту службы. Однако отважный генерал попросил разрешения остаться на месте до выхода корпуса из окружения, а с самолетом отправил в тыл раненого бойца. 17 августа он погиб в бою.)

Натолкнувшись на стойкое сопротивление 63-го корпуса, фашистское командование стянуло силы к Быхову, и Гудериан, форсировав 11 июля Днепр, повел наступление на Пропойск (Славгород) и Кричев. Оборонявшиеся на этом рубеже 148-я и 187-я дивизии, имевшие незначительную глубину обороны, начали отход. Гудериан уже считал, что его части вырвались на оперативный простор. И именно здесь на пути немецких войск встала 132-я стрелковая дивизия Бирюзова.

Полностью дивизия еще не сосредоточилась. Поэтому по приказу Бирюзова на позиции были направлены все, кто мог сражаться, независимо от воинской специальности. Командир дивизии лично определил рубежи атак, порядок ведения огня, сам прошел по позициям, принимая меры по обеспечению боевой готовности подразделений, надежности управления ими. Замысел его состоял в том, чтобы, не обнаруживая себя, подпустить противника как можно ближе и внезапно обрушить на него всю мощь огня.

Ждать пришлось недолго. Вскоре перед фронтом дивизии показались немецкие танки и мотоциклисты. Противник следовал в походных колоннах, не ожидая удара.

Разметав в короткой схватке боевое охранение противника, подразделения дивизии открыли огонь по вражеским танкам и автомашинам, двигавшимся по шоссе. Два артиллерийских дивизиона, стреляя прямой наводкой, подбили несколько танков и бронемашин, возглавлявших колонну. Противник попытался отразить атаку, но Бирюзов ввел в бой подоспевший 605-й стрелковый полк, и подразделения врага обратились в бегство. Поставленная генералом Ремезовым задача была выполнена.

Как полагал Бирюзов, дивизия должна перейти к обороне и во взаимодействии с другими частями, действовавшими против быховской группировки противника, создать заслон его продвижению в западном направлении. Однако разведчики принесли неутешительные сведения: справа и слева своих войск не обнаружено, а немецкие танки и мотопехота обтекают фланги дивизии. Оставалось одно — круговая оборона. Бирюзов был на тех участках, где противник атаковал особенно яростно. В начале боя он организовал отражение атаки танков противника с южного направления. Но танки противника сумели прорваться через оборону дивизии с севера. Возникла угроза полного окружения, силы дивизии таяли. С командного пункта Бирюзов видел, как одна за дру-

гой смолкали пушки ближайшей противотанковой батареи. А танки шли. Бирюзов вскочил в машину.

— На батарею!

Через несколько минут машина комдива подъехала к батарее. На глазах Бирюзова вражеский снаряд разбил последнюю стрелявшую пушку. Оставшиеся в живых артиллеристы были тяжело ранены. Бирюзов бросился к одному из уцелевших орудий и с помощью шофера открыл огонь по подходящим танкам. Ему удалось поджечь один из них. Взметнувшийся взрыв отбросил генерала наземь, лицо его залила кровь. Раненого комдива вынесли с батареи, но вскоре он с перевязанным лицом уже вновь руководил боем, появлялся на позициях то тут, то там, вселяя уверенность и ободряя красноармейцев. Весь день дивизия Бирюзова вела тяжелый бой и не сдала позиций.

Только к исходу дня комдиву удалось встретиться с командиром 20-го механизированного корпуса генералом Ереминым.

— Атаку вы организовали отлично, — похвалил Бирюзова командир корпуса. — Обороняетесь тоже стойко. Надеюсь, что вы так же успешно справитесь и с выводом дивизии из окружения.

Бирюзов вопросительно посмотрел на командира корпуса.

— Да, да, — подтвердил тот. — Противник замкнул за нами кольцо окружения. Его части по крайней мере уже находятся в Чаусах, и если штаб армии успел переместиться, то пусть Ремезов скажет за это спасибо вам и вашим солдатам. Прорываться из окружения вашей дивизии придется самостоятельно.

Задача оказывалась очень тяжелой. Надо было во что бы то ни стало пробиться к реке Сож до того, как ее форсирует противник, и занять оборону на левом ее берегу. Жестокий бой пришлось выдержать у деревни Александровки, чтобы прорваться через шоссе Кричев — Пропойск. Двинулись дальше на восток, но, когда Сож была уже совсем близко, выяснилось, что наперерез частям дивизии движется вражеская танковая колонна. Нужно было обязательно задержать ее, чтобы дать возможность дивизии переправиться через Сож. Бирюзов двинул навстречу противнику усиленный артиллерией и несколькими танками стрелковый батальон, основные силы дивизии тут же начали переправу, используя для этого подручные средства. На сбитых кое-как плотках, сде-

ланых из разобранных изд прибрежной деревеньки, переправлялась пехота. Артиллерию пришлось буксировать машинами по дну реки. На другом берегу орудия сразу же ставили на огневые позиции.

Дивизия уже заканчивала переправу, когда к реке вышел подвижный отряд, сдерживавший противника, а за ним показались немецкие танки, стреляя с ходу. Вот как описывает Бирюзов этот эпизод в книге «Суровые годы»: «Требовалось под огнем противника организовать переправу нашего арьергарда. О спасении уцелевших машин думать не приходилось — мы их подожгли, а сами бросились вплавь в прохладную воду Сожа. Сзади противник все время обстреливал нас, и на поверхности реки то там, то тут пенились следы от пуль. «Совсем как в кино о Чапаеве», — невольно подумалось мне. Но Сож, конечно, не Урал: он и уже и спокойнее. Положение наше облегчалось еще и тем, что переправившиеся подразделения успели занять оборону на противоположном берегу, артиллеристы поставили свои орудия на прямую наводку и в упор расстреливали гитлеровцев, показавшихся на скалах правого берега». В этих боях Бирюзов вновь был ранен, но дивизия с честью вышла из окружения и заняла свое место в 13-й армии.

Уже в первых боях ярко проявились высокие командирские качества С. С. Бирюзова: выдержка, сильная воля, исключительная храбрость, незаурядные организаторские способности, умение быстро и правильно оценивать обстановку, предвидеть развитие событий, уверенно руководить войсками в бою. Сказывались и большой опыт, и солидная теоретическая подготовка. Ведь к началу войны за его спиной было уже почти 20 лет службы в Красной Армии, в которую вступил добровольно в 1922 году восемнадцатилетним юношей, командование ротой и батальоном в прославленной Московской Пролетарской дивизии, учеба в Военной академии имени М. В. Фрунзе, служба в штабе округа.

В начале августа заново укомплектованная в районе Гомеля дивизия генерала Бирюзова получила новую боевую задачу. К этому времени (с 30 июля) войска противника на западном направлении вынуждены были перейти к обороне. Вражеское командование приняло решение отложить наступление на Москву, так как советские войска активными действиями угрожали флангам группы армий «Центр». В этих действиях приняла участие и 132-я стрелковая дивизия. Ей предстояло в составе

45-го механизированного корпуса прорвать оборону противника, перерезать шоссе и железную дороги на участке Кричев — Рославль и обеспечить ввод в прорыв 21-й кавалерийской дивизии для нанесения удара по тылам рославльской группировки врага.

Бирюзов и командир кавалерийской дивизии полковник Я. К. Кулиев провели рекогносцировку, убедились, что у противостоящего противника отсутствует сплошная линия обороны. Обсудили план взаимодействия.

— Посматривай за небом, когда будешь вводить в прорыв свою кавалерию, — посоветовал Бирюзов, — и попроси, чтобы тебя прикрыли авиацией. Впрочем, где ее сейчас взять...

Бирюзов оказался прав. Обнаружив советские части на своих коммуникациях, враг бросил на участок прорыва десятки бомбардировщиков и нанес тяжелый удар по боевым порядкам кавалерии. А наутро следующего дня противник предпринял яростную контратаку большими силами пехоты и танков.

Отбиваясь от наседавших с фронта вражеских войск, Бирюзов с тревогой думал о том, что противник может обойти дивизию с флангов. Предотвратить эту угрозу было невозможно. И действительно, вскоре разведка донесла, что немцы выходят в тылы дивизии.

Новое окружение комдив воспринял более хладнокровно, хотя ему было приказано прорываться. Не мог он тогда даже предположить, что линия фронта действительно откатилась более чем на сто километров. Но он сразу почувствовал, как важно в этой обстановке лично ему сохранить предельную собранность, не выпустить ни на минуту управление частями. Жаль, что не было уже рядом комиссара Луковкина, авторитетного и мудрого политработника, так помогавшего комдиву в тяжелые дни первого окружения. Находясь в разведотряде, тот получил смертельное ранение и скончался.

Обдумав положение, Бирюзов решил: не распылять силы и средства по всему фронту окружения, а прорываться там, где враг менее всего успел укрепиться.

Первый бой на прорыв произошел ночью в районе деревни Титовки. Головной отряд, возглавляемый командиром дивизии, застал противника врасплох. Вражеские танки, пытавшиеся открыть огонь, были почти в упор расстреляны из орудий, поставленных на прямую наводку. Смяв вражескую оборону, дивизия организованной колонной устремила в ближайший лес.

Бирюзов понимал, что ему удалось прорвать лишь первый заслон окружения. Теперь все зависело от того, сможет ли он выбрать наиболее безопасный и короткий маршрут, чтобы догнать уходящую на запад линию фронта и нанести решающий удар в наиболее уязвимом для противника месте.

В один из дней в расположение дивизии прорвались несколько советских танков. Однако попытка деблокировать ее не удалась. Враг снова сомкнул свои боевые порядки в месте прорыва.

Командир 45-го мехкорпуса, управление которого со-вершало марш по тылам врага вместе с частями дивизии, пригласил Бирюзова к себе.

— Мне приказано, — сказал он, — вырваться из окружения, используя прибывшие танки. А вы решайте сами, выходить со мной или самостоятельно.

— Группа танков здесь, может быть, и прорвется, хотя я в этом очень сомневаюсь, — ответил Бирюзов, — а дивизией рисковать и вовсе нельзя: местность впереди открытая, зря потеряем людей. Буду двигаться лесом к Погару.

Впоследствии Бирюзов очень сожалел, что не смог убедить командира корпуса прорываться из окружения вместе с дивизией. И сам командир корпуса, и личный состав его штаба погибли в неравной схватке с врагом, поставившим мощный артиллерийский и танковый заслон на пути вырвавшейся из окружения немногочисленной танковой группы. Для 132-й дивизии Бирюзов избрал другой путь: почти лишенную боеприпасов, он повел ее в обход опорных пунктов противника, и она вновь вошла в состав 13-й армии.

Однако дивизия и ее командир оказались в новых тяжелых испытаниях. 30 сентября немецко-фашистские войска начали операцию «Тайфун» — наступление на Москву. С юга к столице рванулись танковые колонны Гудериана. 132-я стрелковая дивизия 13-й армии, входившей к тому времени в состав Брянского фронта, оказалась волею судьбы на направлении главного удара этой танковой армады. Охватив фланги Брянского фронта с запада и юго-востока, бронетанковые дивизии врага перерезали главные фронтные коммуникации. Значительная группировка наших войск, в том числе дивизии 13-й армии, оказалась отсеченной от линии фронта. Третьего октября противник захватил Орел, а через три дня Карачаев и Брянск. Командование 13-й армии, понесшей

большие потери, подготавливало прорыв из окружения, для чего была сформирована ударная группа, в которую вошла и 132-я дивизия. Теперь генералу Бирюзову по решению командующего армией поручалось не только в очередной раз вывести дивизию из окружения, но и совместно с двумя другими стрелковыми дивизиями пробить коридор в боевых порядках противника для выхода всех соединений и частей армии.

Принимая решение, возлагавшее на 132-ю дивизию роль авангарда при прорыве из окружения, командование 13-й армии исходило не только из высокой оценки боевого опыта этого соединения, но и личных качеств ее командира, который зарекомендовал себя исключительно храбрым и волевым генералом, умелым организатором боя, способным быстро и правильно ориентироваться в самой сложной обстановке. Об этом свидетельствовала и боевая характеристика на Бирюзова, только что отправленная в Главное управление кадров, в которой указывалось: «В тактической обстановке разбирается хорошо. Умело управляет частями в бою. В боевой обстановке не теряет. Смелый, решительный, не знающий страха командир...»

Армия не дивизия. Глухим лесным бездорожьем ей не пройти. Требовалось протаранить позиции врага на сравнительно широком участке, в центре которого, перекрывая основные дороги, находилось ошестинившееся вражеской обороной большое село Негина.

Для того чтобы атаковать противника, вышедшего в тыл, следовало как-то нейтрализовать его войска, находившиеся перед фронтом дивизии. В этих целях Бирюзов приказал передать по радио ложный приказ о наступлении дивизии в западном направлении и, имитировав артиллерийскую подготовку атаки, скрытно вывел подчиненные части с занимаемых ими позиций. Колонны дивизии походным порядком двинулись по проселочной дороге в направлении Негина.

Лобовая атака села грозила большими потерями, поскольку перед ним находилась широкая полоса открытой местности.

Организация наступления на флангах, в стороне от дороги, потребовала бы большой затраты столь драгоценного в сложившихся условиях времени. И Бирюзов принял решение ввести противника в заблуждение, а затем ошеломить его внезапным ударом.

В стороне от намеченного рубежа атаки он приказал

сосредоточить несколько тракторов и включить их двигатели. Вражеское командование, приняв этот шум за работу танковых моторов, сосредоточило свои основные силы на данном направлении. А тем временем в лесу на проселочной дороге построились в колонну имевшиеся пять танков и все автомобили дивизии, в кузовах которых находились бойцы, вооруженные гранатами и автоматами. Замысел состоял в том, чтобы эта колонна, развив еще в лесу предельную скорость, под прикрытием артиллерийского огня быстро проскочила открытое место и ворвалась в село, прокладывая путь следовавшим за нею стрелковым цепям. Замысел удался полностью. Импровизированный передовой отряд вихрем ворвался в село. За ним устремились основные силы, расширяя и закрепляя участок прорыва. Через образовавшуюся брешь начали выходить из окружения остальные соединения и части армии.

Узнав о разгроме негинского гарнизона, командование противника стянуло крупные силы в район села с беззаботным названием Веселая Калина, расположенного на пути продвижения советских войск. Учитывая тактику действий окруженных советских войск в предшествующем бою, немцы особенно сильно укрепили свои позиции в центре села, взяли на прицел выходящую к нему из леса проселочную дорогу.

На этот раз Бирюзов атаковал село одновременно с трех сторон, и вражеский гарнизон с самого начала боя оказался в полуокружении. Это вынудило противника перестраивать в ходе боя и расплывать силы по всем направлениям атаки. В жаркой схватке на улице села генерал Бирюзов, с автоматом в руках возглавлявший атаку одной из рот, снова был ранен. На этот раз ранение оказалось тяжелым. Автоматная очередь буквально прошила ноги комдива. Он очнулся еще в ходе боя и после перевязки продолжал руководить им с повозки, куда его уложили. К вечеру деревня была взята. На следующий день Бирюзов был отправлен в госпиталь, в Воронеж, затем в Алма-Ату.

Два месяца лечения в госпиталях показались мучительно долгими. Терзался не столько болью тяжелых ран, сколько неутешительными сообщениями о положении на фронтах. Тяжело переживал он разлуку с боевыми соратниками по дивизии, тревожила судьба семьи, о которой он не имел известий с начала войны. А ведь суровый по характеру, требовательный к себе и другим, Би-

рюзов был любящим мужем и заботливым отцом. Еще командиром взвода Сергей Бирюзов женился на своей землячке Юлии Холоповой, учившейся тогда на курсах машинописи. Юлия Ивановна стала верным другом Сергея Семеновича на всю жизнь, делила с ним все тяготы армейского быта, сопровождала его всюду, куда бросала его военная служба. К началу войны у них было две дочери, Оля и Валя. Когда Бирюзов уезжал на фронт, семья осталась в Полтаве. Всюду, где можно, наводил он справки о семье. Наконец уже в госпитале получил известие: живы, здоровы, вместе с семьями других командиров 132-й стрелковой дивизии эвакуированы из Полтавы, находятся в Оренбурге. Теперь, получая долгожданные письма из Оренбурга, он все чаще вспоминал годы своей счастливой предвоенной жизни...

Правда, жизнь его с самого начала была далеко не легкой. Сергей Семенович родился 21 августа 1904 года в маленьком городке Скопине, что неподалеку от Тулы. В детском возрасте остался без родителей. Старшие брат и сестра воспитывали Сергея, кормили и одевали его, пока он не закончил церковноприходское училище. Дальше помогать брату они не могли — у самих не хватало средств. Пришлось пробиваться поденной работой.

Октябрьская революция не смогла сразу изменить положение юноши. Но жизнь его все же приобрела глубокий смысл. В пятнадцать лет Сергей поступил в бригаду лесозаготовителей. Трудился на тяжелой работе наравне со взрослыми. Через год вступил в комсомол, возглавил комсомольскую ячейку в сельхозкоммуне. В 1922 году добровольно поступил на пехотно-пулеметные курсы, а еще через год в числе лучших курсантов был переведен на учебу в Объединенную военную школу имени ВЦИК — одно из самых популярных военно-учебных заведений того времени.

Окончив школу, служил в Новороссийске командиром взвода. Затем командовал ротой и батальоном в прославленной Московской Пролетарской дивизии. По складу характера уже тогда обращал на себя внимание тем, что многочисленными похвалами и поощрениями не обольщался. Больше внимания обращал на свои недостатки, которые никогда не скрывал, радовался успехам подчиненных, поддерживал бойцов в трудной воинской службе, но панибрательства не допускал, слыл строгим и справедливым воспитателем.

В 1937 году окончил Военную академию имени

М. В. Фрунзе и, как один из лучших выпускников, получил назначение на должность начальника штаба дивизии, затем начальника оперативного отдела штаба Харьковского военного округа. С 1939 года командовал 132-й стрелковой дивизией.

Теперь, в госпитале, внимательно слушая сообщения о том, что наступление немецко-фашистских армий захлебнулось, а советские войска под Москвой вырвали у врага стратегическую инициативу, Бирюзов с удовлетворением отмечал, что ставшая ему родной дивизия внесла посильный вклад в развитие событий. Всеми мыслями и чувствами он был на фронте. Самой заветной мечтой было вернуться в родную дивизию. Что ж, жизнь бывает щедрой и на самое заветное: по выздоровлении Сергей Семенович получил назначение на прежнюю должность. Рад был безмерно.

После короткого свидания с семьей Бирюзов вновь вступил в командование 132-й стрелковой дивизией. Здесь он узнал, что за мужество и отвагу, проявленные в боях за Родину, награжден орденом Ленина. Ветераны дивизии, находившейся в составе все той же 13-й армии Брянского фронта, тепло встретили своего командира. Многие из них также побывали в госпиталях, наиболее отличившиеся выдвинулись на новые командные должности. Бирюзов поставил перед ними задачу учить молодое пополнение воевать с учетом полученного опыта, совершенствовать тактику боя. Он не уставал повторять: «Всемерно избегать неоправданных потерь». И сам всегда стремился к этому.

Исключительно дисциплинированный командир, он однажды в ситуации, грозившей бессмысленной гибелью многих бойцов и командиров, счел возможным прекратить бой, начатый в соответствии с решением штаба армии.

Случилось это ранней весной. Хутор Красный, который приказано было взять, стоял на открытой местности. Противник превратил его в укрепленный пункт: все подходы простреливались артиллерией и пулеметами. Атака хутора по рыхлому глубокому снегу неминуемо означала бы крупные потери и не гарантировала успеха. Своими сомнениями Бирюзов поделился с командармом генералом Н. П. Пуховым. Командующий был непреклонен: взять хутор — приказ штаба фронта. Тщательно готовил Бирюзов штурм Красного. Ночью один из полков дивизии и лыжная бригада выдвинулись на рубеж ата-

ки и с рассветом начали штурм. С КП Бирюзов видел, как, утопая по грудь в снегу, под огнем врага двинулись в атаку подразделения. Снег окрасился кровью, появились убитые и раненые, а до хутора еще было далеко, потери росли. И комдив отменил атаку, поняв бессмысленность ее продолжения. Доложил в штаб армии. «Для вас, видимо, будут большие неприятности, — сказал начальник штаба, — вы самовольно отменили приказ...»

Только сели с комиссаром обедать — звонок из штаба армии: сдать хозяйство начальнику штаба и явиться к командарму. «Вот они и начинаются, неприятности», — мелькнула мысль. Быстро двинулся в путь, но из-за заносов мокрого снега прибыл в штаб армии только ночью. Там его ждал новый приказ: срочно явиться в штаб фронта. Удрученный, ожидая всяческих кар, прибыл Бирюзов в Елец, где стоял штаб фронта. Там, напротив, встретили его приветливо. Вскоре узнал и причину вызова: его назначили начальником штаба 48-й армии. Подумал, что благодаря состоявшемуся назначению на более высокую должность решено предать забвению отмену им штурма Красного. Но в штабе армии кое-кто обернул дело как прямое самовольство. Все оказалось иначе. Выяснилось, что штаб фронта действительно потребовал взять хутор Красный. Но как? Об этом нужно было подумать кому следовало. «Штурмом хутор взять было невозможно», — согласились с Бирюзовым в штабе фронта.

На новой должности он со свойственной ему энергией отдавал все свое время быстрейшему завершению формирования армии, организации и оборудованию оборонительных рубежей, которые она заняла летом 1942 года. Опираясь на свой опыт, накопленный в боях первого года войны, и знание штабного дела, Бирюзов настойчиво добивался проведения в жизнь указаний командующего армией по совершенствованию системы обороны, поддержанию постоянной боеготовности войск. Образцово поставив штабную службу в объединении, он значительную часть времени проводил в соединениях и частях, помогая их командирам обучать подчиненных тактике ведения боя и стрелковому делу. По собственной инициативе взялся за развертывание снайперского движения в войсках и вскоре добился того, что специальные таблички с надписью на немецком языке: «Берегись русского снайпера» — занесли по всей линии вражеских тран-

шей в полосе обороны армии. Узнав об этом от разведчиков, Бирюзов с удовлетворением заметил:

— Прошлым летом наступали во весь рост. Теперь пусть ползают на брюхе по чужой земле. Фюрер надеялся послать отсюда подкрепление под Сталинград, а мы помогли сталинградцам не допустить этого.

Бирюзов не случайно упомянул город, к которому в то время было приковано внимание всего человечества. Пребывание в должности начальника штаба 48-й армии Брянского фронта, находившейся в обороне и не участвовавшей в активных боевых действиях, не приносило удовлетворения жаждущей постоянной активной деятельности натуре Бирюзова. Его неудержимо тянуло туда, в гущу величайшего сражения, развернувшегося на правом берегу Волги. И такой час настал: Ставка Верховного Главнокомандования неожиданно предоставила ему такую возможность.

Осенью 1942 года в районах Тамбовщины началось формирование 2-й гвардейской общевойсковой армии, которая, по замыслу Ставки, должна была стать одним из крупнейших оперативных объединений подобного рода. Планируя проведение Сталинградской операции, Верховное Главнокомандование связывало с этой армией особые надежды. Не случайно поэтому, что на ее формирование были обращены наиболее закаленные в боях, преимущественно гвардейские соединения. В 1-й гвардейский стрелковый корпус этой армии включались 24-я, 33-я гвардейские и 98-я стрелковая дивизии. Первая из них отличилась в недавних боях под Ленинградом, две другие успешно сражались на Сталинградском фронте. На укомплектование 13-го гвардейского стрелкового корпуса прибыла 3-я гвардейская стрелковая дивизия — одно из первых четырех гвардейских соединений, удостоенных этого почетного звания в сентябре 1941 года. Богатые боевые биографии имели также другие соединения этого корпуса — 49-я гвардейская и 387-я стрелковые дивизии.

2-й гвардейский механизированный корпус армии укомплектовывался в основном из воинов-сибиряков, заслуживших славу мужественных бойцов еще в битве под Москвой. В части армии влились также несколько тысяч моряков-тихоокеанцев.

По тому, как щедро для трудного времени укомплектовывалась армия личным составом и боевой техникой, чувствовалось, что перед ней будут поставлены весьма

серьезные задачи. Это было видно и по тщательности, с которой Ставка подбирала руководящий состав армии. На должность командующего И. В. Сталин предложил кандидатуру заместителя командующего войсками Воронежского фронта генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского. Родион Яковлевич был опытным военачальником. Воевал с немцами еще в первую мировую войну, сначала в Прибалтике, затем в составе Русского экспедиционного корпуса во Франции. По возвращении на родину участвовал в разгроме Колчака. В 1937 году сражался на стороне республиканских войск в Испании. Находясь с первых дней Великой Отечественной войны на фронте, зарекомендовал себя мужественным и умелым командиром.

Заместителем командующего армией Ставка назначила генерал-майора Якова Григорьевича Крейзера. Генерал Крейзер слыл отличным организатором и опытным боевым командиром. Возглавляемая им 1-я мотострелковая дивизия прославилась героическими действиями осенью 1941 года на Московском направлении. Сам комдив в боях с немецко-фашистскими захватчиками был тяжело ранен и за проявленное мужество удостоен звания Героя Советского Союза.

На должность начальника штаба 2-й гвардейской армии был утвержден генерал-майор Бирюзов. Известие о новом назначении поначалу огорчило Сергея Семеновича. Убывать из действующей армии куда-то в тыл ему не хотелось. Но служба есть служба, и на войне ее не выбирают.

Прибыв в Тамбов, Бирюзов прежде всего встретился с начальником оперативного отдела штаба армии полковником М. Д. Грецовым и, ознакомившись с обстановкой, направился к командующему. Душа его, что говорится, ликовала: он узнал, что армия готовится для участия в Сталинградской битве.

После первых необходимых для знакомства фраз Малиновский спросил: «Хватит вам, Сергей Семенович, двух-трех дней, чтобы осмотреться и вступить в должность?» Бирюзов попросил разрешения приступить к исполнению обязанностей немедленно, объяснив, что он уже ознакомился с обстановкой, и тут же изложил свои соображения по организации переброски армии в район Сталинграда. Рассказались они на рассвете.

— Работы много. Выбирайте главное, — напутствовал его Малиновский. — Принимайте меры на месте.

Докладывайте по мере необходимости о принятых решениях.

Утром Бирюзов, обнаженный по пояс, делал зарядку во дворе домика, где остановился. Рядом колол дрова солдат. Не узнав генерала, спросил: «Не холодно тебе?» Бирюзов ответил, что привык. «Силен», — заметил солдат, но тут подошел адъютант, и по его словам солдат понял свою оплошность. Далее, как вспоминал Бирюзов, произошел такой разговор:

«— Извините, товарищ генерал... — Теперь пришла моя очередь задавать вопросы: — А за что вас извинить? — Да как же... В потемках принял вас за телеграфиста Кубина. Здоровенный он тоже. — Ничего, в темноте ошибаться может всякий, — отозвался я и, чтобы как-то избавить курносого гвардейца от неловкого для нас обоих замешательства, попросил у него колун. В юности я был мастером по этой части: около двух лет работал на заготовке дров... Старая сноровка не подвела. Колун точно ударил по самой сердцевине смолистой плахи, и она со звоном развалилась на две равные части».

Тогда генерал еще не знал, что через два года к нему, начальнику штаба фронта, придет другой солдат и вручит письмо от смертельно раненного младшего лейтенанта Истомина (фамилия случайного знакомого во дворе), фронтовика, дважды орденоносца. В нем он прочитает такие строки: «...Вам пишу вот почему. Податель этой записки — брат мой родной Илюша. Лет ему немного, но меня он заменил бы в бою. Просто совестно, что его послали служить в какой-то медсанбат санитаром... Прошу Вас, помогите перебраться ему на передовую, где бы он смог сполна проявить себя и заодно и за мою гибель отомстить... Не откажите, товарищ генерал, и прощайте. Извините, если что не так.

Младший лейтенант Истомин».

И он, Бирюзов, напишет в уголке письма: «Илью Истомина зачислить в разведку, а по окончании наступления командировать на курсы младших лейтенантов...»

Через много лет Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов вспоминал об этом:

«...Истомин-младший прочитал эту резолюцию и, к моему величайшему удивлению, сняв пилотку, отвесил поклон:

— Спасибо вам, товарищ генерал...

Много времени ушло с того дня, а я и сейчас ясно вижу перед собой эту рыжую солдатскую голову, склоненную в глубоком поклоне за то, что в знак уважения к памяти брата его перевели из армейских тылов на передовую. Вот какие они, наши советские солдаты!»

...Работа по организации быстрейшей переброски 2-й гвардейской армии в район Сталинграда сразу же поглотила все силы Бирюзова. Пользуясь правом на самостоятельность в решениях и действиях, предоставленным ему командармом, и будучи отличным знатоком боевой подготовки, он энергично включился в процесс сколачивания армии и органов ее управления. Особое внимание обратил на обучение пулеметчиков, минометчиков, наводчиков противотанковых ружей и автоматчиков. Присутствуя на тренировках пехоты, танков и артиллерии, строго следил за тем, чтобы они проводились в условиях, максимально приближенных к боевым, с обязательной отработкой всех элементов взаимодействия. Начальник штаба армии лично обучал командиров искусству ведения разведки, методам подготовки и проведения атаки, особенностям ведения боя в глубине обороны противника.

Проводил Бирюзов и многочисленные штабные тренировки, отрабатывая надежность управления войсками в предстоящих боях. Твердый и решительный в своих поступках, он порой жестко, но последовательно вырабатывал у работников штаба навыки четких и оперативных действий. День ото дня доклад Бирюзова командующему становились все короче — верный признак того, что армия превращалась в единый, хорошо сколоченный боевой организм, готовый к выполнению ответственных оперативных задач.

Первоначально Ставка планировала после разгрома немецко-фашистских войск на Среднем Дону ввести в сражение 2-ю гвардейскую армию в районе Калача для развития наступления на Ростов и Таганрог. Однако оперативная обстановка, сложившаяся под Сталинградом к началу декабря 1942 года, определила иную перспективу боевого предназначения 2-й гвардейской — встать на пути группировки генерал-фельдмаршала Манштейна, который двигался к Сталинграду, чтобы деблокировать окруженную армию Паулюса. Эту задачу, полученную 12 декабря, нужно было начать выполнять, не теряя ни часа, ни минуты времени.

Ставка Верховного Главнокомандования потребовала от командования 2-й гвардейской армии во взаимодействии с 51-й армией «разбить котельниковскую группировку противника, в течение ближайших дней занять Котельниково и закрепиться там прочно».

Бессонную ночь Малиновский и Бирюзов провели вместе, придумывая план предстоящих действий. На следующий день начальник штаба армии подготовил на подпись командарму боевой приказ, согласно которому ее дивизиям предписывалось к утру 18 декабря выйти на реку Мышкова, упредить противника с развертыванием и, заняв прочную оборону, не допустить его прорыва на север, к Сталинграду.

Итак, выйти и занять рубеж на реке Мышкова... Но для этого войскам предстоял марш на расстояние до 200 километров менее чем за пять суток. Марш по 40—50 километров ежесуточно. С легким и тяжелым оружием и боеприпасами к нему, чтобы быть в готовности сразу же вступить в бой с танковой армадой врага. По занесенной снегом степи, продуваемой всеми ветрами, в декабрьскую стужу, без всякой возможности обогреться в теплом помещении даже на кратковременном привале... Стоит только представить себе все это, чтобы понять цену свершенного войсками 2-й гвардейской армии еще до начала сражения.

Командарм Малиновский немедленно отправился в район предстоящих боев для изучения обстановки на месте. Генерал Бирюзов, на которого он возложил организацию марша, все время находился в походных колоннах. На приличную погоду в это время года рассчитывать не приходилось. Но она, как назло, выдалась даже для этого времени на редкость скверной. Слякоть дневных оттепелей сменялась ночным гололедом. Танки, пушки без конца то увязали в месиве снега с землей, то становились неуправляемыми на обледеневших спусках, подминающая под себя и увеча выбивающихся из сил людей. Управление растянувшимися на десятки километров колоннами было крайне затруднено: пользоваться радиосредствами Бирюзов запретил, чтобы не демаскировать лишней раз перегруппировку армии. Постоянно ощущался острый недостаток бензина и дизельного топлива.

Узнав, что тылы не справляются с доставкой горючего войскам, Малиновский телеграфировал Бирюзову, чтобы тот лично занялся этим делом. За недолгое время совместной работы командарм успел увериться, что Бирю-

зов обязательно найдет выход из создавшегося положения, каким бы оно ни было сложным.

И начальник штаба обеспечил переброску армии. В назначенный срок она вышла на заданный рубеж. Каждое соединение к этому времени уже знало свою конкретную боевую задачу. Бирюзов непосредственно на марше отработал с командирами дивизий основные вопросы взаимодействия стрелковых частей с артиллерийскими и танковыми, с соседями справа и слева.

Сила Бирюзова как организатора и руководителя заключалась в том, что он всегда находился в центре событий, в гуще солдатских масс и, не стесняясь, брал на вооружение все лучшее из боевого опыта бывалых воинов.

В своих воспоминаниях Сергей Семенович привел эпизод, когда во время того же двухсоткилометрового перехода он остановил одного из солдат и спросил:

— Какая у вас задача?

Бирюзову непосредственно захотелось убедиться, знает ли солдат, куда и зачем идет. Однако тот по-своему понял вопрос, заданный генералом, и ответил:

— Моя первая задача — уничтожить один танк врага. А там будь что будет.

«Долго я размышлял над этим ответом, — писал Бирюзов. — Солдату хочется уничтожить хоть один танк. Он знает, что танки являются у Манштейна основной ударной силой, и если перебить их все, то наступление врага захлебнется. То, что подбить фашистский танк — дело опасное и трудное, солдат, конечно, понимает, но это не меняет сути дела. Главное — уничтожить врага».

Спустя много лет Маршал Советского Союза Малиновский, будучи уже министром обороны Союза ССР, считал необходимым отметить действия Бирюзова в те незабываемые дни, когда к маленькой степной речке Мышкова с разных сторон устремились войска двух противоборствующих армий, и там развернулись события, ставшие, по существу, решающими для исхода Сталинградской битвы.

«Нужна была огромная организаторская работа, — писал Малиновский, — чтобы в этих условиях сохранить четкость управления, подготовиться к боевым действиям... Тогда я увидел Сергея Семеновича непосредственно в боевой работе и не мог не оценить в нем больших способностей военного руководителя, организатора боевой деятельности войск».

Когда утром 19 декабря войска Манштейна вышли к

реке Мышкова, полагая, что отсюда откроется беспрепятственный путь к окруженной группировке Паулюса, они неожиданно для себя натолкнулись на жесткую оборону неизвестно откуда оказавшихся здесь советских войск. Это были передовые соединения 2-й гвардейской армии, принявшие на себя танковый удар противника буквально в 35—40 километрах от окруженных под Сталинградом немецко-фашистских соединений.

Для Бирюзова наступили тяжелые дни и ночи. Ведь 2-я гвардейская армия вступила в бой почти с марша, штабу пришлось работать с предельным напряжением: надо было организовать разведку и управление войсками, обеспечить надежное взаимодействие соединений, создать бесперебойную систему связи. Этим обеспечивалась постоянная жизнь и боевая деятельность войск армии. Но нужно было еще разработать план основной операции. Бирюзов, по крупицам собрав все, что было известно о противнике, о составе вражеской группировки, направлении его главных усилий, представил командующему армией свои соображения. Вместе с Малиновским они доложили решение на операцию командующему Сталинградским фронтом генералу Еременко и представителю Ставки генералу Василевскому. План, окончательно утвержденный Верховным Главнокомандующим, предусматривал отразить натиск противника на рубеже реки Мышкова, истребить в оборонительных боях его танки и, начав наступление 24 декабря во взаимодействии с 51-й армией, окружить и уничтожить основные силы врага на рубеже реки Аксай. Затем, развивая наступление, завершить разгром противника и выйти в район Котельникова.

С получением согласия Ставки на проведение наступательной операции Бирюзов отправился на передовые позиции, чтобы лично проверить, как гвардейцы держат оборону на рубеже реки Мышкова. Берега реки буквально кипели от взрывов. Казалось, огненный смерч метался по засыпанной черным снегом долине реки, оставляя за собой развороченные глыбы льда и рваные дымящиеся воронки. В этот день крупную фигуру начштаба видели и в траншеях, и на боевых позициях артиллеристов, стрелявших по фашистским танкам прямой наводкой. Следя за действиями артиллеристов, которые, сбросив полшубки и ватники, своровисто действовали у орудий в одних гимнастерках и матросских бушлатах, он с удовольствием отмечал про себя, что никто из них не

обращает на него внимания: значит, до предела поглощены делом.

Видя, что оборона предельно напряжена, а вражеские танки прорываются на занятый частями армии берег реки, Бирюзов приказал выдвинуть дополнительные противотанковые средства в боевые порядки пехоты и доложил об этом командарму, который поддержал его решение.

На следующий день противник, совершив перегруппировку, все свои танковые части бросил в бой на левом крыле армии, стремясь единым бронированным тараном пробить брешь и прорваться к окруженным войскам по кратчайшему направлению, через станицу Васильевку. Однако командарм и начальник штаба предусмотрели этот вариант, расположив в тылу оборонявшейся здесь 49-й гвардейской дивизии 2-й гвардейский корпус генерала К. В. Свиридова. Корпус этот предназначался для будущего контрудара.

Сознание того, что за обороняемыми позициями находится мощный танковый резерв, укрепляло стойкость гвардейцев-пехотинцев в бою, а действия врага делало менее уверенными и нервными. Одновременно стрелковые дивизии перешли в контратаку по всему переднему краю обороны армии, дезорганизуя и распыляя силы врага, пытавшегося сосредоточить их в направлении Васильевки. План противника был сорван.

Пять дней и ночей продолжались неистовые атаки врага. Пять суток мужественно отбивали гвардейцы яростный натиск, но позиций своих не уступили. Более того, соединения 2-й гвардейской армии захватили ряд важных плацдармов на южном берегу реки Мышкова, столь необходимых для обеспечения последующих наступательных действий.

В ночь на 24 декабря после тщательного обсуждения Военным советом армии деталей намеченного на завтра наступления Бирюзов представил на подпись командующему окончательный проект боевого приказа и попросил разрешения вновь отправиться в район Васильевки, где изготовились к наступлению части 13-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Чанчибадзе.

Малиновский, смертельно уставший за эти дни, внимательно оглядел своего начальника штаба... Высокий, худой, с ввалившимися щеками на потемневшем лице — видно было, что держался из последних сил, но держался.

— Хочешь быть в двух ипостасях, Сергей Семено-

вич, — начальника штаба армии и наставника командира корпуса, — устало пошутил Малиновский. — Смотрите, не поссорьтесь там с Чанчибадзе: ему энергии и самостоятельности тоже не занимать.

— Отпустите его, Родион Яковлевич, — смеясь, заступился член Военного совета Ларин, — с Чанчибадзе они уже сговорились. А энергия там втрое больше нужна. Немцы в районе Васильевки прямо-таки вцепились в нашу оборону. Для обоих дел хватит. Вы же знаете, что руководство штабом он не ослабит ни на минуту...

В восемь часов утра после десятиминутного огневого налета артиллерии по переднему краю и ближайшей глубине вражеской обороны войска 2-й гвардейской армии перешли в решительное наступление.

Находясь в левофланговом корпусе, генерал Бирюзов внимательно всматривался в картину развивающегося сражения. Как он и предполагал, противник яростно отстаивал рубежи, достигнутые столь дорогой ценой в предыдущие дни. Контратаку пехотой и танками во взаимодействии с артиллерией и авиацией, враг отчаянно сопротивлялся, особенно в самой Васильевке. Там разгорались ожесточенные рукопашные схватки. Рассыпавшись по переулкам, дворам и домам Васильевки, бойцы 3-й и 49-й гвардейских стрелковых дивизий штыками, гранатами и ножами уничтожали вражеских солдат и офицеров. Те, однако, остервенело цеплялись за этот важный опорный пункт, гарнизон которого еще вчера вечером мог наблюдать зарево близкого сражения на внутреннем фронте окружения под Сталинградом.

В течение нескольких часов напряженного боя Васильевка была освобождена. Оставив на ее улицах и в предместьях свыше пятисот трупов своих солдат и офицеров, а также двадцать вырытых в мерзлую землю танков, противник начал отходить на юг. И с других участков поступали донесения, свидетельствовавшие о том, что противник во всей полосе армии начал поворачивать вспять. Бирюзов попросил разрешения командарма на ввод в бой 2-го гвардейского и приданного армии 7-го гвардейского механизированного корпусов. Лично убедившись, как могучим потоком устремились они во фланг и тыл отступающего противника, уже поздно вечером с большим удовлетворением подписал оперативную сводку. Она начиналась словами:

«С утра 24 декабря войска армии главными силами перешли в наступление... Огнем артиллерии и минометов

противник пытается задержать наступление наших войск, во всюду сметается с пути. Набирая темпы и развивая успех, гвардейцы стремительно продвигаются вперед...»

Много лет спустя после окончания войны Бирюзов прочел оценку этого дня бывшим командующим группой армий «Дон» фельдмаршалом Манштейном: «Итак, теперь и на фронте восточнее реки Дон пробил час, когда инициатива перешла в руки противника».

Таким образом, попытка немецко-фашистского командования деблокировать армию Паулюса завершилась полным провалом ее организаторов и блестящей победой 2-й гвардейской армии, у оперативного штаба которой находился Сергей Семенович Бирюзов.

Как и в первые недели войны, когда он командовал дивизией, так и сейчас, в период боев по разгрому Манштейна, Бирюзов внимательно изучал тактику врага, анализируя успехи и неудачи своих войск. Снова и снова считает он своей обязанностью прислушиваться внимательно к бывалым солдатам и офицерам переднего края.

Однажды довелось ему случайно услышать разговор двух бойцов.

— Я тебе кричу: бей по дальним, — горячился один, — а ты по ближним лупишь!

— Стрелял так, чтобы не дать им к траншеям нашим подползти, — возражал другой.

— Так у траншей-то мы их из автоматов достанем, а вот на дальних дистанциях ты их должен из своего пулемета бить, — продолжал первый.

Этот разговор задал в душу Бирюзова. В течение нескольких дней мысленно он возвращался к нему. «Видимо, не все в порядке в войсках с распределением целей, с взаимодействием огневых средств. Надо бы проверить, научить». Доложил Малиновскому, тот одобрил. Разослали в войска представителей штаба, выяснили картину: оказалось, действительно, в ряде частей взаимодействие пулеметчиков и автоматчиков хромало. Срочно были приняты меры, и положение выправилось.

В апреле 1943 года генерал Бирюзов был назначен начальником штаба Южного фронта (так с 1 января 1943 года стал называться бывший Сталинградский фронт). Здесь судьба свела его с замечательным советским полководцем генерал-полковником (впоследствии Маршалом Советского Союза) Федором Ивановичем Тол-

бухиным, который незадолго до этого вступил в командование Южным фронтом. Их боевое сотрудничество, начавшееся на донецкой земле, продолжалось до конца войны.

Бирюзов стал ближайшим помощником командующего фронтом, умело претворял его замыслы и волю в боевые дела войск. «Мы настолько сработались, что стали понимать друг друга с полуслова», — вспоминал впоследствии Сергей Семенович. Однако, прежде чем это произошло, молодому начальнику штаба фронта предстояло доказать, в первую очередь самому себе, что ему по плечу порученная работа более широкого масштаба, нежели прежняя.

Бирюзов принял фронтовой штаб в период, когда на советско-германском фронте назревали крупные события. Еще весной советской разведке стало известно о готовящемся наступлении немецко-фашистских войск под Курском. Толбухин сразу же ввел своего нового начальника штаба в задачи, которые предстояло решать войскам фронта в ближайшее время.

— Словом, нашему фронту, Сергей Семенович, — заключил Толбухин, — надлежит приложить максимум усилий, чтобы сковать как можно больше вражеских дивизий, обороняющихся на Миусском рубеже — немцы называют его «Миус-фронтом», — и не допустить переброски противостоящих нам войск противника в районы Курска, Белгорода, Харькова. Для этого будем готовить наступательную операцию...

Разговор этот показал Бирюзову, что командующий ждет от него самостоятельности, творческой работы. Вместе с тем он понимал, что на первых порах Толбухин будет внимательно присматриваться к его действиям. А он-то легко сумеет обнаружить любую промашку, поскольку лично сам обладал (об этом достаточно был слышан Бирюзов) разносторонним опытом штабной службы и высокой штабной культурой.

Назначение на должность начальника штаба фронта не тревожило его в том плане, справится или не справится он с новыми обязанностями. «К тому времени я уже усвоил, — писал Бирюзов, — что на каждой, даже очень ответственной должности работают, как правило, обыкновенные люди. Но ясно было и другое: фронт — это не шуточное дело, фронтовые масштабы мне еще нужно осваивать». И он энергично принялся за дело.

Генералу Бирюзову было в ту пору только 38 лет. Он горел неугасимым желанием отдать новой работе все,

на что способен, максимально оправдать возлагавшиеся на него надежды.

Бывший командующий артиллерией 2-й гвардейской армии И. Г. Стрельбицкий, в то время генерал-майор артиллерии, о том, каким запомнился ему начальник штаба Южного фронта в период подготовки к летним операциям 1943 года, писал: «Сергей Семенович — высокий блондин лет 35, с крупными чертами умного лица. Это первое хорошее впечатление позже еще более окрепло. В какой бы обстановке мы потом ни встречались — в дни затишья на фронте или в период тяжелых боев, — он всегда был внимательным, постоянно жил мыслью о делах и состоянии войск, жадно впитывал в себя все новое из опыта минувших боев. Таким, пожалуй, и должен быть начальник штаба, с удовлетворением думал я, осматривая простую крестьянскую хату, где Бирюзов занимал комнату. Все здесь тоже говорит о вкусах, характере и стиле работы начальника штаба. В комнате два стола: на одном на доске наколото большая карта, испещренная красными и синими стрелками, цифрами, условными знаками, на другом — книги, бумаги, разложенные в строгом порядке. Ознакомив меня с обстановкой, начальник штаба говорит о том, чего не может рассказать карта. «Мы находимся накануне новой огромной битвы, — горячо и убежденно говорит Сергей Семенович. — Нам дорог каждый час. Время работает на нас, и мы должны бережливо, умело его использовать в целях подготовки к наступлению. Орудия, снаряды, машины — все это важно и нужно накапливать. Но при этом помните о главном — о людях. Готовьте их к новым испытаниям».

В первой наступательной операции фронтового масштаба, начавшейся 17 июля 1943 года, которой руководили Толбухин и Бирюзов, как известно, не удалось прорвать «Миус-фронт». Имевшихся в распоряжении командования Южного фронта сил и средств было явно недостаточно, чтобы преодолеть оборонительные рубежи противника, которые он непрерывно укреплял еще с осени 1941 года. Две недели продолжался штурм вражеских позиций. Вражеские войска, опираясь на свои мощные оборонительные сооружения, оказывали беспечное сопротивление. Их авиация неистовствовала, совершая в день по три тысячи самолетов-вылетов. Чтобы сдержать натиск советских войск Южного фронта, фашистское командование оказалось вынужденным перебросить на Миус из-под Харькова, Белгорода и Курска несколько танковых и пе-

хотных дивизий. Этим фронт выполнил главную свою задачу: Гитлер не только не снял ни одной дивизии с «Миус-фронта», но, наоборот, ему пришлось перебросить туда ряд соединений, участвовавших в Курской битве. Лишь ценой огромных потерь (до 30—40 процентов людей и техники) противнику удалось удержать за собой занимаемые позиции на Миусе. Важно было и то, что солдаты Манштейна после этих боев утратили веру в их непреодолимость.

Эта операция сыграла большую роль в становлении Бирюзова как начальника штаба фронта. Как и ожидал Бирюзов, командующий фронтом, опытный в штабных делах и дотошный по характеру, в первое время строго контролировал все действия нового начальника штаба. Порой это даже вызывало раздражение. Но Бирюзов который раз убеждался, что замечания и советы Толбухина — дельные, квалифицированные и всегда своевременные. И, как ни досадна была опека, Бирюзов понимал, что с помощью Толбухина он быстрее и с большей пользой для дела освоит новый для него объем штабной работы. Впрочем, вскоре Толбухин предоставил ему полную самостоятельность. А это было признанием того, что Бирюзов быстро освоился со своими обязанностями и вполне соответствует тем высоким требованиям, которые предъявлял Толбухин к начальнику штаба фронта.

Свою деятельность генерал Бирюзов не мыслил без частых выездов в войска. Собственно, именно поэтому в свое время его не особенно обрадовало назначение на должность начальника штаба армии. И теперь он был озабочен тем, что новая должность привяжет к бумагам в штабе и оторвет от той повседневной живой деятельности в гуще войск, без которой себя не мыслил. С тем большим беспокойством вскоре по прибытии в штаб Южного фронта воспринял сетования командующего Толбухина по поводу частых выездов в войска бывшего командующего артиллерией фронта генерала И. С. Краснопевцева.

— Что это у нас за командующий артиллерией? Уедет в полки, да еще противотанковые, и живет там днями. Когда бы его ни вызывал, все нет на месте.

Бирюзову как раз импонировала такая непоседливость. С тревогой думалось: «А что же скажет командующий, когда начальник штаба попросится в войска?» Он, конечно же, отдавал себе ясный отчет в том, что обязан прежде всего организовать четкую и слаженную работу подчиненных отделов и служб, чтобы обеспечить безуслов-

ное проведение в жизнь замыслов и решений командующего. На это направил всю свою энергию, делал все, чтобы обеспечить именно такую работу штаба, безотрывно держал в своих руках нити управления всеми его звеньями. С тем большим основанием рассчитывал, что командующий не будет препятствовать его стремлению как можно чаще бывать в войсках, а не сидеть в штабе, зарывшись в бумаги.

Командирская жилка явно преваляла в нем, и трудно сказать, как бы пошла дальше его служба и как бы сложились его взаимоотношения с командующим, если бы тот насильно попытался подавить в нем эту жилку.

Боевые действия Южного фронта на «Миус-фронте», помимо их оперативных итогов, стали первым пробным камнем с точки зрения становления взаимоотношений двух военачальников, которых судьба, как говорится, поставила в одну упряжку.

Наступление с самого начала развивалось трудно. Для наращивания силы удара командующий фронтом уже в первый день операции распорядился ввести в дело второй эшелон фронта — 2-ю гвардейскую армию. Позже сам он сожалел, что это было сделано преждевременно. Однако и других решений в той конкретной обстановке не виделось. Необходимо было наращивать силу удара. Однако и движение 2-й гвардейской армии вскоре застопорилось при усиливавшемся с каждым часом сопротивлении пехоты противника, под непрерывными бомбежками его авиации.

Федор Иванович Толбухин полагал, что во время операций его основное место — КП. Туда стекались все сведения о развитии событий, и на основе их можно было принять правильные решения. Но нередки были случаи, когда на местах требовалось вмешательство фронтового командования. К большому удовлетворению Бирюзова, такого рода поручения командующий все чаще доверял ему. Получив донесение о том, что механизированный корпус генерала К. В. Свиридова из 2-й гвардейской армии застопорил свой ход и топчется на месте, Толбухин попросил Бирюзова выехать к гвардейцам, чтобы на месте разобраться в обстановке. Сергей Семенович обрадовался этому поручению и немедленно отправился его выполнять. Довольно быстро приблизился к КП командарм Я. Г. Крейзера и тут попал под сильную бомбежку. Пришлось переждать ее в воронке от бомбы, наблюдая за разгоревшимся ожесточенным воздушным боем. За каких-то

двадцать минут на землю рухнули шесть вражеских бомбардировщиков. Не считаясь с потерями, противник не снижал интенсивности налетов.

Командующий 2-й гвардейской армией генерал Крейзер, которого Бирюзов нашел в отбитой у противника траншее, доложил обстановку и кивнул на небо:

— Не можем поднять головы.

Положение корпуса Свиридова, как убедился Бирюзов, выслушав доклад Крейзера, было недостаточно ясно и для самого командарма. Радиосвязь с мехкорпусом была нарушена, а пройти туда невозможно.

Однако Бирюзов решил пройти. И прошел, несмотря на то, что это действительно оказалось очень рискованным и трудным делом. Не раз пришлось отлеживаться в воронках при очередных бомбежках. Когда добрался до КП мехкорпуса, там было потише. Вражеские самолеты шли над позициями корпуса и не трогали их, а бомбили преимущественно войска других корпусов, которые несколько отстали и пытались продвинуться вперед.

— Почему же вы остановились? Что вам мешает? — навалился Бирюзов на Свиридова.

Тот ответил, что корпус не продвигается, так как еще до потери связи получил от командарма распоряжение — наступление временно приостановить. Бирюзов приказал Свиридову возобновить наступление.

Вскоре восстановилась радиосвязь с КП армии. Бирюзов выговорил командарму за то, что его распоряжениешло вразрез с решением командующего фронтом. Вслед за этим он связался с Толбухиным, и командующий подтвердил его приказ о продолжении наступления корпуса. Однако противник использовал промедление в действиях мехкорпуса, подтянув на угрожаемое направление еще больше танковых частей и усилив массированные удары с воздуха. Каждый метр земли отвоевывался у врага с невероятными усилиями.

Тот выезд Бирюзова и его действия в критической ситуации, умение разобраться в увиденном и оперативно сформулировать практические предложения, а при необходимости немедленно самому принять решение и отдать соответствующие распоряжения подняли авторитет начальника штаба фронта в глазах командующего.

17 августа 1943 года войска Южного фронта вновь начали наступление, которое вошло в историю под названием Донбасской операции. На этот раз Ставка Верховного Главнокомандования смогла подкрепить войска фронта

дополнительными силами и средствами. Вместе с Толбухиным Бирюзов вылетал в Москву для доклада Ставке разработанного ими плана предстоящей операции. Из Москвы возвратились ободренные вниманием Ставки, высоко оценившей представленный план. По собственному признанию Сергея Семеновича, он испытывал чувство гордости.

В ходе подготовки операции штаб фронта и его начальник проделали огромную работу по организации специальных учений с командным составом — командно-штабных игр. Тщательнейшим образом по аэрофотосъемкам изучалась оборона противника. Детально отработывалось взаимодействие между танками, кавалерией, мотопехотой, созданной для ввода в прорыв конно-механизированной группы (4-й механизированный и 4-й гвардейский Кубанский кавалерийский корпуса), и взаимодействии всей группы с авиацией. Дело это было новое и требовало всесторонней подготовки. Неустанно работал партийно-политический аппарат, проводя работу по мобилизации личного состава к наступлению. Войска фронта были пополнены людьми и вооружением.

17 августа войска Южного фронта стремительно и слаженно развернули наступление. «В результате, — писал А. М. Василевский, — силы противника, действовавшие против Южного фронта, уже в первые дни операции оказались расчлененными на две части... Я доложил Сталину, что считаю обстановку на Южном фронте многообещающей».

Однако противник сопротивлялся ожесточенно и имел для этого внушительные силы. Против войск Южного фронта действовало 15 его дивизий. К 1 сентября фашистам удалось сильным контрударом отрезать 2-й и 4-й гвардейские мехкорпуса от главных сил. Однако пойти на большее вражеское командование не рискнуло. Оно понимало, что его войска сами могут попасть здесь в ловушку и могут быть уничтожены ударами второго эшелона Южного фронта, и поэтому с наступлением темноты начало отводить их на новый рубеж обороны. Сведения об этом вовремя были получены штабом фронта. Но их надлежало проверить. Не менее существенным для командования фронта было то обстоятельство, что оба механизированных корпуса, узнав о выходе противника на их тылы и не желая дальше отрываться от своих войск, приостановили наступление.

Бирюзов в этой сложной обстановке предложил Воен-

ному совету фронта лично установить контакт с командованием механизированных корпусов. Предложение было принято Военным советом фронта и представителем Ставки Верховного Главнокомандования. С большим волнением Василевский, Толбухин и член Военного совета К. А. Гуров проводили Бирюзова на выполнение задания. Он мог выполнять его только под покровом темноты, а ночь кончавшегося лета не так уж длинна. Сумеет ли найти он командные пункты корпусов? Успеет ли?..

Когда Бирюзов с четырьмя сопровождающими появился на КП командира 4-го гвардейского мехкорпуса генерала Т. И. Танасчишина, тот был ошеломлен. Произошел следующий разговор: «Как вы оказались здесь... в тылу противника?!» — «Смотал удочки ваш противник. Как только стемнело, так он и ушел, не спрося вас». — «Быть не может. Вечером к нам не могли пробиться даже танки, сопровождавшие цистерны с горючим». — «Вечером было одно, а сейчас другое...»

То же самое повторилось и в штабе 2-го мехкорпуса Свиридова. Оба корпуса по указанию Бирюзова стали продолжать наступление. Бирюзов связался по радио с командующим фронтом и доложил ему об этом. В ответ услышал радостный голос Федора Ивановича:

— Благодарю... Все мы благодарим вас. Жду. Возвращайтесь...

О возвращении здесь уместно рассказать словами самого Сергея Семеновича, взятыми из его воспоминаний «Суровые годы»:

«Солнце уже поднялось над разрушенными хуторами, когда я тронулся в обратный путь... Днем я сравнительно легко добрался до КП фронта, хотя дорога была ужасна. На земле не осталось, кажется, ни одного квадратного метра, не поврежденного снарядом или бомбой. Там и сям торчали дыбом бревна и рельсы, являвшиеся некогда перекрытиями в немецких блиндажах. Часто попадались раздавленные танками пушки.

В одном месте меня остановил раненый сержант. К сожалению, я не смог посадить его в машину, потому что в ней уже разместились человек пять таких же, как он, наскоро перевязанных окровавленными бинтами. Да сержант и не претендовал на это. У него ко мне был только один вопрос:

— Товарищ генерал, высоту-то наши взяли?

— Взяли, — ответил я, хотя и не знал, что это за высота.

— Ну, тогда все в порядке. Буду спокойно лечиться. Спасибо...

По возвращении на КП мне случилось проходить мимо радистки, прихоращивавшейся перед зеркалом. Случайно глянул в это же зеркало на себя и не поверил глазам своим: я это или не я? Подарапана щека, лоб черный от пыли, смешанной с потом, фуражка вся в глине...

— А нельзя ли здесь у вас умыться? — обратился я к девушке.

Сорвется с языка такое, а потом и сам не рад... Вокруг меня сразу образовалась толпа. Откуда только они появились? Одна мыло дает, другая воду льет, третья с полотенцем стоит.

— Мы уж думали, что больше не увидим вас, — сказала какая-то простодушная, совсем крохотная девчушка.

— Это почему же?

— Потому что знаем, где вы были.

— Да, от вас действительно не скроешься. Недаром, видно, говорят, что радист, телефонист да машинистка — это сейфы, сплошь набитые секретными...»

Донбасская операция закончилась во второй половине сентября освобождением Донбасса. Войска Южного фронта вышли к реке Молочной и создали угрозу немецко-фашистской обороне в низовьях Днепра и на подступах к Крыму. Для Бирюзова эта операция, по его признанию, явилась экзаменом на зрелость в качестве начальника штаба фронта.

Его возросшее искусство как начальника штаба фронта еще более ярко проявилось во время прорыва вражеской обороны на реке Молочной. При подготовке этой операции службы штаба под руководством Бирюзова проделали огромную работу. На планирование операции и перегруппировку войск было отведено всего трое суток. За это же время нужно было собрать недостающие разведданные о противнике, подтянуть тылы, перевезти боеприпасы, провести еще десятки мероприятий и проконтролировать их выполнение. Вновь назначенный начальником оперативного отдела полковник А. П. Тарасов, узнав, что все это надо спланировать за одну ночь, заявил: «Требуется несколько дней!»

— Через несколько дней это никому уже не потребуется, — отрезал Бирюзов. — К утру все должно быть сделано!..

Бои, принявшие затяжной характер, продолжались

уже несколько дней, а решительного результата все не было. Что делать дальше? — этот вопрос все больше беспокоил и командующего фронтом, и Бирюзова. Ответ на него дала разведка. Недаром Бирюзов не жалел усилий, чтобы непрерывно, день и ночь, добывались данные о расстановке неприятельских сил. К началу октября начальнику разведки фронта М. Я. Грязнову уже было ясно, что фашисты, чтобы удержать свои позиции на направлении главного удара, перебрасывают туда войска с участка южнее Мелитополя. Следовательно, они значительно ослабили свой фронт перед действовавшей там нашей 28-й армией.

Да, там, на юге, можно было рассчитывать на успех — к такому выводу пришли Бирюзов и Грязнов. Но чтобы убедить в этом командование, надо было тщательно все взвесить, обосновать, подкрепить расчетами. Проанализировав обстановку с работниками штаба, Бирюзов предложил перегруппировать войска и осуществить прорыв фронта в полосе 28-й армии. Предложение было внимательно рассмотрено Военным советом с участием представителя Ставки Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Было решено усилить 28-ю армию 19-м танковым корпусом и, если им удастся прорвать фронт раньше, чем на главном направлении, направить туда резерв фронта для развития успеха.

Толбухин остался руководить войсками на главном направлении, а ответственным за действия 28-й армии и ввод в бой 19-го корпуса назначил Бирюзова. С волнением воспринял Сергей Семенович это ответственное назначение: ему предстояло на деле доказать, что предложение о прорыве фронта противника южнее Мелитополя обоснованно.

Возвратившись на КП 28-й армии с ее командующим генералом В. Ф. Герасименко и прибывшим туда командиром 19-го танкового корпуса генералом И. Д. Васильевым, Бирюзов поставил им задачу, и они вместе уточнили план предстоящих действий. Особенно тщательно рассмотрели вопрос о действиях танков по преодолению проходившей в полосе наступления 19-го танкового корпуса параллельно линии фронта железнодорожной насыпи, а за ней шоссе, тоже с высокой насыпью. Столь серьезное препятствие могло решающим образом повлиять на успех наступления — это хорошо понимал и сам Бирюзов, о том же самом говорили ему и Толбухин, и Василевский, напутствуя перед отъездом к Герасименко. Нача-

ло наступления назначалось на утро следующего дня. За ночь была проделана колоссальная работа: уточнено расположение вражеских огневых средств и противотанковых узлов, сделаны проходы в минных полях, перегруппирована артиллерия, подготовлены к атаке пехота и танки.

Атака уже началась, когда на КП 28-й армии прибыл Василевский. Он еще раньше по телефону сообщил Бирюзову, что на главном направлении события по-прежнему неутешительные и остается надеяться на успехи непосредственно под Мелитополем... Танки 19-го танкового корпуса подошли к железнодорожной насыпи. Наступление развивалось успешно, однако на одном из участков оно застопорилось. Василевский и Бирюзов припали к стереотрубам. Было видно, что танки остановились и вели огонь с места, несколько из них горели, автоматчики залегли... Атака явно захлебывалась. Связались с Васильевым. Тот доложил, что его корпус атакует до 70 танков. «Сергей Семенович, — распорядился Василевский, — немедленно поезжайте к Васильеву, пусть его корпус развивает наступление в обход Чехограда, в тыл основной группировки противника, а вражеские танки уничтожать артиллерией». Бегом бросился Бирюзов к своему вездеходу, на ходу приказал артиллеристам дать «катюшами» два залпа по вражеским танкам и через несколько минут уже был на КП Васильева. Как раз в это время прогремел второй залп «катюш», накрывший противотанковый узел противника и его контратакующие танки. «Вперед, куда били «катюши», — перебил Бирюзов Васильева, начавшего было докладывать обстановку. — Вот в этом направлении и атакуйте немедленно, а часть сил направить в обход Чехограда». Васильев взглянул на часы: «Через час Чехоград будет освобожден». Наши танки вновь ринулись в атаку. К вечеру противотанковый район гитлеровцев был преодолен. Можно было согласно плану вводить в прорыв 4-й корпус генерала Н. Я. Кириченко. Все это говорило о том, что прорыв здесь, южнее Мелитополя, гарантирует успех всей операции.

На следующий день войска 28-й армии вышли к южной окраине Мелитополя. Теперь Толбухин перенес на это направление главные усилия войск фронта. 23 октября был взят Мелитополь, а через три дня противник начал отступать и на других участках. Преследуя гитлеровцев, войска фронта в начале ноября вышли к ни-

зовьям Днепра и захватили плацдарм в Крыму, на южном берегу Сиваша.

Будучи человеком с творческим складом характера, инициативным и энергичным, Бирюзов стал ближайшим помощником командующего фронтом, умело и решительно претворял его замыслы в боевые дела войск. Маршал Советского Союза Василевский, в годы войны неоднократно бывавший представителем Ставки на фронтах, которыми командовал Толбухин, писал о Бирюзове в своей книге «Дело всей жизни»: «Решительный и волевой, требовательный и при необходимости суровый военачальник, он хорошо дополнял мягкого и сдержанного Ф. И. Толбухина... На мой взгляд, их боевое содружество и совместная деятельность во фронтовом руководстве являются примером едва ли не идеально удачного сочетания качеств двух крупных военачальников».

Когда 3 ноября 1943 года командующий и начальник штаба 4-го Украинского фронта (так с 20 октября стал именоваться прежний Южный фронт) ознакомились с телеграммой генерала И. Д. Васильева, им не потребовалось много слов, чтобы правильно оценить сложившуюся ситуацию и принять нужные меры.

Командир 19-го танкового корпуса сообщал, что после того, как его танкисты с ходу преодолели Турецкий вал, издревле бывший грозным препятствием на пути в Крым, и устремились на Армянск, вместе с ними оказался только один кавполк из кавкорпуса Кириченко. В результате противник, имевший в Армянске крупный гарнизон, начал оказывать сильное противодействие героически сражавшимся танкистам. Но закрепить достигнутый ими успех было некому. Танковый корпус оказался в тяжелом положении, его части понесли большие потери, был ранен и сам командир корпуса. Однако он решил удерживать занятый район и просил командование фронта только об одном — быстрее оказать ему помощь.

Конечно же, и Толбухин, и Бирюзов, как только узнали о прорыве 19-го корпуса через Турецкий вал, приняли все меры, чтобы усилить Васильева и расширить прорыв, но кавалерийский корпус Кириченко почему-то запаздывал. Теперь в связи с телеграммой Федор Иванович сразу же попросил Сергея Семеновича немедленно сообщить Васильеву, что основные силы 4-го гвардейского Кубанского кавкорпуса, а также передовые части 51-й

армии уже подходят к Перекопу. Одновременно он поручил ему лично туда выехать, чтобы разобраться в обстановке на месте, там, у Турецкого вала, и быстрее протолкнуть кавалеристов и стрелковые дивизии в Крым, на помощь Васильеву. Начальник штаба фронта выехал немедленно.

Прибыв на Перекоп, он узнал, что танкисты Васильева полностью отрезаны от своих войск, а оставшийся узкий проход находится под сильнейшим обстрелом противника. Оценив обстановку, Бирюзов принял решение срочно расширить проход, чтобы можно было доставлять танкистам подкрепления и все необходимое, незамедлительно выяснить, какая обстановка у Васильева и сообщить ему, что помощь близка. Приказав немедленно организовать штурмовые группы для расширения пробитого танкистами коридора, Бирюзов послал своего адъютанта старшего лейтенанта Долину на машине к Васильеву. Через минуту машина с адъютантом на предельной скорости промчалась через Турецкий вал. Маневрируя среди воронок и разрывов, то скрываясь за клубами дыма, то вновь появляясь в поле зрения наблюдавших за ней Бирюзова и окружавших его офицеров, она наконец скрылась за валом. Потянулись тягостные минуты ожидания. Орудия и минометы противника, обстреливавшие проход через вал, затихли. Но ненадолго. Вскоре вновь загрозотала вражеская артиллерия, и на гребне вала показалась наша машина, мчавшаяся назад. Казалось, что вот-вот ее накроет вражеский снаряд, но благополучно миновав опасности, Долина в пыли, синяках и кровоподтеках подъехал к наблюдательному пункту и вручил Бирюзову карту с подробной обстановкой и положением частей 19-го танкового корпуса.

Результаты поездки Долины Бирюзов по радио доложил Толбухину. Командующий подтвердил правильность предложения — расширить пробитый через Турецкий вал коридор и сохранить захваченный плацдарм для последующего наступления на Крым. Но как это сделать, когда кругом доты противника, когда каждый клочок земли в узком проходе простреливается из всех видов оружия?!

В то время когда Бирюзов и генерал-лейтенант Крейзер, командовавший 51-й армией, прикидывали, как лучше организовать атаку, прибывший на НП командир 10-й кавалерийской дивизии генерал Миллеров доложил о только что происшедшем эпизоде. Там, за Турецким валом, коноводы 36-го кавалерийского полка рассредото-

чили коней на кукурузном поле. Внезапный налет вражеской авиации напугал лошадей, и табун в 150—200 коней галопом устремился вдоль проселочной дороги Чаплинка — Армянск и оказался в нашем расположении по эту сторону Турецкого вала. Никто его не обстрелял. Это навело Бирюзова на мысль, что между Чаплинкой и Армянском есть брешь, не прикрытая огневыми средствами противника. Через нее-то и было решено произвести атаку. Ее начали сразу же, с наступлением темноты. Предположения Бирюзова оправдались — атака увенчалась успехом. Затем действиями передовых батальонов 55-го стрелкового корпуса и 10-й кавалерийской дивизии коридор через Турецкий вал был расширен, что гарантировало укрепление плацдарма на Перекопе. Все последующие попытки противника ликвидировать этот плацдарм окончились провалом. Были созданы благоприятные условия для освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков.

Операция по освобождению Крыма, начавшаяся в апреле 1944 года, знаменовала завершение первого года пребывания Сергея Семеновича Бирюзова на посту начальника штаба фронта. Руководимый им штаб с честью выдержал ответственный экзамен на зрелость.

Последние дни перед началом наступления были крайне напряженными для всех его работников, начиная с самого начальника. Бирюзов лично проверял и перепроверял данные о противнике. Ведь там, в Крыму, за Перекопом, огороженные мощной обороной глубиной в 32—35 километров, опоясанные минными полями и проволочными заграждениями, находились 200 тысяч вражеских войск. Рельеф Крыма исключал широкий маневр войск, к чему они, можно сказать, привыкли в условиях степной местности, где до этого действовали. Здесь же надо учитывать каждый километр. Штаб разработал массу вариантов частных задач: как уничтожить такую-то батарею противника, выбить с позиций роту или батальон врага. Приходилось оформлять огромное количество карт, схем, таблиц.

Но всему приходит конец. В долгожданный день наступления в 10 часов 30 минут загремела артиллерия, бомбовые удары нашей авиации обрушились на оборону врага. После полуторачасовой артиллерийской подготовки войска фронта двинулись в атаку. Находясь на КП фронта, Бирюзов поддерживал непрерывную связь с наступающими дивизиями. 2-я гвардейская армия, надеж-

но подавив артиллерию противника, уверенно продвигалась вперед и к исходу дня овладела сильным опорным пунктом врага — Армянском. Хуже обстояли дела за Сивашем. От Крейзера долго не поступало никаких докладов. Три корпуса его армии — 1-й гвардейский, 10-й и 63-й — уже должны были к этому времени прорвать первую позицию врага. Не на шутку обеспокоенный Толбухин попросил Бирюзова связаться по радио с командирами корпусов. Выяснилось, что 10-й стрелковый корпус овладел первой траншеей, но было ясно, что 51-я армия натолкнулась на сильное сопротивление врага.

Толбухин и Бирюзов выехали на КП Крейзера. Командарм доложил, что наибольшие затруднения испытывает 1-й гвардейский корпус, который на отдельных участках совсем не имеет продвижения. Это очень огорчило Толбухина. «Сергей Семенович, — обратился он к Бирюзову, — я вас прошу, займитесь 1-м корпусом. В то же время не ослабляйте внимания и к 63-му корпусу, от которого, на мой взгляд, зависит сейчас успех всей армии». Оставив Бирюзова на КП 51-й армии, Толбухин уехал.

Весь остаток дня и ночь Бирюзов провел в войсках 51-й армии. Обстановка была очень напряженной. Враг удерживал позиции с небывалым упорством, фашисты сопротивлялись с отчаянием обреченных, используя выгодную для оборонявшихся местность. Ночью полком 267-й стрелковой дивизии, 63-го корпуса, которым командовал генерал Н. К. Кошевой, удалось прорваться в третью траншею вражеской позиции, форсировать одним батальоном Айгульское озеро и создать угрозу путям отхода немецко-фашистских войск в этом районе. Бирюзов вместе с командиром корпуса делал все возможное, чтобы развить успех. При докладе Толбухину об обстановке он просил усилить 63-й корпус авиацией, пехотой и танками. Командующий фронтом приказал перенести на этот участок главные усилия 8-й воздушной армии, направить туда свежие танковые и стрелковые части. Ранним утром 9 апреля батальон 267-й и полк 346-й стрелковых дивизий прорвали оборонительные позиции врага в районе Каранки, выбили врага из Томашевки. Бирюзов, находившийся в тот момент на КП 63-го корпуса, понимал, что теперь успех операции предрешен. Об этом немедленно было доложено А. М. Василевскому. «Войска 4-го Украинского фронта, — докладывал Бирюзов маршалу, — на Сивашском направлении прорвали основные позиции

противника и продолжают наступление. — Затем в шутку добавил: — От имени командования фронта разрешите, Александр Михайлович, передать вам ключи от Крыма».

Но хотя ключи и были, дверь в Крым-то не очень подавалась. Советские войска вели ожесточенные бои. Успех, обозначившийся в полосе 51-й армии, следовало развить силами 2-й гвардейской. А там, на Перекопе, враг, убежденный, что именно здесь наносит главный удар 4-го Украинского фронта, отчаянно сопротивлялся. Некоторые траншеи по несколько раз переходили из рук в руки. Бирюзов по указанию Толбухина направился во 2-ю гвардейскую армию. Застав в штабе армии совещание руководящего состава, начальник штаба фронта ознакомил армейское командование с обстановкой в полосе 51-й армии и уточнил задачу 2-й гвардейской армии.

Однако не в характере Бирюзова было засиживаться в штабах. Невзирая на ненастную погоду, он с командармом Г. Ф. Захаровым и командующим артиллерией И. С. Стрельбицким выехал в войска: надо было усилить напик на Перекопском направлении, поддержать успех 51-й армии. В разгар боев, когда Бирюзов находился на Ищуньских позициях, к нему привели пленного. Из его показаний стало ясно, что противник начинает отход на тыловые рубежи. Надо было торопиться, чтобы отрезать ему пути отхода.

10 апреля 51-я армия прорвала фашистскую оборону, и с утра 11 апреля в прорыв был введен 19-й танковый корпус, который к середине дня овладел Джанкоем и устремился на Симферополь. В ночь на 12 апреля 87-я гвардейская дивизия 2-й гвардейской армии, преодолев вброд Каркинитский залив, вышла в тыл частям противника, оборонявшимся на Перекопе, и создала условия для прорыва всей обороны врага на этом направлении: наши войска ворвались в Крым.

Для Бирюзова теперь крайне важным оказалась тесная связь с партизанами. Им надо было менять задачу: если раньше партизанам предписывалось устраивать обвалы на дорогах и взрывать мосты, чтобы затруднить противнику отход, то теперь дороги нужны были советским войскам и надо было не допустить, чтобы противник разрушал их при отступлении.

Советские войска стремительно продвигались к Севастополю. 13 апреля Бирюзов, находившийся в тот день в

войсках 19-го танкового корпуса, уже был в Симферополе. Фашисты не успели разрушить город: столь быстрым было их бегство. Со стороны Керчи с 11 апреля наступала отдельная Приморская армия, которая 18 апреля вошла в состав 4-го Украинского фронта. 15—16 апреля советские войска вышли на подступы к Севастополю и начали готовиться к штурму.

А штурм предстоял нелегкий. Противник превратил Севастополь в мощный укрепленный район. Были восстановлены и усилены железобетонные оборонительные сооружения, созданные советскими войсками при обороне города. Против каждой нашей роты враг имел в среднем 32 пулемета и 15 минометов. 72-тысячная армия обороняла Севастополь.

Толбухин и Бирюзов были очень расстроены тем, что не удалось ворваться в Севастополь на плечах отступавшего противника. 15 апреля Бирюзов, усталый и хмурым, в защитном, потемневшем от известковой пыли комбинезоне, вновь прибыл на КП 2-й гвардейской армии, размещавшейся в Саки. Сухо поздоровавшись, он с ходу обратился к командарму Г. Ф. Захарову: «Георгий Федорович, что же это вы застопорились у Бельбека? Вторые сутки ведете бои, а плацдарм не расширен. Я понимаю, ваши дивизии только еще на подходе, но надо торопиться. Противник уже пришел в себя, и чем дальше, тем будет труднее». Захаров вскипел: «Мы застопорились? А кто же прошел с боями двести километров за шесть дней?»

Бирюзов жестом остановил Захарова. 2-я гвардейская армия действительно продвигалась быстро. Но теперь ее продвижение застопорилось. Об этом следовало сейчас вести речь. Начальник штаба армии полковник П. И. Левин доложил обстановку, подчеркнул, что сопротивление противника по мере продвижения к Севастополю усиливается с каждым часом. «Вот-вот, — подхватил Бирюзов, — поэтому я и приехал. Надо торопиться. Скоро ли ваша артиллерия сможет нанести такой же удар, как на Перекопе?» Командующий артиллерией армии доложил, что к утру 500 орудий и минометов будут в готовности. Это примерно половина всей артиллерии армии. Но такая спешка может отрицательно сказаться на точности стрельбы. «Командующий фронтом, — сказал Бирюзов, — специально прислал меня, чтобы ускорить удар и расширить плацдарм на реке Бельбек. Дело за вами».

Затем Бирюзов стал прикидывать возможные вариан-

ты расширения плацдарма. Взяв топографическую карту, на которой, по данным аэрофотосъемки, были указаны огневые позиции, опорные пункты, противотанковые рвы и минные поля противника, он обратился к Захарову: «Георгий Федорович, как вы расцепиваете вот этот район?» — карандаш начальника штаба фронта уперся в высоту 76,9. «Эта высота меня интересует меньше всего, — ответил командарм, — она мне ничего не даст. Ведь снова придется прорываться в долину Бельбека, а затем штурмовать Мекензиевы горы. Лучше уж сразу захвачу гору, а с ними и высоту. Кстати, первая позиция на ее северном склоне уже в моих руках».

Около часа Бирюзов и командование 2-й гвардейской армии обсуждали, как лучше провести операцию, как с наибольшей эффективностью использовать авиацию. Не забыли и высоту 76,9, разработав тактику овладения ею. Бирюзов, одобрив план, уехал в штаб фронта.

Взять укрепленный район с ходу — задача очень трудная. Попытки 51-й и Приморской армий 19 апреля прорвать вражеские оборонительные рубежи успеха не имели. Необходимо было провести серьезную подготовку, чтобы решительным массированным штурмом овладеть городом. Для этого требовалось время. А как раз временно-то Ставка давала в обрез. И. В. Сталин неоднократно требовал от командования фронта поспешить с ликвидацией крымской группировки врага. Политическое и военное значение освобождения Крыма прекрасно понимал и Военный совет фронта. И все же он считал, что для успешного штурма надо произвести перегруппировку войск, подвезти горючее и боеприпасы. После переговоров со Ставкой А. М. Василевский, находившийся в Крыму с 11 апреля, добился от Сталина разрешения начать штурм 5—7 мая.

Штаб фронта работал круглосуточно. Под жесткий контроль были взяты сроки перегруппировки войск, обеспечение их всем необходимым для боя. Дело осложнялось тем, что все склады находились за Сивашем и в районе Керчи. Разведка фронта уточняла оборонительную систему противника и расположение его войск. Под Севастополь стягивалась вся артиллерия фронта, с тем чтобы при штурме создать небывалую для того времени плотность — 300 орудий на один километр фронта. В дивизиях создавались штурмовые группы, с ними проводились специальные занятия. Все это планировалось, рас-

пределялось и контролировалось штабом фронта и лично Бирюзовым.

Бирюзова интересовало буквально все: и как организовано взаимодействие, и как готовится к штурму артиллерия, что делается в службах тыла. Характерен такой эпизод. В один из дней подготовки штурма Севастополя он прибыл вновь на КП 2-й гвардейской армии, где заслушал командующего артиллерией армии И. С. Стрельбицкого. Неожиданно из соседней комнаты донесся сердитый голос Г. Ф. Захарова: «Поймите, сейчас не до ремонта санаториев. Перед армией стоит трудная задача — прорвать сильную оборону фашистов на Мекензиевых горах. Освободим Севастополь, тогда и займемся ремонтом здравниц». Бирюзов, прервав доклад Стрельбицкого, пригласил командарма. Выяснилось, что начальник санитарного отдела армии подполковник Д. К. Васюта предлагает силами выздоравливающих раненых, усиленных саперами и транспортом, организовать ремонт освобожденных здравниц, где потом разместить госпитали. Это-то и заинтересовало Сергея Семеновича. «Георгий Федорович, — обратился Бирюзов к командарму, — предложение кажется дельным. Я буду рекомендовать его 51-й и Приморской армиям. Вы же знаете, что в нашем распоряжении две недели на подготовку к штурму. А за это время начсанарм с помощью саперов успеет отремонтировать много помещений. Раненых вы будете лечить не где-нибудь, а на курортах! Здорово, а!»

Захаров, еще колеблясь, ответил: «Начсанарм у нас хитрый. Сейчас говорит, что будет строить силами выздоравливающих раненых, «трудотерапией», а когда разрешу, попросит целую дивизию». — «Ну что ж, подкрепи-те его двумя-тремя саперными батальонами. Выйдет солидно». Прощаясь, Бирюзов добавил: «С радостью думаю, что раненые бойцы 2-й гвардейской армии будут лечиться в хороших условиях».

За несколько дней до начала штурма на Военном совете фронта был заслушан доклад Бирюзова о плане завершающего этапа Крымской операции. Главный удар согласно плану наносился со стороны Сапун-горы силами 51-й и Приморской армий, вспомогательный — через Мекензиевы горы 2-й гвардейской армией. Почему же командование фронта решило наносить главный удар через Сапун-гору, то есть именно там, где два года назад Манштейн штурмовал Севастополь и потерпел провал? Расчет Толбухина и Бирюзова как раз на этом и

строился. Верное своему уже сложившемуся принципу — добиваться внезапности, командование фронта считало, что противник, помня печальный опыт Манштейна, не ждет удара отсюда. Кроме того, здесь была более танкодоступная местность и здесь же пролегал кратчайший путь к пристаням, захват которых лишил бы гитлеровцев возможности эвакуироваться морем.

Всех волновал вопрос: сколько потребуется времени для полного освобождения города русской славы? Ведь в 1941—1942 годах советские войска, несмотря на превосходство сил противника, 250 дней удерживали Севастополь. Было известно, что Гитлер 25 апреля отдал приказ командующему 17-й армией, оборонявшей Севастополь, — удержать Севастополь любой ценой. Все ждали, что скажет представитель Ставки. Василевский сообщил, что Верховный Главнокомандующий торопит со штурмом. «Наше время, — сказал маршал, — исчисляется часами. Ставка требует в кратчайший срок преодолеть укрепленный район и овладеть Севастополем».

Пятого мая солнечное крымское небо закрыл дым артиллерийской канонады: началась артподготовка, продолжавшаяся два часа. Затем на штурм Мекензиевых гор пошли дивизии 2-й гвардейской армии. Противник, считавший, что здесь наносится главный удар, начал стягивать к Мекензиевым горам пехоту и артиллерию с других участков обороны. Все шло так, как планировалось наше командование. В ночь на 7 мая Бирюзов прибыл на НП 63-го корпуса 51-й армии, которому предстояло атаковать Сапун-гору. С рассветом советские войска после полуторачасовой артиллерийской подготовки начали штурм, карабкаясь по склонам горы через проделанные ночью саперами проходы в проволочных заграждениях и минных полях. Первый ярус укреплений был быстро захвачен, но здесь на наших воинов сверху обрушился ураганный огонь противника. Атакующие цепи залегли. Наступила неприятная пауза. Бирюзов и Кошевой были напряжены до предела. «Где же авиация?» — обратился Кошевой к представителю авиационной оперативной группы. «Штурмовики наводятся на цель», — последовал ответ. И в ту же минуту разрывы авиабомб закрыли дымом и пылью окопы противника, волна за волной шли советские самолеты, сокращая вражескую оборону. Пехота продолжала штурм. К вечеру над Сапун-горой заалели красные флаги, господствующая над Севастополем высота была взята, путь на Севастополь открыт.

Успешно шли дела и во 2-й гвардейской армии, хотя перед наступлением ее командование требовало от штаба фронта пополнения. В один из последних дней апреля Г. Ф. Захаров жаловался членам Военного совета своей армии: «Сейчас говорил с Бирюзовым, в пополнении людьми нам отказано. Артиллерии дополнительно не получим. Танков тоже не дадут».

«А вы, товарищ командующий, сообщили Бирюзову о том, что в стрелковых ротах 54-го и 55-го корпусов осталось очень мало людей?» — спросил начальник штаба армии П. И. Левин. «Эх, Левин, Левин! Вы же знаете Бирюзова. Он предвидел, что я скажу об этом, и опередил меня. Чтобы не было разговора, Сергей Семенович назвал вчерашние цифры укомплектованности всех наших дивизий, прибавил сюда переданную снова нам 33-ю гвардейскую дивизию и сказал: «С этим и пойдете».

Девятого мая наши войска ворвались в город и к исходу дня полностью овладели им. Остатки гитлеровского гарнизона бежали на мыс Херсонес. На следующий день Москва салютовала доблестным войскам 4-го Украинского фронта, освободившим Крым.

После освобождения Крыма 4-й Украинский фронт, как выполнивший свои задачи, был расформирован, его войска переданы другим фронтам, а полевое управление выведено в резерв Ставки. В 1944 году перед Советской Армией была поставлена задача полностью изгнать оккупантов с территории СССР и начать великую интернациональную миссию по освобождению Европы от гитлеровских захватчиков. В этот период произошли крупные изменения в руководстве многих фронтов.

Р. Я. Малиновский, возглавлявший 3-й Украинский фронт, был назначен командующим 2-м Украинским фронтом, стоявшим у ворот Румынии, а начальником его штаба стал М. В. Захаров. Так было сделано потому, что оба эти военачальника начинали войну в здешних местах и прекрасно знали район боевых действий. Командующим 3-м Украинским фронтом был назначен Ф. И. Толбухин, а начальником штаба фронта С. С. Бирюзов. Такие назначения также не были случайными. Толбухин и Бирюзов, как уже говорилось выше, на редкость удачно дополняли друг друга по своим деловым качествам. Год их совместной и весьма успешной работы на Южном и 4-м Украинском фронтах лишь укреплял Ставку Верховного Главнокомандования во мнении, что эти два военачальника

чальника максимально обеспечат успех предстоящих операций 3-го Украинского фронта.

Еще 27 марта 1944 года Советская Армия вышла на границу с Румынией. Теперь практического и немедленного решения требовал вопрос об освобождении Балкан. Немедленного потому, что фашистские правящие круги Румынии во главе с ее военно-фашистским диктатором Й. Антонеску вели тайные переговоры с представителями США и Англии. Правители Румынии понимали, что крах фашистской Германии недалек, и ловили момент, чтобы переметнуться в англо-американский блок, заключить сепаратный мир с США и Англией и впустить англичан и американцев в Румынию раньше, чем туда вступят советские войска. Это стремление фашистского правительства Румынии полностью отвечало и так называемому «балканскому варианту» У. Черчилля, который предусматривал высадку союзных войск на Балканах и их продвижение к Германии с юга, чтобы упредить Советскую Армию в занятии стран Юго-Восточной Европы.

На очереди стояла Ясско-Кишиневская операция. Здесь нет нужды говорить о том, как готовилась она и проводилась. Гораздо важнее для понимания образа Бирюзова как военачальника указать на тот факт, что, принимая решение на проведение Ясско-Кишиневской операции, командующий 3-м Украинским фронтом Толбухин полностью воспринял идею своего начальника штаба Бирюзова о нанесении главного удара с Кицканского плацдарма. Это было не просто совпадение мнений двух руководителей фронтовой стратегической операции. Один из них, Бирюзов, с самого начала высказал эту идею, а затем последовательно и целеустремленно обосновывал ее целесообразность, представляя соответствующие расчеты, проверенные и перепроверенные не раз сведения разведки, данные рекогносцировок. Другой, Толбухин, выслушивал все это, однако свое мнение высказывать не спешил, чем не раз даже ввергал Бирюзова в недоумение. Причина, однако, у Федора Ивановича была весьма основательная: он знал мнение Ставки, склонявшейся к тому, чтобы главный удар войска 3-го Украинского фронта нанесли на Кишиневском направлении, то есть на правом фланге, а не на левом, как предлагал Сергей Семенович. Командующий преднамеренно не говорил об этом, чтобы никакие довлеющие авторитеты не связывали творческую мысль его помощника. Убедившись в правоте Бирюзова, он поддержал его идею, облек ее в форму решения на

предстоящую операцию, а значит, полностью взял на себя ответственность за то, чтобы убедить Верховное Главнокомандование в предпочтительности именно этой идеи.

В конце июля 1944 года Толбухин выехал в Москву. 2 августа Ставка утвердила решение командующего 3-м Украинским фронтом на проведение Ясско-Кишиневской операции.

Ясско-Кишиневская операция, одна из сложнейших стратегических наступательных операций Великой Отечественной войны, началась 20 августа 1944 года. Уже на следующий день войска 3-го Украинского фронта прорвали оборону противника и, развивая наступление, рассекли вражескую группировку, отрезав 6-ю немецкую армию от 3-й румынской. 23 августа войска 3-го и 2-го Украинских фронтов соединились в районе Хуши: в кольце оказались 18 немецко-фашистских дивизий. 3-я румынская армия на другой день прекратила сопротивление. 23 августа в Румынии под руководством компартии вспыхнуло антифашистское вооруженное восстание, был свергнут режим Антонеску. Румыния объявила войну Германии. К 30 августа войска 3-го Украинского фронта, наступая по обоим берегам Дуная, освободили города Тульчу, Галац, Констанцу, Сулину. 2-й Украинский фронт подошел к Плоешти. Все южное стратегическое крыло немецко-фашистского фронта рухнуло. Был открыт путь на Балканы.

Бирюзов в дни операции буквально не знал ни сна, ни отдыха. С телефонной трубкой и красно-синим карандашом в руке он сам наносил на карту быстро меняющуюся обстановку, вел переговоры со штабом 2-го Украинского фронта, докладывал данные в Москву. Как назло, Толбухин, который вообще не отличался здоровьем, в самом начале наступления заболел. Это еще прибавило работы Бирюзову. Быстрые темпы наступления потребовали срочно сменить КП фронта, надо было выбрать место, обеспечить управление, связь, маскировку. По указанию Толбухина он ежедневно выезжал в войска. В разгар операции, 21 августа, Бирюзову исполнилось 40 лет. Об этом он вспомнил лишь 24-го, следуя на КП 4-го мехкорпуса, вспомнил и рассмеялся: по случайному совпадению ровно год назад, во время боев на Миусе, он в день рождения ехал в этот же корпус...

В тот же день побывал в 37-й армии у Шарохина, уточнил с ним обстановку, информировал командарма о делах соседей. Вернулся в штаб и уснул прямо за столом. Разбудил его голос Левитана: «Войска 3-го Украинского

фронта... 24 августа штурмом овладели столицей Молдавской ССР городом Кишиневом...» Это было приятное пробуждение... И вновь калейдоскоп событий: поездки в войска, уточнение вопросов взаимодействия, информация со-седей, доклады командованию...

27 августа, находясь опять на КП 4-го мехкорпуса, Бирюзов попал в сложную переделку. Пока он и командир корпуса генерал В. И. Жданов работали над картой, к командному пункту прорвалась крупная немецкая часть, пытавшаяся вырваться из окружения. Личный состав штаба корпуса завязал бой с противником. Неизвестно, чем бы он кончился, но к штабу подоспел самоходный артиллерийский полк, решивший исход дела. Гитлеровцы были уничтожены. А уже через несколько часов Бирюзов был в 57-й армии у генерала Н. А. Гагина. Вечером того же дня стало известно, что войска фронта и Дунайской флотилии овладели всеми приречными узлами сопротивления противника от устья Дуная до Галаца. Бирюзов вздохнул с облегчением: 3-й Украинский фронт с честью выполнил свою задачу в Яско-Кишиневской операции.

В начале сентября войска 3-го Украинского фронта неуклонно двигались к границам Болгарии. Правительство царской Болгарии, которое формально поддерживало в течение всей войны нейтралитет с СССР, но на деле вопреки воле своего народа тесно сотрудничало с гитлеровцами, и в эти дни продолжало оказывать им помощь. Территория и транспорт Болгарии использовались немецко-фашистской армией, болгарские войска несли оккупационную службу в Югославии и Греции, что позволяло гитлеровскому командованию высвободить свои силы для действий на советско-германском фронте. Пособники «третьего рейха» в Болгарии жестоко расправлялись с партизанами и другими патриотами. Через Болгарию на румынскую территорию проходили немецко-фашистские войска, направлявшиеся на подкрепление разбитых гитлеровских дивизий.

26 августа Болгарская рабочая партия приняла решение о непосредственной подготовке вооруженного восстания болгарского народа. ЦК БРП обязал коммунистов поднять все антифашистские силы на смелую и решительную борьбу за изгнание гитлеровских войск, свержение фашистских министров, установление народно-демократической власти.

30 августа Советское правительство направило ноту

правительству Болгарии, в которой предлагалось немедленно прекратить пропуск через Болгарию немецких войск. Однако болгарские власти лишь делали вид, что порывают с фашистской Германией, на деле все оставалось по-прежнему: тысячи гитлеровских солдат укрывались в стране, в портах Болгарии базировались немецкие корабли, угрожая советскому судоходству на Черном море. Пятого сентября Советское правительство направило повторную ноту, в которой осуждало политику, проводимую болгарскими властями, и указывало на то, что «Болгария теперь имеет полную возможность, не опасаясь Германии, порвать с Германией и тем самым спасти страну от гибели».

Седьмого сентября болгарское правительство официально заявило о разрыве с Германией, а 8 сентября объявило ей войну. В эти же дни в стране назревали революционные события. Отечественный фронт, созданный под руководством Компартии Болгарии еще в 1942 году, готовил вооруженное восстание с целью свергнуть монархо-фашистский режим в стране и провозгласить народно-демократическую республику. В связи со складывавшейся обстановкой Советское правительство решило ввести войска 3-го Украинского фронта в восточные районы Болгарии, до рубежа Джурджу, Розград, Шумея, Дылнопол, северный берег реки Камени.

Восьмого сентября советские войска вступили в Болгарию. Население встречало их восторженно. Ни одного выстрела не раздалось со стороны болгарских воинов. Девятого сентября в Болгарии началось антифашистское народное восстание, закончившееся победой Отечественного фронта, который образовал новое народное правительство. Оно обратилось с просьбой к правительству СССР, чтобы советское командование взяло на себя организацию взаимодействия болгарских войск с войсками 3-го Украинского фронта. Директивой от 13 сентября Ставка предписывала Маршалу Советского Союза Толбухину:

«Для руководства действиями наших войск, включая авиацию, и для организации взаимодействия с болгарскими войсками через Генеральный штаб Болгарии направить в Софию генерал-полковника Бирюзова в качестве своего заместителя».

Бирюзов прибыл в Софию самолетом 14 сентября. К этому времени в болгарской столице уже находилось несколько соединений Советской Армии, направленных туда по просьбе нового болгарского правительства.

Для защиты Софии с воздуха использовались как болгарские, так и советские части ПВО. Здесь же находился командующий 17-й воздушной армией В. А. Судец. Первые же дни переговоров с представителями военного министерства Болгарии показали, что военный министр Велчев был против того, чтобы болгарские войска действовали вместе с Советской Армией против вермахта, тогда как главнокомандующий армии генерал Маринов ратовал за быстрейшее участие болгарской армии в войне с Германией. Этого же хотело подавляющее большинство народа и правительство Отечественного фронта.

С первой встречи Волчев стал утверждать, что болгарские войска не способны вести боевые действия, тем более наступательные. Бирюзов сразу понял, откуда дует ветер. Это была линия Черчилля, жаждавшего видеть Болгарию среди побежденных, а не победителей. Видимо, в этом он усматривал возможность сохранить в Болгарии буржуазный строй и задержать там развитие революции.

Однако происки внутренней и внешней реакции оказались тщетными. Правительство Отечественного фронта делало все для быстрейшей отправки болгарских войск на фронт. А сами войска, не дожидаясь конца переговоров, уже взаимодействовали с частями 3-го Украинского фронта, храбро сражаясь против фашистов: патристический порыв болгарского народа ломал все формальности.

Бирюзов с головой окунулся в свои новые обязанности, надо было в кратчайший срок сделать все возможное, чтобы болгарская армия смогла принять участие в предстоявшем крупном наступлении, имевшем целью освобождение братской Югославии. Кроме того, надо было вести переговоры, разбирать и решать огромное количество вопросов, непрерывно возникавших в трудной обстановке, сложившейся тогда в Болгарии. А тут еще приходилось выполнять различные непредвиденные задания. С классовыми единомышленниками и коммунистами Болгарии у сопровождавшей его группы полное понимание установилось быстро и прочно. Но в тогдашней Болгарии хватало и врагов — явных и тайных.

Восемнадцатого сентября раздался звонок из Москвы: требовалось установить местонахождение германского посольства и военной миссии в Болгарии и интернировать их. Где были фашистские дипломаты, Бирюзов не знал: чьи-то руки заботливо обеспечили побег гитлеровцев. Попытки навести справки в Софии положительного ре-

зультата не дали. Бирюзов, посоветовавшись с Судецом, решил искать, тем более что Москва настойчиво повторяла свое требование. Прикинув, куда могли двинуться гитлеровские дипломаты, выслали в направлении турецкой границы легкие бомбардировщики с десантами автоматчиков на борту. Томительно потянулись часы ожидания. Наконец поступил доклад: два эшелона с немцами обнаружены в районе станции Раковская. Пять самолетов приземлились в 300—400 метрах от эшелонов, так чтобы последние оказались под прицелом крупнокалиберных пулеметов. Тут же из открывшихся люков выпрыгнули автоматчики, а над эшелонами забарражировали истребители, готовые открыть огонь в любой момент. Находившиеся в вагонах гитлеровцы были арестованы. Другая их часть, заранее выехавшая на автомобилях к греческой границе, была захвачена преследовавшими их советскими войсками.

Если с явными врагами бороться было сравнительно просто, то с тайными дело обстояло по-иному. Они тщательно маскировались, принимали личину друзей, так что распознать и обезвредить их было не так-то просто. Уже на третий день прибытия Бирюзова в Софию ему позвонил главнокомандующий болгарской армии И. Маринов. Генерал срочно просил совета, как ему поступить. Дело состояло в том, что в этот день к Маринову явилась группа английских и американских офицеров и потребовала выделить в распоряжение союзников аэродром, показать планы минных полей на Черноморском побережье и предоставить им порт на Черном море, на юге страны, куда в ближайшее время должны прибыть английские корабли. Для подготовки к приему кораблей, сообщили незваные визитеры, в Болгарию уже высланы офицер и инженер. Они предложили также военную помощь союзников Болгарии, хотя ни болгарское правительство, ни советское командование не просили их об этом.

Маринов уклонился от ответа и теперь, взволнованный, опасаясь обострения обстановки, звонил Бирюзову. Тот успокоил его и заверил, что ничего особенного произойти не может, поскольку в Болгарии стоят войска целого советского фронта, но посоветовал при следующей встрече, назначенной на другой день, сообщить союзникам, что без согласования с советским командованием болгары не смогут выполнить какие-либо требования. При следующей встрече присутствовали и советские представители. Они заявили, что «надобности в союзниках не имеет-

ся». Казалось бы (с точки зрения Бирюзова, человека военного), ответ был дан четкий и ясный, однако неопытность в дипломатических делах стоила генерал-полковнику неприятностей. Когда ответ советских представителей союзникам был доложен в Москву министру иностранных дел В. М. Молотову, тот на углу телеграммы написал: «Не следует говорить, что в союзниках «надобности не имеется». Надо сказать, чтобы союзники предварительно согласовывали такие вопросы в Москве, а в Болгарии не вступать с ними в переговоры, а вежливо указывать — договоритесь с Москвой». Бирюзову сообщили об этом, и он понял: надо учиться дипломатии. Теперь, когда 3-й Украинский фронт перешагнул границы СССР, видимо, не раз придется участвовать в решении дипломатических вопросов. Но и на этом происшествие не закончилось. Молотов рассказал об этом И. В. Сталину, а тот при очередном докладе заместителя начальника Генштаба генерала А. И. Антонова заметил ему, что военные должны знать основы международного права, а затем, подумав, добавил: «Речь идет о военных, которые сами ведут переговоры с иностранцами или участвуют в переговорах, разрабатывают важные военно-дипломатические документы. Вот они-то и должны знать, как это нужно правильно делать, чтобы достойно представлять нашу страну». Упрек был справедлив, и советские военачальники в последние месяцы войны много и плодотворно учились у дипломатов. Бирюзов, как и другие, учился военно-дипломатическому искусству настойчиво и успешно.

В дальнейшем английские и американские представители не раз еще пытались оказать влияние на болгарские дела. Некоторые из них прямо вели разведку советских войск в Болгарии. Таких пришлось вежливо (сказались уроки дипломатии) выдворить из страны. Тогда началась разведка болгарских войск в Греции, попытки поставить под англо-американский контроль освобожденные греческие территории. Выяснилось, что военный министр Велчев, а также высший чиновничий аппарат Болгарии поддерживают англо-американские домогательства. При встречах же с советскими представителями Велчев возражал против отправки болгарских войск на фронт, ссылаясь на их небоеспособность. Бирюзов сумел быстро разглядеть истинную позицию болгарского военного министра. Он так повел дело, что болгарская армия с помощью болгарских патриотов в кратчайший срок была очищена от контрреволюционных и профашистских элементов и плечом к

плечу с войсками 3-го Украинского фронта мужественно сражалась против гитлеровского вермахта, чем внесла свой вклад в общую победу над врагом.

При всех своих новых ответственных военно-дипломатических обязанностях Бирюзов оставался и начальником штаба фронта. А перед его войсками встала важная задача — 3-й Украинский фронт готовился к освобождению Югославии, и прежде всего ее столицы Белграда. Надо было спланировать эту крупную операцию, делать массу дел, но сроки подготовки по ее обеспечению, как всегда, были жесткими. Директиву Ставки о подготовке Белградской операции получили 20 сентября, а уже через неделю предписывалось начать наступление. Но чтобы сосредоточить войска на болгаро-югославской границе для нового удара, надо было собрать воедино разбросанные на большом пространстве соединения, некоторым из них предстоял марш по 600 километрам в условиях горных дорог, что уже само по себе не просто. Цель операции состояла в том, чтобы совместными усилиями советских, югославских и болгарских войск разгромить вражескую армейскую группу «Сербия», оборонявшуюся в восточной части Югославии, освободить Сербию и Белград и выйти на коммуникации группы армий «Е», находившейся в Греции, и отрезать ей отход на юг Балканского полуострова. Новым моментом было то, что в отличие от всех прошлых операций в этой вместе с 3-м Украинским фронтом действовали шесть югославских корпусов и три болгарские армии, с которыми надо было установить взаимодействие и поставить задачи, способствовавшие достижению общей цели.

Дело осложнялось тем, что в недалеком прошлом монархо-фашистское правительство Болгарии предоставило в распоряжение германского командования экспедиционный корпус, который выполнял в Югославии жандармские функции. Поэтому теперь, когда югославским и болгарским войскам предстояло действовать в едином строю, требовалась огромная разъяснительная работа среди югославских войск и населения, чтобы правильно было понято участие болгар в Белградской операции. Ставка Верховного Главнокомандования, очевидно, высоко оценивая военно-дипломатическую деятельность Бирюзова в Болгарии, поручила ему встретиться с главнокомандующим Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) маршалом Йосипом Броз Тито, а также организовать переговоры югославских представителей с болгарскими и ре-

шить все вопросы взаимодействия трех братских армий в предстоящем наступлении в Сербии.

Бирюзов прибыл в румынский город Крайову, где была назначена встреча, 5 октября и в тот же день встретился с Тито. Туда же прибыла и болгарская делегация. Маршал одобрил доложенный Бирюзовым план операции. С большим пониманием отнеслись югославы к участию войск новой, демократической Болгарии в освобождении Югославии. Все присутствующие сошлись на том, что, как писал Бирюзов, «болгарский народ не может носить на себе клеймо Каина за преступные действия бывшего царского правительства». В ходе дальнейших переговоров, состоявшихся в тот же день, югославские и болгарские представители решили весь круг вопросов, связанных с взаимодействием их вооруженных сил. К вечеру уже было подписано соглашение о военном сотрудничестве в борьбе против общего врага, а затем состоялся товарищеский ужин, где царил дух братской дружбы.

Во время проведения Белградской операции Бирюзов, как обычно, находился большей частью в гуще наступавших на Белград войск. Тринадцатого октября советские танкисты 4-го гвардейского мехкорпуса вместе с югославскими частями овладели горой Авала, господствующей высотой в 15 километрах от Белграда. Захват этой горы, кроме ее тактического значения, имел для югославов значение символическое. Она была овеяна легендами о славных подвигах лучших сынов Сербии, здесь находилась могила Неизвестного солдата, всегда украшенная цветами. Бирюзов с пониманием и сочувствием смотрел на югославских воинов, ликовавших в связи с освобождением национальной святыни.

Часто бывал Бирюзов в те дни и в болгарских войсках. Несмотря на трудные условия боев в лесистых горах, болгары воевали хорошо. Однажды он наблюдал штыковую атаку болгарской пехоты. В темных шинелях и лихо смятых фуражках, напоминавших форму русской царской армии, болгарские воины безудержным рывком заставили замолчать пулеметы противника, ворвались в его окопы. «По-русски дерутся!» — сказал кто-то из спутников Бирюзова. И Бирюзову было это приятно. Как-никак он после своей совместной работы в Болгарии чувствовал моральную ответственность за ее армию. И практическое подтверждение того, что болгары молодцы, что воевать умеют, что горят желанием бить врага, приносило чувство удовлетворения.

Штурм Белграда был назначен на 14 октября. По поручению Толбухина Бирюзов накануне выехал в войска, чтобы на месте проконтролировать готовность частей и внести необходимые коррективы в их действия.

Взятие югославской столицы проводилось без мощных авиационных и артиллерийских ударов: наступавшие стремились сохранить город от разрушений и нанести возможно меньший ущерб населению. «Русские герои, — писал в 1946 году журнал «Югославия — СССР» (№ 4), — проливали свою кровь и за то, чтобы в борьбе при освобождении города как можно меньше погибло детей и женщин. Жители Белграда все это понимали и просто боготворили своих освободителей». Но это понимал и враг. И защищался ожесточенно, заминировав весь город. Семь дней советские и югославские воины штурмовали город, 20 октября он был полностью освобожден. На следующий день, проезжая по ликующему Белграду, Бирюзов уже думал о новых предстоящих операциях, о неотложных задачах штаба фронта. Но дальше воевать ему не пришлось. Судьба уготовила для него неожиданное. 31 октября Ф. И. Толбухин, возвратившийся из кратковременной поездки в Москву, после первых приветствий сказал встречавшему его Бирюзову: «Назначаетесь командующим 37-й армией, но...» И замолк, нарочито затягивая паузу и испытующе глядя на своего начштаба. «Не томите душу, Федор Иванович!» — взмолился Бирюзов. «На вас возлагается еще одна весьма ответственная обязанность, — продолжал маршал, — вы должны возглавить Союзную контрольную комиссию в Болгарии. Правда, официально председателем СКК назначен я. Однако в Кремле прямо сказали: Бирюзов — ваш заместитель, и все руководство союзническим органом должно находиться в его руках».

С двойственным чувством воспринял Бирюзов эту весть. С одной стороны, он всегда рвался на командную должность и, хотя был прекрасным знатоком штабного дела, мечтал командовать армией. Об этом знал Толбухин, знали и в Москве. Теперь его мечта сбывалась, это было радостно. Но, с другой стороны, 37-я армия стояла в Болгарии, уже ставшей глубоким тылом, и главную его обязанность — он четко понимал — будет составлять военно-дипломатическая деятельность, а к ней душа у него не лежала. Вспомнил, как еще в 1938 году категорически отказался от предложения перейти на военно-дипломатическую работу, как в июне 1941 года, за несколь-

ко дней до войны, был вызван к наркому обороны С. К. Тимошенко, вновь предлагавшему ему военно-дипломатический пост, и вызвал неудовольствие маршала своим отказом. И вот теперь все-таки придется встать на военно-дипломатическую стезю. «Жаль расставаться, дорогой Сергей Семенович, — вздохнул Толбухин. — Больше двух лет — и каких! — проработали вместе. От Волги до Венгрии дошли. А вот теперь пути разминулись... Но что же поделаешь!» Через несколько дней Бирюзов уехал в Москву: его вызвал И. В. Сталин.

Бирюзов волновался, и это понятно. Хотя он не впервые вызывался в Ставку, но тогда это было связано с привычными военными делами. Теперь же предстояло докладывать о совершенно иной сфере деятельности, в которую он только что окунулся с головой и не имел еще достаточного опыта. Надо было тщательно продумать свой доклад Верховному Главнокомандующему. Прием проходил в присутствии Молотова. Сталин расспрашивал о Болгарии, состоянии болгарской армии, ее руководителях. Бирюзов докладывал кратко и ясно, на вопросы отвечал четко и исчерпывающе. Аудиенция закончилась получением указания общего характера. В тот же день Бирюзов встретился с Георгием Димитровым. «Лишь только переступил я порог его кабинета, — писал впоследствии Бирюзов, — Димитров, улыбаясь, вышел из-за стола и шагнул мне навстречу. «Вот вы какой brave да юный, генерал Бирюзов!» — пошутил Георгий Михайлович, крепко пожимая мне руку. И у меня тотчас же пропала обычная в подобных случаях скованность. Почувствовал себя так, словно мы были давние и добрые знакомые».

В Софию Бирюзов вернулся вместе с только что созданным аппаратом председателя Союзной контрольной комиссии (СКК) по Болгарии. Комиссия эта была создана из представителей СССР, США и Англии на период действия соглашения о перемирии союзных держав с Болгарией. Обязанности СКК и ее председателя Маршала Советского Союза Толбухина, которого представлял в стране его заместитель по СКК Бирюзов, были сложны и многообразны. Они охватывали административную, военную и военно-морскую, а также экономическую области, каждая из которых требовала решения десятков проблем.

Бирюзов хорошо знал, что во всем этом клубке больших и малых проблем надо выбрать главное звено, главное направление, достижение успеха на котором предре-

шит победу в целом. Такое направление он видел в создании условий для укрепления народной власти, поддержке Отечественного фронта, в его борьбе с реакционно-буржуазными группировками внутри страны и их зарубежными вдохновителями как из не добитого еще фашистского блока, так и с англо-американской стороны.

Бирюзов и вся советская часть СКК в своей деятельности руководствовались ленинскими принципами советской внешней политики. Поэтому они не позволяли себе вмешиваться во внутренние дела Болгарии и тем более оказывать какое-либо давление на ее правительство. Но когда действия внутренней реакции носили враждебный характер по отношению к законной власти, грозили нарушением соглашения о перемирии, советские представители СКК, строго соблюдая условия соглашения, оказывали всемерную помощь народной Болгарии.

А контрреволюция не дремала. Профашистские группы в Болгарии, часть местной буржуазии, подстрекаемые агентами иностранных разведок, плели заговоры, чинили всевозможные препятствия участию болгарских войск в войне против Германии, вынашивали планы свержения народной власти. Уже в конце ноября 1944 года, вскоре после того как Бирюзов приступил к исполнению своих новых обязанностей, болгарская реакция во главе с военным министром Д. Велчевым попыталась сорвать суд над фашистскими преступниками в Болгарии. Болгарский народ дал отпор этим проiscaм реакции. Однако Велчев продолжал свою подрывную деятельность, всячески сопротивляясь оздоровлению болгарской армии. Работая рука об руку с болгарскими коммунистами и патриотами, Бирюзов внес большой вклад в дело укрепления болгарской армии и повышение ее боеспособности. Были укреплены и руководящие кадры вооруженных сил Болгарии. В результате болгарские войска приняли активное участие в боях против вермахта, храбро сражались с врагом в ходе Белградской, Балатонской, Венской операций вместе с Советской Армией и НОАЮ.

Почти три года пробыл Бирюзов в Болгарии. Здесь он встретил День Победы, стал свидетелем ликования болгарского народа, жителей Софии в связи с безоговорочной капитуляцией фашистской Германии. Под его руководством СКК по Болгарии провела огромную работу. Большую помощь болгарскому народу оказывали и воины 37-й армии, которой он командовал. Советские люди помогали болгарам восстанавливать народное хозяйство,

разминировать минные поля, оставленные фашистами, налаживать работу транспорта, убирать урожай. Немало сил и времени отнимала у Бирюзова борьба с попытками американских и английских представителей СКК нарушить условия перемирия, вмешаться во внутренние дела Болгарии. Например, в 1946 году, когда Болгария готовилась к выборам, генерал Робертсон, американский представитель в СКК, требовал, чтобы Бирюзов собрал специально заседание СКК для обсуждения мер, гарантирующих избирателям свободное волеизъявление. «Мы не вправе вмешиваться, — ответил Бирюзов, — Болгария имеет свое правительство, и обеспечение свободных выборов его дело».

Зато отношения генерал-полковника Бирюзова с руководителями народной Болгарии, особенно с Георгием Димитровым, отличались большой теплотой и сердечностью. Они видели в Бирюзове своего друга, высоко ценили его как представителя великого Советского Союза, всемерно помогавшего становлению народной Болгарии на социалистические рельсы. И когда пришло время покидать Болгарию, грудь Бирюзова украшали два высших болгарских ордена, он был удостоен звания Почетного гражданина Софии. «Его имя будет сиять в неувядающем венке болгаро-советской дружбы» — так оценила деятельность Бирюзова в Болгарии Цола Драгойчева, председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы.

Болгарский период на всю жизнь оставил след в сердце Бирюзова. «Болгария — любовь моя» — так назвал он последнюю главу своей книги воспоминаний «Советский солдат на Балканах». «Крепкая любовь к ней, — писал он о Болгарии, — к ее чудесному народу сохранилась в моем сердце навсегда. Меня и ныне глубоко волнует любой успех, любое достижение Болгарии, каждый ее новый шаг вперед».

Бирюзов служил в Советской Армии до конца своей жизни. По прибытии из Болгарии командовал Приморским военным округом, затем был заместителем главнокомандующего Сухопутных войск, возглавлял Центральную группу войск. Как всегда, он отдавал службе весь свой опыт, несгибаемую волю, огромную энергию, обширные знания.

**Полковник
А. ОРЛОВ,
полковник
В. ЛЕБЕДЕВ**

В береговом флагманском командном пункте Краснознаменного Балтийского флота, оборудованном неподалеку от Таллина в бетонном каземате батареи, сохранившейся со времен первой мировой войны, не умолкая, звенели телефоны. Одна за другой поступали телеграммы.

«Атакован торпедными катерами, тону», — радировал шедший с грузом леса транспорт «Гайсма».

«Бомбы упали на военный городок и в районе аэродрома», — сообщал из Либавы командир военно-морской базы капитан 1-го ранга М. С. Клевенский.

«Сброшено шестнадцать немецких мин при входе на Кронштадтский рейд. Фарватер остался чистым», — доложил начальник штаба Кронштадтской базы капитан 2-го ранга Ф. В. Зозуля.

Таких сообщений становилось все больше, и командующий флотом Трибуц приказал немедленно соединить его по телефону с Москвой.

Народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов, выслушав доклад Трибуца, ответил: «Началась война. Германские войска атакуют все наши западные границы».

Получив от наркома необходимые указания, Владимир Филиппович Трибуц, высокий, сухоощавый вице-адмирал, подошел к большому столу с картой и, хмурясь, стал ее рассматривать. Теперь все прояснилось: немецкие силы начали боевые действия — телеграммы и пометки на картах свидетельствовали об их широких масштабах. «Срочно подготовить телеграмму по флоту!» — приказал он начальнику штаба контр-адмиралу Ю. А. Пантелееву и через несколько минут подписал ее текст: «Германия начала нападение на наши базы и порты. Силой оружия отражать противника». Трибуц взглянул на часы. Начался шестой час новых суток — 22 июня 1941 года.

Томившая в последние месяцы неясность в обстановке, ожидание грозных событий остались позади. А томиться было отчего. Трибуц знал о сосредоточении фашистских войск Германии у советских границ, о маневрах вблизи от балтийских баз немецких военных кораблей.

Знал о зачистивших на Моонзундские острова «гостях» из Германии. Выдавали они себя за родственников погибших здесь когда-то солдат и офицеров, искали будто бы останки родственников, а сами стремились узнать побольше об укреплениях, держались поближе к военным объектам. В финские порты перебазировались немецкие корабли. А фашистские самолеты стали летать в устье Финского залива и к Либаве.

Начало военных действий Балтийский флот встретил в определенной готовности. Командование, штаб и политуправление флота успели немало сделать: освоены новые места базирования, проведены учения, тщательно разработаны оперативные документы. Первоначальный ход войны подтвердил правильность принятого Трибуцем решения, согласно которому в конце мая крейсера, эсминцы и большинство подводных лодок были переведены из передовой базы Либавы в более отдаленную и лучше оснащенную средствами противовоздушной обороны Ригу, а из Таллина в тыловой Кронштадт — линкор «Марат» и минный заградитель «Ока».

С 19 июня руководящие работники флота и соединенный разместились на командных пунктах, корабли получили все необходимое для боя. 21 июня в 20 часов позвонил Кузнецов. «Не исключено, что ночью Германия нападет на нас, — сказал нарком. — Приказываю привести флот в боевую готовность». К исходу дня все части флота — корабли, авиация, береговая оборона — изготовились к отпору противнику.

Теперь флот пришел в движение: подводные лодки вышли на позиции, бомбардировщики вылетели для минных постановок, усилился дозор надводных кораблей.

В шесть утра из Главного штаба ВМФ поступил приказ поставить мины в устье Финского залива и начать развертывание кораблей для действий на коммуникациях противника. Отдав необходимые распоряжения, Трибуц направился на корабли, чтобы встретиться с командирами, политработниками, краснофлотцами.

Настроение моряков, доложили командующему на кораблях, боевое, особенно на тех, что должны были уходить в море. Из гавани он заехал на КП флота и вернулся в Таллин, чтобы быть на заседании ЦК Компартии и Совета Народных Комиссаров Эстонии.

Вечером — снова телеграммы, указания, звонки. Один из них, наверное, в другое время заставил бы порадоваться. Из Ленинграда сообщили, что у него родилась дочь.

Он отреагировал на этот звонок, как на другие, обычные, не требующие его вмешательства, коротким «хорошо». Личное уходило на второй план. С женой он встретился только в 1942 году — она прилетела к нему в блокированный Ленинград. Дочку впервые увидел, когда ей исполнилось два годика...

Многое из того, что намечалось в мирное время по развертыванию флота на случай войны, теперь оказалось неосуществимым: военные действия приняли совсем иной ход, чем предполагалось. Балтийцы готовились к наступательным действиям в устье Финского залива, а вместо этого с первых дней войны кораблям пришлось участвовать в защите побережья и военно-морских баз. И все же флот не только оборонялся, но и наступал. 23 июня балтийские летчики нанесли мощный удар по немецкому порту Мемель, 25-го совершили налеты на 19 аэродромов на территории Финляндии и Норвегии, на которых базировался 5-й воздушный флот Германии. Подводные лодки ставили мины на коммуникациях врага. С-11 потопила вражеский надводный корабль, Щ-307 — подводную лодку, С-4 — военный транспорт. Флотская авиация нанесла ряд мощных ударов по вражеским военно-морским базам.

Враг, имевший значительное превосходство в силах, наступал. В конце июня позвонил Кузнецов и приказал: «Таллин, Ханко, острова Эзель и Даго удерживать до последней возможности». Трибуц принял решительные меры по усилению этой возможности: спешно достраивались батареи, оборудовалась противодесантная оборона и позиции для сухопутных частей. Первые попытки противника захватить некоторые острова были успешно отражены.

Командующий флотом много времени проводил в соединениях, особенно там, где усложнялась обстановка. Таким местом в начале июля стал полуостров Ханко (Гангут). Днем и ночью здесь гремела артиллерийская перестрелка, настойчивее становились атаки противника на всем 22-километровом участке перешейка полуострова.

Вечером 10 июля Трибуц вместе с начальником тыла флота генерал-майором М. И. Москаленко на торпедных катерах прибыли на полуостров. Ознакомившись с обстановкой, Трибуц поставил гарнизону задачу, которая на первый взгляд казалась, пожалуй, необычной — развернуть наступательные действия. (Это в условиях полуокружения и при ограниченных силах и средствах!)

— Противник наступает на Карельском перешейке,

создает угрозу Ленинграду, — говорил Трибуц командующему обороной Ханко генералу С. И. Кабанову. — Ваша задача: оттянуть на себя как можно больше войск противника. Своей активностью заставьте врага усилить противостоящую Ханко группировку.

Конечно, такую задачу можно было решить только наступательными действиями. Встречи и беседы с защитниками полуострова убедили Трибуца, что он прав. Гангутцам по плечу более активная борьба. Но нужна была и помощь им. По указанию Трибуца на Ханко доставили боеприпасы, артиллерийскую батарею, продовольствие. Пришли туда и некоторые корабли. Это намного усилило гангутцев — теперь они могли не ждать ударов, а наносить их. Десанты с Ханко захватили свыше десятка островов. Находясь западнее всех фронтов, далеко в тылу врага, герои Ханко наступали.

Вскоре после возвращения с Ханко командующему флотом доложили о крупном вражеском конвое, шедшем к Ирбенскому проливу. В воздух поднялись бомбардировщики, в море вышли торпедные катера и эскадренные миноносцы. По замыслу командующего, комбинированный удар должен был не только нанести урон кораблям и транспортам врага, но и воспрепятствовать использованию коммуникаций в районе Риги для снабжения немецких войск. С рассветом 13 июля торпедные катера и авиация флота нанесли первые удары по врагу. За два дня они потопили катер, повредили два больших и 23 малых корабля и судна.

Бой был выигран, что называется, по всем статьям, и все же командующий не полностью удовлетворен. Он считал, что успех мог оказаться большим, если бы четче организовали взаимодействие авиации и кораблей, лучше сработала разведка. Эсминцы же так и не нашли конвоя. Трибуц строго указал командирам соединений на допущенные ошибки, подчеркнули перспективность комбинированных ударов разнородных сил по врагу.

Уже через несколько дней события подтвердили, что необходимые выводы сделаны. 26 июля оперативный дежурный штаба флота доложил о конвое, в котором было два транспорта и 18 охранявших их кораблей.

Командующий приказал выслать против конвоя бомбардировщики и отряд торпедных катеров. Большой танкер получил повреждения и загорелся. Конвой сбавил ход. В это время атаковали торпедные катера. Они уничтожили второй транспорт,

...«Фашисты хотят быстро захватить Прибалтику, ударить по Ленинграду, лишить флот баз, захватить или уничтожить корабли. На их стороне преимущество на суше, господство в воздухе, финский флот и базы — вся стратегическая обстановка. Трудно началась для нас война, а все-таки врага бьем», — говорил Владимир Филиппович в беседах с командирами.

Да, балтийцы били врага не только на море, но и на его собственной территории. Контр-адмирал Пантелеев удивился, когда Трибуц, встретив его довольной улыбкой, сказал совсем неожиданно:

— Будем бомбить Берлин!

— Берлин? — переспросил Юрий Александрович.

— Да, да, не удивляйтесь.

В строгом секрете разрабатывалась операция. Самолеты могли долететь до немецкой столицы лишь с острова Эзель. Туда и перебазировали дальние бомбардировщики, на тральщиках доставили бомбы.

В ночь на 8 августа 15 тяжело груженных самолетов поднялись в ночное небо. На запад их вел командир полка Е. Н. Преображенский. В ярко освещенном Берлине прогремели взрывы, запылали пожары. Фашистское руководство заявило, что столицу Германии бомбила английская авиация. Но вскоре из сообщения Совинформбюро весь мир узнал, что первые мощные удары по Берлину с воздуха нанесли советские летчики — балтиец Е. Н. Преображенский и его боевые друзья.

В последующие дни, вплоть до 4 сентября, были нанесены новые удары по фашистской столице. За девять налетов летчики КБФ сбросили на Берлин более трехсот бомб.

Но война была континентальная, и действия флота исходили из задач, решаемых на сухопутье. В Советской Прибалтике сложилось трудное положение. Оставлены были Либава и Клайпеда, Рига и Виндава. Балтийцы и воины сухопутных подразделений мужественно сражались под Таллином. Немецко-фашистское командование было вынуждено снять с Ленинградского направления три дивизии и перебросить их в Эстонию.

Положение города все больше осложнялось. С рассказа об этом и началась беседа командующего с новым, назначенным в середине августа членом Военного совета флота корпусным комиссаром Н. К. Смирновым.

Оба они знали друг друга несколько лет — со времени, когда Владимир Филиппович возглавлял штаб Бал-

тийского флота, а Смирнов работал в Главном политическом управлении Народного комиссариата Военно-Морского Флота.

— Дела, понимаете, невеселые, — говорил командующий. — Смотри, что получается: противник явно стремится выйти к южному берегу Финского залива на участке Кунда — Нарва и таким образом окружить Таллин, отрезать его от Ленинграда. Другая группа его войск рвется к Таллину с юга. Наши войны не могут остановить противника: корпус генерала Николаева измотан, отступает с боями от самой границы. А больше тут и войск нет.

— А держаться надо! — ответил Смирнов.

Он передал слова А. А. Жданова, с которым разговаривал перед приездом в Кронштадт: «Гитлер рвется к Ленинграду и с потерями считаться не будет. Вот и действуйте отсюда выводы. Флот должен сейчас удерживать Таллин во что бы то ни стало. Он должен оттянуть на себя часть вражеских войск с сухопутного фронта и преградить доступ противнику к Ленинграду с моря. Так полагает Ставка».

— Подобные указания получены и по линии наркомата, — ответил Трибуц. — Положение очень сложное. Таллин — в тылу у вражеских аэродромов и баз. Но оборонять его будем до последней возможности. А возможности наши небеспредельны. — Командующий помолчал, а затем переключился на другую мысль: — Флот продолжает действовать. Для кораблей минная и воздушная опасность сейчас главное. Противник не вводит в бой крупные корабли, минировать наши фарватеры. А у нас мало современных тральщиков.

Смирнов молча кивнул. Он ясно понимал недосказанное. Да, при прорыве флота из Таллина и длительном переходе тральщиков понадобится много. Оба они думали о том, о чем пока не принято было говорить ни в штабе, ни в политуправлении: о возможности оставления столицы Эстонии. Как провести флот через минные поля, когда на счету каждый тральщик!..

К руководившему обороной Таллина Трибуцу стекались доклады о героизме защитников города — о подвигах пехотинцев и моряков, авиаторов и эстонских рабочих. И все же превосходство врага сказывалось. Когда ему доложили, что противник перерезал дорогу на Ленинград, он понял, что теперь Таллин долго не удержать. Правда, дальнейшим сопротивлением еще можно было

отвлечь побольше вражеских сил от Ленинграда. А это в сложившихся условиях было важной задачей.

Матросы, солдаты, отряды эстонских рабочих дрались с врагом ожесточенно, мужественно. В последние дни обороны столицы Эстонии по решению Военного совета с кораблей было снято двести коммунистов — заместителей политруков, партгрупоргов, комсorghов боевых частей и других партийных активистов, которые были распределены по частям и подразделениям как политбойцы. Их приход укрепил оборонявшие Таллин войска.

Проводил очередную группу моряков на передовую, Трибуц ехал по опустевшим улицам, мимо закрытых магазинов и заваленных мусором панелей. Над домами висел густой дым — горели пригороды. Слышались взрывы вражеских снарядов и ответные залпы кораблей. В Минной гавани выстроилась группа курсантов училища имени М. В. Фрунзе.

— Не скрою — на горячее дело идете, — обратился к курсантам Трибуц. — Бейте врага, как били ваши отцы и деды. В боях под Таллином помните о Ленинграде! За землю советскую, за родное Балтийское море — ура!

Дружное «ура!» курсантов, чеканный шаг их колонны взволновали адмирала. «Под пули приходится посылать цвет флота, завтрашних командиров кораблей и боевых частей, — с грустью думал он. — Эти курсанты могли бы и сейчас, по крайней мере, повести в бой отделения и взводы». Навстречу этой мысли шла другая: «В бой брошены наиболее стойкие, подготовленные подразделения. Такие люди не отойдут. Это нужно сейчас».

Позже адмирал приказал доложить, как бьются курсанты. Фрунзевцы сражались стойко, героически. У памятника «Русалка» два вооруженных пулеметами отделения девять часов отражали вражеские атаки.

Все же сказалось превосходство противника в силах. Ему удалось прорваться в город. Уже под артиллерийским огнем маневрировали в бухте корабли. Рупились и горели дома, гибли жители. В те дни Трибуц побывал на командном пункте батарей, заехал в полевой лазарет. На траве лежали и сидели раненые. Когда адмирал подошел к ним, красноармейцы и краснофлотцы встали.

— Сидите, товарищи! — сказал Трибуц и обратился к краснофлотцу с забинтованной головой: — Где вас ранило?

— Недалеко отсюда. Минами фашист забрасывает.

Пьяные идут, гады. Мы их бьем, а они лезут... Как атаку отобьем, мины точно град сыплются.

Адмирал подозвал медсестру. Девушка-эстонка плохо говорила по-русски, но командующий понял, что ждут транспорт для отправки раненых в госпиталь. Трибуц приказал своей охране освободить грузовик и отвезти раненых.

Крейсер «Киров», лидер «Минск», эскадренные миноносцы мощным огнем поддерживали контратаки и оборону. Там, где рвались их снаряды, крепче держались бойцы. Враг понимал, что главная сила защитников базы — флот, и стремился уничтожить корабли. По «Кирову» в один из дней было выпущено 600 снарядов, на другой день его атаковали 18 «юнкерсов», но крейсер остался в строю, как и другие корабли, нанося ответные удары по врагу.

И все же от боя к бою таяли силы защитников города. 25 августа Трибуц доложил главнокомандующему Северо-Западного направления К. Е. Ворошилову и наркому Н. Г. Кузнецову, что все оружие брошено на боевые участки, с кораблей сняты все люди, без которых можно обойтись, но под давлением превосходящих сил противника кольцо вокруг Таллина сжимается. Оборона в нескольких местах прорвана. Резервов для ликвидации противника нет. Корабли на рейде находятся под обстрелом.

26-го поступил приказ Ставки эвакуировать главную базу флота. Теперь на плечи Трибуца легла новая, более тяжелая, чем прежде, боевая задача: организация прорыва Балтийского флота в Кронштадт. Кораблям и судам предстояло пройти свыше трехсот километров по узкому, усеянному минами заливу, который простреливался противником с обоих берегов. Им угрожали также торпедные катера, подводные лодки, армады вражеских бомбардировщиков.

Авиация флота, перебазировавшаяся под Ленинград, не могла прикрыть корабли на самом опасном участке прорыва — от Таллина до острова Гогланд: ограничивал радиус действия истребителей.

Каким же путем уходить, прорываться к Ленинграду? Трибуц остановился на наиболее реальном плане: двигаться мимо мыса Юмinda за тральщиками, чтобы уменьшить минную опасность, от береговой артиллерии врага и атак торпедных катеров отбиваться артиллерией кораблей, от авиации прикрываться огнем, активным маневром.

«Положение русских безнадежное. Они закупорены в Таллине, как в горле бутылки, и единственное, что им оставалось, — это затопить свои корабли и пробиваться по суше в Ленинград», — вещал английский радиобозреватель.

Шли бои, и одновременно велась погрузка на корабли и суда войск, артиллерии, боеприпасов, имущества, выставлялось минное заграждение, уничтожалось то, что не должно было достаться врагу. Взлетали в воздух арсенал и нефтебаки, башни батарей и склады. По специально проложенной ветке к морю подводились и сбрасывались в воду паровозы и вагоны.

С болью в сердце Трибуц отдавал приказ о взрывах. Вместе с тем он распорядился вывезти запасные части для механизмов кораблей, сталь, цветные металлы, электрооборудование, провода, другое флотское имущество. (Во время блокады это позволило почти два года ремонтировать корабли без завоза технического имущества в Ленинград из тыла страны.)

Руководство флота перешло с берегового командного пункта на крейсер «Киров». По решению Трибуца из боевых кораблей были созданы три отряда: главные силы, отряд прикрытия и арьергард. Корабли не просто уходили в тыловую базу, но и охраняли транспорты.

Густо заминированный противником район надо было обязательно пройти засветло, когда легче обнаруживать мины и уклоняться от них. Бои шли уже в черте города, разрывы вражеских снарядов все больше приближались к причалам, а редкий для августа шторм не утихал, не выпускал корабли в море.

Временами налетал мелкий дождь. Кажется, он и сделал волну пониже, помягче. И тогда 28 августа командующий передал приказ: «Флоту в 12.00 начать движение». С якоря снялся первый конвой, за ним второй. В 16 часов рейд покинули главные силы флота. Они вышли впереди всех конвоев. Флагман «Киров» двигался в охранении эскадренных миноносцев. Впереди шел ледокол «Суртыль», за ним эсминец «Гордый», позади подводная лодка С-5.

Предвестником бед пролетел в стороне вражеский самолет-разведчик. И вскоре появились немецкие бомбардировщики. «Юнкерсы» кружили над кораблями и, замыкая круг, пикировали. Корабли отстреливались и маневрировали. Артиллерия «Кирова» заставила замолчать вражескую батарею на мысе Юмinda-мина. Но не снаряды

были страшны. Как и предвидел командующий, главной была минная опасность. Тральщики подсекали мины, и они плыли навстречу кораблям.

Грохот взрывов, лай зениток, завывание пикирующих бомбардировщиков, фонтаны воды и огня от тяжелых снарядов береговой немецкой артиллерии — в таком сопровождении шли корабли. С командирского мостика «Кирова» Трибуц увидел чудовищный фонтан из воды, пара, вздыбившегося металла над тем местом, где только что плыл корабль, которым он сравнительно недавно командовал, — взорвался флагманский миноносец «Свердлов», прикрывавший флагман слева.

Налетела на мину подводная лодка, шедшая следом за «Кировым», — ее сразу же поглотило море. Взрыв выбросил на поверхность лишь несколько человек. Их подобрали. На эсминце «Гордом» группа моряков билась с заливавшей его водой. Боролся с пожаром «Казахстан», на борту которого было пять тысяч человек. Но растянувшийся на 15 миль караван продолжал пробиваться на восток.

Доклады наблюдателей и сигнальщиков «Кирова» следовали один за другим:

— Мина справа по курсу! Мина слева по борту!

Правый параван (устройство для защиты корабля от якорных мин) не смог перебить трос, на котором крепилась мина, и темный шар потянуло к борту. Корабль застопорил ход. Трибуц спустился с мостика, чтобы поближе увидеть, насколько велика опасность для крейсера. Круглый шар вздымался на волнах, то приближаясь к кораблю, то отдаляясь от него. К борту с шестью бросились краснофлотцы и стали осторожно отводить мину.

— Отрезать параван! — приказал командир корабля капитан 2-го ранга М. Г. Сухоруков.

Краснофлотец, спустившись за борт, обрезал стальной ус. Мина, покачиваясь, проплыла вдоль борта и скрылась. Корабль пошел вперед, и снова мина, на этот раз в левом параване. Командир распорядился отрезать и его.

— Самолеты справа!

— Торпедные катера по носу!

Уклоняться было трудно, корабль шел по минному полю. Трибуц то и дело поглядывал в бинокль. Он видел происходившее или узнавал по докладам. А они были безрадостными. За три часа подорвалось на минах три миноносца. Тяжелее всего транспортам: скорость небольшая, слабое вооружение и маневренность.

Все внимание экипажей находившихся в пределах видимости других кораблей на флагман, на высокого, подвижного, чуть горбившегося адмирала, что вел по грозному, рвущемуся минному полю флот. А он видел происходившее, понимал, что путь дальше в наступающей темноте, когда не станет видно главного врага — плавающих мин, принесет новые потери. Но если встать на якорь, дожидаться наступления утра, чтобы обходить мины, снова закружат над караваном фашистские бомбардировщики. А когда корабли стоят, не приближается и цель похода...

Гибли корабли, оказывались в воде люди. Кто ухватился за спасательный круг, кто за обломок мачты, а кто и за плавающую мину. Может быть, это и повлияло на окончательное решение адмирала, хотя согласно Корабельному уставу выполняющие боевые задачи корабли спасением людей не занимаются.

Разные измерения у одного и того же слова — «мужество». Матрос или старшина, стреляющий из пулемета, орудия в пикирующий самолет или отталкивающий шестом мину, любой, кто с честью выполнял свой долг под бомбежкой или артиллерийским обстрелом, проявлял мужество. Тут речь идет об одной, своей жизни. В этом отношении командующий в период перехода находился практически в равных с подчиненными условиях. Но это было лишь одной стороной его дела. Другой, более важной, были тысячи и тысячи жизней людей, судьба кораблей и флота. В таких условиях для принятия решения нужно мужество рядового бойца, помноженное на мужество военачальника. Они проявились в простом и единственно верном решении командующего флотом: остановиться, встать на якорь, привести корабли в порядок, спасти людей.

Двенадцать тысяч человек подняли из воды и перевезли на остров Гогланд корабли только спасательного отряда, которому в первую очередь поручалось оказывать помощь терпящим бедствие.

С мостика адмирал осмотрел ночной горизонт. Блистала черная в темноте вода. Кораблей не было видно. Вокруг — ни огонька. Безукоризненная светомаскировка, а на кораблях кипела работа. Что готовил грядущий день?

С рассветом флот двинулся вперед. И снова все повторилось: пикирующие самолеты, мины, вздымающиеся столбы воды. К счастью, минное поле оказалось пройденным. «Шестьдесят миль, которые мы шли до того места,

где нас встретили флотские истребители, были самыми трудными в моей жизни», — рассказывал позже Трибуц.

К 17 часам главные силы флота прибыли в «морскую столицу» — Кронштадт. В штабе флота командующий сказал члену Военного совета:

— Утром поедем к Ворошилову и Жданову. Доложим обстановку на флоте.

— Невеселый доклад получится, — ответил тот.

— Доложим всю правду. Что заслужили, то и получим.

Перед докладом в Смольном Трибуц решил выспаться. Но, видимо, сказалось нервное перенапряжение во время похода, и он никак не мог уснуть. В памяти всплывали картины пережитого, но вскоре они сменились более отдаленным прошлым. Почему-то вспомнилось детство...

Родился Владимир Филиппович в Петербурге в июле 1900 года. Его предки — крепостные крестьяне из Минской губернии. (По капризу барина многие в деревне носили немецкую фамилию Трибуц.) После отмены крепостного права из нищей деревни они перебрались в Петербург. Но и здесь они жили бедно.

Когда сын окончил трехклассную школу, родители, с трудом насобрав денег, отдали его учиться в Петровское высшее начальное четырехклассное училище. Позанимавшийся в нем три года, юный Трибуц поступил в военно-фельдшерскую школу, где были бесплатными питание и обмундирование.

Последние экзамены Трибуц и его однокурсники сдавали уже вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. В декабре 1917 года Владимир Филиппович был назначен в госпиталь в Петрограде младшим лекарским помощником, а уже в начале 1918 года он добровольно вступил в Красную гвардию. Ровесник века стал и ровесником по прохождению военной службы наших Вооруженных Сил. Он участвовал в боях с немецкими оккупантами под Нарвой, где рождалась в первых победоносных боях молодая Красная Армия.

В годы гражданской войны Трибуц служил в первом Северном летучем отряде революционных моряков Балтики. В мае 1918 года военмор Трибуц сражался уже под Астраханью, где против власти Советов поднялись кулацкие банды.

По приказу В. И. Ленина в 1919 году для усиления обороны южных границ Советской Республики на Кас-

пий были переброшены корабли с Балтики. Миноносцем «Деятельный» тогда командовал И. С. Исаков (впоследствии адмирал флота Советского Союза). На этот корабль в составе пополнения и прибыл Трибуц. Характеристика молодого военного моряка пополнилась новыми строками: участвовал в боях за освобождение Баку, Махачкалы, Энзели. Экипаж канонерской лодки «Ленин», куда был затем переведен Владимир Филиппович, избрал его в Бакинский Совет рабочих и крестьянских депутатов.

Возрождавшемуся после тяжелой и разрушительной гражданской войны Военно-Морскому Флоту нужны были люди не только с боевым опытом, но и с глубокими знаниями. В начале 20-х годов Трибуц был направлен на учебу в военно-морское училище, носящее ныне имя М. В. Фрунзе. После его окончания в 1926 году служил командиром взвода в Балтийском флотском экипаже, затем был назначен на линейный корабль «Парижская коммуна» командиром башни главного калибра.

Служба на «Парижской коммуне» явилась важной ступенью в жизни Владимира Филипповича. Здесь в 1928 году он был принят в партию, на этом корабле он сформировался как советский военно-морской командир. Незаурядные способности и трудолюбие, любовь к флотской службе определили быстрое продвижение Трибуца по службе. В 1929 году он стал вторым помощником командира корабля и старшим вахтенным начальником.

Тогда же, в 1929 году, экипажу выпало суровое испытание. «Парижская коммуна» вместе с другим кораблем совершила поход с Балтики на Черное море. Линкор попал в жесточайший шторм. Владимир Филиппович возглавлял верхнюю команду корабля, рискуя жизнью, выполнял обязанности. Волны заливали палубу, срывали накрепко прикантованное имущество. Корабль клало с борта на борт. Но моряки сумели преодолеть шторм, исправным привести свой корабль в Севастополь. Оценка деятельности Владимира Филипповича дана в надписи, которая была выгравирована на серебряной пластинке, прикрепленной к подаренному ему маузеру: «Стойкому защитнику пролетарской революции т. Трибуцу В. Ф. от РВС СССР».

Затем служба на другом линкоре — знаменитом «Марате», после чего Владимиру Филипповичу был доверен самостоятельный пост — он был назначен командиром эсминца «Яков Свердлов».

Опыт накопился большой и разносторонний, а возраст был таким, когда говорят: все еще впереди. И молодой командир эсминца был направлен в Военно-морскую академию, которую окончил в 1932 году. Видимо, впрок пошла учеба. В 1936 году Владимиру Филипповичу пришлось расстаться с эсминцем. Ему была доверена ответственная должность начальника отдела в штабе Краснознаменного Балтийского флота. В феврале 1938 года Трибуц стал начальником этого штаба.

Служба в штабе подготовила Владимира Филипповича к еще более ответственной работе. В апреле 1939 года он был назначен командующим Краснознаменным Балтийским флотом. Было ему тогда 39 лет...

Потеряв надежду уснуть, Владимир Филиппович досадовал: «Нашел время для воспоминаний!» И все же воспоминания шли своим чередом, пока не достигли того, с чем утром Трибуц должен был явиться в Смольный, — доложить об итогах прорыва флота из Таллина. Владимир Филиппович стал готовиться к поездке в Ленинград.

Днем, когда машина неслась по Ленинграду, Трибуц с интересом рассматривал улицы. Город стал строгим, опоясался окопами и баррикадами. В парках и скверах стояли зенитные орудия, окна подвалов, первых этажей зданий были закрыты мешками с песком. Да, думал он, надо докладывать не только о прорыве, но и соображения о включении кораблей и частей флота в общую систему обороны города.

В этот день в Ленинград приехали представители ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования. Среди прибывших был и нарком ВМФ Кузнецов. Кратко и строго доложил Трибуц о таллинском переходе. Итоги его были одобрены. И действительно, боевое ядро флота сохранено, и это было главным. Балтийцы становились в общий строй защитников Ленинграда.

На другой день в Кронштадте Кузнецов и Трибуц поднялись по широкой лестнице в штаб флота.

— Живы! — показал Трибуц на старинные часы на лестничной площадке. — А во многих комнатах после перехода хозяев нет, погибли.

— Да, — вздохнул Кузнецов. — Хороших людей потеряли. Но ведь каков переход! Боялся за флот, ох как боялся!

В кабинете Трибуца с темно-синими, словно сказочное летнее море, обоями и старинной мебелью собрались члены Военного совета. Трибуц вновь доложил о переходе,

но теперь уже подробно, с деталями — наркома интересовало все.

Затем состоялась встреча народного комиссара Военно-Морского Флота с командирами соединений — участниками похода.

— Вы, конечно, много пережили, — говорил Кузнецов. — Я не был с вами и не во всем еще разобрался. Но, видимо, вы сделали все, что было в ваших возможностях. Управление флотом было твердое, уверенное.

Это была заслуженная оценка. Немалыми оказались потери во время прорыва кораблей и судов, но поставленная флоту задача — прорваться в район Ленинграда — была выполнена, крупная морская операция завершилась успешно. Переход был не бегством, а продуманным, необходимым отступлением, в котором личный состав проявил огромную выдержку и силу духа, а командиры соединений во главе с командующим — высокое искусство руководства прорывом крупных сил флота в крайне тяжелой боевой обстановке. Их опыт во многом был использован в организации охраны крупных конвоев при эвакуации Одессы и Севастополя.

Немецко-фашистские войска упорно рвались к Ленинграду. Бои шли в пригородах. В этот кризисный момент командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал армии Г. К. Жуков. Командующему Балтийским флотом он приказал: «Корабли поставить на Неву. Всей артиллерией поддерживать 42-ю армию. Зенитки — на прямую наводку и бить по танкам. Половину моряков — в окопы. Срок два дня!»

Командующий флотом нервничал: послать на сухопутье половину людей, лишиться специалистов, которых долго готовили, было непросто. Многие корабли становились небоеспособными без машинистов, минеров, электриков, сигнальщиков, связистов. Но Трибуц повимал и другое: фронту нужны бойцы. Причем немедленно, сегодня. Он выполнил приказ, оставив лишь артиллеристов у орудий.

Шли в бой моряки, гремели корабельные орудия. Это для того, чтобы жил Ленинград, а значит, и флот.

Оставшиеся на кораблях краснофлотцы, морские пехотинцы и артиллеристы, летчики, командиры и политработники поклялись ленинградцам, Родине, партии биться за Ленинград до последней капли крови, до последнего вздоха. В клятве балтийских моряков, опубликованной в газете «Ленинградская правда» за подписями командую-

щего КБФ В. Ф. Трибуца и членов Военного совета Н. К. Смирнова и А. Д. Вербицкого, говорилось:

«Балтийцы бьются с врагом на всех подступах к городу Ленина; морские бригады на сухопутье, корабли в море, самолеты в воздухе разят врага, нанося ему жестокие потери. Мы даем вам священную клятву: пока бьется сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие — не бывать фашистской сволочи в городе Ленина».

Клятву балтийцы сдержали. В самый критический момент обороны Ленинграда сказала свое веское слово артиллерия флота. Кронштадтские форты, береговые и железнодорожные батареи и корабли создали могучий огневой заслон на южных и юго-западных окраинах города. Флот решал несвойственные ему задачи — отражал врага, рвавшегося в Ленинград с суши, но и в столь необычных условиях проявилось умелое руководство командующего. Крупный специалист в области оперативного искусства, незаурядный тактик, Трибуц по-деловому, объективно оценивал обстановку, понимал, какие задачи являются главными на том или ином этапе, и успешно решал их. Характерен в этом отношении день 20 сентября 1941 года, когда ему пришлось лично командовать взаимодействующими в бою за город Белоостров силами артиллерии и авиации флота. Враг вынужден был отступить. С этого рубежа и началось наступление в 1944-м.

Не добившись уничтожения главных сил флота на переходе из Таллина, враг решил расправиться с ними непосредственно в базах. В сентябре на кораблях обрушились частые бомбежки. Кронштадт обстреливался из тяжелых орудий.

По решению командующего Военный совет и штаб флота перебравшись в казармы частей береговой обороны. Это было сделано одновременно. На следующий день снаряды попали в бывшее здание штаба.

Трудным для флота оказалось 23 сентября. Около полудня в Кронштадте раздался сигнал воздушной тревоги. Поднявшись на холм, насыпанный над командным пунктом, Трибуц в бинокль увидел самолеты, идущие к кораблям со стороны Петергофа. Сигналы тревоги заглушили вой и взрывы бомб, выстрелы зенитных орудий кораблей и частей ПВО.

Командующему доложили, что бомбы упали на территории Морского завода, госпиталя, у пирсов подводных лодок. Позвонил Жданов, спросил, жив ли. Трибуц доложил обстановку и попросил прислать истребителей. За-

кончив разговор, он вернулся на холм и увидел высокий столб черного дыма. Понял, горит нефть, значит, попадание в корабль. Офицер штаба доложил, что бомба попала в носовую часть линкора «Марат».

Владимир Филиппович сел в машину и, несмотря на разрывы бомб и падающие осколки зенитных снарядов, поехал в гавань, на корабль, где три года служил старшим помощником. Его стремление немедленно попасть на «Марат» объяснялось не только любовью к этому линкору, беспокойством о судьбах людей. Корабль был крупнейшим на Балтике, где грозная артиллерия не ставила огненный заслон наступающему врагу, но захватить на причал было нельзя: вражеские самолеты штурмовали корабли. Пешком адмирал отправился к линкору и увидел, что носовая часть с первой орудийной башней оторвана и утонула. К кораблю спешили спасательные буксиры. Осевший на грунт корабль продолжал вести зенитный огонь.

Осмотрев «Марат», адмирал вернулся на командный пункт. Потери оказались тяжелыми: поврежден и сел на грунт лидер «Минск», две бомбы попали в крейсер «Киров», затонули подводная лодка М-74, буксир и транспорт. Но противнику снова не удалось достичь главной цели — расправиться с основными силами флота.

Гитлеровцы кричали на весь мир, что Балтийского флота больше не существует, а «несуществующий флот» продолжал наносить удары по вражеским войскам. Корабли развернули орудия в сторону берега и разили моторизованные колонны и пехоту противника. Даже «Марат», который больше не выходил в море, своей крупнокалиберной артиллерией стоял преградой на пути врага.

Ленинград оборонялся и наступал. Четыре десанта высадил флот. Наиболее крупный в ночь на 5 октября в Петергоф. Командующий лично провожал десантников. Он подошел к краснофлотцу, обвязанному, как в гражданскую войну, пулеметными лентами.

— С какого корабля?

— Краснофлотец Доронин. С «Авроры».

Командующий спросил о настроении, о готовности к бою.

— В гроб загоним!

— Значит, воевать будем по-балтийски?

— Только так, товарищ командующий!

С гордостью смотрел Трибуц на моряков. Знал, что

будут они биться до последнего. И действительно, балтийский десант отвлек от города значительные силы и нанес гитлеровцам немалый урон.

Те, кто встречался с Трибуцем в то время, отмечали его необычайную работоспособность. Трудно было сказать, когда он отдыхал. И днем, и вечером, и ночью — доклады, вводные, приказы, распоряжения, и по каждому вопросу следовало оперативное, верное решение. Как правило, оптимальное в создавшихся условиях: взрывчатку добыть из старых глубинных бомб и снарядов, уплотнительную резину для подводников изготавливать в специально оборудованной мастерской... Пусть любой из этих вопросов не главный для командующего, но в условиях блокады каждый из них вдруг приобретал особое значение, и Трибуц вникал, казалось бы, даже в мелочи.

Трибуца все больше тревожил вопрос: как быть с Ханко? Вспомнился переход из Таллина — за излишнее промедление расплачивались кораблями, транспортом, а главное — людьми. Было ясно: оставлять Ханко придется. За 240 миль от Кронштадта пополнение и боезапас по льду не доставишь. Да и в городе всего в обрез. Что можно провести в караванах сейчас и что зимой, когда станет залив... Разница большая...

Обстановка под Ленинградом не позволяла усилить гарнизон Ханко. Больше того, в конце октября штаб фронта снова потребовал от флота людей. Трибуц предпринял важный шаг: послал четыре корабля на Ханко. Они повезли снаряды, немного бензина, консервированную кровь и почту. Больше командующий флотом не смог дать ничего, но забрал людей. И тяжелораненых, и пополнение — на Ораниенбаумский плацдарм.

Вскоре пришло указание Ставки об эвакуации гарнизона Ханко. Ее осуществление проводилось в чрезвычайно сложных условиях. Оба побережья Финского залива находились в руках противника; здесь действовали его значительные силы, а на море были выставлены плотные минные заграждения. Выдержка и искусство моряков-балтийцев вновь превозмогли суровое испытание. С 26 октября по 2 декабря с Ханко ушло девять конвоев. Они доставили в Ленинград более 22 тысяч воинов с оружием, техникой и продовольствием. Врагу так и не удалось ступить на землю «красного Гангута», пока он не был эвакуирован по приказу командования. Из глубокого вражеского тыла, через минные поля, тол-

стый лед, отражая удары «юнкеров», прошли караваны судов.

Тысячи защитников Ханко пополнили ряды воинов, отстаивающих Ленинград.

Адмирал встречал героев-ханковцев в Кронштадте. Горячими, проникновенными словами приветствовал он героев. Пять с лишним месяцев отважный гарнизон Ханко стойко сражался с превосходящим противником. Сковав до двух вражеских дивизий, он оказал значительную помощь войскам, оборонявшим Ленинград. «Выспим мужеством, стойкостью и упорством гордится каждый советский патриот», — говорилось в приказе войскам Ленинградского фронта в связи с эвакуацией Красного Гангута.

В первый военный год необычайно рано — в конце октября — пришла зима в Ленинград, сковав льдом Финский залив, запорошив снегом улицы, площади и проспекты. Холод и голод ворвались в дома, остановились многие фабрики и заводы. Замерз водопровод, прекратилась подача электроэнергии. Через забитые фанерой окна в ленинградские квартиры все чаще заглядывала смерть.

Были предприняты все меры, чтобы прорвать блокадное кольцо. Вернули Тихвин, в котором противнику пришлось похозяйничать всего несколько дней. Когда враг был остановлен, начались наши контрудары. В бой вступали дивизия за дивизией, порой без танков, при слабой артиллерийской поддержке. В тяжелые, кровопролитные бои шли воины, чтобы сберечь жизни детей, женщин, стариков. К сожалению, соединиться с Большой землей не удалось. Не хватило сил.

Однажды Трибуца вызвал Жданов для доклада об обеспеченности флота продовольствием и горючим.

— Кулаки вы, дорогие товарищи! — пошутил он, просматривая документы. — Смотрите, сколько у вас хлеба, мазута, консервов, шоколада... Побольше бы вам таких запасливых, веселее бы жить стало.

До того, как встал лед на заливе, с кронштадтских складов в Ленинград перевезли немало продуктов, нефти, угля. Это была небольшая, но все же ощутимая помощь измученному голодом и холодом городу.

Как-то Трибуц посетил Невскую Дубровку, плацдарм, где вместе сражались краснофлотцы, красноармейцы и юнги-мальчишки, одетые в морские шинели. Здесь на каждом метре взрывались снаряд или мина, а плотность

вражеского огня составляла 25 пудь на квадратный метр.

Показывая на искореженную, перепаханную взрывами землю, на обломки разбитых при попытках переправиться шлюпок и баркасов, старшина-сверхсрочник говорил адмиралу о готовности сражаться до последнего дыхания, выполнить любой приказ. В конце беседы у него вырвалось: «Скорее бы на свои коробочки!» Вернуться на свои «коробочки» (так моряки часто называли корабли) мечтали все моряки, но как самоотверженно они были на суше! И какая за этим стоит работа партии с людьми в предвоенные годы! Как много сделано, чтобы вырастить вот такое поколение, как этот младший командир!

В конце 1941 года штаб и политуправление флота перебазировались из Кронштадта в Ленинград — поближе к стоящим в Неве кораблям. В здании электротехнического института имени В. И. Ульянова-Ленина на улице профессора Попова разместились отделы и службы, а флагманский командный пункт флота находился рядом, в небольшой церквушке.

Из окон штаба был хорошо виден знаменитый Ленинградский ботанический сад. Не раз Трибуц, останавливаясь у окон, смотрел на погибшие пальмы, замерзшие после того, как осколки фашистской бомбы разбили стеклянные оранжереи. Глядя на мертвые, покрытые инеем деревья, командующий думал о вмерзших в лед на Неве кораблях, о большом некомплекте людей на флоте. Многие специалисты ушли на сухопутный фронт. Без них «коробочки» не могут плавать. Когда на суше велись решающие бои, шла речь о судьбе Ленинграда, было закономерно, что из моряков создавались части или брали пополнение в армейские подразделения, порой не считаясь с нуждами флота. Теперь иная обстановка. Ленинград выстоял. Живет и готов к борьбе флот. Трибуц решил переговорить со Ждановым, поскольку от него — члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б), члена Военного совета фронта, которому был подчинен флот, — зависело многое.

— Андрей Александрович, балтийцы только в минувший месяц доставили с Ханко и дали фронту более 22 тысяч закаленных воинов-кадровиков, — начал командующий флотом при встрече со Ждановым. — Теперь, надеюсь, от нас будут требовать меньше людей...

Жданов понимал, что командующий флотом ведет

речь не о прошлом, а о будущем, добивается, чтобы корабли могли плавать, пополнились специалистами. Есть, конечно, и другие нужды у моряков, и он ответил:

— Заходите, потолкуем. За зимой идет весна.

Трибуц понял, что нужны обоснованные предложения о предстоящих действиях флота — их готов выслушать и изучить Военный совет фронта. Теперь требовалось четко сформулировать предложения, определить наиболее эффективные способы действий флота в конкретной сложившейся обстановке.

На заседании Военного совета флота подвели итоги сорок первого года. Общий результат был удовлетворительным: флот сохранен, нанесен значительный ущерб врагу, помог выиграть важный этап битвы за Ленинград. Выступавшие говорили и о недостатках кампании: не всегда удачно взаимодействовали разнородные силы, слабо прикрывала корабли авиация, в решающие дни прорыва из Таллина мало оказалось тральщиков. Рассматривались и отдельные вопросы, касавшиеся действий флота в 1942 году. О них думал командующий не раз. И не об отдельных вопросах. Нужна была генеральная линия, определявшая основное направление использования сил флота в новой кампании. Об этом Трибуц однажды и завел разговор с новым начальником штаба флота Юрием Федоровичем Раллем и начальником политуправления Владимиром Александровичем Лебедевым.

— Приближается Новый год. Мы ремонтируем корабли. А для чего? Где они будут плавать? — напрямую поставил вопрос Лебедев.

— Флот в кольце, прорыв в море для боя крайне затруднителен, — закончил Ралль. — А действовать нужно. Подводные лодки многое могут сделать.

— Вот-вот, — прервал Трибуц. — Воевать в открытом море на подводных лодках! А всем остальным — надводным кораблям, авиации и береговой артиллерии — обеспечивать успех подводников и решать, конечно, другие боевые задачи.

Владимир Филиппович высказал то, что вносил за последние недели и о чем думал только что, по пути из здания штаба Ленинградской военно-морской базы — Адмиралтейства к штабу флота, и беспокойство, владевшее им вот уже несколько дней, ушло. Говорили они долго и о многом. Трибуца радовало, что Ралль и Лебедев поняли его, загорелись его идеями.

И хотя эта беседа не была официальным совеща-

ем, в ней определились многие наметки плана боевой учебы, судоремонта и последующих практических боевых действий в операциях 1942 года.

— Что ж, Юрий Федорович, сосредоточьте штаб на подготовке проекта конкретных предложений Военному совету фронта. — Этим указанием Раллю Трибуц как бы подвел итог беседы.

Предложение командования Балтийского флота о действиях в 1942 году 9 января было утверждено Военным советом Ленинградского фронта. В его решении подчеркивалось, что зимний ремонт и подготовка к весенним боевым действиям являются главной задачей КБФ и ленинградской судостроительной промышленности. Трибуц особенно радовал пункт решения, согласно которому на корабли возвращались ранее посланные на фронт специалисты. Новых ведь за два-три месяца не подготовить.

Флот готовился к летней кампании в сложнейших условиях первой блокадной зимы. Моряки и рабочие заводов, голодные и усталые, сутками не выходили из цехов и с кораблей, замерзая, под открытым небом, ремонтировали механизмы и корпуса кораблей, но до конца исполняли свой долг. А на кораблях доукомплектовывались экипажи, командиры занимались в классах торпедной стрельбы, шла учеба по специальности с краснофлотцами и старшинами.

Зимой 1942 года на Ленинградском фронте и на флоте развернулось снайперское движение. Член Военного совета флота Смирнов предложил командующему переклочить активность людей на лучшее использование штатного оружия. Почему бы не подготовить снайперские батареи? Почему бы не поднять до снайперского уровня стрельбу торпедами? Конечно, пушка не винтовка, но повысить меткость огня, качество подготовки оружия можно и нужно. Командующий поставил этот вопрос на совещании командиров и военкомов. Работа на флоте в этом направлении была проведена большая. Не все батареи стали снайперскими, но многие научились накрывать врага с первых залпов.

Надежным щитом Ленинграда и Ладоги, прикрывавшим город и ледовую дорогу от воздушных налетов врага, были авиаторы. В воздушных боях прославились летчики авиаполка Б. И. Михайлова. 21 февраля 1942 года В. Ф. Трибуц вручил им гвардейское знамя. Обращаясь к стоявшим в строю авиаторам, командующий сказал:

— Партия и правительство поручили мне вручить вам, доблестным защитникам Ханко, Таллина и Ленинграда, гвардейское знамя. Передаю его боевому командиру полка.

Подполковник Михайлов, приняв знамя, поцеловал его и взволнованно сказал:

— Родина, слушай нас!

Опустившись вслед за командиром полка на колени, авиаторы повторяли клятву балтийских летчиков:

— Родина, пока наши руки держат штурвал самолета, пока глаза видят землю, стонущую под фашистским сапогом, пока в груди бьется сердце и в жилах течет кровь, будем драться, громить, истреблять нацистских зверей, не зная страха, не ведая жалости, во имя полной и окончательной победы над фашизмом.

Трибуц вспомнил те осенние дни, когда командование фронта возложило ответственность за прикрытие Ладоги с воздуха на авиацию Балтийского флота. Была создана специальная группа, большую половину ее составляла балтийская авиация. Летчики надежно охраняли «Дорогу жизни», в Ленинград поступало все больше продовольствия. Он не ошибся, перебросив к Ладожскому озеру этот полк.

Подумалось о людях, что защищали ледовую трассу.

Старшего лейтенанта Алексея Лазукина тяжело ранило в бою. Он довел самолет до аэродрома и посадил его. Умирая, летчик попросил передать его машину Анатолию Кузнецову. Тогда же, на другой день после смерти боевого друга, группа, в которой летал Кузнецов, сбила три вражеских истребителя и шесть бомбардировщиков.

Когда адмирал прощался с авиаторами, подполковник Михайлов сказал командующему:

— Балтийцы сделают все, чтобы ни один фашист не дошел ни до Ленинграда, ни до Берлина!

Командование противника не оставило надежду уничтожить Балтийский флот. Аэрофотосъемка вмерзших в лед Невы кораблей дала более или менее точное их расположение. На льду озера, неподалеку от Новгорода, сажой и углем немецкие солдаты нарисовали изображения кораблей в натуральную величину, и вражеская авиация произвела учебные налеты.

На ровном озерном льду, как и в штабных бумагах, все проходило гладко. Когда же в предвечерних сумерках 4 апреля группы по 25—30 самолетов приблизились

к городу и Неве, их встретили дружным, сосредоточенным огнем зенитчики. Враг отступил, решив прибегнуть к другой тактике. Утром 5 апреля начался усиленный артиллерийский обстрел Ленинграда по квадратам. Вскоре огонь был перенесен на районы, прилегающие к Неве, ее основным протокам, и на судостроительные заводы.

Трибуц не ушел из кабинета в убежище, к обстрелам он привык давно. От близкого взрыва снаряда в кабинете вылетели стекла. К счастью, их осколки никого из находившихся у командующего не задели.

— Гитлеровцы думают, что подавили обстрелом наши зенитки. Теперь будет массированный налет, — сказал Владимир Филиппович начальнику штаба. — Распорядитесь, чтобы надежнее прикрыли корабли, строго соблюдали маскировку.

— Уже сделано. Истребители флота вместе с истребителями ПВО фронта находятся в воздухе, — доложил Ралль.

— Авиации оставаться над кораблями до полного отражения удара.

Налет на корабли был долгим, массированным. Но немецкой воздушной армаде снова не удалось выполнить задачу. При отражении налетов 4 и 5 апреля советские летчики и зенитчики сбили 26 бомбардировщиков. Замаскированные под береговые постройки и причалы корабли остались в строю, продолжалась их усиленная подготовка к выходу в море.

Не менее важным, чем судоремонт, было решение оперативно-тактических вопросов, связанных с предстоящими боями. Как лучше выполнить их? Командующий пригласил командира дивизиона подводных лодок капитана 2-го ранга В. А. Егорова.

— На мой взгляд, выходить можно весной, — говорил комдив. — Минная обстановка улучшится, так как часть мин сорвется и будет унесена льдами.

— Какие трудности вы предвидите в использовании наших сил? — спросил Трибуц.

Егоров взял со стола остро отточенный карандаш, обвел им малые глубины у побережья.

— За этой зоной можно следить особенно внимательно, — заметил он. — К ней уже в прошлом году прижимались транспорты противника.

Командующий понял основную, пока еще не высказанную мысль: подводные лодки не всегда могут атаковать

на малых глубинах, и это была одна из главных трудностей борьбы с вражескими конвоями.

— Пустили утку, — продолжал комдив, — будто Балтийский флот приказал долго жить, затонул... а сами боятся его. С небольших глубин кто их сможет выгнать? Пока берег в их руках — никто. Ну разве в какой-то мере авиация. Говорю командирам: неделями выжидайте свой трофей, потому что рано или поздно любому конвою придется менять глубины во время перехода.

Командующий и флотский командир советовались также по вопросам управления кораблями с берега, взаимодействия разнородных сил флота. Предложения опытного подводника были учтены при разработке штабом оперативных планов.

В апреле сорок второго Трибуца вызвал Н. Г. Кузнецов. Первый вопрос: как прошла зима? Командующий флотом рассказал о героизме ленинградцев, о ходе ремонта, не скрывая трудностей.

— Люди работают, не имея ни одного спокойного часа, под постоянным воздействием противника, — говорил он, — сейчас даже выход из Невы через Морской канал будет опасным боевым походом и потребует прикрытия батарей и обязательно авиации.

Трибуц развернул карту. Нанесенная на нее обстановка показывала, что противник удерживал южное побережье залива до пригорода Ленинграда Урицка, на севере — до старой государственной границы и мог обстреливать город и корабли.

— Некуда выдвинуть даже посты воздушного оповещения, и поэтому налеты вражеских самолетов здесь будут внезапными. А противник подтянул к городу большое количество бомбардировщиков, а в Стрельну и Петергоф — истребители для их прикрытия.

Трибуц рассказал о резком усилении врагом противолодочной обороны — дополнительных сетевых и минных заграждениях, усилении средств наблюдения, постановках мин с надводных кораблей, подводных лодок и самолетов.

— Трудновато придется! — заметил Кузнецов. — Как думаете действовать?

— Противодействие противника будем преодолевать с помощью авиации, тральщиков, катеров-охотников от пирса и до выхода в нашу маневренную базу на Лавенсари. А затем — скрытый самостоятельный переход подводных лодок... Их действия рассчитываются на мак-

симальную автономность. На авиацию флота возлагаем задачу заставить корабли противника уходить с мелководья дальше в море, где их смогут атаковать подводные лодки.

Кузнецов расспрашивал о многом, вникал в детали и в целом одобрил действия и планы командования флотом. Обещал помочь горючим. Оно было получено к началу навигации.

В апреле 1942 года на заседании Военного совета флота Трибуц выступил с докладом об обстановке на море, подчеркнул значение умелых тактических решений и изучения организации противолодочной обороны противника. Командиры соединений подводных лодок доложили о ходе подготовки к выходу в море.

Но вот настало время вступать в бой главным силам. Командование флота тщательно подготовило наступление подводников через вражеские минные поля и противолодочные заграждения. Три эшелона подводных лодок один за другим в течение навигации должны были прорваться в открытое море.

На основе изучения особенностей противолодочной обороны противника, тактики его действий Трибуц принял решение: выход и возвращение в базу каждой лодки планировать как операцию, тральщикам очищать от мин фарватеры, катерам-дымзавесчикам задымлять их, береговой обороне подавлять батареи врага, авиации прикрывать с воздуха переходы. На остров Лавенсари последнюю точку, откуда выходили и куда возвращались лодки, — для обеспечения их действий Трибуц послал командира дивизиона Полещука.

В начале июня в плавание вышла подводная лодка Щ-304, построенная в тридцатые годы на собранные комсомольцами страны средства. В течение трех суток корабль под командованием капитана 3-го ранга Я. П. Афанасьева прошел четыре линии минных заграждений, передал по радио разведывательные данные и, торпедировав крупный транспорт, открыл счет балтийских подводников в их наступлении на втором году войны.

Первым всегда труднее. Они прокладывают дорогу другим, встречаются с неизвестным, добывают бесценный опыт. За Щ-304 прошли другие корабли. Нелегко пришлось многим лодкам, но, казалось, через непреодолимые препятствия шли они к победе. Подводная лодка под командованием Осипова потопила пять вражеских

судов. Два крупных транспорта противника уничтожила подводная лодка под командованием И. В. Травкина. Многие перенесли экипажи: бомбежки глубинными бомбами и кислородное голодание, скрежет минрепов по стали корпусов лодок, когда каждую секунду может грянуть взрыв, и отсутствие горячей пищи (это после многомесячной суровой блокады!). Корабль Травкина имел такие повреждения, что Трибуц приказал ему вернуться в базу досрочно.

Командующий, члены Военного совета приехали встречать героев в Кронштадт. Ранним утром 8 августа на пирсе выстроились шеренги моряков. Оркестр заиграл встречный марш. Победителей ласково приветствовало солнце.

Первым к командующему подошел командир Щ-406 Осипов. В кожаной куртке, с рыжими бакенбардами, он был похож на летчика прошлого десятилетия. Выслушав рапорт, командующий обнял командира корабля.

— Вы настоящий подводник, — сказал Трибуц.

Потом он расцеловал командира Щ-303 Травкина. Тот докладывал о потоплении транспортов, а командующий рассматривал бледные, осунувшиеся лица краснофлотцев и командиров. Его взгляд остановился на вмятинах на корпусах, пробитой взрывами глубинного боя надстройке на лодке Травкина.

Вскоре командиров ряда подводных кораблей пригласили в Смольный на Военный совет Ленинградского фронта. По разложенным на столе картам И. М. Вишневецкий, Е. Я. Осипов, И. В. Травкин и С. П. Лисин доложили о боевых подвигах и победах. Когда выступили командиры, Жданов и Трибуц говорили о том, что враг сообщил о потоплении тридцати русских подводных лодок в Балтийском море. Выходило, что присутствующих «потопили» уже по нескольку раз.

— Каждый транспорт врага, потопленный в Балтийском море, лишает фашистские войска, блокирующие Ленинград, свежих резервов, срывает разбойничьи планы гитлеровцев взять город штурмом. Так и передайте своим товарищам, — сказал на прощание Жданов.

Командующий флотом был доволен. Дерзкие, умелые действия семи лодок первого эшелона получили высокую оценку руководства. Подводные корабли показали себя как мощный род сил нашего флота, способный вести самостоятельные боевые действия с длительным отрывом от баз.

Готовя выход второго эшелона подводных кораблей, Трибуц решил расширить район действий и на север, и на юг Балтики, бить врага там, где он не ждал удара. Было разработано несколько вариантов перехода и возвращения кораблей.

Первым вышел подводный минный заградитель Л-3 («Ленинец-3») под командованием П. Д. Грищенко. Трибуц решил послать лодку именно такого типа потому, что она обладала высокими мореходными качествами, имела мощное вооружение: торпеды и трубы для постановки мин. Эти лодки могли выходить далеко в открытое море.

Лодка прорвалась на меридиан Берлина и поставила мины (позже стало известно, что на них подорвались два транспорта и шхуна) и затем, атаковав конвой, одним залпом торпед потопила два транспорта. Однако Л-3 была обнаружена противолодочными силами противника. Ее долго преследовали и бомбили вражеские корабли. Оказались поврежденными компас и радиостанция, с лодкой никак не могли связаться береговые радисты. Кончился расчетный срок пребывания корабля в море, и кое-кто из работников штаба предложил доложить в Ставку о гибели Л-3. Командующий флотом не согласился. Он верил в мастерство экипажа, талант командира — флегматичного внешне, но настойчивого, терпеливого Грищенко. Приказал в любое время суток докладывать о первой же восточке с лодки. И вот ночью позвонил командир соединения подводных лодок А. М. Стеценко и, радуясь, не по-уставному доложил:

— Живы! Все в порядке! Запрашивают перед входом в Финский залив. Семь побед!

Да, в этом походе экипаж Л-3 потопил семь крупных транспортов и боевых кораблей. Командующий представил к наградам всех его матросов, старшин и командиров орденами и медалями.

Подводная лодка Щ-309, которой командовал И. С. Кабо, одновременно атаковала транспорт и эскадренный миноносец. Командир выпустил торпеды в эсминец, затем в находившийся за ним транспорт. Результат стрельбы с лодки наблюдать не могли, но слышали два взрыва. Лодка ушла от преследования и вернулась в Кронштадт, а между тем о ее потоплении сообщил противник.

В победах подводников был и труд моряков катеров-тральщиков, обеспечивавших безопасные переходы, и

труд авиаторов, наносивших удары по подстерегавшим наши подводные корабли дозорам противника, отгонявших его авиацию от мест всплытия лодок.

Высокие морально-боевые качества, готовность к подвигу и выучка подводников создавали на кораблях особую атмосферу мужества и стойкости. Трибуц написал в рабочей тетради после доклада командира подводной лодки «Лейт» А. М. Матияевича: «Свыше десяти часов на грунте в отравленном воздухе. Это выше человеческих возможностей. А экипаж работал, и не все имели кислородные приборы...»

Произошло это так. Подводная лодка потопила два вражеских транспорта. Но, заметив перископ, на «Лейт» помчался сторожевой корабль, надеясь таранить лодку. Она стала уходить на глубину, вокруг уже стали взрываться глубинные бомбы. От сотрясения корпуса в аккумуляторной яме замкнуло контакт. Возникла искра. Громыхнул взрыв. Над головой тридцать метров воды и вражеские противолодочные катера, а в лодке пожар. Помещения стали заполняться удушливым дымом.

Когда Матияевич докладывал о происшедшем, Трибуц с удивлением смотрел на него. Он многое повидал в гражданскую и в Отечественную войны, но о таком слышал впервые. Он представил сорванные взрывом люки аккумуляторных батарей, вздутый горбом палубный настил, разбитую радиорубку, клубящийся дым, которому некуда уходить из лодки, и тугую струю воды, хлещущую под огромным давлением из сорванного клапана шахты лага.

Отличная выучка, мужество моряков победили огонь и воду. Когда лодка всплыла, вражеских катеров вблизи не оказалось.

Чтобы усилить удары по врагу, Трибуц решил, не ожидая возвращения лодок второго эшелона, послать в море корабли третьего. Перед разворачиванием 16 лодок этого эшелона в середине сентября собрался Военный совет флота, куда были приглашены командиры ряда соединений. Командующий откровенно сказал о трудностях предстоящих походов: об усилении противолодочной обороны противника в Финском заливе, о бдительной охране конвоев, возросшей активности вражеской авиации. С учетом этого он приказал изменить места встреч подводных лодок, возвращавшихся из похода, рекомендовал командирам лодок использовать плохую погоду, чтобы сделать штормовую Балтику союзником,

всплывать при сильной волне, когда противник возвращает противолодочные корабли в базы.

Чтобы дезориентировать врага, Трибуц дал указание тральщикам в светлое время суток работать на второстепенных фарватерах, а действительное траление вести ночью. Особое внимание он обратил на мероприятия по активизации легких сил и авиации флота в борьбе против кораблей врага.

Боевые действия третьего эшелона лодок у вражеских берегов нанесли значительный ущерб транспортному флоту противника. 24 октября 1942 года «Правда», оценивая успехи балтийских подводников, писала: «...В сложных условиях ведет свою изумительную борьбу Краснознаменный Балтийский флот. Его корабли в трудных условиях наносят врагу страшные по своей силе удары, достают его в самых потаенных местах».

Шли ко дну торпедированные транспорты с оружием и боеприпасами, с горючим и продовольствием, с танками и солдатами. Не могли перевозить грузы многие суда, потому что при появлении советских подводных лодок получали приказ укрыться в портах до особого распоряжения, а его часто приходилось ждать очень долго.

В кампании 1942 года подводники флота уничтожили и повредили 60 транспортов и несколько боевых кораблей. Несмотря на привлечение крупных сил и средств, противник так и не добился решающего успеха в борьбе с нашими подводными кораблями. Советские подводники нарушали перевозки войск и техники для вражеской группы армий «Север» и стратегического сырья в Германию, оказав этим существенную помощь войскам фронта и флоту, оборонявшим Ленинград.

После провала попыток захватить Ленинград штурмом Гитлер надеялся голодной блокадой вынудить город к сдаче. Немецкое командование считало, что пути снабжения его отрезаны. Западный берег Ладожского озера и значительная часть восточного побережья у финнов, южный берег от Шлиссельбурга и далее на восток — у немцев. Движение советских судов по узкому водному пространству находилось под контролем немецкой авиации и артиллерии.

В Смольном часто обсуждались задачи и действия входившей в состав Балтийского флота Ладожской военной флотилии. «Подвезут продовольствие, значит, живем» — так определил положение Жданов. Команду-

ющий флотом побывал на Ладого, и вскоре здесь развернулось строительство причалов, пирсов, стоянок. Мешали штормы, атаки вражеских самолетов, но корабли и суда делали свое дело.

Когда озеро замерзло, по льду пролег ледовый тракт — знаменитая «Дорога жизни». В Ленинград протянулись сначала санные обозы с хлебом, с 22 ноября — грузовики. Трибуц приказал направить на Ладого лучших летчиков, шоферов, инженерные части. С апреля 1942 года грузы снова повезли моряки. К навигации на ленинградских заводах построили немало барж. За лето и осень были подвезены запасы, исключавшие повторение голода.

22 октября командующий флотом Трибуц, командующий Ладожской флотилией В. С. Чероков и командующий ВВС КБФ М. И. Самохин собрались ехать из поселка Осиновца в поселок Новая Ладога, на командный пункт флотилии. В этот момент им доложили, что враг с быстроходных катеров и десантных барж обстреливает остров Сухо. Трибуц понял, что, захватив остров, враг перережет Ладожскую трассу. Он приказал послать в район боя штурмовики.

В течение всего дня Трибуц был в Новой Ладоге, вместе с командующим флотилией руководил действиями сил. Несколько раз ему звонил начальник Генерального штаба А. М. Василевский. Командующий флотом докладывал, что моряки дали должный отпор противнику. И действительно, несмотря на низкую облачность, авиация нанесла успешный удар по вражеским кораблям. Гарнизон острова решительной контратакой сбросил противника в озеро. Было уничтожено 16 десантных судов и одно захвачено. В районе высадки сбито 15 самолетов врага. «Дорога жизни» продолжала действовать.

После разгрома врага на острове Сухо Ладожская военная флотилия полностью господствовала на озере. Она обеспечивала прочное положение флангов нескольких армий, успешные перевозки в Ленинград всего необходимого для города и фронта.

Новые большие события на озере происходили в период наступления советских войск в июне 1944 года. Приехав на Ладого, Трибуц рассмотрел решение командующего флотилией о десанте на занятое врагом побережье, одобрил высадку на ограниченный с флангов реками плацдарм, что облегчало оборону на нем наших частей. Адмирал приказал шире использовать артилле-

рию кораблей и штурмовую авиацию, усилил истребительное прикрытие места высадки. По его распоряжению для авиации и корабельной артиллерии были подготовлены схемы с указанием целей и рубежей, по которым предстояло вести огонь.

С началом операции командующий флотом вышел на морском охотнике вслед за кораблями десантного отряда. Когда катер подошел к району высадки, Трибуц увидел, что суда и тендеры остановились неподалеку от берега. Адмирал приказал ускорить десантирование. При поддержке корабельной артиллерии, авиации флота и фронта десантники захватили плацдарм. Трибуц поторопил второй эшелон десанта и вернулся на командный пункт флотилии, чтобы ускорить переброску резервов.

В последующие дни противник яростно контратаковал наши войска, стремясь сбросить их с плацдарма. Использовать авиацию в помощь десанникам не удавалось из-за плохой погоды. Командующий приказал усилить поддержку десанта корабельной артиллерией. Продвигаясь вперед, наши воины перерезали железную и шоссейную дороги. Противник не смог маневрировать резервами, отступал по лесам, бросая тяжелое оружие и технику.

В октябре 1943 года Трибуц собрал совещание руководящего состава. Командиры и политработники соединений не знали о причинах вызова к командующему. То, что он сказал, заставило их заволноваться.

— Я только что с совещания в Смольном, — начал адмирал. — Наступательную операцию по окончательному освобождению Ленинграда от блокады приказано готовить уже сейчас. Авиации и артиллерии флота в ней отводится самая значительная роль. Дела предстоят серьезные.

Трибуцу из выступления командующего становилось ясно, что день разгрома врага под Ленинградом недалек. Он поставил задачи перед артиллеристами, авиаторами, корабельными соединениями, штабными специалистами, при этом подчеркнув большое значение партийно-политической работы в операции. На кораблях и в частях началась усиленная подготовка к предстоящим боям.

Одной из задач, поставленных командующим Ленинградским фронтом перед Трибуцем, в это время являлась переброска на Ораниенбаумский пятачок 2-й ударной армии генерала Федюнинского. Дело это было очень

сложным: сроки сжатые, фарватеры мелководные, высадочных средств мало, места погрузки, выгрузки и перехода противник может обстреливать.

Как лучше организовать перевозку, Трибуц решил определить на месте. В Кронштадт он отправился, полагая, что член Военного совета должен на месте ознакомиться с условиями, в которых предстояло действовать. Шли на катере из Лисьего Носа по трассе будущих перевозок частей и техники 2-й ударной армии.

— Командующий фронтом считает, что если перевозку проведем удачно и скрытно, то это уже почти половина решения задачи по разгрому противника. Важно, чтобы вражеское командование не раскрыло нашего замысла. А как это сделаешь, если все просматривается? — говорил командующий члену Военного совета у Кронштадтской пристани.

И словно в подтверждение его слов в нескольких шагах от прибывших разорвался снаряд. Трибуц и Смирнов укрылись у кирпичного здания — снаряды продолжали рваться. Думалось обоим об одном: маленький катер, маленькая группа людей, и тех заметили, обстреляли. А перебросить предстоит армию!

Перевозки Трибуц решил производить по ночам, а если из-за ледовой обстановки будут задержаны до рассвета, то применять дымы для подавления противника, держать в готовности артиллерию, авиацию, наиболее крупные караваны судов сопровождать боевыми кораблями.

С 5 ноября начались ночные перевозки войск. Людей в Ораниенбаум доставляли из Лисьего Носа, технику, пока не образовался толстый лед, — из Ленинграда. Трибуц часто бывал на командном пункте, откуда шло руководство транспортной операцией. Однажды ночью ему доложили, что сильный ветер вызвал подвижку льда, и в Невской губе льдами зажало 18 судов, буксировавших баржи с людьми и техникой. Приближалось утро, и надо было принимать срочные меры, чтобы спасти караван от вражеской артиллерии и авиации. Командующий флотом позвонил генералу Самохину:

— Пусть твои летчики обеспечат надежную дымовую завесу. Иначе беды не миновать.

С рассвета и до ночи летали в тот день штурмовики над караваном судов. Фашисты не могли увидеть, что происходит на льду залива, но все же открыли артиллерийский огонь. Трибуц приказал из орудий бить по немецким батареям, их атаковали бомбардировщики и

штурмовики. Существенных потерь наши суда не понесли. Следующей ночью их доставили в Ораниенбаум.

Всего в ноябре и декабре в сложнейших условиях на Ораниенбаумский плацдарм была переброшена 2-я ударная армия — свыше 50 тысяч бойцов, 800 орудий и минометов, 200 танков и бронемашин, 2 тысячи автомобилей, 25 тысяч тонн боезапаса и других грузов, а также дивизион железнодорожной артиллерии — восемь транспортеров тяжелых орудий, три паровоза с тендерами и 27 железнодорожных вагонов.

В середине ноября Трибуца и Смирнова вызвал командующий фронтом. В кабинете находились члены Военного совета фронта Жданов и Кузнецов, начальник штаба Гусев, командующие армиями. Говоров доложил о замысле операции по полному снятию блокады, о задачах фронта и флота.

С этого момента началась усиленная подготовка к операции. Флоту предстояло не только продолжать перебазировать 2-ю ударную армию. Его важнейшим делом было содействие сухопутным войскам в разрушении узлов обороны противника, взаимодействие с войсками в разгроме вражеской стрелково-петергофской группировки, авиационная поддержка дивизий непосредственно в боях.

«Наступление» — это слово было на устах у всех моряков флота, от командующего до кока. Но лишь ограниченная группа людей знала о его задачах и масштабах. Многие в те дни Трибуц делал сам, исходя из известных ему общих задач. По его указанию было создано пять ударных артиллерийских групп. Дальнебойные морские орудия нацеливались не только на первую, но и на вторую линию вражеской обороны. Ряд кораблей и железнодорожных батарей перебазировались поближе к линии фронта.

В ночь на 13 января командующий флотом находился на Лисьем Носу, продолжая организовывать переброску частей 2-й ударной армии. Неподалеку от пристани он встретил командующего армией Федюнинского.

Командарм был озабочен, взволнован. Владимир Филиппович понимал его состояние: армия сосредоточена на пятачке, и с него должен быть нанесен удар, которому предстояло определить развитие событий под Ленинградом.

— Не сомневайтесь, Иван Иванович, — успокаивал его Трибуц, — вся наша авиация и артиллерия с рассве-

та четырнадцатого в вашем распоряжении, в том числе не меньше сотни стволов крупных калибров.

На машине через залив командующий флотом и командующий армией проехали в Кронштадт, а оттуда на буксире в Ораниенбаум...

Утро 14 января выдалось тихим, туманным. Когда рассвело, сняли маскировочные сетки с орудий. Медленно поднялись вверх стальные направляющие реактивных установок, длинные жерла орудий и застыли, готовые к бою. Словно неведомый исполин натянул гигантский лук, гибкая шестидесятипятикилометровая дуга которого проходила по Ораниенбаумскому плацдарму от Старого Петергофа до Лебяжья, а тетива — по Кронштадту и его могучим фортам.

В это время командующий флотом находился на наблюдательном посту артиллерийской группы у переднего края. В 9 часов 35 минут командир флотской артгруппы обратился к адмиралу:

— Разрешите начинать?

Трибуц протянул ему руку:

— Действуйте!

К вражеским позициям понеслись огненные стрелы — реактивные снаряды, басовито, раскатисто заговорила артиллерия. Над укреплениями противника взметнулись клубы черного дыма, заполыхали ослепительные вспышки, задрожала, застонала промерзшая земля.

То натягивалась, то снова опускалась тетива огромного лука, на врага обрушивались снаряды артиллерии 2-й ударной армии, кронштадтских фортов, балтийских линкоров и крейсеров. В большой морской бинокль Трибуц наблюдал, как точно ложились снаряды. Взлетали над землей бревна и многопудовые камни вражеских блиндажей и дотов, вырванные с корнями деревья и кусты.

О чем думал тогда командующий флотом? Может быть, об осени сорок первого, когда он делал все, чтобы сохранить этот плацдарм, от которого во многом зависела судьба флота, о морских пехотинцах, что стояли здесь насмерть. Или вспомнил, как метался тогда по пятачку у вековых сосен, решая, где разместить небольшой аэродром, артиллерию, зенитные части. Или, может быть, память воскресила поврежденный «Марат», артиллерия которого нанесла немалый урон врагу. Или, возможно, о прорыве блокады в 1943-м, когда артиллерия флота так

же вот громила вражеские укрепления и помогла войскам фронта...

Больше часа над узким десятикилометровым участком предстоящего прорыва бушевал огненный смерч. А когда он стих, вперед пошли пехота и танки.

Трибуцу доложили, что в наблюдательный пункт, где только что находился командарм Федюнинский, попал снаряд.

— Что командующий? — занервничал Владимир Филиппович.

— Не пострадал. Он в то время ушел за изгиб траншеи.

Адмирал успокоился. Все шло нормально. Он был уверен в успехе наступления. Подготовились полностью. Силы фронт и флот накопили. Он побывал на кораблях и фортах, видел — все предусмотрено, все подготовлено. По информации Говорова знал, что и у фронта полная готовность и уверенность в успехе. Ждали хороших вестей, и они приходили. Тем более неожиданным был доклад о серьезной задержке у деревни Подпорожье, где у маленькой речушки застряли или были сожжены более двух десятков наших танков. Доложили, что часть вражеских огневых средств не подавлена. На наблюдательный пункт поступили просьбы: открыть огонь. 16 раз повторились короткие артиллерийские удары.

Для организации взаимодействия сухопутных войск, флота и авиации на командном пункте 2-й ударной армии находился командующий фронтом генерал Говоров. Через начальника штаба он сообщил Трибуцу, что авиация сухопутных войск летать не сможет, ее аэродромы закрыл туман, пришедший с Ладogi. Над Ораниенбаумом тоже висели низкие облака, и Говоров не приказывал, а просил летчиков флота нанести удары по неподавленным огневым точкам, поддержать пехоту с воздуха.

Трибуц знал, что операции летчиков фронта начались за день до начала общего наступления. Дальние бомбардировщики нанесли удары по железнодорожным узлам и местам сосредоточения фашистских войск. Ночью флотские тяжелые самолеты бомбили вражеские коммуникации, пункты управления. И теперь план был рассчитан на максимальные возможности авиации. Оставались только базировавшиеся на Ораниенбаумском пятачке штурмовики. Как это у них получится? Погода была явно неблагоприятной: облака нависли над землей на высоте 50—100 метров.

— Хочу уточнить, — спросил по телефону Трибуц начальника штаба ВВС флота полковника А. М. Шугинина, — можно ли летать над полем боя, видно, куда бить, машины в воздухе не столкнутся?

— Сможем летать, если пехотинцев поддерживать одиночными самолетами, — ответил Шугинин. — На цели будем наводить по указаниям наступающих.

— Действуйте! — приказал адмирал.

Весь день кипел горячий бой. На десять километров продвинулись 14 января дивизии ударной армии, сокрушив первую линию вражеской обороны.

Зимний день рождается медленно, но быстро угасает. Убедившись, что наступление 2-й ударной армии развивается успешно, командующий фронтом решил вернуться в Ленинград, чтобы с рассветом быть в 42-й армии, которой предстояло атаковать врага на другой день. Уезжая с плацдарма, Говоров от имени Военного совета фронта объявил благодарность всем экипажам морской авиации, совершившим боевые вылеты для поддержки пехоты и танков.

В ночь на 15 января флотская артиллерия вела огонь по вражеским батареям, уничтожала и подавляла их. А командующий флотом отправился в Ленинград на КП фронта.

Ранним утром вместе с Говоровым Трибуц поднялся на чердак здания. Через морозную дымку в стереотрубу просматривались Пулковские высоты, был виден передний край вражеской обороны. Но вот залпы орудий сотрясли воздух, докатились до центра Ленинграда. С опаской выходили из домов, выглядывали из окон жители: не стреляет ли снова по городу враг? Но снаряды не рвались на улицах, и люди поняли: свершается наконец долгожданное.

Грохот орудий был столь сильным, что на командном пункте фронта не разговаривали, а переписывались между собой или объяснялись знаками. А после почти двухчасовой артподготовки, прижимаясь к огненному валу, двинулись на Пулковские высоты части 42-й армии.

Из штаба армии Трибуца попросили, чтобы флотская артиллерия ударила по одной из высот в районе Красного Села, где крепким «орешком» оказались долговременные укрепления. Орудия 406 миллиметров и главного калибра крейсера «Максим Горький» помогли расколоть «орешек». На высоте адмирал увидел огромные взрывы и пожар.

Лишь на первом этапе наступления балтийские артиллеристы обстреляли 876 целей.

Больше двух лет немецко-фашистские войска создавали укрепления под Ленинградом. Сеть траншей прикрывалась широкими минными полями, противотанковыми рвами и надолбами. Десятки, а то и полтора дотов и дзотов приходилось на километр фронта. «Неприступным северным валом», «стальным кольцом» называли свою оборону гитлеровцы. И все это «неприступное», «стальное», «долговременное» было сокрушено нашими войсками фактически за два-три дня. На пятый день наступления у Ропши соединились войска 42-й и 2-й ударной армий, образовав единый фронт наступления.

Операция под Ленинградом и Новгородом положила начало историческим победам нашей армии в 1944 году. За полтора месяца наступательных боев наши войска продвинулись на 150—300 километров, полностью сняли с Ленинграда блокаду, избавили город от вражеских обстрелов. Раньше история не знала примера, когда бы блокированный с суши и моря флот активно участвовал в операции, завершившейся полным разгромом противника ударом из кольца блокады. В организации этого удара немалая роль принадлежала и Трибуцу.

Эта операция вошла как яркая страница в историю Вооруженных Сил. Ее успех создал благоприятные условия для освобождения Прибалтики и Карельского перешейка, способствовал расширению операционной зоны деятельности Балтийского флота.

«Именно прежде всего новые задачи флота предстоит обсудить в наркомате», — подумал командующий флотом, когда ему после завершения Ленинградско-Новгородской операции сообщили о вызове в Москву.

Принявший Трибуца Кузнецов сказал, что его вызывает Сталин, и успокоил: речь пойдет о развертывании активных, наступательных действий на море.

Сталин рассказал о положении на фронтах и перспективах наступления советских войск, говорил о необходимости шире использовать флот.

— Теперь у моряков появилась возможность проявить себя на море, — сказал Сталин и предложил командующему высказать свое мнение.

Трибуц ответил, что флот по своему техническому состоянию и подготовке личного состава будет готов, как только залив очистится ото льда. Самым большим препятствием для плавания остаются мины, отметил он. Кроме

того, при проведении морских операций следует предусмотреть возможность активных действий на Балтике немецкого флота.

И присутствовавший на беседе Кузнецов, и командующий флотом высказали мнение, что в первую очередь должна действовать флотская авиация на коммуникациях противника, а в тех районах, где смогут плавать наши корабельные соединения, они будут поддерживать наступление сухопутных частей артиллерийским огнем и высадкой десантов, особенно при освобождении Карельского перешейка и островов Выборгского залива.

Все предложения по действиям флота были одобрены. Верховный Главнокомандующий предупредил, однако, чтобы напрасно не рисковали большими кораблями. Задача — борьба на коммуникациях противника, защита своих морских сообщений, охрана занятого побережья.

Сталин поинтересовался, чем может флот содействовать наступлению на Карельском перешейке. Трибуц доложил, что враг еще угрожает нашим кораблям с северного и южного берегов Финского залива.

— Ну, эту территорию он скоро утратит, — заметил Сталин.

— Что же касается артиллерии флота, — доложил Трибуц, — то ее действия ограничены дальностью огня орудий.

— Покажите на карте, — попросил Верховный Главнокомандующий и, увидев, что район удара достаточно отдален от побережья, добавил: — Ну что же, это тоже будет большая подмога сухопутным войскам...

Командующий флотом смотрел на карту, где стрелы действий сухопутных войск показывали, что в течение полугода будут освобождены Таллин и Рига, а на северном побережье Финского залива — Выборг, и видел, что открываются новые возможности для действий еще скованного невдалеке от Ленинграда флота.

С хорошим настроением вернулся на Балтику. Чтобы сберечь время и быть ближе к местам боевых действий, он приказал штаб флота перебазировать из Ленинграда в Кронштадт.

Новая оперативно-стратегическая операция, в которой участвовал флот, проводилась на Карельском перешейке. Предстояло разгромить основные силы врага, все еще угрожавшие Ленинграду из Карелии. 9 июня 1944 года советские войска перешли в наступление. Флотская артиллерия 156 раз открывала огонь по врагу. Десять часов

бушевал огненный шторм, поднятый крупнокалиберными орудиями линкора «Октябрьская революция», крейсеров «Киров», «Максим Горький» и другими кораблями. Нанесли удары морские летчики, железнодорожная артиллерия. Сухопутные войска двух наступающих армий заняли многие важные опорные пункты, прорвали с ходу линию Маннергейма и 20 июня овладели Выборгом.

Наши войска освободили значительную часть Карельского перешейка, но острова Бьеркского архипелага оставались в руках противника. Командующий Ленинградским фронтом Говоров в разговоре с Трибуцем о значении островов Бьеркского архипелага, заметил:

— Я не могу оставаться с такими укреплениями врага на фланге армии. Да и флоту, полагаю, острова нужны.

Командующий флотом понимал, что находящиеся на островах войска противника ухудшали положение на приморском фланге фронта, знал, что огонь вражеских батарей мешал проходу кораблей в Выборгский залив, где им предстояло содействовать нашим наступавшим войскам.

Началась подготовка к операции — сосредоточение высадочных средств, перебазирование войск. Следовало определить, где высаживаться. Трибуц при решении этого вопроса спросил Ралля, командовавшего Кронштадтским морским оборонительным районом (начальником штаба флота стал Петров), как он смотрит на разведку боем самого близкого к побережью острова Пийсари. Предложение Трибуц мотивировал тем, что там оборона слабее и войск меньше.

— Неплохая идея! — согласился Юрий Федорович. — Удар в тыл вражеской обороны всего архипелага, а потом с тыла же удар на Тиуринсари. И знаете, с Берке фишмам придется самим уйти...

Чтобы отвлечь внимание противника, за час до выхода отряда была произведена демонстрация высадки с противоположного направления — к берегу шли наши катера.

Штурмовики подавили вражеские батареи. Под прикрытием дымовой завесы началась высадка на остров Пийсари. Другие острова не смогли обороняться. «Значение этой победы, — писал впоследствии Трибуц, — выходило за пределы тактического успеха. Главный итог этой победы был весомей. Заняв острова Бьеркского архипелага, мы вышли к глубоководному фарватеру...

Тыл войск фронта оказался обеспеченным, а мы получили выгодные позиции для дальнейших действий — освобождения островов Выборгского залива».

Освобождение островов Выборгского залива началось неудачно. Хотя десант и смог высадиться на один из этих островов, силы гарнизона противника атаковали десантников. На плацдарм и корабли полетели вражеские снаряды. В бой немедленно вступили авиация и железнодорожная артиллерия балтийцев. Все же десант пришлось с островов снять.

Командующий флотом снова выехал в штаб армии. Сюда же прибыл командующий Ленинградским фронтом Говоров. Были проанализированы допущенные ошибки. Оказалось, что недооценили возможности противника, недостаточно устойчивой оказалась связь между взаимодействовавшими силами. Новый план операции предусматривал одновременную высадку на всех трех островах. Были проведены усиленные тренировки десантников. Политорганы и партийные организации провели беседы на кораблях и в частях об опыте освобождения островов Бьеркского архипелага, о передовой роли коммунистов и комсомольцев, приводили примеры мужества и героизма.

Утром 4 июля десанты двинулись вперед под плотным прикрытием истребителей и артиллерии. Трибуц, члены Военного совета через узкий пролив наблюдали за ходом высадки на ближайший из островов. Поступили донесения об успехе. Вдруг перед наблюдательным пунктом упали снаряды.

Все прижались к основанию валуна. К счастью, скоро обстрел прекратился.

Трибуц приказал усилить удары авиации. Врага бомбили пикирующие бомбардировщики, штурмовики. 200 стрельб провела балтийская артиллерия. Видимо, она и заставила замолчать батарею, под обстрел которой попала группа командующего флотом. В течение двух дней были заняты острова, потоплено и повреждено несколько боевых кораблей и транспортов.

К 10 июля все острова Выборгского залива были очищены от противника. Начальник штаба представил отчет об операции.

— Бой кораблей и батарей в связи с географическими условиями велся на коротких дистанциях. Широко использовалась маскировка, выгоды тактического характера, связанные с применением самоходной морской ар-

тиллерии. Авиаторы сумели на таком активном и тесном театре безошибочно находить врага.

Что касается минной обстановки и задач траления, — продолжал начальник штаба, — то в этом году придется затралить и уничтожить мин не меньше, чем за три предыдущие кампании, взятые вместе.

Предвидевший необходимость «прогрызть» гогландскую минную позицию, командующий поправил:

— Вдвое больше! Вдвое! Так и ориентируйте командиров соединений, иначе с моря в Таллин и в Рижский залив не попадем.

В нашей литературе немного рассказывается об операции Балтфлота летом 1944 года по уничтожению южного фланга гогландской минной позиции, которую противник оборонял в течение всей войны.

А именно ее уничтожение было главным в боевой деятельности флота до начала операции по освобождению Прибалтики.

Когда балтийцы протраливали фарватеры, противник стремился снова закупорить их минами. 17 августа флотилия немецких миноносцев вошла в Нарвский залив, чтобы сорвать очистку его от мин. Ошибка привела к тому, что немецкие корабли попали на свое же минное поле. Погибло три миноносца, четвертый получил повреждения. Советские моряки подобрали 107 матросов и офицеров противника. Попал в плен и командир флотилии.

За навигацию только в Нарвском заливе было уничтожено свыше тысячи мин. Операция по прорыву вражеской минной позиции позволила обеспечить безопасность наших коммуникаций и боевую деятельность кораблей в Балтийском море.

Терпя поражение за поражением, противник яростно защищался. В 1944 году заметно возросла активность его подводных лодок, участились случаи проникновения их в восточную часть Финского залива. Командующий приказал усилить разведку и противолодочную оборону. Было выявлено, что в заливе одновременно находились две-три немецкие и одна-две финские лодки. Их присутствие, однако, вначале мало чем подтверждалось. Но вдруг погибло по неизвестным причинам судно «Коллектор».

Трибуца взволновала и гибель судна, и незнание причин потери. Не было известно, что явилось причиной гибели: то ли мина, то ли торпеда. «Бури не было, значит, меньше вероятность встречи с сорванной с якоря миной...

Все-таки подводная лодка», — крепко мнение Трибуца. Он приказал командующему Кронштадтским морским оборонительным районом усилить бдительность дозорной службы, особенно наблюдение за подводными лодками, и провести контрольное траление, чтобы убедиться, что в том районе мин нет.

Мнение Трибуца подтвердилось уже через несколько дней и результатами траления, и новым тревожным донесением. Получил сильное повреждение дозорный катер МО-304. Как выяснилось, на катере около двух часов ночи 18 июля гидроакустик уловил шум винтов подводной лодки. Поиск не дал результатов. Катер вернулся на линию дозора, и вдруг грянул взрыв.

Небольшой корабль был атакован двумя торпедами. Одна нашла цель, а другая взорвалась у берега. Катеру оторвало носовую часть до рубки, но он остался на плаву и задним ходом пришел в базу. Вскоре получил повреждения и другой морской охотник. Такого, чтобы подводная лодка атаковала столь малую цель, как катер, в практике боевых действий на море еще не бывало. Удивляло и то, что ни в одном из случаев наши моряки не видели следы торпеды — пузырьков воздуха на поверхности воды. Тут было над чем подумать: пенный след мог не заметить один наблюдатель, двое. Но чтобы его не заметили десятки людей на разных кораблях, такого быть не могло. Постепенно сложилось мнение, что противник нападает на катера не для обозначения своей боевой активности, а спешит опробовать какой-то новый вид торпедного оружия, но не находит более крупных целей.

— Подловить бы нам одну подводную лодку, потопить ее, а потом поднять, — говорил начальник штаба флота Петров. — Вот тогда и стало бы нам ясно, какие у фашистов торпеды...

Эта мысль не раз приходила и командующему. Оставшись после ухода Петрова один, он надолго задумался. Все, казалось бы, сделано. План усиления противолодочной обороны должен был способствовать успеху в борьбе с вражескими подводными лодками. Торпедные катера ставили минные заграждения в финских шхерах. В дозоры посылают по два малых охотника. Им приказано стопорить моторы, не ложиться в дрейф. Усилены действия авиации, она ищет лодки в море, бомбит места базирования. В готовности все противолодочные средства на плавающих кораблях.

Но чувство удовлетворения не приходило. Слишком

много «белых пятен» было еще в утвержденном командующим плане. И словно нарочно новая беда: 30 июля был потоплен дозорный катер МО-105. Узнав о его гибели, Трибуц помрачнел, вызвал штабных специалистов, потребовал от командования Кронштадтского морского оборонительного района еще более активных действий, улучшения поиска лодок.

И не зря говорится — кто ищет, тот найдет. Работа командующего, штаба, всех моряков дала результаты. Корабли дивизиона катерных тральщиков заметили перископ подводной лодки. Причем эти катера не имели глубинных бомб для уничтожения лодок. Катер вызвал МО-103. Тот подошел уже через несколько минут. Сигнальщик катера обратил внимание на едва различимую «дорожку» пузырьков, которую могли создать на глубине винты субарины. Гидроакустик доложил о подводной лодке. Малый охотник точно положил глубинные бомбы. На поверхности воды появились матрацы, подушки, другие предметы, а вскоре и люди — шестеро в спасательных жилетах. В числе пленных оказался и командир корабля капитан-лейтенант Вернер Шмидт. Выяснилось, что была потоплена подводная лодка V-250 — новейшая в немецком флоте.

Сведения о лодке и пленных были переданы из Койвисто, куда пришли катера, в штаб флота. Командующий был в Ленинграде, и радостную весть ему лишь в полночь сообщил прямо на пристани встречавший его заместитель начальника штаба флота, имевший приказ докладывать о немецких лодках в любое время суток.

Адмирал приказал срочно поднимать лодку. Для этого был создан специальный судоподъемный отряд. Водолазы, обследовавшие корабль, установили: лежал он на глубине 33 метров, опершись днищем на скалистую отмель. Надо было скрыть подъем лодки от противника, поэтому работы велись в темное время суток. И все же в район потопления попытались прорваться вражеские торпедные катера, его обстреливали береговые батареи. Замысел врага состоял в том, чтобы глубинными бомбами уничтожить затонувший корабль, не дать советским морякам поднять его. Но противнику не удалось прорваться через дозоры.

Но вот лодка в доке. Из нее извлекли судовые документы, цифры, инструкции. И то, что было важнее всего, — торпеды нового образца, техническую документацию к ним. Таким образом, предположение Трибуца и ра-

ботников штаба о новом оружии противника подтвердилось. Это были самонаводящиеся торпеды Т-5, названные немцами «королями заборов». С помощью этих торпед вражеское командование собиралось поставить блокирующий забор вокруг Англии и также добиться успеха на других театрах военных действий.

Нужно было узнать секрет нового оружия, изучить его устройство, разгадать тактику применения, разработать способы борьбы с ним. Флотские специалисты проявили глубокие знания, с риском для своих жизней разоружили торпеду. Ведь ясно было, что на оружии стоят самоликвидаторы. Минеры разобрались в приборах, в устройстве торпеды, принципах действия механизма. Для взрыва торпеды было необязательно попадать в цель. Электромагнитные взрыватели срабатывали и на определенной дистанции.

Командующий флотом наградил орденами и медалями всех моряков, участвовавших в потоплении лодки и раскрытии ее секретов. Не зря он торопился с изучением торпед V-250, с разработкой тактики действий против новых торпед — понимал значимость того, что удалось раскрыть флотским специалистам.

Находка на дне моря приобрела международное значение. 30 ноября 1944 года в личном и строго секретном послании британский премьер-министр писал И. В. Сталину:

«...Адмиралтейство просило меня обратиться к Вам за помощью по небольшому, но важному делу. Советский Военно-Морской Флот информировал Адмиралтейство о том, что в захваченной... подводной лодке были обнаружены две германские акустические торпеды Т-5. Это единственный известный тип торпед, управляемых на основе принципов акустики, и он является весьма эффективным не только против торговых судов, но и против эскортных кораблей. Хотя эта торпеда еще не применяется в широком масштабе, при помощи ее было потоплено или повреждено 24 британских эскортных судна, в том числе 5 судов из состава конвоев, направляемых в Северную Россию...»

Изучение образца торпеды Т-5 было бы крайне ценным для изыскания контрмер. Адмирал Арчер просил советские военно-морские власти, чтобы одна из двух торпед была немедленно предоставлена для изучения и практического использования в Соединенном Королевстве...»

В конце послания указывалось, что английское адмиралтейство предоставит Советскому Военно-Морскому Флоту «все результаты своих исследований и экспериментов с этой торпедой».

К этим вопросам руководители двух стран возвращались в письмах 14 и 23 декабря 1944 года. Но состояние торпед, получивших повреждения при бомбежке лодки, не позволяло транспортировать хотя бы одну из них в Англию. Союзникам была предоставлена возможность изучить новое секретное морское оружие непосредственно на Балтике.

В конце июля 1944 года войска Ленинградского фронта освободили город Нарву, но развить успех не удалось. Немецко-фашистское командование считало участок между Финским заливом и Чудским озером воротами в Прибалтику и Восточную Пруссию и создало здесь прочные оборонительные рубежи. Командование Ленинградского фронта решило обойти «ворота». Посоветовавшись с Трибуцем, Маршал Советского Союза Говоров предложил Ставке Верховного Главнокомандования передать его фронту тартуский участок 3-го Прибалтийского фронта, перебросить туда 2-ю ударную армию через озеро и выйти в тыл нарвской группировке противника.

Ставка согласилась на операцию. Трибуц доложил командующему фронтом, что на озере сформирована бригада кораблей. Он предложил произвести переход судов и кораблей по озеру и высадку под усиленным прикрытием авиации, создать мощную артиллерийскую группу для удара по району высадки. Говоров одобрил его предложения, обещал учесть все, что относится к сухопутным войскам.

К середине сентября речные корабли перевезли на западное побережье Чудского озера главные силы 2-й ударной армии — более 100 тысяч человек и боевую технику. С 14 сентября фронт и флот перешли в наступление на Таллин. Успешно шла вперед 2-я ударная армия. С нарвского участка противнику пришлось отойти.

При эвакуации Таллина последними его покидали торпедные катера, и первыми они вернулись в столицу Советской Эстонии, вступив туда одновременно с нашими танкистами и пехотинцами. 13 октября моряки вернулись в Ригу. В боях участвовали воины латышского батальона, воевавшего на Ораниенбаумском плацдарме и защищавшего дорогу на Ладоге.

Победы на Карельском перешейке и на южном берегу

Балтийского моря имели важное политическое и стратегическое значение: вскоре прекратила боевые действия и вышла из войны Финляндия.

23 сентября — на другой день после освобождения Таллина, снова ставшего главной базой флота, — туда прибыл Трибуц. Но недолго он пробыл в столице Эстонии. Вскоре он выехал в части, чтобы организовать высадку на Моонзундские острова. Скорейшее освобождение этого архипелага зависело от Балтийского флота, точнее, его возможности быстро переправить 8-ю армию Ленинградского фронта на Моонзунд. Для участия в десанте Трибуц выделил флотское соединение под командованием контр-адмирала И. Г. Святова, придал ему для перевозок бронекатера, торпедные катера и катерные тральщики.

В те дни адмирал Трибуц неотлучно находился на кораблях и в частях, которые готовились к десанту. В Палдиски он побывал в дивизионе торпедных катеров и в роте морских пехотинцев, готовившихся к высадке на остров Вормси. Хорошая подготовка позволяла надеяться на успех.

Командующий флотом и начальник штаба фронта решили в ночь на 29 сентября высадить на остров Муху усиленную разведку. Удалось выяснить, что на острове до 500 солдат и офицеров противника, в том числе саперы.

— Саперы? — недовольно переспросил разведчиков Святов. — Держат, чтобы подорвать дамбу Муху — Сааремаа.

Чтобы достигнуть большей внезапности, Трибуц предложил высадить десант на Муху немедленно, на сутки раньше запланированного срока. Надеялся, что, возможно, удастся предотвратить взрыв дамбы. После короткой артподготовки высадка была произведена. Она оказалась неожиданной для врага. Противник отступил, однако успел произвести частичное разрушение дамбы.

Все же действия моряков и сухопутных сил оказались поистине молниеносными. Были заняты острова Вормси, Мухуме, Хиума, Сааремаа и другие. На захват Моонзундского архипелага фашисты потратили несколько месяцев, а освобождены они были за три недели. Балтийский флот получил возможность действий на всем морском театре. «Не зря моряки издавна говорят, — подумал Трибуц, — что, кто владеет Моонзундом, владеет Балтикой».

При подготовке и проведении всех боевых операций

дружно работали командиры и политработники по воспитанию личного состава. Трибуц большое внимание уделял партийно-политической работе, добивался того же от командиров соединений. На заседаниях Военного совета часто обсуждались вопросы политработы в наступательных боях, в которых участвовали корабли флота. Начальник политуправления Краснознаменного Балтийского флота в годы войны генерал-майор Лебедев позже так писал об участии в партийно-политической работе Трибуца в тот период: «Командующий КБФ В. Ф. Трибуц в своей деятельности опирался на военкомов и политработников флота, заслушивал их доклады о политико-моральном состоянии личного состава, давая указания, на каких вопросах, когда и где необходимо акцентировать особое внимание в партийно-политической работе».

С конца 1944 года действия на коммуникациях противника стали основной задачей флота. Для этого командующий, штаб использовали и авиацию, и легкие силы, и подводные лодки.

Наибольший успех среди балтийских подводников выпал на долю лодки с «несчастливым» тринадцатым номером. В ночь на 30 января 1945 года подводная лодка С-13, которой командовал А. И. Маринеску, в Данцигской бухте атаковала шедший в сильном охранении транспорт «Вильгельм Густлов». На борту транспорта водоизмещением свыше 25 тысяч тонн, потопленного С-13, находилось 6 тысяч гитлеровцев, в том числе 3700 подводников. Ими можно было бы укомплектовать десятки экипажей подводных кораблей.

Через несколько дней лодка отправила на дно военный транспорт «Генерал Штойбен» водоизмещением 14 660 тонн, на котором находилось свыше 3 тысяч гитлеровцев. Всего экипаж лодки уничтожил до 10 тысяч фашистов — по численности целую вражескую дивизию.

Говорят: кто армию имеет, тот одну руку имеет, у кого есть еще и флот, тот имеет две руки. Эта старая истина снова помолодела в неумолчной сумятице боев против немецкой группировки в Курляндии. В январе 1945 года в городке Паланге встретились командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал Баграмян и командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал Трибуц. Они подробно определили планы ударов по врагу, договорились о взаимодействии сухопутной и морской артиллерии и авиации, чтобы не выпустить из «котла» фашистские войска.

Гитлеровцы всеми силами цеплялись за порты. Еще в декабре 1944 года на совещании германского главного командования подчеркивалось, что потеря Мемеля поставила бы под еще большую угрозу базы, районы боевой подготовки лодок и пути следования конвоев. Гитлер предложил командовавшему флотом Деницу «бросить все, что есть у флота, для обороны Мемеля». Но вскоре стало ясно, что Мемель не удержать, и 21 января 1945 года в ставке Гитлера обсуждался вопрос о его эвакуации. По предложению Деница было принято предложение о разрушении гавани. Но врагу не удалось завершить задуманное. В конце января — начале февраля 1945 года наши войска овладели Мемелем, Куршской косой и отрезали с суши восточнопрусскую группировку противника, города Кенигсберг и Пиллау. Окружены были также вражеские войска в районах Данцига и Гдыни.

Морской путь оказался для врага единственным надежным источником пополнения, снабжения или эвакуации войск. В этих условиях обстановка обязывала флот к активным действиям в южной и западной Балтике.

Для руководства силами флота в этом районе был создан Юго-Западный оборонительный район. В его состав вошли торпедные катера, железнодорожная артиллерийская бригада, бригада ПВО, бригада тральщиков, бригада морской пехоты и другие соединения и части.

В течение ночи на 24 марта на выносном пункте управления командующего флотом в Паланге были решены все организационные вопросы, утверждены структура и штаты органов управления и спецслужб, произведены все назначения. У Юго-Западного морского оборонительного района не было оргпериода — все части действовали по поставленным заранее задачам. Это объединение успешно действовало и при штурме города и крепости Кенигсберг.

Перед решающими боями за город Трибуц побывал у командующего 3-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза Василевского. Маршал попросил помочь действиями авиации, железнодорожной артиллерии и кораблей. Как это было лучше сделать? По решению комфлота балтийская авиация наносила удары по вражеским кораблям, вытесняла немецкий флот из Данцигской бухты, чтобы он не мог помочь Кенигсбергу. К крепости перебазировались морская авиация, торпедные и сторожевые катера, железнодорожная артиллерия.

Флотские части внесли свой вклад во взятие «непри-

ступной крепости прусского духа». В ходе штурма балтийские летчики и артиллеристы сокрушали вражеские укрепления, наносили удары по кораблям и транспортам в Кенигсбергском канале и в порту Пиллау. Враг заявлял, что Кенигсберг продержится не менее, чем русский Севастополь, но всего лишь через четыре дня он вынужден был капитулировать. Высоко оценивая участие флотских соединений в штурме, маршал Василевский поблагодарил их за отличные действия.

После овладения Кенигсбергом Трибуц предложил быстрее овладеть крепостью Пиллау, чтобы отступающий противник не успел разрушить порт — его можно было использовать для базирования наших кораблей. Адмирал доложил свои соображения Василевскому, в них большую роль отвел морскому десанту. Но десант в Пиллау не понадобился. Город был занят без него. Командующий флотом решил использовать подготовленные для десантирования силы, высадив их с обеих сторон косы Фрише-Нерунг с запада и востока.

Силы западного десанта, врезавшегося в гущу фашистских войск, то брали пленных больше, чем была численность десанта, то вдруг вместе с пленными оказывались в окружении. Ведя ожесточенный бой, десантники продвигались на соединение с войсками 11-й гвардейской армии, наступавшей со стороны Пиллау. Встречными действиями гвардейцев и десантников была разгромлена крупная группировка врага.

А через несколько дней встал вопрос о крупном десанте на датский остров Борнхольм, на котором насчитывалось 12 тысяч немецких солдат. По приказанию командующего флотом поближе к острову — в Кольберг (ныне Колобжег) — перебазировались пикирующие бомбардировщики, соединение торпедных катеров, три дивизиона катерных тральщиков, морские охотники.

8 мая адмирал Трибуц по радио потребовал от гарнизона капитуляции. А когда ответа не поступило, по военным объектам был нанесен удар с воздуха. Ранним утром 9 мая шесть торпедных катеров с десантом вышли к острову Борнхольм. По пути в открытом море они пленили группу немецких кораблей. Один из катеров вынужден был сопроводить пленников к Кольбергу, а пять подошли к острову. Корабли отшвартовались в порту. Немецкий майор — адъютант коменданта острова — заявил прибывшим, что, если через 20 минут катера не уйдут, они будут расстреляны.

Капитан 2-го ранга Д. С. Шавцов — начальник штаба Кольбергской военно-морской базы — ответил:

— Условия будем ставить мы. Никакие переговоры вести не будут, спасти гарнизон может только безоговорочная капитуляция.

Десантники заняли порт, телефонно-телеграфную станцию и аэродром. Для поддержки десанта над островом барражировали наши самолеты, а на другой день на Борнхольм доставили 600 пехотинцев. Враг капитулировал, не успев совершить своих черных дел — взорвать важные объекты и утопить баржу, на которую были погружены попавшие в неволю советские люди.

В тот же день командир Юго-Западного оборонительного района вице-адмирал Н. И. Виноградов получил от командующего флотом «добро» на прорыв в Либаву. В 10.20 утра катера подошли к гавани. Катерники видели на пирсах четырехствольные пулеметы и растерянные лица солдат, пораженных дерзостью балтийцев. Десант с катеров взял под охрану военно-морские объекты и судоремонтный завод. Вскоре враг начал складывать оружие.

Через пять часов после прорыва десантников в город вступили наши сухопутные части.

Так завершились боевые действия на Балтике, длившиеся от первого и до последнего дня войны, — все 1418 дней и ночей Великой Отечественной.

В течение всей войны Краснознаменный Балтийский флот с честью решал поставленные перед ним стратегические и оперативные задачи, являлся надежным щитом, прикрывавшим с моря один из наиболее ответственных участков советско-германского фронта.

Совместные действия сухопутных сил и флота сорвали гитлеровские планы захвата Ленинграда — это было основной задачей флота в течение длительного времени. Затем началось наступление войск и флота, и по мере расширения операционной зоны увеличивались масштабы действий кораблей и авиации. В результате немецкий флот нес значительные потери.

Противник не решался нападать с моря на наше побережье, не создал угрозы для приморского фланга советских войск — в этом огромная заслуга воинов-балтийцев.

Разработка целого ряда операций знаменовала собой новое слово в развитии оперативного искусства и стратегического использования флота. И здесь важное слово

принадлежало командующему КБФ адмиралу Трибуцу, под чьим руководством всю войну действовал Краснознаменный Балтийский флот, замечательные боевые дела которого Родина в послевоенные годы отметила вторым орденом Красного Знамени.

Еще два года после победного майского дня, по существу, продолжалась война на Балтике — война с минами. В Финском заливе их было поставлено до 70 тысяч, в Балтийском море — свыше 80 тысяч мин и минных защитников. Да, трудились как на войне.

Трибуц командовал Балтийским флотом до мая 1947 года. Затем был заместителем главнокомандующего войск Дальнего Востока по ВМС, с 1949-го — начальником Гидрографического управления Военно-Морских Сил. В 1951 году Владимир Филиппович на преподавательской работе — начальник кафедры и факультета Военной академии Генштаба. Три года, с 1957 по 1960 год, Трибуц работал адмирал-инспектором инспекции ВМФ Главной инспекции МО СССР.

Родина высоко оценила заслуги Владимира Филипповича Трибуца перед Вооруженными Силами. Он награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Ушакова 1-й степени, орденом Нахимова 1-й степени, многими медалями.

После ухода в отставку в 1961 году Трибуц руководил одним из секторов Всесоюзного института научной и технической информации. Он стал доктором исторических наук, активно вел общественную работу. Его перу принадлежит более 200 статей и четыре книги. Яркие мемуары, содержательные, глубокие статьи адмирала Владимира Филипповича Трибуца и сегодня в нашем боевом строю. Дышащие героикой военных будней, наполненные громадным жизненным и боевым опытом, они учат любить морскую службу, флот, нашу Отчизну.

30 августа 1977 года Владимир Филиппович окончил свой жизненный путь. Имя его навсегда осталось в ряду выдающихся полководцев и флотоводцев Великой Отечественной войны.

Капитан 1-го ранга
В. МАКЕЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ КАТУКОВ. <i>В. Быстров</i>	6
КИРИЛЛ МЕРЕЦКОВ. <u>А. Киселев</u>	72
ИВАН ПЕРЕСЫПКИН. <i>В. Быстров</i>	136
КОНСТАНТИН ВЕРШИНИН. <u>А. Киселев</u>	196
СЕРГЕЙ БИРЮЗОВ. <i>А. Орлов, В. Лебедев</i>	256
ВЛАДИМИР ТРИБУЦ. <i>В. Макеев</i>	315

Полководцы и военачальники Великой Отече-
П51 ственной: Сборник-3 / Сост. А. Киселев. — М.:
Мол. гвардия, 1985. — 367 с., ил. — (Жизнь замеч.
людей. Сер. биогр. Вып. 4(655)).

В пер.: 1 р. 70 к. 200 000 экз.

В третьем выпуске сборника «Полководцы и военачальники Великой Отечественной» даны очерки о жизни и боевом пути таких советских полководцев и военачальников, как Маршалы Советского Союза С. С. Бирюзов, К. А. Мерецков, адмирал флота В. Ф. Трибуц, Главный маршал авиации К. А. Вершинин, маршал бронетанковых войск М. Е. Катюков, Главный маршал связи Н. Пересыпкин. Книга выходит к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне.

П 4702010200—150
078(02)—85 153—85

ББК 63.3(2)722.78
9(С)27

ИБ № 4338

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Редактор **В. Левченко**
Серийная обложка **Ю. Арндта**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **Г. Прохорова**
Корректоры **А. Долидзе, Л. Четыркина, Н. Самойлова**

Сдано в набор 14.01.85. Подписано в печать 19.04.85. А00712.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32+
+1,68 вкл. Усл. кр.-отт. 22,99. Учетно-изд. л. 23,1. Ти-
раж 200 000 экз. (1-й завод 75 000 экз.). Цена 1 р. 70 к.
Заказ 2053.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.